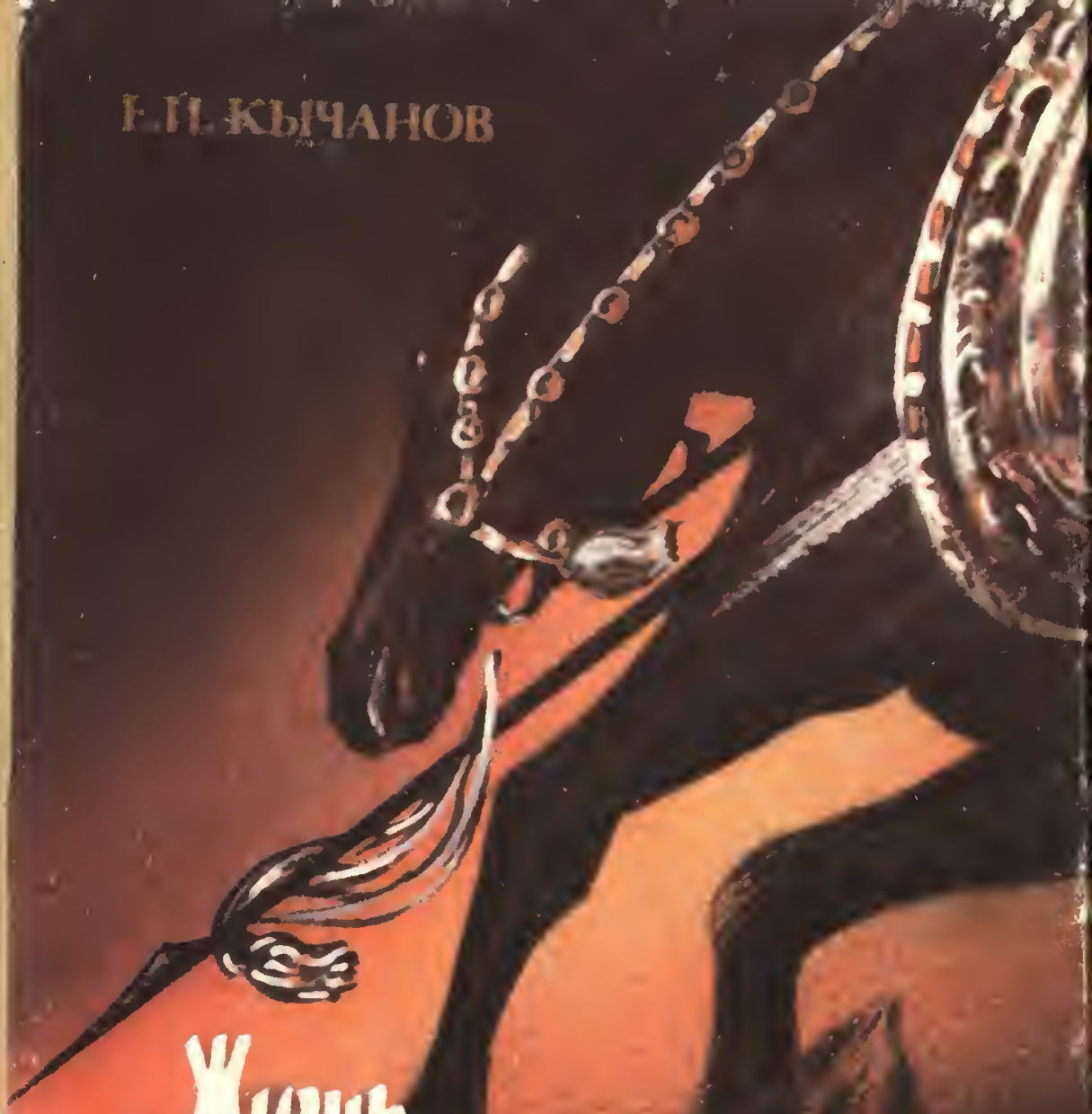
Е. П. Кычанов

Жизнь темучжина, думавшего покорить мир

Е.И. КЫЧАНОВ

Жизнь тремучжина, думавшего покорить мир

ЧИНГИС·ХАН: ЛИЧНОСТЬ И ЭПОХА

Издание второе, исправленное и дополненное

БИШКЕК
«КЫРГЫЗСТАН»
1991

ББК 63. 3(0)
К 97

Кычанов Е. И.

К 97 Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: (Чингис-хан. Личность и эпоха). 2-е изд. испр. и доп. — Б.: Кыргызстан. — 1991 — 288 с.
ISBN 5-655-00827-0

На протяжении столетий личность Чингис-хана, его эпоха привлекают внимание читателей всех стран. Ему посвящены солидные научные труды и популярные брошюры, романы и повести на многих языках мира. Данная научно-популярная книга посвящена описанию жизни Темучжина — Чингис-хана на основании первых источников монгольских, китайских, мусульманских авторов и сведений первых европейских путешественников, проникших в глубины Азии.

Был ли Чингис-хан киргизом? И на этот вопрос автор дает свой ответ.

Книга рассчитана на массового читателя.

К $\frac{0503010000—44}{М\ 451(11)—91}$ — без объявл. ББК 63. 3(0)

ISBN 5-655-00827-0 © Издательство «Кыргызстан», 1991 г.

«А как пришло родиться ему, то родился он, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови»

Сокровенное сказание

Со времени первого издания этой книги минуло пятнадцать лет. Во «Вступлении» к первому изданию автор писал, что на протяжении столетий личность Чингис-хана, его эпоха привлекают внимание как историков-специалистов, так и широких кругов читателей всех стран. Ему посвящены и солидные научные труды и популярные брошюры, и изобилующие домыслами романы и повести на многих языках мира. Автор отмечал, что к началу 70-х гг., к моменту написания им книги, интерес к личности Чингис-хана вновь возродился в связи с событиями, происходившими в то время в Китае.

В Венгрии и Чехословакии, в Западной Европе и США вышли: «Чингисхан» Мориса Першерона (1962 г.), «Океан и степь. Жизнь и эпоха монгольского завоевателя Чингис-хана (1155—1227 гг.)» Маккензи (1963 г.), «Чингис-хан» Дюпюи (1970 г.), «Чингиз-хан, покоритель степей» Х. Ламба (1986 г.). На английском и французском языках неоднократно переиздается книга акад. Б. Я. Владимирцова «Чингис-хан». К этому можно добавить, что интерес к Чингис-хану прямо или опосредствованно всегда пробуждался в связи с ситуацией в Европе и мире. Приход в Германии к власти Гитлера был отмечен публикацией книг М. Правдина о Чингис-хане и его времени, Ральфа Фокса в Англии, Иоахима Баркхаузена и Рене Груссе во Франции и т. д.

Первая в Европе работа о Чингис-хане Ф. Пети де ла Круа «История великого Чингис-хана» была опубликована во Франции в 1710 г. (переведена на английский язык в 1722). Сведения об основном круге изданий о Чингис-хане на западно-европейских языках читатель сможет найти в сочинении советского монголоведа М. Гольмана «Изучение истории Монголии на Западе» (М.: Наука, 1988). Автор отделяет «популярную» чингисиаду от «научного монголоведения». «За редким исключением,— признал он,— лишены научного значения полуисторические, полубеллетристические книги Г. Лэмба, Р. Фокса, М. Чэрола (Правдина) и т. п., проникнутые подлинным культом Чингис-хана и «золотого века» монгольского оружия». Его поддержал и О. Латтимор. В предисловии к книге Х. Д. Мартина «Возвышение Чингис-хана и покорение им Северного Китая» он писал: «Многие сочинения на эти темы действительно более похожи на легенды и субъективные умозрительные интерпретации, чем на аналитическое и осмысленное изложение истории».

Сам по себе основной источник о Чингис-хане — «Тайная история монголов», известный в русском переводе как «Сокровенное сказание»,— памятник высоколитературный — побуждает многих (исследователей и неисследователей), в том числе и автора данного

сочиненния, писать «беллетристически». В этом нет ничего предосудительного. Важно отсутствие искажения фактов, использование основных достижений науки, наконец, собственный взгляд на события, свои выводы. К сожалению, может быть, за исключением покойного французского ученого Поля Пельо, наука не знала и не знает исследователей, которые в равной мере квалифицированно могли бы владеть всем кругом первоисточников на монгольском, китайском, персидском, арабском, русском, армянском и других языках, в которых содержатся сведения о Чингис-хане и его эпохе. Всякий в большей мере зависит от доступных лично ему источников, а остальные должен использовать в имеющихся переводах. И это обстоятельство не удерживает от стремления ни исследователей, ни писателей, а теперь и кинематографистов писать исследования и популярные книги о Чингис-хане, романы и ставить фильмы.

В том же 1973 г., когда вышло в свет первое издание этой книги, во Франции в популярной серии «Что я знаю о...» вышла книга французского академика Луи Гамбиса «Чингис-хан» (Париж, 1973). Из западноевропейских исследований последних лет необходимо упомянуть книгу немецкого монголоведа и синолога российского происхождения Пауля Рачневского «Чингис-хан», изданную в ФРГ (Висбаден, 1983 г.). Труд П. Рачневского наиболее полно учитывает все последние научные разработки проблемы, отличается трудиодоступной подавляющему большинству западноевропейских исследователей полнотой использования источников и литературы на русском языке. В Китае в 1987 г. на монгольском языке опубликована в двух томах книга монгольского историка Сейшала «Сказание о Чингис-хане» (Хух-Хот, 1987 г.).

Среди советских трудов, неучтенных в первом издании, помимо второго издания коллективного труда «Татаро-монголы в Азии и Европе» следует упомянуть капитальное исследование и публикацию текста «Мэн-да бэй-лу» («Полное описание монголо-татар») (М.: Наука, 1975), безвременно скончавшимся доктором исторических наук Н. Ц. Мункуевым.

Для изучения завоевательных войн Чингис-хана в Средней Азии, северном Иране и на Кавказе большое значение имеет книга З. М. Буниятова «Государство Хорезм-шахов Ануштегинидов (1207—1231) (М.: Наука, 1986 г.). Оценка личности и деяний Чингис-хана дана и в статье М. С. Капицы «Еще раз о роли Чингис-хана в истории» (Вопросы истории. 1988. № 7. С. 48—58).

Многочисленные статьи о Чингис-хане публиковались в самых различных журналах Китайской Народной Республики. Наиболее систематизированное изложение достижений китайской науки по этому вопросу дано в двухтомной «Истории династии Юань» (Пекин, 1986).

Кроме широко известного романа В. Г. Яна «Чингис-хан» советская литература за эти годы пополнилась романами И. Калашникова «Жестокий век», В. Чивилихина «Память».

Советский читатель не имел и до сих пор не имеет возможности получить достоверную информацию о Чингис-хане. Изданная в 1922 г. в Берлине на русском языке великолепная, но несколько идеализировавшая образ Чингиса, книга монголоведа Б. Я. Владимирцова давно стала библиографической редкостью. Продолжает она оставаться таковой и по сей день, несмотря на многочисленные переводы на различные языки мира. Следует сказать, что и первое издание книги имело довольно незначительный тираж. Издание мгновенно разошлось и давно стало библиографической редкостью, о

чем свидетельствуют многочисленные письма читателей с просьбой «прислать», «достать» книгу.

Настоящая книга посвящена описанию жизни Темучжина-Чингис-хана на основании сохранившихся до наших дней первоисточников монгольских, китайских, мусульманских авторов и сведений первых европейских путешественников, проникших в глубины Азии. Книга является научной, поскольку она базируется на исторических источниках, и популярной, поскольку, это представленное в доступной и, насколько это позволял материал и оказалось в силах автора, увлекательной форме описание жизни Чингис-хана, характеристика его личности и той среды, в которой он жил. Автор намеренно пространно цитирует и первоисточники, и литературу, стремясь показать читателю как воспринимали личность Чингис-хана и ту эпоху его современники или жившие в сравнительно недалекое от времени его жизни люди в разных уголках мира — в Монголии и Китае, Средней Азии и на Ближнем Востоке, на Кавказе и в Европе. Оценки Чингис-хана и его эпохи современными исследователями автор так же стремился дать не в пересказе, а в том виде, как они изложены. Здесь надо отметить, что личность Чингис-хана — постоянный объект явной и тайной идеологической борьбы, столкновения эмоций и прямых спекуляций. Автор может обещать одно — он постарается быть объективным.

Имеются четыре основных исторических памятника, повествующих о Чингис-хане.

«Тайная история» (в русском переводе акад. С. А. Козина «Сокровенное сказание») — эпическое повествование о Чингис-хане и его роде, написанное вскоре после смерти Чингис-хана. Наиболее распространено мнение, что данный памятник был составлен в 1240 г., т. е. через 13 лет после смерти Чингис-хана, хотя имеются и иные мнения. Например, совсем недавно французский монголовед Жак Легран предложил считать датой написания памятника июль — август 1264 г., время разгрома ханом Хубилаем его соперника в борьбе за великоханский престол Ариг-буки. «Секретной» или «тайной» эта история называлась потому, что предназначалась только как заповедная история для представителей ханского рода и хранилась в ханской сокровищнице, недоступной для непосвященных. Этот памятник содержит большое количество достоверных данных, хотя и смешанных с фольклорными сюжетами.

«Тайная история» замечательна и тем, что не идеализирует образа Чингис-хана. «Вообще, образ Чингиса у авторов «Сокровенного сказания»,— писал советский исследователь истории монгольской литературы Г. И. Михайлов,— не слишком привлекателен... Объективность авторов «Сокровенного сказания»,— продолжал он,— приходится особо подчеркивать, ибо последующие летописцы в этом отношении часто уступали своим предшественникам. Божественность Чингиса была для них аксиоматичной, в его деятельности они не видели неудач и поражений; о братоубийстве, как и некоторых других мрачных сторонах жизни Чингиса, они умалчивают».

«Тайная история» не сохранилась в записи на монгольском языке. Текст памятника, тот, который дошел до наших дней и, кстати, был найден нашим соотечественником, выдающимся русским китаеведом XIX в. Палладием Кафаровым, был записан на монгольском языке в китайской транскрипции, иероглифами. Реконструкция текста, переложение его на монгольскую транскрипцию — работа, которой наука занята около ста лет. От восстановления «подлинного» монгольского текста в известной мере зависит и перевод памятника на

другие языки. Имелся сокращенный перевод на китайский язык, который в 1866 году был переведен Палладием Кафаровым на русский. В настоящее время существуют переводы памятника на русский, немецкий, французский, венгерский, современный монгольский, китайский, японский языки. Из последних переводов на английский язык — перевод Игори де Рахевильца, опубликованный частями в научном австралийском журнале, отдельной книгой он будет издан в ближайшие годы. Русский перевод был опубликован С. А. Козиным в 1941 г. Работал над переводом «Тайной истории» известный советский монголовед и китаевед Б. И. Панкратов, однако его труд остался незавершенным, а то, что было сделано, еще не опубликовано.

Не меньшего внимания заслуживает и «Сборник летописей» (1310—1311 гг.) Рашид-ад-дина, являющийся по оценке проф. И. П. Петрушевского «среди исторических трудов данного периода на персидском языке единственным в своем роде по замыслу и выполнению». Труд этот в своих основных разделах, касающихся истории монголов, опирался на следующие сочинения предшественников: «История завоевателя мира» Джувэйни (1260 г.) и «Золотая книга» («Алтан дебтер»), явившейся официальной историей Чингис-хана, его предков и преемников на монгольском языке. Рашид-ад-дин использовал и устную информацию знатоков монгольской старины. Поэтому разделы, посвященные истории монгольских племен и Чингис-хану, написаны Рашид-ад-дином «с такой полнотой и точностью, какой мы не найдем ни в каком другом из источников по данной проблеме, не исключая и монгольских, и китайских» (И. П. Петрушевский).

Третьим важным источником является официальная история правившей в Китае монгольской династии Юань «Юань-ши». Указ о составлении этого коллективного труда был отдан в 1368 г., сразу после изгнания монголов из Китая. Считается, что работа была выполнена очень быстро, за 331 день, столь же быстро книга была отпечатана способом ксилографии и впервые опубликована в 1370 г. Первую книгу (цзюань) этого труда занимает жизнеописание Чингис-хана. Имеются жизнеописания многих из его сторонников и сподвижников.

Четвертым основным источником сведений о Чингис-хане является труд «Шэн у цинь чжэн лу» — «Описание личных военных походов Августейшего и воинственного (императора)», т. е. Чингис-хана. Считается, что текст относится ко второй половине XIII века и тогда же переведен на китайский язык. Французские переводчики памятника Поль Пелью и Луи Гамбис (Лейден, 1951 г.) возводит этот труд, как и «Сборник летописей» Рашид-ад-дина к оригинальному монгольскому сочинению «Алтан дебтеру», не дошедшему до наших дней, а часть «Юань шн», относящемуся к Чингис-хану, производной от «Шэн у цинь чжэн лу».

Несколько лет назад в КНР вышел на экраны фильм о Чингис-хане. Имеются сведения о том, что постановка фильма о Чингис-хане готовится в МНР, кинематографисты Киргизии совместно с американцами готовятся поставить телефильм. Чингис-хан, воплощенный на экране, явление нашего времени и его кинематографический образ также станет предметом споров и дискуссий, это неизбежно.

В первом издании книги мы обращали внимание читателей на оценки личности Чингис-хана выдающимися отечественными востоковедами академиками Б. Я. Владимирцовым и В. В. Бартольдом. По мнению ряда историков, Б. Я. Владимирцов дал идеализированную оценку личности Чингис-хана и его политики. В. В. Бартольд

был не чужд идеализации уже не столько личности Чингис-хана, сколько его империи и последствий завоеваний. По мнению И. П. Петрушевского, В. В. Бартольд явно недооценивал «размеров разрухи, экономического и культурного упадка в результате завоеваний Чингис-хана и чингисидов». Было бы неверным сказать, что вопросы оценки личности Чингис-хана и последствий его завоеваний решены наукой и сейчас, после выступлений в печати таких авторитетных советских историков, как академики И. М. Майский и С. Л. Тихвинский, после двух изданий коллективного труда «Татаро-монголы в Азии и Европе». Откуда взялась столь могущественная сила, оказавшаяся способной завоевать почти всю (кроме Японии) цивилизованную Восточную Азию, Центральную Азию, значительную часть Ближнего Востока и Восточную Европу, в каких условиях она смогла реализовать свою мощь? Каковы могут быть оценки деятельности Темучжина-Чингис-хана.

Во втором издании книги автор значительно больше уделяет внимания ответам на эти вопросы. Поскольку автор сам занимается изучением ряда проблем истории Центральной Азии и Китая, наличие его собственной точки зрения на ряд проблем истории монголов и оценку Чингис-хана неизбежно. Книга не только содержит сведения из отдаленного прошлого с целью показать, как зарождаются и к чему приводят захватнические войны. Автор задумывается над ценой некоторых событий, понимаемых в определенных кругах как прогресс. Если заслуга Чингис-хана состоит в том, что он соединил Дальний Восток и Центральную Азию с Ближним Востоком и Европой, как думают многие историки, то стоит ли эта «заслуга» (может быть, и без кавычек?) той цены, которую заплатило за нее человечество? Цена иных сфер прогресса, личные судьбы сотен тысяч и миллионов людей в поступательном движении истории — это не праздный вопрос прошлого человечества и его настоящего. История, как и само время, необратима. Что было, то было. Но историк, кроме беспристрастного, тщательного, объективного описания событий, всегда имеет право поставить (и ставит) вопрос о причинах и последствиях о том, чем и как человечество поплатилось за то, что произошло. И, наконец, историк обязан поставить вопрос о том, могло ли быть иначе? История сделала свой выбор, но был ли этот выбор единственно допустимым?

Автор данной книги также счел себя вправе в той или иной степени коснуться данных вопросов при описании жизни Темучжина-Чингис-хана, при характеристике его эпохи. Историки, как никто, знают, что человечество не извлекает уроков из истории и, тем не менее, всегда надеются на то, что такое время придет. Люди помнят, и помнят по-разному, великих завоевателей. Однако каждое поколение учится прежде всего на своем личном опыте, хорошем и печальном. А люди не должны, не смеют забывать опыта всего человечества. Необходимо использовать историческое знание не просто для подкрепления или иллюстрации действий сегодняшних, а учиться по-настоящему извлекать уроки из истории. Новое мышление, которое в наши дни начинает пробивать себе дорогу, нуждается в подкреплении уроками истории. Одна из задач историков — в популярных, доступных массовому читателю изданиях доносить добытый опыт прошлого до сознания широких масс. Только в этом случае он, может быть, начнет обретать действенную силу и в повседневной нашей жизни, той жизни, в которой и продолжает твориться, продолжает свой путь в неведомое История.

«НАРОД БЕЗВЕСТНЫЙ И ЧУЖОЙ»

Кто такие монголы и откуда они появились? Вопрос непраздный, если науке достаточно хорошо известно, что на той территории, где расположена нынешняя Монгольская Народная Республика и где будут разворачиваться действия и события нашего повествования, на рубеже нашей эры жили гунны, этническая принадлежность которых (тюрки? монголы? самодийцы?) достоверно невыяснена, здесь господствовали жуаньжуани (авары, или обры по русским источникам) и сяньбийцы, а затем с VI по X вв. н. э. сменяли друг друга каганаты тюрков, уйгуров, кыргызов. В «Истории Монгольской Народной Республики» говорится, что «само слово «монгол» до сих пор в исторической науке не имеет единого толкования», «наиболее вероятно предположение о том, что термин «монгол», обозначавший вначале одно из племен, затем стал собирательным, подразумевавшим всю монгольскую народность, вместе взятую». Рашид-ад-дин полагал, что слово «монгол» значило или «слабый», «бессильный», или «прямодушный», «чистосердечный». Я. Шмидт считал, что слово «монгол» значило «смелый», «отважный», «неустрашимый». П. Рачневский допускает и уничижительные толкования — «монггоо» — глупый», например, в наименовании предка Чингис-хана Бодончар-мунгкак — «Бодончар-простак», «Бодончар-дурачок».

Существует одна заманчивая гипотеза, которую также приводит П. Рачневский. Хорошо известно, что династия киданей Ляо, воцарившаяся в Центральной Азии и Северном Китае в самом начале X в., именовалась «Железной». Очень возможно, что, создав свое государство Хамаг монгол улус в середине XI в., монголы называли его «мунгу» — «серебряное», а утвердившиеся в центральной Маньчжурии, свергнувшие власть киданей и уничтожившие государство Ляо чжурчжэни назва-

ли свое государство Цзинь «Золотым». В этой гипотезе есть своя логика. Сказанное выше не должно обижать. Хорошо известно, что современные наименования ряда народов, например, русских не имеют сколько-нибудь удовлетворнтельного и обоснованного объяснения.

Свидетельства китайских источников позволяют проследить историю монголов в глубь веков до племен сяньби. Прямое родство монголов (протомонголов) с гуннами, о котором иногда пншут, можно скорее рассматривать как желательное, чем нмеющее в настоящее время строгие научные доказательства.

Монголы под именем мэнъу или мэнва упоминаются в старой и новой историях кнтайской династии Тан (618—908 гг.), среди племен шивэй. В тексте старой нстории днностии Тан «Цзю Тан шу» сказано: «Шивэй — особый род кнданей. Живут по северным (берегам) реки Яоюехэ. Их государство находится на северо-востоке от столицы на расстоянии свыше семи тысяч ли. На востоке (оно) простнрается до хэйшуй мохэ, на западе до тюрок (туцюе), на юге сопредельно с киданями, а на севере доходнт до моря. В этом государстве нет государя и старших начальников, а есть семнадцать главных правителей, которые зовутся мохэфу и наследственно правят ими, хотя н зависят от тюрков. В качестве боевого оружия они имеют роговые луки н стрелы нз дерева «ху» (тальннк? — Е. К.) и являются превосходными стрелками нз лука (напомним, что более поздние нсточники указывают, что монголы изготовлялн древки стрел из нвы, а армянскне авторы именовалн монголов «прекрасными стрелками» — Е. К.). Временами собнраются на охоту с легкнмн метательными копьями*, а когда дело закончится, расходятся. Этн людн обрабатывают землю, но не платят поземельного налога. В вотчинах (своих) строят небольшие дома, которые покрывают сверху шкурамн. Объединяются в группы и живут, иногда числом до нескольких десятков нлн сотен семей. Заостряют деревья н делают сохи, не насаживая на них металлнческнх сошников (лезвий). Соху тянет человек, и производнтся посев. Не разрешается использовать (для пахоты) быков. Летом там много туманов н дождей, знмой много инея и снега. В качестве домашних животных там годятся со-

---

* Рашид-ад-дин указывает, что копье оставалось одним из главных видов вооружения моиголов и в середине XII в. — Здесь и далее прнм. автора.

баки и свииьи. Их откармливают и поедают, а шкуры используют для изготовлеиия выделаииых кож. И мужчиины, и жеищиины (из этих кож) шьют одежды. Волосы (у иих) растрепаиы, одежды застегивают на левую сторону. Богатые семьи выделяют себя тем, что делают украшеиия из разиообразиого пятицветного жемчуга. Закоиы, регулирующие вступлеиие в брак (таковы): жеиих прежде входит в дом иевесты и работает (там) три года. По этой причиие ои может лично близко общаться с этой жеищииой. Когда срок отработки кончится, то семья иевесты выделяет им их долю имущества, муж и жеиа садятся иа одиу телегу и иагружают ее. С барабаиным боем и плясками оии вместе возвращаются (в дом мужа) [...] Говорят, что при иашей (дииастии) Таи есть девять племен шивэй. Это так иазываемые Лииси шивэй (шивэй, живущие западиее гориого хребта), Шаиьбэй шивэй (шивэй, живущие к северу от гор), Хуаитоу шивэй (желтоголовые шивэй), Дажучжэ шивэй (шивэй, похожие иа больших людей, рослые шивэй), Сяожучжэ шивэй, (шивэй, похожие иа малеиьких людей, малорослые шивэй), Пово шивэй (иаимеиоваиие ие переводится — Е. К.), Нобэй шивэй (шивэй, живущие к северу от реки Но) и Лото шивэй (шивэй — верблюды). При этом все оии живут к северо-востоку от области Лючэицзюиь (г. Чаояи, пров. Лаодуи, самые близкие — иа расстояиии 3500 ли, самые дальние —6200 ли. Ныне самыми западными шивэй, теми, которые имеют общую граиицу с уйгурами (в VIII в., в то время, к которому отиосится описаиие шивэй, в Цеитральной Азии существовало государство уйгуров — Уйгурский кагаиат) являются племеиа усугу, размещающиеся к юго-западу от озера Цзюйлуиьбо (озеро Кёлёи, оио же Хулуиь, оио же Далай-Нор). К востоку от иих есть племя исайлю, а еще восточиее — племя сайхэчжи. Эти племена имеют отличиых лошадей, число людей в иих тоже велико. Живут они иа реке Чохэ, иначе эту реку иазывают Яиьчжихэ. Далее тоже имеются племеиа хэцзе, еще далее к востоку племеиа улоху. Кроме того, есть племя иали, а еще далее к северо-востоку живут Шаиьбэй шивэй.

...Севериее Больших гор есть племя больших шивэй. Это племя живет около реки Ваицзяихэ. Истоки этой реки иа северо-восточиых граиицах владеиий тюрков, у озера Цзюйлунь. Отсюда, извиваясь, оиа течет иа восток и протекает через граиицы западных шивэй, далее оиа течет сиова иа восток через граиицы больших шивэй,

еще далее на востоке она протекает к северу от мэиъу шивэй (шивэй-моиголов) и к югу от лонзу шивэй. Затем она течет еще далее на восток, где и сливается с реками Нахэ и Хухаиьхэ, еще далее на восток она течет к северу от южных хэйшуй мохэ и к югу от северных хэйшуй мохэ и, протекая далее на восток, впадает в море».

В текстах новой истории династии Таи «Синь Таи шу» имеются некоторые разночтения и дополнения. Здесь шивэй, помимо того, что они являются особым родом кидаией, названы потомками диилниов. Местом их жительства, опорным пуиктом, кроме реки Яоюехэ, назван Хуалиу, район к северу от современных городов Шэньяна (Мукдена) и Кайюаня (в центре Маиьчжурии), охватывавший всю территорию Гирина, на востоке до границ Внутренней Монголии. Правители шивэй названы не мохэфу, а мохэдо. Добавлено, что младшие из них имеют в своем ведении около тысячи семей, более сильные — по нескольку тысяч семей. «Живут, рассеявшись, по речным долинам, ищут траву и воду и селятся». Не подчиняются друг другу. «Хотя они дерзки, отважны и любят воевать, но войска у них недостаточно для того, чтобы создать сильное государство». Повторены сведения «Цзю Таи шу» об обработке земли и особо подчеркнуто, что получаемые урожаи очень малы. О семейных отношениях добавлено, что если муж умирал, то жена вторично не выходила замуж. Имеются дополнения о похоронных обрядах. Каждая группа шивэй строила большие навесы, на которые сверху клались трупы умерших. По умершим носили трехлетний траур. Если умирал правитель, то преемником и наследником становился его сын, лишь в случае отсутствия у правителя сына, на место умершего ставили сильного и решительного человека. Ездили шивэй на телегах, запряженных быками. Жилища строили из плетенок и покрывали шкурами. Или сгибали деревья, а крышу покрывали плетенками. Для переправ через реки делали плоты и кожаные лодки. Лошадей пускали пастись спутанными. О домашних животных добавлено, что у них нет овец и мало лошадей. Одежды, которые шили шивэй из шкур и кож, они называли мохэ. Сказано, что было 20 с лишним племен шивэй (вместо 9, упомянутых в «Цзю Тан шу» — Е. К.). Перечень племен не имеет существенных различий. Интересующий нас текст о древних моиголах изложен так: «На севере есть Большие горы. За горами живут большие шивэй, которые расселены по берегам

реки Тнцзяньхэ (верховья Амура, иазваиие сохраннлось в ианменованнн реки Шилка). Река вытекает из озера Цзюйлуиь и течет иа восток. К югу от этой реки есть племя мэива, к северу от иее — племя лотаиь. Река течет на восток и сливается с реками Нахэ н Хуханьхэ».

И в том и в другом источинке шивэй назваиы «особым родом кидаией». От иаименования этого иарода, между прочим, происходит и слово «Китай». О соотнесеииости киданей и шивэй хорошо сказаио в более раинем источиике «Суй шу»: «Шивэй одного рода с кидаиями. Тех, кто образует южиую часть этих племеи, иазывают кидаиями, а тех, кто северную, шивэй». Если следовать сохраиившейся китайской нсториографической традиции, то кидаие были одиого рода с кумоси, а кумоси, в свою очередь, восходилн к восточиым сяиьби, к роду юйвэнь.

В слове шивэй ряд исследователей и, возможно, ие без осиования видят первое упомииание столь хорошо иам знакомого слова Сибирь. Авторы последннх китайских исследоваиий («Юаиь чао ши») полагают всех шивэй татарами, в эпоху Ляо, т. е. в X — первой четверти XI в. татары-шивэй в китайских источниках именовались цзубу. Племеиа шивэй, к которым, как мы видим, прнадлежали и моиголы, были родствеины кидаиям, по иекоторым сведеииям, были просто их северной частью. Поскольку принадлежиость языка кидаиьского к языкам моигольским иынешней иаукой ие оспаривается, допускается лишь известиое влияиие туигусо-маиьчжурских языков, то и шивэй мы вправе считать группой племеи, хотя бы в массе своей говорившей иа моигольских языках. Остается вопрос о локализации древиих моиголов иа основаиии тех материалов, которые мы имеем и которые былн процитироваиы выше.

В даиием случае решающую роль играет отождествлеиие иаимеиоваиий древиих рек и гор с современиыми. Пожалуй, детальиее всех эту проблему исследовал японский проф. Комаи Ёсиаки. По его заключению, озеро Цзюйлуиь это озеро Хулуиьчи, Хулуиь-Нор (или Далай-Нор) — озеро в восточиой Моиголии (современиая северная часть автоиомиого района Виутренней Монголии, КНР), в которое впадает река Керулен. Река Чохэ (оиа же Яиьчжихэ) — река Нонни. Река Ваицзян (или Шицзяи) — река Амур в верхием и средием течеиии. Река Нахэ — это Сунгари, река Хухань — Хурха (Муданьцзян, южный приток Суигари). Река Яоюехэ — ре-

ка Танванхэ, северный приток Суигари. Проф. Комаи Ёсиакн пришел к выводу, что та часть племен шивэй, которая именовалась монголами, жила по южному берегу реки Амур, западнее соединения Амура и Сунгари и восточнее хребта Малый Хинган. Другой японский ученый, проф. Тамура Дзицудзо, также отождествляет озеро Цзюйлунь с Далай-Нор. Ванцзяи он считает рекой Аргунь и делает вывод, что «монголы в это время жили кочевой жизнью в степных районах к югу от реки Аргунь».

Проф. Л. Гамбис на основании этих же материалов пришел к выводу, что «наиболее древние тексты помещают монголов к западу от верхнего течения Нонни, возможно, в северной части области, расположенной между рекой и озером Кёлён, откуда вытекает Аргунь, составляющая главную часть верхнего Амура, и к югу от этой реки». Таким образом, по мнению специалистов, древние монголы жили к югу от среднего течения Амура, между Малым Хинганом и нижним течением Сунгари, или по южному берегу нижнего течения Аргуни и верхнего течения Амура. Рашид-ад-дин называет прародину древних монголов Эргунэ-Кун. Как, когда и почему монголы покинули ее и стали переселяться на запад, на территорию современной Монгольской Народной Республики?

Вероятнее всего причиной были войны, войны внутренние и нападения соседей. Китайские авторы связывают переселение прежде всего с разгромом кыргызами уйгурского каганата. Кстати, они полагают, что имение через уйгуров тюркское название шивэй — «татары» попало в китайский язык. После падения власти уйгуров (середина IX века) и переселения самих уйгуров на запад и на юг, пользуясь тем, что кыргызы не создали прочной политической власти в центре Азии, шивэй (татары) начали заселять «освободившееся место». Известно, что шивэй были атакованы киргизами в 847 г. и кидаиями между 885 и 887 гг. Если в тюркских текстах (надпись в честь Кюль-тегина) татары упоминаются впервые в 731—732 гг., то в китайских текстах — в годы, близкие к переселению, в 842 г.

Прежде чем приступить к основному рассказу, мы поведаем о составе монгольских и сопредельных с ними племен, их расселении во второй половине XII века, о быте, обычаях, нравах древних монголов. Итак...

РАССЕЛЕНИЕ ДРЕВНИХ МОНГОЛОВ, БЫТ, ОБЫЧАИ, НРАВЫ

«Когда мы вступили в среду этих варваров, мне, как я выше сказал, показалось, что я вступаю в другой мнр»

Г. Рубрук

За рекой Керулеи расселеиие моигольских племеи происходило в разиых иаправлениях. Тут нам на помощь приходит Рашид-ад-дин со своим поистине бессмертиым трудом. Хамаг монголы, род Чиигиса и его многочислеиные сородичи жили в долииах Оноиа, Керулена и Толы. Урянхаты*, претендовавшие иа участие в расплавлении горы**, заселили северо-восточиые области Моиголии и Забайкалье. Впоследствии оии составили тысячу, охраиявшую прах Чиигис-хаиа в Бурхан-Халдуне. Куигираты, первыми покинувшие Эргуие-Кун без всякого расплавления горы, поправшие при этом очагн соплеменнн-ков и расплатившиеся за это иаследствеиной болезиью иог, были брачными партиерами рода Чингиса. Они имели свою легеиду о происхождеини, предкн их, «трое сыиовей появились иа свет из золотого сосуда», а «большиистио из иих брали девушек нз рода Чиигис-хана, а в его род давали своих». Из куигираток была мать Чиигиса Оэлун, первая жена Чингиса Борте также была из куигиратского племеии. Жили куигираты в восточной Монголии, иа граиицах с кидаиьским государством. Комаи Есиаки предполагал, что в X в. куигираты упомяиуты в китайских источиикаХ как юйцюелюй. «Это люди высокого роста, с косматыми головамн. Старейшиы, если волосы у иих сильно разрастутся, укладывают их в фиолетовые мешочки. Земля там трудиая и холодиая, в реках водится крупиая рыба, которую очень любят есть кидане. Еще миого черных, белых, желтых собольих шкурок, их хватает иа то, чтобы удовлетворить потребиости всех государств севера. Это люди очеиь отважные, и соседние государства не осмеливаются иападать на иих».

---

* Монголы-урянхаты, а не позднейшне урянхаты, предки тувинцев, смещенне, допущенное В. Чивилихиным, который, узнав, что Субетай-баатур был урянхатом, решнл, что тот был не монголом, а тувнницем.

** О расплавленнн горы чнтай в главе «Предкн Чингнс-хана».

Из племени уряут происходили сподвижники Есугая и самого Чингиса во главе с уже известным нам Муиликом. Сын Мунлика Кокочу, знаменитый шаман Теб-Тенгрий, внушал Чингису идеи мирового господства и дал ему титул. «Он всегда приходил к Чингис-хану и говорил: «Бог повелел, чтобы ты был государем мира!» И чингизханово прозвание ему дал он, сказав при этом: «Повелением бога имя твое таково должно быть».

По реке Селенге и ее притоку Джиде, в пределах Забайкалья жили баяуты, а по реке Онону — тайчиуты, чингисова родня, очевидно, одно из сильнейших монгольских племен. По берегам Керулена жили джалаиры числом до 70 тыс. кибиток. «Часть их становищ была в местности Оноп». Здесь они в свое время потерпели сильнейшее поражение не то от киданей, не то от чжурчжэней, «в древние времена хитайские войска устроили такую бойню этой части джалаиров, что лишь немногие могли убежать». Хитаи перебили все те столь многочисленные племена джалаиров вплоть до детей ростом с плеть, а их скарб и скот разграбили»*. Джалаиры упоминаются в «Истории династии Ляо» («Ляо шн») как «цзубу-чжала бу», «племя чжала среди цзубу». По оценке авторов «Юань чао ши», они жили к югу от Онона до среднего и верхнего течения Керулена. Эти же авторы считают, что жестокий набег на джалаиров совершили кидани где-то между 983—1012 гг.

П. Пельо и Л. Гамбис считают, что «истинные татары были монголоязычны». Татары впервые упоминаются в тюркоязычных надписях в 731—732 гг., в китайских источниках — с 842 г. Как предполагает Ту Цзи, имение татары прежде всего в эпоху Ляо и Цзинь именовались цзубу, от монгольского слова «джэбэ», означавшего вид стрел. Основным местом обитания татар были области у озер Буир-Нор и Кёлён-Нор, между Керуленом и центральным Хинганом. Земли их были богаты серебром. Это была пограничная юго-восточная зона расселения многоязычных племен на рубежах Ляо и Цзинь. «Их же основное обитание (юрт) есть местность, называемая Буир-наур». Татары были сильны и дерзки, если бы при их многочисленности они были бы не враждебны, то другие народы из китайцев и прочих были бы не в состоянии противостоять им. В среде татаро-

---

* Вспомним этот факт, когда станем говорить о жестокостях Чингиса.

монгольских племен татары «с глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части (монгольских) племен и областей, выделяясь своим величием и могуществом и полным почетом (от других)». В XII в. первое общее именование татаро-монгольских племен было татары «из-за их чрезвычайного величия и почетного положения»,— писал Рашид-ад-дин. Он считал (Рашид-ад-дин) все татаро-монгольские племена «племенами тюркскими, которые в настоящее время называются моголами». Итак, при всем различии разрядов и названий все племена назывались татарами. Различные роды полагали свое величие и достоинство в том, что отнесли себя к ним и стали известны под их именем. Вследствие же благоденствия Чингиз-хана и его рода разные тюркские племена (джалары, татары, онгуты, кереиты, найманы, тангуты и пр.) из-за самовосхваления стали называть себя монголами. В древности же они не признавали этого имени. Их теперешние потомки воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов, но это не так, ибо в древности монголы были лишь одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен. Имя татары осталось позднее за тем только тюркскими племенами, которые «вследствие силы и могущества татар» сохранили это имя.

Сильным моигольским племенем были меркиты, «часть монгольского племени», «племя... многочисленное», которое имело «чрезвычайно воинственное и сильное войско». Рашид-ад-дин пишет, что меркиты представляли собой «род монголов». Меркиты в форме «мэйлицзи» не раз упоминаются в «Ляо шн». В 1093—1096 гг. киданьский полководец Вотэла ходил в поход на меркитов и разгромил их. Весной 1094 г. меркитский правитель Хулуба просил вернуть ему отнятые киданями земли и преподнес дары. Меркиты жили в нижнем течении рек Орхона и Селенги, а также у Бурхан-Халдуна. Авторы «Юань чао шн» считают меркитов одними из ранних пришельцев и полагают, что этот народ был «с примесью уйгуров». П. Рачневский считает, что часть меркитов после гибели Ляо ушла с Елюй Дашн на запад, ибо они были в числе 18 племен, оказавших помощь этому борцу за восстановление власти киданьской династии.

Самым сильным, по мнению авторов «Юань чао шн» среди монгольских племен XI—XII вв. были кереиты. Они жили к югу от реки Керулен. Их владения прости-

рались на востоке до Хангайских гор, на западе до нижнего течения рек Толы и Орхона, и до пустыни Гобн на юге. Летние стоянкн кереитского хаиа Тоорнла былн в Далан-Даба у истоков Орхона и у озера Гусе-Нур, к югу от реки Толы. Знмиие по реке Онггии-Гол, в райоие г. Арбай-Хэрэ (МНР). Керепты первые из шнвэй раньше всех ушли иа запад. Несколько столетий оин жнли с тюркамн, поэтому подверглись их влиянию. В 1092, 1100 гг. в «Ляо шн» упомннается восставшнй протнв киданей правитель кереитов Могусы (Маркус). Улус меркнтов имел развитый государственный аппарат, кереиты принялн христианство иесторнанского толка. П. Рачневскнй считал, что кереиты особенио усилнлнсь после распада моигольского Хамаг монгол улуса во второй половнне XII в. Изначально кереиты былн ие моиголамн, а тюрками (племя кнрей в среде кнргизов). До изгнания с Иртыша и Алтая они жнли среди иаймаиов и киргизов. Кереиты отступили на восток под иатнском найманоз и, вступнв в контакт с монголами, быстро монголизнровались. Керепты были в давией вражде с иайманамн и татарамн, часть моиголов также входила в состав их улуса. Л. Гамбнс подчеркнвал, что вражду татар протнв керентов постоянио подогревали чжурчжэни.

Западные областн Монголин заселяли иайманы. Рашнд-ад-днн очеиь осторожио высказывается об нх этнической принадлежиости: «их обычаи и прнвычки были подобны монгольским». Наймаиы были известны в государствах Ляо и Цзииь под именами ияньбагэ и няньбасы. При днпастии Цзииь оии подчниялись Западному Ляо — государству кара-китаев. Цеитром расселенння найманов являлся Алтай. На западе их кочевья располагались до Иртыша, Алая и верховьев Оби, на севере найманы граничили с киргизами (покойиый китайскнй историк Хаи Жулииь считал наймаиов вообще частью кнргизских племеи), иа востоке соседями иайманов былн кереиты, иа юге их граиицы простнралнсь до Черного Иртыша. Авторы «Юань чао ши» полагают, что наймаиы — возможно «часть киргизов, переселнвшнхся иа юг после дниастии Таи». П. Рачневскнй высказывается за то, что «иайман» это моигольское иаимеиоваиие тюрков «сэкиз огуз», «восьмн огузов». На Алтае оии поселились после разгрома Уйгурского кагаиата киргизами в 840 г. Найманы вытесинлн керентов с Иртыша и Алтая на восток и потеснилн кнргизов на Енисее. Найманы испытали сильиое культурное влнянне уйгуров. Онн, как полагают

специалисты, имели самую развитую государственность среди прочих жителей Алтая и Халхи. Правитель найманов Тукуса упоминается в «Ляо шн» под 1097 г.

Современный монгольский ученый Далай-Чууны относит наймаиов «к кочевникам ойрат-моиголам», он пишет: «К коицу XII в. найманы, обитавшие по соседству с уйгурамн и другими тюрками и иаходившиеся под влияннем их культуры, по-видимому, уже давно пользовались уйгуро-монгольскнм алфавитом. Однако, иа иаш взгляд, пока еще нет оснований соглашаться с выводами тех исследователей, которые считают, что иайманы «были уйгуро-тюркского пронсхождеиия» илн «были монгольским племенем, говорящим на тюркском языке», и что алфавит, которым они пользовалнсь, был «чисто уйгурской письменностью». Найманы, как и кереиты, были хрнстнанами-несторианцами.

В Восьмнречье (Секнзмурэн) жили ойраты, «ойарат» — «люди лесов». В период юности и возмужания Чингиса они жили между Ангарой и Еиисеем. Авторы «Юань чао ши» считают, что четыре главиых ойратских племени еще с глубокой древиостн жили в верхием течении рекн Енисея, в верховьях современиой рекн Улуг-Кэм. Любопытно, что еслн в юаньскую эпоху древние киргизы (сягасы) нменуются цзили-цзисы, то местность, в которой проживали ойраты, имеиовалась шисы цзнсы. Эти самые общие сведеиия о народах Халхи н Алтая в годы, предшествовавшие объединеиию Моиголии, хотелось бы завершить цитатой из «Юаиь чао ши»: «Таким образом, на Монгольском плато с X по XIII век на восток от хребта Хангай до Большого Хингаиа образовалась территория, заселенная монголоязычнымн племенами. Однако переселившиеся на запад монголоязычные племена, несомненно, в той илн нной степенн включилн в свой состав оставшиеся на данной территорни тюркоязычные племена, что сильно повлияло на собственно монгольский язык, обычан, хозяйство и произвело у монголов большие изменения».

Такого рода выводы получили признание в науке за последние пятнадцать-двадцать лет. Однако оин не приняты, кажется, еще наукой МНР. Из разноплемеииости населения первого монгольского государства делаются крайние заключения. Так В. Чивнлихин в своем романеэссе писал: «И нашествня на Русь в XIII веке собственно монголов илн собственно татар ие было, и иаши предки скрестили мечи с разношерстным войском, подробиый

этнический состав коего никто и никогда в точности не установит». Войско действительно было разношерстным, но его руководителями, цементнрующнм его составом были моиголы, если угодно моиголо-татары, моиголоязычный иарод, о прошлом которого в X—XII в. мы только что пытались рассказать.

* *
*

Описаиие моиголов в эпоху Ляо мы находим в источнике от 1180 г. «Цндаиь го чжн» Е. Лунли. «Прямо иа севере земли кидаией доходят до владеиия Мэнгули. В этом владеини иет правнтеля, который бы управлял иародом. Населенне ие заиимается земледелием, основным заиятнем является охота. Людн не живут постояиио иа одиом месте, а кочуют в каждый из четырех сезонов года в понсках хорошей травы и воды. Пищей служат только мясо и кумыс. С кидаиями не воюют, а лишь торгуют с инми нзделиями из шкур и шерсти крупиого рогатого скота, овец, верблюдов и лошадей». Быстрое развнтие и успехи моиголов в XII в. китайские авторы ие прочь были приписать себе. В данном случае характереи следующий текст: «С годов правлеиия Тяиь-цзюань (1138—1140 г.) монголы иачали возмущаться. Главнокомандующий войсками Цзуи Би иесколько раз подряд высылал против них войска, но эти войска ие смогли их покорить. Тогда он разделил войска, которые заияли и стали удерживать стратегически наиболее важные пуикты. С другой стороиы, им были сделаны щедрые подкупы. Их государство (государь) также назывался цзуюаиь хуаиди — «император — осиовоположинк дннастни». Иногда оии устраивали иа граинцах беспорядки. И если им дарили юиошей и девушек, яшму и парчу, то враги, вспомиив о своих домашнх делах, возвращали войска обратио. Монгол иазвался нмператором. И поскольку оии иападалн иа государство Цзииь, оии захватывали китайских и киданьскнх детей и женщни и делалн этих (жеищии) своими женамн н наложнницами. С этнх пор родившиеся (от таких браков н связей) дети уже совершеино ие походилн на монгол. Итак, (монголы), постепеиио стали есть вареную пищу, а когда прибывали ко двору, то именовалн свое государство Да Мэигу го — Государство Великих Монгол». В даиием случае в достаточно раиием изложеиин мы сталкнваемся с китайской идеей о роли смешаиных браков в акультурацни и ассимнляции иноплемеииков.

Сведения о жизни монголов в XII в. и раиее очень ограничены. Но если нам не удается загляиуть по-настоящему в XII век, давайте посмотрим на жизнь монголов первой половины XIII в. глазами их современников: даосского монаха Чаи Чуия, у которого Чингис пытался заручиться рецептом бессмертия; суиских дипломатов Чжао Хуиа, Пэи Дая, Сюй Тииа и Чжаи Дэ-хоя; послаица папы Иннокентия IV францискиаиского монаха, итальяица Плаио Карпини; другого моиаха минорита, фламаидца Гильома Рубрука, послаиного к моиголам французским королем Людовиком IX; перса Ата-Малика Джувэйии, приехавшего в столицу моиголов со своим отцом на выборы иового хаиа; иакоиец, зиаменитого венециаица Марко Поло. Все эти люди, посетившне Монголию,— Чаи Чуиь в 1220—1224 гг., Чжао Хуи в 1221 г., Пэи Дая в 1233 г., Сюй Тии в 1235—1236 гг., Плано Карпиии в 1246—1247 гг., Чжаи Дэхой — в 1248 г., Гильом Рубрук в 1253—1255 гг., Ата-Малик Джувэйни с 1251 г. и Марко Поло с 1274 г. — описали Моиголию в период ее могущества и расцвета, и тем ие меиее только оии и те их современники, которые описывали моиголов с чужих слов или увидели их как завоевателей, о некоторых из иих мы тоже упомяием, увидели и ее обитателей во многом и такой, какой оиа была в юные годы Темучжиина. Для всех иих, кнтайского даоса и китайских дипломатов, европейских моиахов и веиецианского купца, сыиа персидского царедворца из Хорасаиа, это был иовый мир, «иарод безвестиый и чужой». Оии стремились поведать о ием своему миру, каждый по своему, ио одинаково убеждая «верить тому, что мы пишем для вашей пользы и предосторожиости, вы должны верить тем безопасиее, что мы или сами видели все своимн глазами, страиствуя одинаково у них и вместе с ннмн... или пробыв в их среде» (Плаио Карпиии).

Монголия поражала воображеиие приехавших в страну чужеземцев. «Куда бы взор ин достнгал,— писал Чаи Чуиь,— ие видио коица горам н рекам; ветер н тумаи беспрерывиы, и реки вечно текут. Для чего Творец, образуя вселениую, в этих странах повелел людям пасти коией и коров?»

«Домом татар и местом нх пронсхождения н рождеиия,— писал Джувэйни,— является гигантская долина, размеры которой составляют семь нлн восемь месяцев пути как в длниу, так и в ширииу. На востоке она граничит с землей Китая, на западе — со страной уйгуров, на

севере — с кыргызами и рекой Селенгой и на юге — с тангутами и тибетцами».

Соседи разделяли монголов на лесных и степных. Севериые районы распространения монгольских племен: Восточные Саяны, хребет Танну-Ола и Южный Алтай заселялн так называемые лесные племена. Заннмались они охотой н рыболовством, жнли в легких шалашах из коры березы и других деревьев, приручали диких животных, в особенностн марала-изюбря и косулю, мясом и молоком которых питались. На марал-изюбрей вьючили они н свой нехитрый скарб, когда, блуждая по лесам, перебиралнсь с места на место. Использовали они также и лошадей. Зимой охотнлись и передвнгались по лесу на лыжах. Одежды шнлн нз шкур животных. Особенно много били они соболей и белок, мехом которых славились их края. «Лесными» по образу жизни н способу ведения хозяйства были и многие монголы северных районов Монголни, пока не перешли на кочевое хозяйство. В юные годы Темучжнна верховья Онона, Керулена и Толы представлялн собой еще лесистую горную местность. Но уже в это время лесные племена жили в далеких северных районах и не нграли сколько-ннбудь существенной ролн в бурных событнях второй половины XII века. Эти события назревали и развивались в обшириых степях, где жили степные племена, основная масса татаро-монгольских племен, занимавшнхся кочевым скотоводческим хозяйством.

Китайцы делилн татаро-монголов на белых, черных и диких. Белые татары (онгуты) кочевали вдоль Великой китайской стены, они былн белымн потому, что в нанбольшей степенн воспринялн достижения китайской цивнлнзацнн. Черные татаро-монголы жилн в глубинных районах Монголии. Чжао Хун писал: «Так иазываемые дикие татары весьма бедны, да еще прнмитнвны, не обладают ннкакими способностями. Они только и знают, что скакать на лошадях вслед за всемн другимн». «Нынешний император Чннгис, а также все его полководцы, министры и сановники являются черными татарами».

Путешественников, особенно европейцев, поражал внешний облик монголов. «Внешний внд лиц,— писал Плано Карпинн,— отлнчается от всех других людей. Именно между глазами н между щеками они шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скул, нос у них плоский и небольшой, глаза маленькие, и ресницы приподняты до бровей. В поясе они, в общем тонки, за

исключением некоторых, и притом немногих, росту почти все невысокого. Борода у всех почти вырастает маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на подбородке есть небольшие волосы, которые они отнюдь не стригут... Из... волос они составляют две косы и завязывают их каждую за ухом. Ноги у них тоже небольшие». Альберик (умер 1241 г.) сообщал: «...голова у них большая, шея короткая, весьма широкая грудь, большие руки, маленькие ноги, и сила у них удивительная. У них нет веры, они ничего не боятся, ни во что не верят, ничему не поклоняются, а король их называется королем всех королей». Армянский автор сообщал: «Они были широкоплечие, с мускулистыми руками, большеголовые, с гладкими и взъерошенными волосами, узкоглазые, широколобые, плосконосые и редкобородые. Их отношение к людям было беспощаднее, чем у зверей, а их настоящее имя было хара-татар».

«Татары,— писал Чжао Хун,— в большинстве случаев не очень высоки ростом. Самые высокие не превышают пять чи и двух-трех цуней. Среди них нет таких полных и толстых. Лица у них широкие и скулы большие. Глаза без верхних ресниц. Борода весьма редкая. Внешность довольно некрасивая». Рост монголов, таким образом, Чжао Хуи определил примерно в 162—165 см.

Стоит отдельно сказать о мужской прическе древних монголов. «Бреют голову, оставляя три чуба... когда передний немного отрастает, его подстригают, а два боковых связывают в маленькие пучки и спускают на плечи» (Чжао Хун). Чань Чуинь писал: «Мужчины связывают волосы и свешивают до ушей». Другой китайский источник сообщал: «Сбривают круг на самой макушке. Остающиеся спереди волосы коротко подстрижены и свисают в беспорядке, но волосы по обе стороны (головы) отделяют и связывают в два узла. (Они) свисают до одежды слева и справа... Некоторые соединяют и заплетают (волосы) в одну косу и она прямо свисает сзади поверх одежды». В «Корё са» (История корейского государства Корё) прическа монголов описана так: «У монголов обычай сбривать макушку до лба. Вид их волос как оставленные (клочья) волос. Средний из них называется цечоуэр». Н. Ц. Мункуев, сообщая, что волосы, свисающие на лоб, назывались кегюль, а пучки с двух сторон головы шибильгер, полагает, что такой тип прически, которую носили древние монголы-мужчины, идет от «обитателей древней Сибири». Между тем, это не

совсем так. Может быть, какие-нибудь иароды Сибири и носили такую прическу, особенно в послекиданьское время, ио моиголы свою прическу получили явно от кидаией. Хорошо нзвестио, что имеино эту прическу, именовавшуюся по-китайски «туфа» — бритая верхняя часть головы и затылок, оставлеиные челка и две косицы по бокам, часто с висков, носили кидаии. Имеется иемало изображений кидаией с такой прической, особеиио из гробниц кидаиьских императоров, т. е. изображеиий из первых рук, выполненных, кстати, в цвете. Этот же тип прнчески был занмствоваи от кидаией таигутами Си Ся и введен в 1036 г. таигутскнм императором Юань-хао как тип прнчески государствеииый. Мы можем увереино сказать, что и моиголы заимствовали прнческу от киданей. Ее модификации с косой это уже чжурчжэньское влияние, ибо косу иосили мужчиины чжурчжэни, позже их потомки маиьчжуры, а уже по приказу маиьчжуров при дииастии Цин и все китайцы. Едииообразие прически имело государствеиное зиачеиие, ее ношеиие озиачало подчииение и лояльиость властям, если моиголы ие иосили туфа до объединения Моиголии, то можио почти уверенио счнтать, что туфа была введеиа Чиигис-хаиом как акт унификации, акт подчинения и объединения страиы.

Чань Чунь, одним из первых посетивший Моиголию, изложил свои впечатлеиия от зиакомства с ней и в путевом диевнике: «Обитателей весьма много; все они [...] живут в чериых телегах и белых юртах. Обычиое заиятие их — скотоводство и звероловство. Одеваются в кожаиое и меховое платье, питаются мясом и молоком. Жнтели переходят с места иа место, смотря по тому, где есть вода и трава для пастбища». «Вообще моиголы,— писал несколько поздиее Чжаи Хун Дэхой,— с наступлеиием лета кочуют по высоким и прохладным местам, а к зиме перекочевывают в места более теплые, открытые в полдень, где легко можно доставать топливо и воду. По прошествии этих периодов они переходят с одиого места на другое; сегодия идут, завтра стоят, останавливаясь там, где есть трава и вода. Таковы потребиости и обычан страиы». «Земли изобилуют водой и травой и благоприятны для овец и лошадей. Это является их средством к существоваиию» (Чжао Хуи). Дальиость перекочевок определялась условиями местиости и величиной стад. Сеиа иа зиму монголы, как правило, не запасали, а старались жить в местах ие очень

заснеженных, где скот мог добывать себе корм — сухую траву на корню.

Жилищем монголам служили юрты, разборные или установленные на телегах. Плано Карпини так описывает монгольскую юрту: «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же, в середине ставки, имеется круглое окно, оттуда падает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны тоже из войлока». По сведениям Чан Чуня, деревянный каркас юрты изготовлялся обычно из ивы. «Дома на колесах» — юрты, поставленные на телеги, хорошо описаны Г. Рубруком: «Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетеных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка, наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком, чаще пропитывают войлок также известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также они берут черный войлок. Этот войлок около верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок разнообразный от пестроты тканей. Именно они сшивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей. И они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину [...] Я насчитал у одной повозки 22 быка, тянущих дом, 11 в один ряд вдоль ширины повозки и еще 11 перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков». Марко Поло сообщает, что такие юрты на телегах хорошо укрывали монголов от непогоды: «Телеги у них покрыты черным войлоком, да так хорошо, что хоть бы целый день шел дождь, вода ничего не подмочит в телеге; впрягают в них волов и верблюдов и перевозят жен и детей». Разбирать и снова ставить юрты, не укрепленные постоянно на телегах, было обязанностью женщин. Каждый раз на новом месте юрты устанавливали так, что вход их всегда был обращен на юг. При перекочевках повозки передвигались по пять в одном ряду. Древние монгольские юрты несколько отличались от современных, а колесные телеги с юртами в наши дни монголы не используют совсем. Старый тип юрты с шейкой в современной Монголии не сохранился,

но нм пользуются моиголы Афганистана — хазарейцы. Юрта с шейкой была н в Ордосе, в Эджен-Хоро на месте смертн Чнигнс-хана, где были сооружены его войлочные юртовые усыпальницы. Л. Л. Внкторова вндит отлнчие тюркской юрты от монгольской в том, что кровля тюркской юрты куполообразиая, а у монгольской — коннческой формы, н в том, что тюрки ставнлн юрты входом на восток, а монголы — на юг. Последнее отлнчне не может быть прнзнано абсолютным, нбо древние монголы имелн два вида орнентацнн — на восток н на юг. Соответственно правая рука у ннх могла означать и юг н запад, а левая — и север н восток.

На стоянках монголы располагалнсь куренямн (кольцом). В цеитре кольца находилась юрта главы даниого кочевого сообщества. Курень обеспечнвал надежную защнту от внезапных нападенний врага. Однако владельцам большнх стад часто было выгодно пастн свои стада и кочевать отдельно, на лучшнх пастбищах. Поэтому нмел место н такой способ перекочевок и выпаса скота, когда состоятельиый владелец стада жил н кочевал вместе с куренем, с членами которого он был связан зачастую отношеннямн подлнннного нлн мнимого, так называемого «вторнчного» родства, но свой скот пас отдельно, своей семьей, анлом. По миеиню акад. Б. Я. Владимирцова «соединенне куренного хозяйства с аильным представлялось, по-виднмому, монголам XI—XIII вв. самым ндеальным». Выделенне аила знаменовало собой разложение куреня. Позднее с образованием едииого монгольского государства куренной способ кочевания нсчезает. По таигутскнм законам, современным эпохе юиостн Чнигнс-хана, кочевнпк ие нмел права самовольно покндать тот коллектнв н то хозяйство, к которому он был прнписан, если он покннул свой коллектнв и, став в одиночку беззащнтным, был ограблен, то нес за это уголовную ответственность. Курень иадолго оставался у монголов как способ размещеиня войск на стоянках н ночлегах, кольцо телег создавало иадежную защиту от внезапного нападення врага.

Летние и знмние пастбища каждого из монгольскнх племен, а внутрн племенн, рода, куреня, были точно определеиы. Если скот был собственностью аила (семьи), то пастбища находнлнсь в коллектнвном пользовании. Право собственностн коллектива на пастбища выражалось в существоваиии всем нзвестных граннц пастбнщ и в праве регулирования правнтелямн племени и куре-

ией порядка перекочевок аилов, связаиных илн несвязаииых кровиым родством.

Монголы разводили коней, коров н быков, овец, коз, в меньшем числе верблюдов. Кажущееся или действительиое обилие скота у кочевиików поражало современников. «Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, коровами и лошадьми,— писал Плано Карпини.— Вьючного скота у иих такое огромное количество, какого, по иашему миению, нет в целом мире». «Тот, кто имеет одиу лошадь,— сообщал Чжао Хун,— обязательно имеет шесть-семь баранов, так что тот, у кого сто лошадей, обязательно имеет отару в шестьсот-семьсот овец». «Овец и коз они караулят сообща и доят иногда мужчины, иногда женщины» (Г. Рубрук). «Всякий старшина,— дополняет эти сведения Марко Поло,— или у кого много скота, метит своим знаком жеребцов и кобыл, верблюдов, быков и коров и всякий крупиый скот; с меткой пускает их пастись без всякой стражи в равииины и в горы; если скотиина смешается, отдают ее тому, чья метка; овец, баранов, козлов пасут люди. Скот у иих крупиый, жириый, славиый». Клеймо (тамга), поставленное иа животном, являлось знаком, свидетельством права собствеиности иа иего.

Современников особеиио восхищали своей выиослнвостью и послушаиием моигольские лошади. «Лошадей,— писал Чжао Хуи,— ...на первом или втором году жизни усилению объезжают в степи и обучают. Затем растят в течеиие трех лет и после этого сиова объезжают их». Кони ие ржут, не убегают. «В течеиие дня их не кормят сеиом. Только на иочь отпускают их на пастбище [...] На рассвете седлают нх и едут [...] Всякий раз, когда татары выступают в поход, каждый человек имеет несколько лошадей. Он едет иа них поочередио, смеияя их каждый деиь. Поэтому лошади не изиуряются». Как говорили древние моиголы, «если не поскакать на коне и не пострелять из лука, то больше иечем и развлечься». Для верховой езды монголы чаще всего использовали меринов.

Вторым по важиости после скотоводства занятием монголов была охота. Моигол древией эпохи был, по меткому определению Б. Я. Владимирцова, «кочевиикомохотником». Охота была и одиим из средств существования и хорошей школой воинского мастерства. «Татары родятся и вырастают в седле. Сами собой оии выучиваются сражаться. С весны до зимы они каждый день гонят-

ся и охотятся. Это и есть их средство к существованию. Поэтому у них нет пешнх солдат, и все — конные воины». Помимо обычной индивидуальной охоты часто устраивались охоты облавные, в которых принимали участие многие анлы и курени. «Их обычай — стрельба из лука и охота. Когда их правитель устраивает облавную охоту, всегда непремеино собираются большие массы людей. Они выкапывают ямы и втыкают в них колья. Последние соединяются между собой волосяными веревкамн, а к веревкам прнвязываются лоскуты войлока и птичьи перья [...] Веревки тянутся кругом на 100—200 ли (50—100 км). Так как на ветру колышутся перья и лоскутки войлока, то перепуганные звери не осмеливаются перебегать. После этого люди окружают огромный участок; постепеино прижимая зверей к середине круга, ловят и бьют их» (Пэи Дая, Сюй Тии).

Хорошо нзвестио, что чистого кочевничества практически не существовало. Моиголам в ограниченной мере было зиакомо и земледелие. «В их государстве также в двух-трех местах роднтся клейкое черное просо. Они варят из иего кашицу». Китайские комментаторы этого пассажа из сочинения Чжао Хуна прнводнли сведения других источников о родственных монголам иародах, которые «варят кашицу нз проса в котлах с плоскнм дном и пьют, разбавляя ее холодной водой». Скот и охотничья добыча понлн, кормнлн, обувалн н одевалн древнего моигола, «кочевиика н охотинка».

В монгольской семье «мужчины делают луки и стрелы, прготовляют стремена и уздечки н делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, т. е. кобылье молоко, делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и вьючат их», а «обязаиности женщин состоят в том, чтобы править повозками, ставнть на ннх жилища и снимать нх, доить коров, делать масло н гурт (сухое молоко), прготовлять шкуры н сшивать нх, а сшивают нх онн ниткой нз жил» (Г. Рубрук).

«В поход отправляются, взяв с собой жеи и детей. Они самн говорят, что женщины нужны, чтобы заботиться о такнх делах, как поклажа, платье, деньги н вещи. У них исключительно женщины иатягивают и устанавливают войлочные палатки, принимают и разгружают верховых лошадей, повозкн, вьюки и другие вещи. Онн очень способны к верховой езде» (Чжао Хун).

Все исследователи древиемоигольского общества под-

черкнвают высокое н самостоятельное положенне монгольскнх женщнн.

Из шкур жнвотных монголы шили себе одежду: рубашкн, кожаные штаны, шубы. По словам Г. Рубрука, «богатые... подшнвают себе платье шелковымн охлопкамн, которые весьма мягки, легкн и теплы. Бедные подшивают платье полотиом, хлопчатой бумагой н более нежной шерстью, которую онн могут нзвлечь нз более грубой». Но данные сведенія, по-виднмому, отражают уже более поздние времена, когда у монголов после завоевательных походов появнлось немало тканей. Блнже всего к древней, очевидно, была знмняя одежда монголов. «Зимою они,— сообщает Г. Рубрук,— всегда делают себе по меньшей мере две шубы: одну, волос которой обращен к телу, а другую, волос которой находится наружу к ветру н снегам. Эти шубы сшнты по большей части из шкур волчьих н лнсьнх... Бедные прнготовляют верхине шубы нз шкур собачьих и козьих». Древние моиголы не стнрали одежду,— «так как бог тогда гиевается и что будет гром еслн нх (одежды — Е. К.) повеснть сушнть» (Г. Рубрук). Накндки н шапкн протнв дождя монголы делали из войлока. По реконструкцин специалнстов-этиографов, основной одеждой древних монголов был халат без плечевого шва, с запахом на правую сторону. Древнне народы Центральной Азии различалнсь на монголов и тунгусо-маньчжурские народы, с правосторонним запахом и тюркские народы с левостороиним запахом верхней одежды. Халат перепоясывался мягкнм поясом. Пэн Дая в 1233 году так опнсывал одежду монголов: «У ннх верхнего платья пола запахивается направо, а борт квадратный. Раньше оно шнлось нз грубого сукна и кожи, а теперь из полотна, шелка. Цвет выбнрается красный, фиолетовый, пурпурный и зелеиый. Рисунки на тканях — изображенння солнца, луны, дракона и феникса». «Кроме того, татары скручивают полоску красного и фнолетового шелка и перевязывают платье поперек по тални. Эту полоску шелка называют поясом».

К числу богатых женских одежд отиосился халат с большнми рукавамн и длиннымн полами, одежда скорее парадная, чем обычная. По сведенням Чжао Хуна, «у женщнн еще бывает халат с большими рукавами, как кнтайская шуба на птнчьем пуху, шнрокнй и длннный волочится полами по земле. Когда женщина идет, то две рабынн поддерживают шлейф».

Мужчины и женщины носили одинакового покроя сапоги, отличавшиеся лишь размером и украшением. Монгольский сапог был приспособлен к верховой езде. Голенище сапога было одинаковым по размеру в верхней и нижней части, кроилось из двух кусков, из двух кусков кроились и союзки, которые наглухо пришивались к голенищу. Все это крепилось на толстую подошву с войлочной прокладкой, жесткий носок сапога был загнут вверх.

Меньше ясности с головным убором. Замужние женщины носили специальный головной убор богтаг. Высокий каркас шапки изготовлялся из проволоки. Его «украшали темнокоричневыми узорчатыми вышивками или жемчугом и золотом. Сверху на ней (шапке богтаг — Е. К.) еще имеется торчащая вертикальная палочка. Ее украшают темно-коричневым сукном» (Чжао Хун). «Замужние женщины,— сообщал Чан Чунь,— надевают на голову бересту фута в две вышины и весьма часто накрываются сверху черной шерстяной фатой, а богатые женщины — красной сырцовой тафтой; хвосты этих шапок похожи видом на гуся или утку, а называются гугу (богтаг — Е. К.); они весьма боятся, чтобы кто-нибудь неосторожно не наткнулся на эти шапки, и входят в юрты или выходят из них, нагнувшись вниз и задом». Л. Л. Викторова, исследуя в Халхин-гол сумуне изваяния из серого гранита, которые она датирует XIII—XIV веками, полагает, что парадная мужская шапка представляла собой «шляпу с небольшими полями, чуть опущенными книзу, и круглой тульей. Сзади к макушке на шляпе прикреплялись полоски шелка, которые свисали на спину».

Питались древние монголы в основном мясом и кумысом. «Мясо они жарят на огне в девяти случаях из десяти, а в двух-трех случаях из десяти варят его в чане о трех ногах» (Пэн Дая, Сюй Тин). «Кобылье молоко, если оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечье, коровье и верблюжье молоко. [...] Зимою у них нет даже и кобыльего молока, если они не богаты. Они также варят просо с водою, размельчая его настолько, что могут не есть, а пить. И каждый из них пьет поутру чашку или две, и днем они больше ничего не едят, а вечером каждому дается немного мяса, и они пьют мясную похлебку. Летом же, имея тогда достаточно кобыльего молока «обычно молока от одной кобылы достаточно для насыщения трех человек» (Чжао Хун),

онн редко едят мясо, если им случайно не подарят его или они не поймают на охоте какого-нибудь зверя илн птицу» (Плаио Карпинн). «И онн также довольио выносливы: голодая день или два н вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-либо нетерпенння» (Плано Карпннн). «Когда при выездах в карательный поход в Срединное государство татары съедают в путн всех овец, то они стреляют зайцев, оленей и днкнх кабанов для пропнтання» (Чжао Хун), а «случается надобность, так скачут, скажу вам, дней десять без пищн, не разводя огня, и питаются кровью свонх коней; проткнет жнлу коня да и пьет кровь» (Марко Поло). Разделить трапезу с путнником считалось у монголов делом естественным. «Встретив обед, они (т. е. проезжие моиголы — Е. К.) без церемоний садятся вместе с хозяевамн»,— пишет Чан Чунь*.

Возможно, уже в глубокой древности сложнлась цветовая символика классификации пищи. Существовала пища белая — молоко и молочные продукты, желтая — масло, красная — мясо и продукты из мяса, зеленая — дикорастущие коренья и травы (лук, ревень и т. п.), черная — мясной бульон, вода, позже чай без молока.

Кровь жнвотного считалась обиталищем его души. При забое скота старались не проливать кровь. Для этого делали разрез под грудиной животного, например, барана, затем, просунув в разрез руку, обрывали согнутым указательным пальцем сонную артерню. Если кровь животного не была пролита, то предполагалось, что животное спит. «А раз жнвотное спит, оно временно перешло в тот, невидимый, но вполне реальный мнр, а потом может снова возродиться в свонх потомках и убылн в стаде не произойдет» (Л. Л. Викторова).

Из молока делали водку. Пьянство ие считалось пороком, наоборот, пьяный гость только радовал хозяина. «По обычаю татар на пиру хозянн держнт в руках блюдо и чарку и уговаривает гостя пить и есть. Если гость, который пьет, оставнт хоть каплю, то хозяии ни в коем случае не берет обратио чарку. Когда видят, что человек выпнл внно до конца, то бывают рады». «Всякнй раз, когда онн пьют внио, они прежде всего совершают возлияние». «Всякий раз, когда татары видят, что чужеземный гость, напнвшись, шумит, нарушает этикет, либо его рвет нли он уснул, они бывают очень довольны

* Обычай, который стоил жизни отцу Темучжина Есугаю.

и говорят: «Раз гость напился, то значит он с нами душа в душу». Чжао Хуи, выдержки из сочинения которого мы привели выше, сам был жертвой монгольского гостеприимства — Мухали оштрафовал его шестью чаркамн вина за неявку на игру в конное поло — «к концу дня ваш посол неизбежно сильно пьянел и тем кончил». В ходу было и взаимное потчевание — пирующие обменивались чарками. По сведениям Рашид-ад-дина, Чингис-хан был озабочен ограничением пьянства у своих подданных, он постановил, что «если уже нет средств против пития, то человеку нужно напиться три раза в месяц. Как только он перейдет за три раза — совершит наказуемый проступок. Если же в течение месяца он напьется только дважды — это лучше, если один раз — еще похвальнее, если же он совсем не будет пить, что может быть лучше этого? Но где же найти такого человека, который совсем бы не пил?». Общепризнанно, что сын Чингиса и его преемник на престоле Угэдей был алкоголиком.

Европейцам некоторые способы приема пищи монголами казались негигиеничными. «Никогда не моют они блюд,— писал Г. Рубрук,— мало того, сварив мясо, они моют чашку, куда должны положить его, кипящей похлебкой из котла, а после обратно выливают в котел». Совершенно необычными для них были и некоторые виды пищи, например, кумыс. Тот же Г. Рубрук не только подробно описал способ приготовления кумыса, но и те чувства, которые он испытал, впервые отведав его: «В тот вечер служитель, который провожал нас, дал нам выпить кумысу; при первом глотке я весь облился потом вследствие страха и новизны, потому что никогда не пил его. Однако он показался мне очень вкусным, как это и есть на самом деле». Г. Рубрук, очень обстоятельный информатор,— отметил, что на пирах соблюдался определенный порядок угощения: «Прежде чем поставить мясо барана гостям, господин сам берет, что ему нравится, а также если он даст кому-нибудь особую часть, то получающему надлежит съесть ее одному, и нельзя давать никому; если же он не может съесть всего, то ему надлежит унести с собою или отдать своему служителю».

В знак приветствия при встрече монголы обнимали друг друга. Чжао Хуи считал нравы монголов простыми. Монголы «презирают дряхлость и любят силу», «в их обычае нет взаимных драк и ссор», «они находят радость в питье и пиршестве», «по обычаю татары в большинстве случаев не моют рук, и они хватают рыбу или мясо

грязнымн рукамн. Когда на руках появляется жнр, онн вытирают нх об одежду. Онн не снимают и не стнрают одежду до тех пор, пока ие нзиоснтся» (Чжао Хун). По заметкам тех же современнпков, древнне монголы были закаленнымн, снльнымн, честными людьмн, которые, «давшн слово, не нзменяли ему» (Чан Чунь), н которые «не подымут на дороге утерянных чужнх вещей» (Пэн Дая, Сюй Тнн). Счет времени они велн, сообразуясь с явлениямн окружающей прнроды: «Когда зазеленеет трава, то счнталось, что прошел целый год, а когда впервые появляется новый месяц, то считалось, что прошел месяц» (Пэи Дая, Сюй Тин).

Еслн монгола спрашнвалн, сколько ему лет, он отвечал, что столько, сколько в его жнзнн было весен, сколько раз заново молодой травой зеленела степь.

Чжао Хун рассказывал: «Отсчнтывают однн год, когда зеленеют травы», «когда у них люди спрашнвают возраст, то онн говорят: «Столько-то трав». Я, Хун, так же часто спрашнвал у ннх дии и месяцы их рождення. Они смеялнсь и отвечалн мне: «Мы иикогда не знали этого». Онн даже не могли вспомнить, было это весной нли осенью. Каждый раз, когда онн вндят, что луна округлнлась, они отсчнтывают однн месяц. Только когда онн замечают, что появленне зеленой травы задержнвается, онн поннмают, что в этом году имеется добавочный (тринадцатый) месяц». Месяц древние монголы деллнлн на трн декады: новолунне, полнолуине и старость месяца. В летонсчислеиии оии пользовались традпционным для Центральной Азни двенадцатнлетнпм цнклом, в котором каждый год звался именем животного: мышн, быка, тнгра, зайца, дракона, змен, коня, овцы, обезьяны, курицы, собакн н свнньн.

Древнне монголы не знали пнсьменностн. По свндетельству Чан Чуня, н в годы его посещення Монголни онн «договарнваются только на словах и заключают контракты вырезыванием меток на дереве». «Суд творят вот так: «Кто украдет хотя бы и немного — тому за это семь палочных ударов, нлн семнадцать, или двадцать семь, илн трндцать семь, нлн сорок семь н так доходят до трехсот семи, увеличивая до десяти, смотря по тому, как украдено. От этнх ударов многне помирают. Кто украдет коня нлн что-лнбо другое — тому за это смерть; мечом разрубят его, а кто может дать выкуп, заплатить против украденного в десять раз, того не убнвают» (Марко Поло).

«О свадьбах их знайте, что никто не имеет там жены, если не купит ее» (Г. Рубрук). «А женятся они вот как: всякий берет столько жен, сколько пожелает, хотя бы сотню, коли сможет их содержать». «Приданое отдают матери жены, а жена мужу ничего не приносит. Первую жену они, знайте, почитают за старшую и самую милую» (Марко Поло). Богатые скотоводы устраивали пышные свадьбы. Такую свадьбу видел Чан Чунь: «Старшины окрестных кочевьев, в окружности на 500 ли (т. е. 250 км) приехали с кобыльим молоком для вспоможения. Черные телеги и войлочные юрты стояли рядами в числе нескольких тысяч». Женщины украшали себя, смазывая лоб желтыми белилами».

«Ни одна вдова не выходит у них замуж на том основании, что они веруют, что все, что служит им в этой жизни, будет служить и в будущей; отсюда о вдове они верят, что всегда вериется после смерти к первому мужу. От этого среди них встречается обычай, именно, что сын берет иногда всех жен своего отца за исключением матери. Именно двор отца и матери достается всегда младшему сыну. Отсюда ему надлежит заботиться о всех женах своего отца, которые достаются ему с отцовским двором, и тогда при желании он пользуется ими как женами, так как он не признает, что ему причиняется обида, если жена по смерти вериется к отцу» (Г. Рубрук). «С чужой женой ни за что не лягут и считают это за дело нехорошее и подлое» (Марко Поло).

Как мы видели на примере Темучжина, брачные контракты заключались родителями часто тогда, когда будущие супруги были еще малолетними детьми. Безбрачие, по-видимому, считалось недопустимым и позорным. Во всяком случае, один описанный Марко Поло обычай свидетельствует о том, что родители стремились добиться заключения брачных контрактов даже для умерших детей: «Если у двух людей помрут, у одного сын лет четырех или около того, а у другого дочь, они их женят; мертвую девку дают в жены мертвому парню, потом пишут уговор и сжигают его, а когда дым поднимается в воздух, говорят, что уговор понесло на тот свет, к их детям, чтобы те почитали друг друга за мужа и жену. Играют свадьбу, разбрасывают еду там и сям и говорят, что это детям на тот свет [...] а коичат все это, почитают себя за родных и родство блюдут так же, как бы их дети были живыми».

Весной монголы поминали усопших, забивали лошадь,

мясо делили между членами семьи, рода в зависимости от близости родства, шкуру лошади вешали на шест возле места погребения предков. При жертвоприношении старейший в роде в белых одеждах и на белой лошади исполиял «велнкое песиопеиие», гимн предкам и обращение к ним. Родовые кладбнща были в уединенных местах, часто под горой, скалой. Когда скончался военачальник Хунлдар, Чингис-хан повелел похороиить его в местности Халха под иависшей скалой.

«В их обычае больше всего чтить Небо и Землю. По каждому делу оии непремеино упомнпают Небо» (Чжао Хуи). Кроме «Вечного снпего Неба» — Тэнгри и богини земли Этуген, почнтался также дух Огня — Ут. Изображения божков-оигоиов нмелись в каждой юрте. Описание их сохраиилось в труде Марко Поло: «А вера у них вот какая: есть у иих бог, зовут оин его Начигай и говорят, что то бог земиой; бережет он их сынов и их скот да хлеб. Почитают его и молятся ему миого; у каждого он в доме. Выделывают его из войлока и сукна и держат по своим домам; делают онн еще жену того бога и сынов. Жену ставят по его левую сторону, а сынов перед ннм; и им тоже молятся. Во время еды возьмут да помажут жириым куском рот богу, жене и сынам, а сок выливают потом за домовою дверью н говорят, проделав это, что бог со своими поел, и начинают сами есть и пить».

По мнеиию одного из комментаторов «Книги Марко Поло» Г. Юла название божеств «начигай» имеет аналогию в бурятском «иугайт», «иогот», слове, обозначающем, как «онгот» у тунгусов низшие божества. Из сонма этих божеств монголы еще выделяли особо «заягчи», хранителя судьбы и божество, приносящее счастье, и «эмегелджи», охранителя стад, изображеиие которого делалось из шкуры барана и ставилось у дверей юрты. Огромиое значеиие имел воинский культ знамеии, зиаменн приносили жертвы, в эпоху Чингис-хана, возможно,— и человеческие жертвы.

С вероваииями в духов были связаны миогие поверья и гадания древиих монголов. Гадали иа бараньей лопатке. Ее жгли на огне, потом билн железным молотком. На лопатке образовывались трещины, разглядывая эти трещины и гадали. «Что касается их гадания, то они обжигают бараиью лопатку и определяют счастье или несчастье, смотря по тому, проходят ли трещнны по ией по иаправленню туда или обратно. Этим гаданием решается все — откажет ли Небо в желаемом нли даст его» (Пэн

Дая, Сюй Тии). Известно, что Чингис-хан лично гадал, сжигая баранью бедреиую кость. «Когда кто-иибудь занедужит,— сообщал Г. Рубрук,— он ложится в постель и ставит зиак иад своим домом, что там есть недужиый и чтобы никто ие входил... Имеиио оии опасаются, чтобы с входящим ие явился злой дух или ветер». Наверное, это было и так, ио главное, особый знак у юрты больного должеи был предотвращать распространеиие болезни. Старое монгольское общество практиковало целый ряд запретов, связаииых с верой в духов: запрещалось купаться в реке, черпать воду золотой и серебряиой посудой, резать скот, перерезая ему горло, ступать ногой на порог жилища, извлекать мясо из котла иожом, бить лошадь уздой, осквериять огоиь и т. д. и т. п.

Определенную трудность представляет собой определеиие уровия социальиого развития монгольских племен XII в. В решеиии этого вопроса пока иет единства, но постепеиио возобладает представлеиие о том, что это общество ие было первобытно-общиниым, родоплеменным, обществом «воеииой демократии» и т. д. Современные моигольские историки из КНР Иличжэиь и Намуюиь считают моигольское общество середииы века (времен Хабул-хаиа) — обществом классовым. В последием издаиии истории МНР иаписаио, что «кочевое скотоводческое общество моигольских племеи в коице XII в. вступило в стадию развития феодального способа производства». «Обок» уже ие рассматривается как род, а трактуется как «фамилия» («сииши»), под господством которой иаходились иесколько родственных семей (Намуюнь). Это ие простая группа родствеиников по линии отца, а «иерархическое образоваиие, состоявшее из иескольких социальиых групп» (Сяо Циции). Действительио, «Тайиая история» иачииает свою повесть с эпохи Алаи-Гоа. Это явиый период распада первобытнообщинного строя, время «взаимиых прекаиий и ссор» из-за пользоваиия звероловиыми угодьями, развала старых родоплемеиных форм и отпочкования иовых обок*. Татарское общество той эпохи зиает уже социальиое неравеиство, продажу людей в кабалу, в услужеиие. Распад ста-

* Родители Алан-Гоа перекочевали к Бурхан-Халдуну из местиости Арнх-Усуи в Хори-Туматские земли по той «причине, что на родине, в Хори-Туматской земле, шли взаимные пререкания и ссоры из-за пользования звероловными угодьями». Отец Алан-Гоа Хорилартай-Мерген и решил поэтому «выделиться в отдельный род-обок, под названием Хорилар».

рых обок вызывал недоверие людей друг к другу*. В монгольском обществе XII в. нмелись богатые (баяи) и бедные (ядагу хувун). Класс лнчно несвободных людей — рабов, протнвостоял лично свободным людям. Рабы делились по полу на рабов-мужчнн («богол») н женщнн-рабынь («индже»).

Обок XIII в. это не кровное родство, а объединение, в котором были бедные и богатые, господа и подчиненные н рабы. Родня от одного предка составляла урук, члены урука ие могли вступать в брак между собой, и заключали брачные союзы только с неродиым уруком, джатом.

Зависнмые моиголы нменовались утэгу-боголы. «Значение (нанмеиование) утэгу-богол,— сообщает Рашид-ад-днн,— то, что онн (дарлекины) являются рабамн и потомками рабов Чингис-хана». Уже в X в. отношения соцнального равенства вызывали удивление н презирались. Бодончар говорит своему старшему брату Бугухадаги: «Давешние-то люди, что стоят на речке Туигелик, жнвут — все равны, нет у ннх нн мужиков, нн господ, ни головы, ии копыта, ннчтожный народ. Давайте-ка мы нх захватнм! [...] Тогда братья впятером полоннли тех людей н стали те у ннх слугами-холопами при табуне и кухне». Китайскнй историк Гао Вэньдэ прнводнт сведення о том, что рабы были практнческн у всех предков Чннгис-хана, начиная с предка в двенадцатом поколеиин. Рабство было наследственным, существовало понятие «джалау» — потомственные рабы. Источникамн рабства являлись война, плен и купля-продажа. Рабов покупали и из-за рубежа. В 1130 г., наводя порядок в северных провннциях страны, чжурчжэнн ловнли беглых людей и обращалн их в казенных рабов. Часть этих казениых рабов они пригоиялн на границу и меняли у монголов на лошадей. Для воспронзводства рабов монголы заставляли их вступать в брак, в одном китайском сочннеиин говорится: «Монголы объединяли в пары захваченных мужчин н женщни н заставляли нх становнться мужем и женой. Роднвшнеся дети навечно становнлись рабамн», по терминологни «Тайной нсторин» это

---

* Когда пятеро сыновей Алан-Гоа поделили между собой имущество и разошлись, соседи с недоверием отнеслись к откочевавшему в одиночку младшему сыну Алан-Гоа, предку Темучжина Бодончару, ие получнвшему при разделе своей долн имущества — хуби. «А жили между собою так, что у Бодоичара не спрашивали, откуда он н кто он, а тот взаимно и не пытался узнать, что они за люди».

были рабы, «доставшиеся от предков». В этой же истории упоминаются «рабы у порога». Они открывали хозяину двери юрты (гэра), готовили для него седло, делали разную домашнюю работу. Отдавая сто семей чжуркинцев семье Хунлдара, Чингис повелел, чтобы рабы «отдавали семье Хунлдара свою физическую силу», т. е. работали на нее, а женщины рабыни стали служанками, «прислуживающими слева и справа». Рабы ремесленники знатных и ханских семей именовались «гэр-ни кёбегюд», «сыновья юрты». Рабы не только прислуживали хозяину и занимались ремеслом, они делали и основную работу в монгольском хозяйстве — ухаживали за скотом. Вспомним Бодончара, который заставил плененных им людей пасти своих коней. Ван-хан керентский, о котором мы далее будем много говорить, отправил пленных «пасти верблюдов и овец». Рабы стригли овец, сбивали кумыс. Как и во многих обществах мира, рабы у монголов приравнивались к скоту. Имеется мнение (Гао Вэньдэ), что в богатых хозяйствах монголов XII—XIII вв. рабы являлись не вспомогательной, а основной рабочей силой. Раб был частной собственностью хозяина, от него требовалось беспрекословное послушание. Чингис говорил: «Если раб не предан хозяину, убить его». По мнению Гао Вэньдэ «еще до объединения Чингис-ханом всех монгольских племен, монгольское общество уже стало обществом рабовладельческим». Этот вывод не общепринят, в последнем издании «Истории МНР» мы читаем: «Рабовладение в Монголии не занимало столь значительного места, чтобы стать основой рабовладельческой общественно-экономической формации, но оно существовало как уклад в феодальном обществе в Монголии на раннем этапе его развития».

Лично свободные люди делились на людей благородных, сайн хувун, и простолюдинов, карачу. Среди благородных выделялись «золотые роды», «природные ханы», таков был «золотой род» Чингиса, «золотые роды» имелись и у других объединений монголов, например, у хунгиратов, икилесов. Прочие господа именовались обобщенно нояны. Со времен Ляо монгольские каганы и нояны имели китайские или смешанные «китайско-алтайские» титулы, которые получали от киданей и чжурчжэней. Таковыми являлись сенгюн (кит. цзянцзюнь, генерал), линигум (кит. линигун, глава государственного секретариата, чжуншулина), тайши (кит. тайцзы, наследник престола), сянвэнь (кит. сянгун, министр), гуян

(кит. го ван, князь), таян (кит. тай ван, великий князь). Титулы вана имели керентский Тоорил-каган, хан найманов Инанч имел титул да вана — великого вана, хан белых татар Байбосы имел титул вана. Чингис во время войн с татарами имел титул чаутхурн, сотника.

Таков вкратце был образ жизни древних монголов, уровень их социального развития, зафиксированный источниками и современниками. Таков был тот народ, сыном которого являлся Темучжин, та среда, в которой ему предстояло превратиться в могучего Чингис-хана. Нет более грубой ошибки, чем утверждение о примитивности и первобытной дикости монгольского общества до Чингис-хана, его изолированности от внешнего мира. Думать так, значит не понимать тех условий, той среды, которая породила силу, способную завоевать в определенных условиях значительную часть центрально-среднеазиатского и дальневосточного мира, а также Ближнего Востока и Восточной Европы.

ПРЕДКИ ТЕМУЧЖИНА

«Предком Чингис-хана был Борте-Чино, родившийся по изволению Высшего Неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились они, переплыв Тенгис (внутреннее море). Кочевали у истоков Онон-реки, на Бурхан-Халдуне, а потомком их был Бата-Чаган». («Сокровенное сказание»). Позднейшие монгольские источники, подчиняясь уже буддийской историографической традиции, выводили предка Чингис-хана Борте-Чино из Тибета, из той страны, откуда к монголам пришла их новая буддийская вера. По версии «Алтан Тобчи» сын тибетского царя Лубсан Данзана прибыл из Тибета на север, там женился на девушке Гоа-Марал (Прекрасная лань»). Вместе они «переправившись через Тэнгис-Далай, поселились около Бурган-Балдуна». По другой версии с тем же названием Борте-Чино был сыном Неба, «одним из перерожденцев Маньчжушри». Он тоже прибыл из Тибета в страну монголов. От его брака с Марал-Хатун родился сын Батачихан. Этот источник приводит даже точную дату рождения Батачи — 786 г. Любопытно, что эта дата близка тому, что сообщает Рашид-ад-дин, который полагал, что к моменту рождения Чингис-хана его роду было «примерно около 400 лет», т. е. он начался с середины VIII в.

Причину переселения Рашид-ад-дин видел в «рас-

пре с другими... племеиами». Возможио, что первое движение монголов иа запад началось где-то в середиие VIII в. и, может быть, часть монголов в это время уже «переплыла море» (озеро Далай-Нор). Новым мощным толчком к переселению могли стать войны с кнданями. «Над моиголамн,— писал Рашид-ад-дин,— одержали верх другие племеиа и учииили такое избиеиие среди них, что в живых осталось ие более двух мужчин и двух женщии. Эти две семьи в страхе перед врагом бежали в труднодоступиые места, окруженные горами и лесами и к которым ии с одиой стороиы ие было дороги, кроме одиой узкой и опасиой тропы, по которой можио было пройти с большим затруднеиием. Среди тех гор была обильиая травой и здоровая (по климату) степь. Эти места иазывались Эргуиэ-Куи»*. А имена тех двух людей были Нукуз и Кияи. Оии и их потомки долгие годы оставались в этом месте и размиожнлись».

Возможио, это было еще до нападеиия кидаией. Спасшиеся от врага моиголы поселились в Эргуие-Куи, у Большого Хингаиа и рекн Аргуии. В Эргунэ-Куи монголы размиожились и стали мастерами выплавки железа и кузнечиого дела. По легеиде именно искусство плавлеиия железа помогло им выбраться из гориых тесиии на простор иынешнпх монгольских степей, к голубому Керулеиу, золотому Оиону. «И вот они нашли одио место, бывшее месторождеиием железиой руды, где постоянио плавили железо. Собравшись все вместе, они заготовили в лесу миого дров и уголь целыми харварами, зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали из иих кузнечные мехи. Затем заложили дрова и уголь у подножья того косогора и так оборудовали то место, что разом этими семьюдесятью мехами стали раздувать (огонь) до тех пор, пока тот гориый склои ие расплавился. В результате оттуда было добыто безмериое количество железа и вместе с тем открылся и проход. Они все вместе откочевали и вышли из той тесиины иа простор степи». Борте-Чино, предок Чиигис-хаиа, был как раз среди тех, кто вышел из теснии Эргунэ-Кун.

Моигольский учеиый Г. Сухбаатыр показал, что существовала миоговековая традиция разработки сюжета о расплавлеиной горе. Его мотивы встречаются уже в IV—

---

* Значение слова «кун» — косогор, а «эргунэ» — крутой, иначе говоря, «крутой косогор».

VI вв. у сяньбийцев. Ясно, что гору, которую можно расплавить, можно и обойти. Так и поступили куигираты и некоторые другие монгольские племена. Уже во времена Чингис-хаана буквальное понимание смысла легенды — расплавление горы,— ставилось под сомнение. «Группа монголов, живущая в настоящее время здесь и видевшая Эргунэ-Куи,— сообщает Рашид-ад-дин,— утверждает, что хотя это место для жизни тяжелое, но не до такой степени, как говорят, целью же расплавления ими горы было лишь открытие иного пути для своей славы». В любом случае легенда подчеркивает, что род Чингиса происходил от знаменитых металлургов.

Связь древнемонгольских легенд и легенд сяньбийских прослеживается и в следующем мотиве: всякий прут легко переломить отдельно, а пучок прутьев переломить невозможно.

У предка Чингис-хаана Добуи-Мергаана была супруга Алан-Гоа, «красивая, очень знатного рода». «Войдя в дом Добун-Мергана, Алан-Гоа родила двух сыновей. То были Бугунотай и Бельгунотай». «Долго ли, коротко ли — Добун-Мерган скончался». После смерти Добун-Мергана Алан-Гоа, будучи безмужней, родила еще троих сыновей. То были: Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончар-простак. Бельгунотай и Бугунотай, старшие сыновья, стали втихомолку поговаривать: «Вот наша мать родила трех сыновей, а между тем при ней нет ведь ни отцовых братьев, родных или двоюродных, ни мужа*. Единственный мужчина в доме это Маалик, Баяудец. От него-то, должно быть, и эти три сына». Алан-Гоа узнала об этих пересудах. Однажды весной сварила она дожелта провялennого впрок барана, посадила рядом всех своих сыновей и дала им по одной хворостинке, чтоб они переломили. Выполнить просьбу не составило труда. Тогда она дала им уже по пять хворостинок, связанных вместе. Как ни старались сыновья, а сломать пучок все же не смогли. Тогда мать их, Алан-Гоа, произнесла: «Вы, двое сыновей моих Бельгунотай и Бугунотай, осуждали меня и говорили между собой: «Родила, мол, вот этих троих сыновей, а от кого эти дети?» Подозрения-то ваши основательны. Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло), входит бывало ко мне светлорусый человек; он поглаживает мне

* У древних монголов существовал обычай левирата и брат мог, а то был и обязан, взять в жены жену умершего брата.

чрево и свет его проникает мне внутрь. А уходит он в час, когда солнце с луной сходится, процарапываясь, уходит, словно желтый пес. Что же болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все это, то и выходит, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них, как о таких, которые под стать простым смертным? Когда станут они царями царей, ханамн над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые людие.

И сказала Алан-Гоа: «Все вы пятеро родились из единого чрева моего и подобны вы давешним пятн хворостинкам. Если будете поступать и действовать каждый сам по себе, то легко можете быть сломлены всяким, подобно тем пяти хворостннкам. Еслн же будете согласны и еднподушны, как связанные в пучок хворостннки, то как можете стать чьей-либо легкой добычей?»

По Рашид-ад-дину Алан-Гоа в первый раз забеременела от луча света, «через (дымовое) отверстие шатра проннк луч света и погрузился в ее чрево. Она поразилась этому обстоятельству и перепугалась и никому не пошла рассказать о случнвшемся. Спустя некоторое время она поняла, что забеременела». Родичам, выразившим удивление ее беременностью, она объяснила: «Да, я каждую ночь вижу во сне, что какой-то рыжеволосый н синеокий человек медленно-медленно прнблнжается ко мне и потихоньку возвращается назад. Я внжу (его собственными) глазами»*.

Род Чингиса вел свое происхождение от младшего сына Алан-Гоа, Бодончара. Монголы делнлнсь на нирунов н борджнгинов (дарлекинов). Потомки от первых двух сыновей Алан-Гоа н Добун-Мергана считалнсь нирунамн (чистыми), онн былн предками сальджнутов и хатакинов. Потомки Бодончара борджнгнны отличались рыжими волосами н светлыми (голубымн, синими) глазами. Этими признаками отличался н Чннгис-хан.

В 840 г. в Центральной Азнн могущество уйгурского

---

* Легенды о чудесном рожденни сами по себе не редкость, нередки они былн и в том регноне. Мы знаем о нних у ряда народов, напрнмер, у кнданей. Однажды ночью над тем местом, где спал Абаоцзн, основатель кндаиьской дииастин Ляо, «появнлся свет, что испугало н уднвило всех окружающнх». Когда жена Абаоцзи Шулюй рожала сыиа, будущего нмператора Тай-цзуна, «черное облако накрыло юрту, сверкал огоиь н были слышны звукн, напоминавшие удары грома». «Как-то, когда Тай-цзун, сопровождая Тай-цзу, прибыл в Силоу, над иим появнлнсь красный свет и багровые облака, что нзумило всех окружающих».

каганата было сломлено кыргызами. Среди них попадалось немало светловолосых и светлоглазых. Еще русский ученый Березин высказал предположение, что трех своих младших сыновей прародительница Чингис-хана Алан-Гоа родила от кыргыза. В наши дни эту версию поддерживает П. Рачневский, который полагает Маалиха-Баяудца тюрком и истинным отцом предка Чингиса Бодончара. Следует напомнить читателю и о «желтоголовых» шивэй, они тоже должны были отличаться «желтым», «рыжим» цветом волос.

Рассказ о чудесных предках монголов Волке и Оленихе (Борте-Чино и Гоа-Марал) обнаруживает прямую связь с древнетюркскими легендами, широко использованными в творчестве известного писателя Чингиза Айтматова. Среди предков Чингис-хана есть циклоп Дува-Сохор, а Бодончар, младший сын Алан-Гоа, это древнемонгольский Иванушка-дурачок, который на деле оказывается самым умным и находит способ сделать свое время могущественным, а своих братьев — родоначальниками монгольских племен. Здесь в монгольском предании мы сталкиваемся с весьма распространенным сюжетом об умном младшем брате, которого старшие братья считали глупым и после смерти матери (родителей) на этом основании обделили наследством. «По смерти матери пятеро братьев стали делить между собою имущество. При этом вышло так, что четыре брата... забрали себе все, а Бодончару совсем не дали его доли, считая его глупым и неотесанным и не признавая даже за родственника. Бедствовал Бодончар, покинув братьев, «питался и волчьими объедками», а потом надоумил братьев пленить «бесхозных» людей, и стали те люди «у них слугами-холопами при табуне и кухне». Сыновья Бодончара стали основателями многих монгольских племен.

Эпоха Алан-Гоа вероятнее всего относится к концу X — началу XI века. Рашид-ад-дин отмечал, что Алан-Гоа жила за 300 лет до того, как он писал свой труд. По данным «Алтан Тобчи» XVIII века сын Алан-Гоа Бодончар, прямой предок Чингиса, родился в 970 г.

Переселение имело два важных последствия. Монголы вступили в прямой и более тесный контакт с тюрками и полностью перешли к кочевому скотоводству. Проф. Л. Р. Кызласов указывает, что у монголов имеются свои термины только для обозначения собаки, лошади и свиньи, т. е. как раз тех животных, которые были извест-

ны у шивэй. Весь скотоводческий лексикон и названия для овец, быков, верблюдов, мулов монголы заимствовали у тюрков. В свою очередь монголы приисли с собой из Маньчжурии тип оседлого жилища — квадратные, без фундаментов дома с каркасными стенами и П-образными канами для отопления. Очевидно, в X—XI веках происходил процесс ассимиляции оставшегося в Халхе тюркского населения монголами.

Кидаии взяли население Халхи под свой контроль. В 1004 г. было учреждено пограничное управление Сибэйлу чжаотаосы. Центром был его город, который по китайски назывался Чжэньчжоу, по тюркски Кэдунь (Хатун), он размещался к югу от нижнего течения реки Халхи. При династии Цзинь Снбэйлу чжаотаосы находились не на территории расселения татаро-монголов. Пограничные племена управлялись своими собственными предводителями. Если таковые признавали верховенство Цзинь и пригоняли скот, то считалось, что они состоят на службе Цзинь и охраняют границы империи.

К середине XII в. относится существование первого монгольского государства Хамаг моигол улуса. Еще при династии Ляо часть моигольской знати получила от киданей должности и титулы зиатиости, такие как линвэнь или сяовэнь, военачальников пограничных войск. В целом татаро-монголы были лояльны к Ляо, династии, этнически родственной, хотя некоторые монгольские племена, например, джаджираты и меркиты вели с кидаями изнурительные войны и к 1094 г. были сильно обескровлены. После гибели Ляо монголы поддержали Елюй Даши, представителя утратившей свое господство династии и выставили для него более чем десятитысячную армию. Поддержка моиголами Елюй Дашн, который хотя и не смог вернуть власть дому Елюй, но представлял для чжурчжэней постоянную угрозу, привела к конфликту между монголами и чжурчжэнями. С 1135 по 1147 г. монголы ведут войну с Цзинь. Поводом для войны послужила попытка чжурчжэней убить правителя монголов Хабул-хаиа.

Рашид-ад-дии сообщает, что сам Хабул-хан и все его дети «были весьма храбры и талантливы». Желая иаладнть отношения с моиголами, «проторить широкую дорогу единения и дружбы», император Цзинь пригласил Хабул-хана в свою ставку. Во время угощения Хабул-хан «возымел опасение и вообразил, что они ему подсыпают в пищу отраву». «Он поминутно выходил иаружу... так

как погода стояла жаркая, то якобы для того, чтобы освежиться, он погружался в воду». Хабул-хаи раиее треинровался длнтельиое время иаходнться под водой*. И вот Хабул-хан постояиио выбегал иа волю, окунался в воду, сблевывал все съедеиное и выпитое и снова возвращался к столу. Чжурчжэии днвились: «Всевышиий господь создал его счастливым и крепким, ибо он в состоянии не объедаться пищей, не пьяиеть от вина н не блевать». Но как ии старался Хабул-хан ие пьяиеть, внно сделало свое дело. Все кончилось тем, что подошел он к Алтан-хану (нмператору Цзинь), хлопая в ладоши н приплясывая, схватил его за бороду н оскорбнл его».

Стража схватила Хабул-хаиа, у которого от страха прошел весь хмель, Хабул-хаи, в предчувствии иемииуемой расправы прииес свои извниеиия императору. Одиако тот счел возможиым не ссориться с моиголами из-за такого «пустяка» и, «подавив гиев, простнл его». Щедро одарив обндчика, он отпустил его.

Позже к Хабул-хану прнбыли одио за другнм два посольства Цзииь, требуя его приезда ко двору Цзииь. Хабул-хан перебил представителей второго посольства, что н прнвело, помимо прочнх прнчии, к войне моиголов с Цзииь. Войиа была успешной для моиголов. В 1147 г. между Цзинь и моиголами был заключен мнр. Цзниьскне властн уступилн моиголам 17 укреплеиий к северу от реки Сиинхэ, которая стала пограиичиой. К этому времеии отиоснтся сообщенне китаеязычиого нсточиика о том, что монгольский хан Аоло боцзиле (Олунь бэйле) был признаи чжурчжэиямн государем государства Мэифу (Мэифу го чжу). Однако Аоло, как это бывало нередко, в пределах свонх владений ие довольствовался титулом государя, н принял тнтул цзуюань хуаиди — императора-осиователя дниастнн. Он объявнл свой девнз царствования Тяиь-син (Расцвет, дарованный Небом). На предложение цзииьского двора довольствоваться титулом «го ван» (князь государства), Аоло ответнл отказом. Большннство нсследователей (иапример, Тамура Дзнцудзо, Илиньчжэиь) отождествляют Аоло боцзиле с Хабул-ханом, хотя Г. Фраике была высказана мысль о том, что Аоло боцзиле — это Есугай. Вряд ли это возможио, поскольку Есугай был только баатуром н никогда ие имел при жизни ханского тнтула.

---

* Если верить источнику, то он мог держаться под водой «то количество времеии, в которое съедают штуку бараиа».

В «Тайной истории» сказано: «Всеми монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана... стал ведать Амбагай-хаган». Амбагай-хаган имел титул «всенародного кагана и государя улуса». Монгольское «улус-ун эджен» — «государь улуса», если и не соответствовало китайскому «хуанди» (император), то уж наверняка могло иметь своим эквивалентом титул «го чжу» (государь государства). Рашид-ад-дин именует Хабул-хана «монгольским ханом», «государем и правителем своих племен и подчиненных». Заметим следующее: древние монгольские правители носили сяньбийско-жуаньжуаньский-тюркский титул каган (хаган). Титул хан, равнозначный титулу каган, появился позже.

Хабул-хан был сыном Хайду. У Хайду был второй сын Бай-Шинкор Докшин. Линия Бай-Шинкор Докшина — линия Чингис-хана. От Бай-Шинкор Докшина вел свое происхождение род Кият, в котором родился Чингис-хан. Был у Хайду и третий сын Чаракай-линку, от него происходили тайчиуты. Поскольку, как писал Л. Гамбис, «реальным основателем первого монгольского царства» — Хамаг монгол улуса был Хабул-хан, то предки Чингиса принадлежали хотя и непосредственно к ханской, но боковой линии. «История Монгольской Народной Республики... признает Хамаг-монгол улус «государственным объединением первоначального типа».

С установлением мирных отношений с Цзинь, по некоторым данным Хамаг-монгол улус поставлял в государство чжурчжэней ежегодно 50 тыс. голов скота, в свою очередь чжурчжэни отправляли монголам 50 тыс. доу зерновых (рис, горох и т. п.) и 300 тысяч кусков тонкого и 300 тыс. кусков грубого шелка.

Хамаг монгол улус просуществовал недолго и распался около 1160 г. Причиной распада явилась вражда и война с татарами, искусно подогреваемые чжурчжэнями. Поводом к войне послужило следующее. Глава хунгиратов Сайн-Тегин, шурин Хабул-хана, заболел. Для лечения больного пригласили татарина-шамана. Лечение оказалось безуспешным, Сайн-Тегин умер, а его родичи убили шамана. В ходе боевых действий татары взяли в плен старшего сына Хабул-хана Окинбаркака, передали его императору Цзинь, тот казнил высокородного пленника на «деревянном осле». Речь, очевидно, идет о жестокой казни «диньчи», которая появилась в Северном Китае во времена киданьской династии Ляо и заключалась в том, что привязанного к столбу (в данном случае

«деревяииому ослу») оставляли умирать. Перед этим палач длительиое время, иногда иесколько дней резал иа куски иесчастиого, постепеиио отрезая мягкие части тела и коиечиости по суставам.

Родословиая Темучжиина — Чиигис-хаиа может быть представлеиа таким образом:

Алан-Гоа и ее чудесный божественный супруг
Бодончар-простак
Хайду (правнук Бодончара)
Бай-Шинкор Докшин
Тумбинай-сечен (прапрадед Чингис-хана)
Хабул-хан (прадед Чингис-хана)
Бартан-баатур (дед Чингис-хана)
Есугай-баатур (отец Чингис-хана)

В Хамаг-моигол улусе после смерти Хабул-хаиа власть перешла ие к его сыиовьям, а к Амбагай-хагаиу, виуку Хайду и двоюродиому брату прапрадеда Темучжиина — Тумбииай-сечеиа. «После Хабул-хагаиа, имевшего семерых сыиовей, всеми моиголами стал ведать, по слову Хабул-хагаиа, сыи Сеигуи-Бильгея (и внук Чарахай-динху — Е. К.) Амбагай-хагаи, хотя Хабул-хаган имел собствеииых семь сыиовей» (Сокровеииое сказаиие). Рашид-ад-дии сообщает, что Амбагай-хагаи был лишь «государем племеии тайджиут». Есугай-баатур являлся двоюродиым братом отца Амбагай-хагаиа. «Тайиая история» полагает Амбагай-хагаиа «всеиародным кагаиом и государем иарода». Но если ои и правил Хамаг моигол улусом, то правил иедолго. «Одиажды Амбагай-хагаи отправился провожать свою дочь, которую выдавал замуж к татарам из племеии Айриуд-Буйруд (что иа реке Уршиуи между озерами Буор-иаур и Колеи-иаур). Но его схватили татары Чжуиииского племеии и повезли к Алтаи-хагану Китайскому. Тогда ои через послаииика своего Балагачи (человека из Бесудского рода), велел передать средиему из сыиовей Хабул-хагаиа Хутуле, с тем, чтобы весть эта разиеслась среди всех родичей: «Отомстите за меия, всеиародиого кагаиа и государя иарода. Мстите неустаиио и воздавайте должиое ие только до тех пор, пока потеряете с пяти пальцев все ногти, ио и до тех пор, пока всех десяти пальцев ие стаиет» (Сокровеииое сказаиие).

По версии Рашид-ад-дииа Амбагай-хагаи «поехал, чтобы выбрать себе в жеиы одиу из девушек». Татары плеиили его и отправили императору Цзииь, который, «согласно имевшемуся у хитаев обычаю» приказал «при-

гвоздить его к деревянному ослу». Перед смертью всенародный каган велел передать императору Цзинь, что убивая его, тот навлечет на себя ненависть «племен и улуса монгольских». «Нет сомнения, что они подымутся для отплаты и мщения тебе за мою кровь, а потому убивать меня неблагоразумно!». Весть о страшной смерти Амбагай-хагана принес монголам Балагачи, посланный для этого самим императором Цзинь. Еще раз обращаем внимание читателя на то, что Рашид-ад-дин не сообщает о том, что Амбагай-хаган был государем всех монголов, он был только правителем тайчиутов. Остальными монголами из бывшего Хамаг монгол улуса, видимо, правил Хутула. Кажется все-таки, что после смерти Хабул-хагана Хамаг монгол улус должен был разделиться хотя бы на два владения. Рашид-ад-дин противоречит себе, ибо далее он пишет, что Хутула был «возведен в ханское достоинство» уже после гибели Амбагай-хагана. Хутула-хаган отличался необыкновенной физической силой, «голос его был подобен голосу, достигающему до небосвода, а длань его подобна лапе трехлетнего медведя». Хутула возглавил поход мести на Цзинь. Участвовал ли в этом походе на Цзинь отец Темучжина Есугай-баатур — неясно.

Есугай по-монгольски значит «девять». Может быть, Есугай был девятым ребенком Бархтан-баатура, но сыном его он был третьим. «Третий сын был Есугай-бахадур — отец Чингис-хана. Племя кият-бурджигин* происходит из его потомства. Рашид-ад-дин указывает, что Есугай-баатур был «государем большинства монгольских племен», но, очевидно, это преувеличение. Он имел свой улус, «был причастен к отваге и храбрости», «много воевал и сражался», в особенности с татарами. Улус Есугая в значительной части состоял из тайчиутов. Есугай не был ханом**. Он был андой (побратимом) правителя кереитов и, вероятно, его вассалом.

---

* «Бурджигин» означает «синеокий», и, как это ни странно, те потомки, которые до настоящего времени произошли от Есугай-бахадура, его детей и его уруга, по большей части синеоки и рыжи.

** В 1266 г. император династии Юань Хубилай посмертно дал Есугаю титул Ле цзу шэнь юань хуанди — Прославленный предок, божественный император.

РОЖДЕНИЕ ТЕМУЧЖИНА

Говорят, Есугай-баатур, отец Темучжина, будущего Чиигис-хаиа, имсл много жен из разных племен. А старшую из иих, Оэлун, мать Темучжиина, он силой отбил у меркитского Эке-Чиледу. Вот как это было. «В ту пору, охотясь однажды по реке Оиону за птицей, Есугай-баатур повстречал меркитского Эке-Чнледу, который ехал со свадьбы с иевестой из олхонутского племеии. Заглянув в возок н поразившнсь редкой красотой девушкн, Есугай поспешио вернулся домой и прнвел с собой братьев Некун-тайчжи и Дорнтай-Отчнгнна. Испугался Чнледу, но под ним был скакун Хурдуи-хуба. Хлещет он своего хуба по ляжкам, старается скрыться от иих за холмами, ио те втроем иеотступно преследуют его. Когда Чиледу, объехав мыс, вернулся к своему возку, Оэлуи говорит ему:

— Разве ты ие разгадал умысла этих людей? По лицам их видио, что дело идет о твоей жизин. Но был бы ты жив-здоров, а девушкн в каждом возке иайдутся. Был бы ты жив-здоров, а жены в каждой кибитке найдутся. Придется, видио, тебе монм нменем Оэлун иазвать другую девушку. Спасайся, поцелуй меня и езжай!

С этими словамн она сняла свою рубаху, ои, не слезая с коия, потянулся н прниял дар, когда из-за мыса уже подлетели те трое. Пришпорнв своего Хурдун-хуба, Чиледу помчался, спасаясь от преследоваиня, вверх по реке Оиоиу.

Трое броснлнсь в погоню, н, прогиав его за семь увалов, вериулнсь. Есугай-баатур повел за поводья лошадь Оэлуи, старший его брат, Некун-тайчжи, ехал впереди, а младшнй, Дорнтай-Отчнгнн, ехал вплотную рядом с ией. Едут оин так, а Оэлун приговарнвает:

— Батюшка мой, Чнледу! Кудрей твоих встречный ветер никогда не развевал. В пустынной земле никогда ты не голодал. Каково-то теперь?

И, закидывая обе косы свон то иа спнну, то иа грудь, то вперед, то назад, она причитала «Каково-то теперь уезжаешь?», так громко, что

Онон-река волновалась
В перелесье эхо отдавалось.

Уже близко к дому стал уиимать ее плач Доритай-Отчнгин:

Лобызаемый твой много перевалов перевалил,
Оплакиваемый твой много вод перебродил.
Сколько ни голосн — а он не броснтся взглянуть
на тебя,
Сколько ни нщн — его и след простыл. Замолчи уже!

Так унимал ои ее. Тут же Есугай и взял Оэлун в дом свой. Вот так произошло умыкание Есугаем Оэлун-учжины».

В те далекие годы монгольские девушки ие выбирали себе мужей. Отцы или слепой случай решали их судьбы. Монгольский род был экзогамным, монгол не мог взять в жеиы девушку из своего рода. Роды жили на общей пастбищной территории, ио когда тот род, нз которого, как правило, члены данного рода брали себе жеи, кочевал подалеку, то за женой приходилось ездить в дальние края. Это чаще всего касалось зиати, которая особеиио строго придерживалась отношеиий традицноиного брачного партнерства. Но случалось, что когда за жеиами ездили в дальиие края, их умыкали. Чиледу прииадлежал к меркитской знати. Оэлун нравился ее жених Чиледу. Иначе не подарила бы она в прощальный час возлюбленному свою рубашку, не оплакивала бы его и свою судьбу так, что

Онон-река волновалась
В перелесье эхо отдавалось.

И когда ее, плачущую, везли в стойбище Есугай-баатура, еще не знала она, что в тот момент, когда Есугай случайно заглянул в ее возок, а позже, отбив ее от любезного ее сердцу Чиледу, твердой хозяйской рукой взял за повод ее коия, ей уже было суждеио стать матерью сына, одно имя которого повергало в ужас целые иароды на гигантской территории от Тихого океаиа до океаиа Атлаитического...

Темучжии родился в тот момент, когда его отец возвратился из очередиого похода на татар. «Когда Хутула стал хаганом, Хадааи-тайчжн пошел на обоих татар. Трииадцать раз он бился у обоих, у Котои-Бараха и у Чжили-Буха, но не мог все же за Амбагай-хагаиа отмщеиием отомстить, воздаянием воздать. Тогда-то Есугай-Баатур воротился домой, захватив в плен татарских Темучжиа-Уге, Хри-Буха и других. В то время ходила иа сиосях Оэлуи-учжии, и родился Чингис-хаган в урочище Делиун-балдах, на Оноие. А как пришло родиться ему, то родился ои, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови, величиною с альчик. Рождение его

совпало с приводом татарского Темучжин-Уге, вот его и нарекли Темучжином».

У этого имени есть сокровенный смысл. Мальчик родился, держа в руке сгусток крови, это было знаком высокого предназначения малыша, его будущая судьба — судьба завоевателя, потому назвали его именем пленного врага*. Некоторые ученые предполагают, что имя Темучжин в переводе с древнемонгольского означало «кузнец». И для этого есть основания. Еще в прошлом веке монголы считали, что наковальня Чингиса, сделанная из металла бурын, имеющего свойства меди и железа, хранится на горе Дархан. Выше села Новоселенгинска, на левом берегу реки Чикой есть безлесая гора с плоской вершиной, говорят, что это наковальня Чингисхана, здесь богатырь кузнец ковал железо, стоя одной ногой на правом, а другой — на левом берегу реки.

По некоторым версиям, урочище Делюн-болдак, где родился Чингис-хан — это современный Делюн-булдак на правом берегу реки Онон, примерно в 250 км от Нерчинска, устья реки Бальджи. П. Пельо и Л. Гамбис полагали, что этот холм** располагался по соседству с Ехе-аралом — Большим остовом. Находилось ли это на территории современной Читинской области или в районе Бурхан-Халдуна определенно сказать трудно. Столь же трудно, как назвать точную дату рождения Темучжина-Чингис-хана. По данным Рашид-ад-дина и Чжао Хуна Темучжин родился в 1155 г. Официальная «История династии Юань» указывает в качестве даты его рождения 1162 г. Эта же дата дается в «Шэн-у цинь чжэн лу». Ряд иных китайских источников косвенно указывают на 1167 г. Последнюю дату принял Поль Пельо, считая, что она лучше всего согласуется с биографией Чингиса. Между тем, автору этих строк представляется, что, учитывая долгий и трудный путь Темучжина к объединению Монголии и престолу всемонгольского хана, наиболее вероятной датой его рождения представляется все же 1155 г. Кэ Шаоминь, автор позднего сочинения «Синь Юань ши» (Новая история династии Юань) писал: «Тайцзу родился, держа в правой руке запекшуюся кровь, похожую на крепкий камень. Лицо светилось. Этот год был и-хай, 3-ий год Чжень-юань цзиньского владетеля

---

* Мальчик, родившийся со сгустком крови в руке — фольклорный сюжет, известный в буддийской Индии и в Иране. Такое рожденне предвещало появление безжалостного завоевателя.

** Делюн-болдак — букв. «холм, похожий на селезенку».

Ляиа», другими словами это был 1155 г. Рашид-ад-дии также вычислил датой рождеиия Чиигис-хаиа 1155 год. «1155 год,— писал Н. П. Муикуев,— по-видимому, является вероятиой датой рождеиия моигольского хаиа. При этом иадо учесть, что Чжао Хуи побывал у моиголов, от которых он черпал свои сведеиия еще при жизии Чиигис-хаиа, в 1221 г., когда воины последнего, очевидио, были осведомлеиы в своем предводителе, в частиости, о его возрасте». Известиа точиая дата смерти Чиигис-хана — 18 августа 1227 г. Разиые источиики иазывают разиый возраст хаиа в момент его смерти. Чиигис-хаи, по даииым «Юаиь ши» скончался в возрасте 65—66 лет, моиголы, как и китайцы считали возраст ие с момеита рождеиия, а с момеита зачатия, высчитывали годом рождеиия Чнигис-хаиа 1162 г. По расчетам Рашид-ад-дина Чиигис-хаи скоичался иа 73-м году жизии. По одиим источиикам отец Темучжиина Есугай умер, когда сыиу было девять лет. Следовательно, если Чингис родился в 1155 году, то Есугай покииул этот мир в 1163-м. Если же считать, что мальчик родился в 1162, то отец умер в 1170-м, а если в 1167 — то коичиина Есугая пришлась иа 1176-й год. Но по расчетам Рашид-ад-дниа смерть Есугая пришлась иа тридцатилетие сыиа, и это виосит коррективы и в наши подсчеты, ведь все даты соответствеиио сдвигаются иа три года, и есть осиованне предположить, что трагическое событие случилось в 1166, 1174 или 1178 годах... Но так ли это важио для иашего исследования? Мнеиня исследователей расходятся. Но продолжим...

П. Пельо смущало, что Темучжии стал отцом в 30 лет — Угэдэй родился в 1186 г., Чагатай — в 1185, дата рождеиия Чжочи соминтельиа, подчиинл иароды Цеитральиой Азии лишь в 50 лет и лишь в 60 лет совершил походы в соседиие страиы, а в 72 года — поход иа таигутов, поэтому ои «омолодил» Темучжиина и призиал датой его рождения тот же год 12-летиего животиого цикла, только иа 12 лет позже 1155 года — 1167 г. Этот вопрос остается открытым, как и вся датировка событий жизии Чиигис-хаиа до иачала XIII века. Добавим, что, по миеиию П. Рачиевского, сам Чингис ие знал точиой даты своего рождеиия.

По поздиим версиям моигольских источиików, уже подвержеииых влияиию буддизма, Темучжии родился, держа в руке ие сгусток крови, а государствеиную печать.

ГИБЕЛЬ ЕСУГАЯ

Мы уже говорили о том, что Есугай-баатур был главой улуса, объедиившего часть моигольскнх племеи, в том числе тайчиутов. Жизиь его проходила в боях н походах, «из страха перед его отвагой и натнском большинство друзей и врагов покорнлись ему ради спасения своей жизии, поэтому положение и дела его былн в полиом порядке и блестящем состоянии» (Рашид-ад-дии). За шнрокой спнной отца детство Темучжнна было обеспечеиным и безоблачиым. Когда мальчику нсполнилось девять лет, Есугай по старнннному моигольскому обычаю решил сосватать ему иевесту нз племен матери Темучжиия Оэлуи. Взяв его с собой, он отправился в путь. В дороге им повстречался Дай-сечен из племеии кунгират.

— Куда держишь путь, сват Есугай?

— Я еду сватать невесту вот этому своему сыну.

Дай-сечен посмотрел на Темучжиия:

— У твоего сыиа взгляд что огонь, а лицо что заря. Снился мие, сват Есугай, этой иочью сон, будто слетел ко мие иа руку белый сокол, зажавшнй в когтях солнце и луиу. Что-то ои предвещает? — подумал я, как вижу, подъезжаешь ты, сват Есугай, со своим сыном. Кунгиратское племя с давиих пор славнтся красотою наших внучек, и прелестью дочерей. Зайди ко мие, сват Есугай, девочка моя малютка, да свату иадо посмотреть!

Взглянул Есугай иа Борте, десятнлетнюю дочь Дай-сечена, а лицо у нее — заря, очи — огонь. Переночевали гости иочь, а на утро началось сватовство. Столько, сколько требовало того приличне, торговался Дай-сечеи, заманившнй зиатиого жеиниха, желавший породииться с Есугаем. Поторговался н сказал:

— Не жеиская доля — состарнться у родительского порога. Дочку свою согласеи отдать. Оставляй своего сыика в зятьях-женихах.

На том и поладили. Подарил Есугай Дай-сечеиу своего коия, попросил присмотреть за сыиом:

— Страсть боится собак мой мальчнк. Ты уж, сват, побереги мальчика от собак!

С тем и уехал Есугай, оставив девятилетиего Темучжиия у юиой иевесты по старинному моигольскому обычаю в зятьях у Дай-сечеиа из племеин Куигират.

На обратиом пути повстречались Есугаю пирующие татары. Томнмый жаждой, думая, что иикто ие узиает

его в лицо, задержался Есугай на празднике, немного передохнуть. Но кто-то опознал Есугая. Не рискуя открыто убить его, татары подмешали Есугаю в питье отраву. В дороге почувствовал Есугай неладное, а через трое суток, добравшись домой, заболел и слег. Перед смертью он позвал своего приближенного Муилика:

— Дитя мое, Мунлик! Ведь у меня малые ребята. Извели меня тайно татары. Дурно мне. Прими же на свое попечение всех моих: и малюток, и осиротевших младших братьев, и вдову, и невестку. Дитя мое, Мунлик! Привези поскорее моего Темучжина! — С этими словами он скончался.

Муилик был верным соратником Есугая и выполнил его наказ. Боясь за Темучжина, он не сразу объявил о смерти Есугая. А Дай-сечену сказал:

— Есугай-баатур, мой старший брат, очень болеет душой и тоскует по Темучжину. Я приехал за ним.

— Раз сват так горюет о своем мальчике, пусть Темучжин съездит, повидается, да и скорехонько назад.

Так и привез Муилик Темучжина обратно, в опустевшую отцовскую юрту, в тот трудный час, когда бывшие под рукой Есугая-баатура монголы покидали его семью, уходя каждый своим путем. Рушилась жизнь, а ведь казалось, все предвещало великое будущее. При рождении он «держал в ладони правой руки небольшой сгусток запекшейся крови, похожий на кусок сохшейся печени. На скрижали его чела были явными знаки завоевания вселенной и миродержавия, а от его лика исходили лучи счастливой судьбы и могущества». Но минуло беспечное детство и, как подсчитал Рашид-ад-дин, последующие двадцать семь лет своей жизни, будущий завоеватель мира «находился в расстроенном состоянии», «у него случались сражения и битвы», враги «его несколько раз полонияли и заключали в оковы», и вообще наступало смутное время, обстоятельства его жизни в тот период «не известны в подробностях и погодно», и потому, заключает великий историк, «они пишутся сокращенно».

«КЛЮЧЕВЫЕ ВОДЫ ПРОПАЛИ, БЕЛ-КАМЕНЬ ТРЕСНУЛ»

«Нет у нас друзей, кроме собственной тени;
Нет у нас плети, кроме конского хвоста»

Сокровенное сказание

Многое, видно, держалось только на личном авторитете Есугая в его улусе. Не стало его, и резко изменилось отношение окружающих к его семье, все меньше и меньше считались оии с Оэлун. В ту весну вдовы когда-то замученного чжурчжэнями Амбагай-хагана поехали на «землю предков», совершать жертвоприношения на родовом кладбище. Не по своей вине припозднилась Оэлун, а уже иикто и не ждал ее, жену покойного баатура. Жертвоприиошение было окончено, жертвенное мясо роздано и съедено, жертвенное вино выпито. Дрогнуло сердце Оэлун. Отказываются от них сородичи, не желают напомииать о ней и о детях предкам. И страшная догадка мелькиула — того и гляди, бросят одну в степи с детьми, откочуют без нее. С гневом обратилась она к Орбай и Сохатай, вдовам Амбагай-хагана:

— Почему вы заставили меня пропустить и жертвоприиошение предкам и тризну с мясом и вином? Не потому ли, что Есугай-баатур умер, а дети его и вырасти не смогут? Да, видно, вы можете есть на глазах у людей, не поделившись с ними, можете и откочевать, не сказавшись?

Их иадмееиый ответ подтвердил то, во что боялась поверить: решили бросить их сородичи мужа, чтобы не выросли дети, чтобы ие было иовых побегов кория есугаева:

— Видно, из-за того, что умер Амбагай-хаган, нас может оговорить даже Оэлун. Ты и заслуживаешь того, чтобы поманив, тебе ничего не дали, тебе и следует есть то, что попадется. Сказать по правде, лучше покинуть эту мать с детьми в кочевье и не позволять ей идти с нами!

Стало ясно Оэлун, что все кончено. Входившие в есугаев улус тайчиуты и раньше завидовали власти Есугая. Теперь имеино они раиьше других решили, что настал их час. Прочие родичи и нукеры, служившие прежде Есугаю, отказались повиноваться вдове и приняли сторону тайчиутов, ведь это сразу превращало тайчиутских вождей

в таких же самостоятельных правителей улуса, богатырей-баатуров, каким был и Есугай. Предводительствуемые Таргутай-Кирилтухом и Тодоен-Гиртаем, зависевшие от Есугая тайчиуты бросили Оэлун с детьми и на другой же день троиулись вниз по реке Онону. Лишь старик Чарха-Ебуген пытался усовестить уходящих. Да ие тут-то было. Его не послушали. Да еще Тодоен-Гиртай, чтобы не мутил Чарха народ, ие взывал к нечистой совести, ткнул для острастки старика копьем в спину:

Ключевые воды пропали
Бел-камень треснул.

Распался на глазах Оэлуи улус, созданный Есугай-баатуром.

Когда Темучжин зашел проведать раненого Чарху-Ебугеиа, тот сказал:

— Я подвергся такой напасти, уговаривая людей, когда те откочевали, захватив с собой весь иаш улус, улус, собранный твоим благородным родителем.

Темучжин покинул его в слезах. Ои был еще слишком мал и бессилен, чтобы наследовать дело отца. Лишь мужествеииая Оэлун боролась до конца. Она собрала иемногих оставшихся с ней людей и погналась за уходящими. После стычки миогих ей удалось воротить, но они вернулись лишь для виду и вскоре сиова откочевали, оставив в широкой степи Оэлун и вторую жену Есугая с их детьми. Несколько женщин-прислужииц — вот и все, кто остался при женах и детях некогда славиого баатура!

Для того, чтобы понять, что произошло, следует кратко охарактеризовать татаро-монгольский улус середины XII в. Улус, в широком зиачеиии «иарод», в зависимости от его силы и зиачимости мог означать как «улус-владение», так и улус-государство. «У древиих моиголов,— писал Б. Я. Владимирцов,— всякое объединение родов, поколений племеи [...] называлось улус, «улус-народ», «народ-удел», «народ, объедииенный в таком-то улусе» или «образующий улус-владение», «народ, образующий государство-владение», «государство». Моиголов, как истых кочевников, в поиятии этом больше интересуют люди, а ие территория». Во главе улуса стоял предводитель из числа знати, иойонов, носивший какой-либо самобытиый монгольский титул: баатура — богатыря, сечеиа — мудрого, мергеиа — меткого стрелка, бильге — мудрого, буке — силача и т. п. Или он носил одну из китайских должностей или китайский титул, о которых мы уже упо-

мнналн выше. Такой улус-владение и был у отца Темучжнна — Есугая, иосившего тнтул багатура — богатыря. Он-то н распался после ухода некогда подвластиых Есугаю людей. Именно людей, ибо улусом, как подчеркивал в своем определенни акад. Б. Я. Владнмнрцов, был прежде всего «народ», объединенный в таком-то улусе, а ие только некая по велнчние территорня. Улус в снлу кочевого быта был подвнжен, но всегда нмел свой «нунтук», свою территорню кочевья-нунтукн основных татаро-монгольскнх племен, территорнн их улусов в целом в XII в. были отиоснтельно стабнльнымн и хорошо известными. Смена нуитука не вела к гнбелн улуса, ио уход, потеря людей, озиачалн его развал. Поэтому улусы рассенвали, нлн же улусы собирали, объединяли людей в улус. Не объединеиный в улус народ нменуется в «Тайной нсторнн» уже не улусом, а нркен, просто «людьми». Мы увндим ннже, что Ваи-хан, получнв от Темучжина доху, обещает ему: «В благодарность за черную соболью доху объеднию твой разрозиенный улус. В благодарность за соболью доху соберу твой рассеянный улус!». Намуюнь также особо подчеркнвает значение понятня «собирать народ» (шоуцзн байснн) для сформировання улуса.

Осиовой улуса был род его правителя, уруг. В улус входнли н чужаки, джад, средн чужаков выделяли родственнников по женам уруга, онн былн сватами, худа. Правящему роду подчннялись завоеванные им ранее племена — отэгу-боголы. Улус был ие племениой оргаинзацией н ие союзом племен. Это внднo хорошо нз первого состава улуса Темучжнна, в нем былн представнтелн племеи, ие племена, а нойоны этих племен со своимн людьмн — чжалаир, барулас, манхул, арулад, урянхаи, олхонут н другнх. Клиентела стала важиее племениой прнпадлежностн. Вероятно, улусы внутрн стронлнсь по десятнрнчной военноадмнннстративной системе, тысячам, которые нменовались курени, или в которые превратились куренн. Рашид-ад-дии так поясняет значенне термнна курень: «Значеиие термнна курень следующее: когда множество кнбнток располагаются по кругу и образуют кольцо в степн, то нх иазывают курень. В ту эпоху (нмеется в виду XII век — Е. К.) тысячу кнбнток, располагавшихся такнм образом, счнтали за одии куреиь». Улусом былн не просто люди, это были особым способом оргаинзованные людн. Помнмо рода правнтеля, (уруга) в улусе важнейшая роль прнпадлежала иуке-

рам. Нукеры это дружнна хана, его друзья (нукер значит друг). Нукеры составлялн гвардию правителя. Нукеры нмелись у всех крупных ханов монгольскнх степей XII в. У тайчиутского Таргутай-Кнрнлтуха была «дневная стража», турхауты; при Ван-хане в 1203 г. нмелась «тысяча турхаутов»*. «Монгольскнй предводнтель XI—XII вв.,— пнсал Б. Я. Владнмирцов,— всегда... неразлучен со свонмн нукерамн, онн всегда, в том нли другом качестве при нем, онн составляют его свнту. Нукер в ставке своего правителя оказывается прислужнником, на войне илн во время набега он воин, во время облавных охот он помощник; он заведует всегда чем-нн-будь, наблюдает, он состоит в свнте; он же является блнжайшим другом и советннком своего предводителя».

Как гвардейцы рассматрнваются в «Юань шн» н первые нукеры Чингис-хана. «Во времена Тай-цзу Мухуали, Чилаовэнь, Борху н Борчжу составнли четыре цесе (кешнк) для того, чтобы командовать цеседай (кешнктенамн) н поочередно служнть в качестве гвардни нмператора». Этн четверо звалнсь «лэрбен кулюд» («четырьмя героямн»). «Тай-цзу прнказал нм, передавая эту власть по наследству, командовать четырьмя цесе. Цесе означает: гвардия, которая служнт поочередно». По справедливому замечанню Сяо Цицнна — нукеры, гвардейцы, являлнсь однпми нз самых вндных представнтелей господствующего класса монгольского общества. Нукеры были воннами, стражннкамн-гвардейцамн, адмннистраторамн, прислугой при хане-правителе. Ранняя монгольская государственность не знала разделення функцнй охраны ханской ставки, управлення двором хана н управлення государством. С нашей точкн зренння крупные улусы татаро-монгольскнх племен,— Хамаг монгол улус, улус татар, меркнтов, тайчнутов, улусы кереитов н иайманов являлнсь ранпнми государствамн, хотя не все эту точку зрения разделяют. Так, напрнмер, авторы «Юань чао ши» пишут: «Монгольскне улусы (улус — народ, государство) до создання государства Чингис-ханом еще не являлнсь «государствами», их ханы еще не были подлнпными «нмператорамн». С этнм, последним утвержденнем, что первые монгольскне ханы не дотягивали до императоров Цзинь, Ляо или Сун, Сн Ся, может быть и можно согласнться, но то, что первые улусы монголов,

---

* Турхах тюркск. от «тур» — «стоять», «туркак» — ночная стража.

включая и первый улус Чингис-хана до объединения им Монголии не были государственными образованиями, представляется по меньшей мере утвержденнем спорным.

Улус Есугая возможно был частью распадавшегося Хамаг монгол улуса, Есугай не был ханом всех монголов. С его гибелью власть в улусе перешла к подвластным сородичам — тайчнутам. Улус Есугая распался с уходом его иукеров, которым некому было больше служить, не с кем было совершать дерзкие набеги, а также с уходом тайчнутов и уведенных ими разных людей, некогда входивших в есугаев улус. Мы уже упоминали, что Есугай был князем, той его ветвью, которую представляли собой потомки сына Тумбинай-сечена — Хабул-хана. К князям примыкали чжурки, старшие внуки Хабул-хана. Есугай, как полагает Хань Жулинь, был главой князей. Тайчиуты вели свой род от Чаракай-линку, третьего сына Хайду. По китайским данным, Чаракай-линку, его сыи Сяикунь-бильге были потомственными ляосскими чиновниками высокого ранга. Тайчиуты оспаривали право на власть у киятов и, как полагает Хаиь Жулинь, тяготились своей зависимостью и втайне ненавидели князей. Поэтому тайчиуты не только не отомстили за смерть Есугая татарам, но захватили и увели людей Есугая, бросив практически на произвол судьбы его семью. У малолетнего Темучжина, оставшегося без отца, было три родных младших брата — Хасар, Хачиун, Тэмуге и два сводных — Бектер и Бельгутай. Была у него и родная сестренка Тэмулук. Предоставленные самим себе две жены Есугая (на деле возможно и больше) и его дети с горсткой сохранившихся им верность людей легко могли стать добычей любого другого нойона или хаиа. Защитой им служила лишь былая слава отца и мужа, богатыря Есугая, и знатное происхождеине, чтимое хотя бы близкими сородичами.

Оэлун — первая и главная жена Есугая, по монгольским обычаям после смерти мужа, до тех пор пока ие подрастут и не женятся сыиовья, стала едииовластиой правительницей семьи и ее имущества. А семья оказалась в крайней нужде. Скота, а значит молока и мяса, не хватало. Оэлун собирала дикие яблоки и черемуху, дикий чесиок, выкапывала съедобные коренья. Дети помогали ей, удочками и сетями ловили в Оноие рыбу: «Когда же укочевали Тайчиудские братья, покииув в старом кочевье вдову Оэлун-учжии с малыми детьми, вот как пошло:

Мудрой женой родилась Оэлун
Малых детей своих вот как растила:
Буденную шапочку покрепче приладит,
Поясом платье повыше подберет,
По Онон-реке вверх и вниз побежит
По зернышку с черемухи да яблонь — дичков соберет
И день и ночь своих деток пестует
Смелой родилась наша мать Учжин
Чад своих благословенных вот как растила:
С лыковым лукошком в степь уйдет,
На варево деткам корией накопает,
Корней судун да корней кичигина
Черемухой да луком вскормленные
Доросли до ханского величия.
Корием чжаухасуна вспоенные
Праведной матери дети
Стали правосудными и мудрыми
Голым чесноком у матери вскормлены
Поднялись у матери отважными сынами,
Вознеслись высокими сайдами,
Из всех выдались мужеством и отвагою.
А обетом себе поставили — мать кормить.
На крутом берегу матушки Онон-реки
Вместе усядутся, друг для друга крючья ладят,
На крючья рыбешку негожую притравливают,
Ленков да хайрюзов выуживают,
Невода ли сплетут, плотву неводят.
С сыновней любовью матушку напитают.

Как полагает П. Рачневскнй, «Тайная история» умышленно драматизирует ситуацию, в которой оказалась семья Есугая, прежде всего для того, чтобы подчеркнуть путь Темучжина «из грязи в князи». Рашид-ад-дин приводит некоторые важные детали, которые свидетельствуют о том, что все было не столь обыденно и просто. Отошли тайчиуты, которые Есугаю «завидовали и питали к нему ненависть», другие люди из улуса Есугаева ушли «постепенно»,— «благодаря тому, что тайджиуты были главнейшей из ветвей родственных племен, дело постепенно дошло до того, что другие родичи и войска, оказывавшие Есугай-бахадуру повиновение, отошли от его детей и склонились к тайджиутам. Они сплотились вокруг них, благодаря чему у этих племен появилась полная сила и могущество». Оэлун не просто в сопровождении нескольких человек пыталась вернуть ушедших, а это была война, ибо «Оэлун самолично села верхом, подняла бунчу (тук), посадила на коней войска и отправилась в погоню за беглецами, дабы вернуть их назад. Когда они сошлись, с обоих сторон построились ряды в боевом порядке и начали сражение». Судя по Рашид-ад-дину, при сражении присутствовал и Темуч-

жнн, что допустимо, если мы примем во внимание хронологию Рашид-ад-дина, в соответствии с которой на момент смерти Есугая Темучжину было уже тринадцать лет. П. Рачневский ставит еще несколько справедливых вопросов: почему клан Есугая был против Оэлун? Почему ее не поддержали братья Есугая? Почему не вступил в силу закон левирата и никто из братьев Есугая не взял ее себе в жены? Если следовать Рашид-ад-дину, выясняется, что дядя Темучжина, младший брат Есугая Даритай-отчнгин «вначале, когда племена и войско Чингиз-хана перешли на сторону тайджнутов, ...слился с племенем тайджиут». Двоюродный брат Темучжина, сын старшего брата Есугая Некун-тайши Хучар, прославленный стрелок, про которого сложнли поговорку — «стрела Кучара уносится так, что становится невнднмой», «в то время, когда Чингиз-хан ребенком лишился отца и племена его склонились на сторону тайджиутов.. со своим войском заключил с Чингис-ханом союз и в течение некоторого времени находился при его особе и похвально служил ему». Очевидно все-таки, что н у Оэлун н Темучжина было, хотя бы первоначально на кого опереться, а что было на самом деле, узнать трудно. Как писал Рашнд-ад-дин, из-за смерти Есугай-бахадура, судьба их запуталась, и подробностн их жнзненных обстоятельств за тот промежуток времени нензвестны».

Как бы то ни было, братья от разных жен Есугая не поладилн между собой. Онн часто ссорнлнсь, нередко из-за пустяков. Оэлун, которую ие покидала мысль отомстить тайчиутам за предательство, старалась укрепить семью, сплотить братьев, будущнх мстнтелей за отца. Хорошо зная «древние слова», она рассказывала им об их роде — с мудрой праматери Алан-Гоа, о прадеде Бодончаре, о славных делах их предков Хабул-хагана н Амбагай-хагана, о богатыре Хутула-хагане и их отце — богатыре Есугае. Темучжии по праву первородства был старшнм, он должен был наследовать социальный статус н титул отца. Но по всей видимостн, н Бектер, старшнй сын от второй жены, заявлял свои претензнн. Как-то Темучжнн поймал в Ононе красивую рыбу, а Бектер с Бельгутаем отняли ее у него н его брата Хасара. Побежалн братья жаловаться Оэлун. Та почувствовала недоброе, стала упрекать их:

— Ах, что мне с вамн делать? Что это так неладно живете вы со своими братьямн. Нам надо думать о том, как отплатнть за обиду тайчиутам, а вы ссорнтесь.

Обида братьев была сильиее разумиых слов матери:

— Ведь совсем недавио оии точно так же отияли у иас жавороика, подстреляиного стрелой, а теперь вот опять. Как же иам быть в согласии?

И, хлопиув дверью, братья вышли, полиые решимости отомстить за обиду.

Бектер в это время пас иа холме коией. Подкрались к иему сыиовья Оэлуи с луками и стрелами. Темучжин сзади, Хасар спереди. Испугался Бектер.

— Думаете ли вы о том, с чьей помощью можио исполиить иепосильиую для вас месть за обиды, ианесеиные тайчиутами. Зачем вы смотрите иа меия, будто я у вас ресиица в глазу или заноза в зубах.

И по лицам их ои поиял, что не ждать ему пощады. Со словами «Не разоряйте моего очага, ие губите Бельгутая» ои покорно присел иа корточки перед братьями. В упор, спереди и сзади, произили Бектера стрелами Темучжии и Хасар и ушли, бросив бездыханиое тело своего едииокровиого брата на холме.

Оэлун по лицам своих сыновей сразу все поияла.

— Душегубцы,— закричала оиа. — Недаром этот вот яростио из утробы моей появился, сжимая в руке своей запекшийся сгусток крови. Вы сгубили его, словио дикие псы, прогрызающие материискую утробу. Речь ведь о том, кто вам поможет отомстить тайчиутам. У вас же сейчас иет дружеской сеии, кроме собствеииой теии, иет другого хлыста, кроме хвоста.

Поздиее иародиое предаиие вложило в уста Оэлун такие слова:

Убийцы!
Этот выходил
Из тепла моего
В руке своей сгусток крови
Сжимая, родился.
Вы убили его,
Как злые собаки
свое брюхо кусающие,
Как хищные птицы,
На скалы бросающиеся,
Как щуки,
иезаметио заглатывающие,
Как верблюды-самцы,
связки ног у своих верблюжат кусающие,
Как волки,
в дождь иападающие,
Как турпаны,
своих же птеицов поедающие,
своих же птеицов не в силах за собой увести,

Как шакалы,
свое логово, когда оно потревожено, защищающие,
Как барсы,
без промедления хватающие,
Как псы сторожевые,
без разбору бросающиеся!

И долго с великим гневом порицала она сыновей своих за необузданную жестокость.

Бельгутай, родной брат Бектера прожил 110 лет и умер в 1255 г. Опираясь на этот факт и, имея в виду и претензии Бектера на старшинство, П. Рачневский допускает мысль, что Бельгутай был старше Темучжина, а Бектер, соответственно еще старше, значит, и Оэлун была не первой женой Есугая. Однако большинство исследователей полагают, что все-таки Темучжин был старшим сыном от старшей жены. Об убийстве Темучжином брата сообщает только «Тайная история». Оно не упоминается ни в «Юань ши», ни у Рашид-ад-дина, ни в «Шэн у цинь чжэн лу». Не упоминает его в своей монографии «Чингис-хан» и Хань Жулинь. Авторы последних западных монографий о Чингис-хане не сомневаются в факте убийства Темучжином брата. П. Рачневский пишет, что «мы не имеем никаких оснований сомневаться в исторической подлинности убийства». Л. Гамбис замечает, что «Темучжин не проявил никакого волнения от слов его матери и не испытал ни малейших угрызений совести от поступка, который казался ему справедливым. Он не мог допустить того, чтобы лишить себя чего-то, на обладание чем, как он полагал, он имеет неоспоримое право». Эта черта характера освещает всю его жизнь, потому что он никогда не воспринимал взгляд на его власть и на его волю, как на оспоримые. Он до самой своей смерти применял этот принцип, никогда не идя ни на какую сделку, и применял его в его крайних проявлениях, хотя в действительности он не был ни жесток, ни кровожаден». И в соответствии с этим Л. Гамбис считает братоубийство, совершенное Темучжином за «проявление инстинкта господства и власти, которым он обладал». Мы еще поговорим ниже о разных «реставрациях» характера Чингис-хана, сейчас же только отметим, что убийство брата Бектера, в котором участвовал старший по возрасту Темучжин — факт, с нашей точки зрения, свидетельствующий о мстительности и жестокости характера будущего Чингиса. Даже в те годы, когда наезды, грабежи,

убийства были довольно обычными в монгольской степи, убийство брата было событием из ряда вон выходящим. Дело, конечно, было не только в пойманной рыбе — Темучжин видел в Бектере соперника. Он устранил его с помощью физически сильного, но не очень умного брата Хасара. Через несколько лет после распада есугаева улуса, братья возмужали, и кто-то один должен был наследовать дело отца. Бектер тоже понимал, что рыба — только повод, который он непредусмотрительно дал в руки Темучжина, и, умирая, просил об одном, чтобы не убивали дети Оэлун его младшего брата Бельгутая, не разоряли его очага. А Темучжин добился своего. Именно после убийства Бектера произошло признание Темучжина в качестве главы семьи.

Весть об убийстве быстро распространилась по степи. Возможно, что одними из первых узнали это тайчиуты. Тайчиуты не могли не знать, что Оэлун живет думами о мести, что эти чувства она воспитывает в своих сыновьях. Тайчиуты побаивались подросшего Темучжина. Теперь они получили оправдание для того, чтобы, если не уничтожить Темучжина (видимо, по этике родства это было сделать не просто), то как-то взять под более надежный контроль наследника Есугая. Таргутай Кирилтух со своими нукерами явился к стану Оэлун и потребовал выдачи Темучжина, главного виновника убийства. Однако Темучжин предусмотрительно бежал и укрылся в глухой чаще на вершине горы. Тайчиуты обложили лес и стали ждать. Через пятнадцать суток, не выдержав мук голода, Темучжин вышел из лесу, и был схвачен тайчиутами. Таргутай привез его в свой улус и подверг «законному наказанию»: Темучжину надели на шею кангу — тяжелую деревянную шейную колодку, к нему приставили стражу, а так как, естественно, в улусе тюрьмы не было, на ночлег Темучжина переводили из юрты в юрту. Казалось, тайчиуты надежно охраняли своего будущего врага. А Темучжин отныне жил одной мыслью о побеге.

Плен (или плены) юного Темучжина в принципе тоже не очень ясное место в истории ранних лет жизни Чингис-хана. В «Тайной истории» в § 79—81 рассказывается о пленении Темучжина Таргутай Кирилтухом и стремлении подвергнуть его «законному наказанию», а в § 149 сам Таргутай Кирилтух, пленивший своими подданными, убеждает их отпустить его, так как Темучжин все равно не убьет его: «Ведь Темучжин не может, не

должеи меия убить! Когда он был малышом, я привозил его к себе, зная, что он остался сиротой, без отца, н что у иего

Во взгляде — огонь,
А лицо — как заря.

Полагая, что ои в состоянии выучиться, если его учить, я и учил-наставлял его, наподобие того, как обучают породистых жеребят. Убьет ли ои меия? Нет, он ие может, ие должен убить меня...» Таким образом, получается, что и отношеиия правителя Тайчиутов с Темучжином лично и с семьей покойиого Есугая были не столь одиозиачно враждебными, как это подчеркивают другие тексты. П. Рачиевский ставит под сомнеиие прямую связь между увозом Темучжина к тайчиутам и убийством им брата Бектера, ссылаясь на то, что Темучжин возможно, не раз был в плену в юностн н не только у тайчиутов, но тем ие меиее, нам кажется, что весь имеющийся материал подчеркивает налнчие такой связи, если учесть, что это был не просто плен, а наказание за убийство блнзкого родствеиника.

У Рашид-ад-дина пленение Темучжина приписаио меркитам, некоторые обстоятельства самой истории пленения Темучжииа тайчиутами н меркитамн прн этом совпадают.

«Тайиая история». После того, как был убит Бектер, «тогда является во главе своей охранной (турхаут) стражи Таргутай — Кирилтух. Ои сообразил теперь

Видно, овечки-то, кургашки, облиняли,
Слюни свои подобрали.

Тут матери с детьми и все братья в ужасе бросились прятаться в тайгу. Бельгутай построил укрепление из повалеиных деревьев, а Хасар перестреливался с иеприятелем. Хачиуиа, Темугея и Темулуну спрятали н в ущелье, а сами вступилн в бой (кстати, это лишиий раз подтверждает, что при семье Оэлун были воины н прислуга — Е. К.). Тогда тайчнудцы стали громко кричать им: «Выдайте нам своего старшего брата Темучжиия! Другого иам ничего не надо!» Этим онн н побудили Темучжиия обратиться в бегство. Заметив, что Темучжии пустился в лес, тайчиудцы бросились за иим в погоню, но он успел пробраться в густую чащу на вершине Тергуне. Не умея туда проникнуть, тайчиудцы окружили бор и стали его сторожить».

«§ 80. Проиочевал Темучжин трое суток в тайге и ре-

шил, наконец, выходить. Взял свою лошадь под уздцы и пошел. Вдруг — неожидаиная задержка: с лошади сползло седло. Стал ои рассматривать — и видит: седло сползло при туго подтяпутой подпруге и иагрудиике. Вот так причина задержки. Тогда стал ои раздумывать: «Подпруга еще туда-сюда, ио как могла сползти также и подгрудиая шлея? Не иначе, что само небо меня удерживает». И ои вернулся назад и провел в лесу еще трое суток. Решил было опять выходить, как смотрит: у самого выхода из тайги лежит белый валун-камень, величиной с походную юрту, и вплотную закрывает выход. «Не ясио ли,— подумал он,— не ясно ли, что само иебо меия удерживает». Провел ои в лесу еще девять суток, без всякой пищи и думает: «Ужели довести себя до бесславиой смерти? Выйду теперь!» И принялся срезать стволы ножом для очистки стрел, срезать деревья, которые не давали прохода, окружая тот белый валун, величиной с юрту, что свалился откуда-то и заслонил проход? Кое-как провел он свою спотыкавшуюся лошадь и уже стал было выходить на прогалину. А тайчиудцы тут как тут, сторожат. Схватили его н повели с собой».

Мы ие стаием разбирать имеющие здесь место фольклориые мотивы — лес укрывает героя, небо, чудесные силы предупреждают его: «ие выходи», ио он вынужден нарушить его волю, выходит и попадает в руки преследователей. Просто обратимся к тому, что пишет Рашид-ад-дии. Ои, как мы помним, ни словом не упоминает об убийстве Бектера. В повествоваиии о меркитах говорится: «Как-то раз во время юиости Чингиз-хана оии одержали иад иим победу и его внезапно захватили в плен. В те дии ие существовало обычая быстро убивать плеииых, так как, возможио, что-нибудь за них возьмут и тогда их освободят. Это дело произошло так. Однажды Чиигиз-хаи ехал по некоему важиому делу; ои достиг высокого холма и направился на его вершину; седло вместе с ним отделилось от спины лошади без того, чтобы распустилась подпруга н развязались иагрудиые ремии; Чиигиз-хан упал. Сильно удивившись этому обстоятельству, ои сам себе сказал: «Может быть, всевышняя истииа ие желает, чтобы я ехал по этой дороге и затрудияет мое дело». Он подумал о возвращении, ио сатаиа снова одержал иад ним верх и Чингис-хаи отправился по влечению сердца. Неожидаино некоторое количество людей из племени меркит напали на иего, захватили, увели и стерегли до тех пор, пока,

по прошествии некоторого времени, не прислали им кое-что из дому Чингиз-хаиа и не взяли его обратио».

Обстоятельства пленеиия Темучжина тайчиутами и меркитами, как мы видим, совпадают. Но Рашид-ад-дин упомнпает и о тайчнутском плеие Темучжнна: «В то время, когда между Чингис-хаиом и тайчиутамн была вражда и распря, этн последние, найдя однажды удобный случай, внезапно схватили Чиигиз-хана». «Одиажды Чингис-хан попал к ним, врагам, в руки. Его освободил... Соркаи-Ширэ из племеии сулдус».

Совпадает в основных деталях и рассказ о побеге Темучжина из тайчиутского заточения в «Тайной истории» н у Рашид-ад-дина. Оба рассказа красочны, н то, что я позволю себе привести их здесь полностью, думаю, ие затруднит читателя.

Итак, «Тайная история»: «16-го числа Первого летнего месяца по случаю праздничного дня полнолуння, тайчиудцы праздиовали веселым пиршеством иа крутом берегу Оиона и расходились, когда уже заходнло солице. На это празднество Темучжина привел какой-то слабосильный парень. Выждав время, когда все праздиовавшие разошлись, Темучжин бежал от этого слабосильного пария, вырвавшись у иего из рук и всего раз ударив его по голове шейиой своей колодкой. Он прилег было в Ононской дубраве, но, опасаясь, как бы его ие заметили, скрылся в воду. Он лежал в заводи лицом вверх, а шейную колодку свою пустнл вииз плыть по течеиию. Между тем, упустивший его человек громко вопил: «Упустил колодиика!» На его крики со всех сторон стали собираться тайчиудцы. Онн тотчас же принялись обыскивать рошу Ононскую: светил месяц и было светло, как днем. Сулдусский Сорган- Шира проходил как раз мимо того места, где Темучжнн лежал в заводн. Он заметил его и говорит: «Вот это дело! За то, видно, ты и не мил своим братцам, что так хитер; что

Во взгляде — огонь
А лицо — что заря

Но ие робей, так и лежи, я не выдам!» и поехал дальше. Когда стали уговариваться о дальнейших поисках, Сорган-Шира посоветовал: «Давайте снова хорошенько обыщем каждый свой участок обратным путем». Все согласились и пошлн каждый обратно тем же своим путем, снова тщательно его обыскивая. Вторично проезжая мимо него, говорит Сорган-Шнра: «Лежи себе. Не-

подалеку тут твон братцы точат на тебя зубы и языки. Но ие робей!»,— и поехал дальше. И опять уговариваются оин о новых поисках и опять советует Сорган-Шира: «Сыики Тайчиудцы! Среди белого дня вы потеряли целого человека, как же можем мы иайти его темною ночью? Давайте иапоследок хорошеиько посмотрим, на обратиом пути, каждый свою долю, да и по домам, а завтра утром опять сойдемся иа поискн. Куда может уйти этот человек с колодкой иа шее?» Все согласились и пошли снова повторным понском. Опять подъехал к иему Сорган-Шира и говорит: «Уговорились кончать поиски, утром будем искать. Теперь ты выждн, когда мы разойдемся, да и беги домой. Еслн же тебя кто увндит, смотри, ие проговорись, что я тебя видел». И с этими словами уехал.

Выждав, пока оии разошлись, Темучжии пошел винз по Оиону разыскивать юрту Сорган-Шира. Он размышлял так: «Еще позавчера, когда мне пришла очередь иочевать тут, иочую я в юрте Сорган-Шира. Сыиовья его Чимбай с Чилауиом жалеют меня. Ночью, видя мои мучеиия, ослабляют колодку и дают возможность прилечь. А теперь вот Сорган-Шира хотя и заметил меия, а проехал мимо. Не доиес. Не спасут ли они меня также и в настоящем положеиии?» Юрта Сорган-Шира была приметная: все время переливали молоко и всю ночь до самого рассвета пахтали кумыс. Примета — иа слух. Идя по этому иа стук мутовки, он и добрался до юрты. Только ои вошел, как Сорган-Шира говорит: «Разве я не велел тебе убраться восвоясн? Чего ты пришел?» Тогда оба его сына Чимбай и Чилаун стали говорить: «Когда хищник загонит малую птичку в чащу, то ведь и чаща сама ее спасает. Как же ты можешь говорить подобные слова человеку, который к иам пришел?» Не одобряя слов своего отца, они сияли с него колодку и сожгли ее на огие, а самого поместили в телегу, иагружеииую овечьей шерстью и стоявшую за юртой. Оин поручилн его заботам своей младшей сестры, по имени Хадааи, строго иаказав ей не проговориться об этом деле ни одиой живой душе.

На третий деиь, подозревая, что его скрывает кто-нибудь из своих же, стали всех обыскивать. У Сорган-Шира обыскивали в юрте, в повозках и всюду вплоть до сидений. Забрались потом и в телегу, загруженную овечьей шерстью, позади юрты. Разобрали шерсть сверху и стали уже добираться до дна, как Сорган-Шира го-

ворнт: «В такую-то жару как можно усндеть под шерстью?» Тогда людн, пронзводнвшне обыск, слезлн н ушлн. Когда обыск окончнлся, Сорган-Шнра говорнт Темучжнну: «Чуть было ты не развеял меня прахом. Ступай-ка теперь н разыскнвай свою мать н братьев!» Он дал Темучжнну беломордую рыжую яловую кобылу, сварил двухгодовалого барана, снабднл его бурдюком и бочонком, но не дал ни седла, нн огнива. Дал только лук да пару стрел. С такнм снаряженнем он его отпустнл [...] он нашел свонх в урочнще Хорчухуй-болдак, у Кимурхнинского мыса Бедер».

Рашнд-ад-днн. «Случнлось так, что Таргудай-Кнрилтук, государь племенн тайджнут, который был его врагом, настнг н захватнл его. Он сделал для него рогатку н берег его: в то время еще не было в обычае быстро убнвать пленнников. Была одна старуха нз племени Тайджу-Эгэчн. Ее называли Тайджу... эта старуха все время расчесывала волосы Чнигнз-хана н прнслужнвала ему. Поскольку все время шея у него была до кровн натерта рогаткой, она подкладывала Чнигнзу под шею немного войлока н вообще постоянно проявляла к нему мнлосердне. Спустя некоторое время Чингиз-хан в однн нз дней нашел удобный момент н бежал вместе с рогаткой. В тех пределах было большое озеро. Он залез в него н вместе с собой погрузил в воду н рогатку, так что нз всего его тела нз воды высовывался лншь один нос. Отряд тайджнутов пустился его преследовать; его нскалн. Соркан-Шнрэ из племенн сулдус... был средн того племенн н кибитка его тоже была поблнзости. Внезапно его взор упал на благословенный нос Чингиз-хана. Он догадался, что это он. Тайком он подал знак, чтобы тот погрузнл поглубже голову н сказал тем людям (тайджнутам): «Вы продолжайте обыскивать другне окрестностн н стороны, чтобы мне здесь быть на стороже!» — н этим он нх рассеял по разным сторонам. Когда настала ночь, он вытащил нз воды Чингнз-хана, снял с его шен рогатку, отвез его в свой дом н спрятал на телеге под большой кучей шерстн. После этого сборнще нщущнх Чингнза проследило его следы до той местностн. Онн возымелн подозренне, что он может быть в кнбнтке Соркан-Шнрэ, учннили там тщательный розыск вплоть до того, что несколько раз протыкали ту шерсть вертеламн, но он не появился оттуда. Так как всевышняя нстнна возжелала его счастья, то нн разу не было прнчннено вреда н болн его благословенному те-

лу: его ие иашли и ушли. После того Соркан-Ширэ дал ему рыжую кобылицу, немного мяса и вертел для кебаба, а также дал ему кое-что из вещей, которые нужны в путешествии, как то: стрелы, лук и прочее, а кое-чего ие дал; говорят, что он также не дал ему огиива и отправил его».

Далее Рашид-ад-дин повествует о том, что малолетний четвертый сын Чиигис-хаиа Тулуй чудесиым образом предсказывает возвращение отца из плеиа: «Вот подъезжает мой отец верхом на рыжей кобылице с двумя тарбаганчиками в тороках!» н через час прибыл домой Темучжин на рыжей кобыле и с двумя тарбагаиами, тут «все пришли в величайшее удивление от слов Тулуя».

Таким образом, за исключением деталей, рассказы о пленеиии Темучжина тайчиутами и его побеге и в «Тайной истории» и у Рашид-ад-дина совпадают. Был ли Темучжии и в меркитском плену? Это остается иеясиым. П. Рачиевский утверждает, что «очевидио, Темучжии более, чем раз, попадал в плеи». Ои исходит из того, что такое явлеиие в то время было иередким, Тоорил был 7 лет в плену у меркитов и 13 лет — у татар, его брат Джака-Гамбу жил в плену у таигутов, а аньда Темучжина Чжамуха побывал в плену у меркитов.

О пребываиии Темучжина в юности в плену зиал Чао Хун: «Чингис в малолетстве был захвачен в плеи цзииьцами, обращен в рабство и только через десять с лишним лет бежал». Версию о чжурчжэиьском, китайском плене Темучжиа отвергал В. В. Бартольд: «Китайские современиики Чингис-хаиа по всегдашиему обыкновеиию китайцев, старались объясиить успехи монгольского завоевателя китайским влиянием и с этой целью придумывали факты; такой характер имеет известие, что Темучжии в молодости был взят в плеи цзиньскими войсками и более десяти лет провел в Китае; едва ли возможио, чтобы монгольское предаиие не сохранило ни единого намека на период в жизии Чингиса, продолжавшийся целых десять лет».

Джузджани в «Табакат-и-Насири» датирует тайчиутский плеи Темучжиа 584 г. хиджры —1187—88 гг. Если принять во внимаиие разные даты рождеиия Темучжина, 1155, 1162 или 1167 гг., то в любом случае, следуя дате, приводимой у Джузджани (источиик XIII века) Темучжину было соответственно 32, 25 или 21 г., в любом случае ои был уже ие только ие мальчик, но

и не юноша. По Рашид-ад-дину, когда умер Есугай, Темучжину было 13 лет (т. е. это произошло в 1167 г.). Темучжин жил с матерью до тайчиутского плена 20 лет, имел уже четырех сыновей. Разумеется, эта хроиология не может считаться верной и безупречной. П. Рачневский полагает, что когда умер Есугай, Темучжину было 8—9 лет, в 14—15 лет он убил Бектера и после этого попал к тайчиутам.

Следуя источнику, после бегства из тайчиутского плена, Темучжин жил со своей семьей, кормясь ловлей тарбаганов и горной крысы кучугур. Как замечает Б. Я. Владимирцов, «В таких занятиях проходили юные годы человека, перед которым впоследствии трепетали могущественные царства, который, казалось, нигде ие мог встретить препятствия для достижения своих желаний». Здесь в уединении семья Оэлун постепенно окрепла. Выросли дети. Темучжин превратился в крепкого молодого мужчину. Но от своих сверстников он отличался ие телесным здоровьем — младший брат Хасар был сильнее его,— а умом и хитростью. Постепенио именно Темучжии стаиовится главой аила. Появляются у Темучжина и первые нукеры.

* * *

Как-то люди из чужого племени угнали из аила Оэлун восемь меринов. Видимо, недругам была известна беззащитность Оэлун, и поэтому это было сделано нагло, на глазах у всех. И видела Оэлуи со своими близкими, что грабят их, а ничего не могла поделать. Не было в стане лишней лошади, осталась лишь та, на которой Бельгутай уехал на охоту за тарбаганами. Как только он возвратился, заспорили братья, кому ехать в погоню. Бельгутай говорит:

— Я еду в погоню.

А Хасар говорит:

— Ты ие справишься, в погоню отправлюсь я.

— Вам не справиться, решил Темучжин как старший. Погонюсь-ка я сам! Сел на коня и поехал по следу, оставленному угнаиными меринами. После третьей ночевки встретил он табун и молодого пария, который в это время доил кобылу. Тот сказал ему, что видел, как рано утром, перед восходом солнца, какие-то люди прогнали мимо восемь меринов. Заменил он Темучжин уставшего коня на другого из своего табуна и сказал:

— Друг, ты ведь сильио иамаялся в пути, а у доб-

рых молодцев горе общее. Поеду-ка я с тобой в товарищах. Мой отец зовется Наху-Баяном. Я его единственный сын, нмя мое Боорчу.

Оин отправились вместе в погоню. Вдвоем оии отбили угианиых меринов. На обратном пути, когда новые друзья прнбылн к стану Боорчу, Темучжнн предложнл ему плату за помощь, но Боорчу наотрез отказался. Более того, Наху-Баян снаряднл Темучжнна в дорогу: зарезал для него ягненка н дал полный бурдюк питья. На прощание Наху-Баян сказал:

— Вы оба молодые ребята. Любите же друг друга и никогда не бросайте друг друга.

Так, по преданию, Темучжнн прнобрел своего первого друга-нукера Боорчу, который всю жизнь был одним из лучшнх полководцев и сподвнжников Темучжина.

Преданне в опоэтизированной форме (этот эпнзод красочно расписаи в «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана) повествует об усиленни Темучжина, возвращении к иему былой власти н прнвлеченнн на службу иукеров, прнчем, Боорчу необязательно мог быть самым первым из них, Боорчу прннадлежал к племени арулатов, арулаты были н ранее в хороших отношениях с Есугаем. По «Юаиь ши», когда Боорчу начал служить Темучжину, ему было 13 лет. По характеристике этого источника, ои отлнчался глубиной замыслов, храбростью, знал военное дело и любнл сраженья. «Как брат (как едиомышлениик, туици) он участвовал в походах иа все четыре стороны и не было похода, в котором бы ои не сопровождал (Темучжнна)». «Когда все племена ие были еще усмнрены, Боорчу каждый раз клялся, что иочью император будет почнвать обязательно спокойно, клал подушку н располагался прямо виутри (помещеиня, где ночевал Темучжин). Они говорили о самом важном, ннногда до рассвета. Союз государя и его слуги был подобен единству рыбы н воды».

Рассказывается эпизод, что однажды, когда в бою Темучжином был дан прнказ не отступать ни на шаг, Боорчу привязал себя к лошадн у поясницы и коленей, н не отступнл ни на вершок от первоначального места. Рашид-ад-дии со слов самого Темучжина приводнт следующнй эпнзод. «Я ехал с Богорчн, на горе находнлнсь в засаде протнв нас двенадцать человек. Богорчи ехал сзади. Я не стал его ждать, а напал на них. Онн все двенадцать разом выпустнли в меня стрелы, их стрелы летали вокруг меия, а я иападал. Вдруг мие в рот попа-

ла стрела. Я упал и от жестокости полученной мною раны лишился чувств. Меж тем подоспел Богорчи и увидел меня ерзающим по земле ногами и катающимся, словно шар, словно человек, находящийся при последнем издыхании. Тотчас он нагрел и принес воды, и я полоскал рот и выплюнул кровь, свернувшуюся в горле. Покинувшая меня душа вновь вернулась в тело, появилась способность чувствовать и двигаться. Я встал и вновь кинулся на них. Они устрашились моей крепости, скатились с той горы и отдали душу. Причина тарханства Богорчи-нойона и его друга та, что в тот момент он проявил столь похвальное усердие». Этот эпизод имеет и такую версию: Боорчи «с детства... неотлучно находился при Чингиз-хане, никогда не выступал против него и оказывал похвальные услуги... Говорят, что в то время, когда Чингиз-хан был в юношеском возрасте, он отправился на войну с некоторыми тайджиутами и там, будучи ранен стрелою в рот и в горло, повернул назад и обессилел; с ним вместе был Богорчин-нойон и Борагул-нойон. В пути они его сняли с лошади. Шел сильный снег. Борагул-нойон попридержал его лошадь и видя Чингиза в таком состоянии здоровья, накалил камень и поливал его водой, пока не поднялся пар. Он держал рот Чингиза над этим паром, пока застывшая кровь не вышла сгустком из горла и ему стало немного легче дышать. Так как шел сильный снег, то Богорчин-нойон держал двумя руками над головою Чингиз-хана свою доху, чтобы снег не падал на него. Он так простоял до утра и снег засыпал его по пояс, он же не сдвинулся с места. Утром он посадил Чингиз-хана на коня и доставил в свои стойбища». Мы еще вернемся к эпизоду ранения Темучжина в шею, пока заметим лишь то, что по «Тайной истории» во время ранения ему помог Чжельме, а не Боорчу.

Мы уже упоминали о том, что хронологическая последовательность основных событий юных лет и возмужания Темучжина запутана. Эпизод с Боорчу и возвращением угнанных меринов мог быть и до тайчиутского плена, если мы примем во внимание, что по некоторым источникам, во время тайчиутского плена Темучжин уже был отцом четырех сыновей. Так это или не так, но «Тайная история» связывает со временем появления Боорчу в нукерах у Темучжина женитьбу последнего. Настала пора Темучжину жениться. Вместе с Бельгутаем поехал он к Дай-сечену и взял себе в жены Борте,

девочку, теперь девушку, нареченную ему еще в детстве. Цотаи, мать Борте, проводила дочь прямо в семью мужа, в аил Оэлун, на речку Суигур, в урочище Гулельгу. Только теперь, женившись, по обычаю Темучжин стал по-настоящему главой аила вместо своей вдовой матери Оэлуи. Провожать домой тещу Темучжина поехал Бельгутай и нукер Темучжина Боорчу. Боорчу вошел в число «четырех кулюков», «четырех богатырей», четырьмя кулюками Темучжина были Борохул, Боорчу, Мухали и Чилаун. Собственно, в какой-то мере нукерами Темучжина являлись его братья Бельгутай и Хасар. Недаром Темучжин говаривал: «С мечом Бельгутая и луком Хасара мы возьмем всю Поднебесную» («Юань ши»). Бельгутай «в детстве сопровождал Тай-цзу», «водил заводную лошадь. По обычаю государства (при хане) постоянно был преданный, верный человек. Если (хан) терпел поражение, то взнуздывали заводную лошадь». Бельгутай постоянно сражался в авангарде. Он сам, его семья и люди всегда занимали место к югу от ставки Темучжина. Хасар (Джочи-Касар) был «человеком весьма сильным и стремительным», «говорят, что его плечи и грудь были так широки, а талия так тонка, что когда он лежал на боку, собака проходила под его боком; сила же его была такова, что он брал человека двумя руками и складывал его пополам, как деревянную стрелу, так что его хребет переламывался. Большую часть он находился в союзе и был единодушным со своим братом Чингиз-хаиом» (Рашид-ад-дин).

Отец Мухали «считал себя родственником и соседом и потому находился в подчинении Тай-цзу». Раз он спас жизнь Темучжина, отдав ему свою лошадь, когда их преследовали враги, хотя заплатил за это своей жизнью. Когда родился Мухали, белый воздух заполнил юрту и шаман объявил, что родился необычный ребенок. Мухали отличался пытливым умом, ловкостью, был отличным стрелком из лука. Это был человек, преданный Темучжину. В «Юань ши» рассказывается, что однажды, когда Темучжин терпел одну неудачу за другой, он со своими людьми попал в снежный буран. Они не могли найти юрты и заночевали в болоте. Мухали и Боорчу расстелили шубы и войлок, сверху поставили щиты из войлока и укрыли Темучжина от снега. Сами они до рассвета продержали защищавшие Темучжина от снега войлоки, и при этом даже ни разу не пошевелились. Раз, когда на Темучжина и его людей напали

разбойники, Мухалн успешно отстреливался, а потом снял с коня седло н укрыл им Темучжина от стрел нападавшнх. Про Борохула известно, что он служнл Темучжину, был первым его тысячником и пал от руки врага. Чнлаун был сыном Сорган-Шира, человека, который помог Темучжину бежать из тайчиутского плена. Очевидно, что по разным причннам каждый из них перешел на службу к нему, стал его нукером, но столь же очевидно н то, что оии чтнли Темучжина за его высокое происхождеине и за его личные качества. Эти люди, как и многне другие, поставилн на Темучжина в той междоусобной борьбе, которая развернулась в монгольской степн н не ошиблись.

В изложенни источников получается, что женнвшись, Темучжнн одновременно стал проявлять актнвность как политический деятель. Прежде всего ои стал думать о том, как для будущих битв с врагами найти себе союзннков. Придя в дом мужа, Борте подарнла своей свекровн Оэлун доху черного соболя. И решнл Темучжин отвезти эту доху в подарок правителю кереитов Тоорнл-кагану, рассудив так: «Ведь когда-то Тоорил-хан керентский побратался, стал андой с батюшкой Есугай-хаиом. А тот, кто доводнтся аидой моему батюшке, все равно что отец мне».

Темучжин был молод, да смышлен. Ои знал цену титулам н потому уже не впервой величал своего покойного отца ханом. А кем же мог стать ханский сыи? Только ханом.

Когда-то Есугай-баатур и кереитский Тоорил-каган действительно были побратнмами, анда. Есугай неодиократно оказывал помощь Тоорнл-кагаиу н вызволял его из разных бед. Путь Тоорил-кагана к власти, как и у многих татаро-монгольских ханов, был устлан не розами, а головами. Дед Тоорил-кагана Маркуз (Марк) был пленен татарами н выдан ими чжурчжэням. Тоорил-хан начал свою «карьеру» с того, что убил двух своих братьев Тай-Тимур-тайши и Юла-Жагусу. Воспользовавшись этим, дядя Тоорил-кагана Гур-хан напал на него и лншил его улуса. «Гурхаи заставил бежать Онхана (Тоорила — Е. К.), разграбив его. Он-хан, бежав с сотней людей, уходил от преследователей. Есугэй-каан принял его сторону и взял его. После того Есугэй сказал: «Нам нужио вести дружбу с этим человеком»,— побратался с ним. В этом положении Кутула-каан сказал (Есугэю): «Дружба с ним — недоброе дело, поскольк-

ку мы его хорошо узнали. Лучше стать андою с Гурхаиом, так как у него мягкий и хороший характер, а этот человек убил своих братьев и кровью их запачкал зиамя чести» [...] Есугай-бахадур не согласился с этим и стал с ним (Ои-ханом) другом и побратимом. Он напал иа Гурхана и обратил его в бегство, а улус его отдал Он-хаиу» (Рашид-ад-дин). Гур-хан бежал иа территорию тангутского государства Си Ся. Брат Тоорила Эрке-Хара до этого бежал к наймаиам. Наймаиы через какое-то время иапали на Тоорила, разгромили его и отдали его улус Эрке-Хара. «Отец Чингиз-хана вторичио оказал помощь Он-хану и изгнав Эрке-Кара и опять взяв место (занимавшееся) Он-ханом, отдал ему». Можио с уверенностью сказать, что Темучжин, живя в захолустьн и испытав муки плена, тем не менее был хорошо осведомлен о ситуации в огромной монгольской степи. Выбор его не случайно пал на кереитов.

Кереиты были сильным племенем. «В то время и в тех пределах они нмели больше силы и могущества, чем другие племеиа. До них дошел призыв Иисуса — мир ему! — н они вступили в его веру» (Рашид-ад-дин). Таким образом, кереиты были христианами несторианского толка. Покровительство и дружба одного из сильиейших ханов монгольскнх степей обещали Темучжииу защиту и поддержку в сокрушении врагов и восстаиовлеиии отцовского улуса.

Темучжин прибыл на реку Толу, где была орда, ханская ставка Тоорнл-хана.

— Когда-то вы с роднтелем моим побратались и, стало быть, вместо отца мне,— сказал он и подарил Тоорил-хану соболью шубу матери.

Тоорил-хаи также, по-видимому, хорошо осведомленный о делах сына бывшего своего побратима Есугая, иаслышанный о способиостях Темучжина, а главное, о его целях, сказал в ответ именно то, чего тот желал:

— В благодарность за соболью шубу я соберу твой рассеянный улус.

По возвращении от Тоорил-хана один старнк моигол, помиивший славу семьи Есугая и подарившнй некогда на рождение Темучжина его родителям соболью пеленку, отдал в услуженне Темучжнну своего сына Чжелме:

Вели ему коней седлать,
Вели ему дверь открывать.

Так Темучжии прнобрел себе второго иукера. С такими

же прнсказками отдавали свонх сыновей в нукеры Темучжиину и другне. Гуи-ва, передавая Темучжнну Мухали н его брата Бугу, якобы сказал:

Пусть станут слугами
У твоего порога.
Если от твоего порога
Уйдут,
Связки иог им перережь.
Пусть стаиут иаследиыми слугами
У твоего полога.
Если твой полог
Покииут,
Печеиь
Им вырежь!

То же самое говорнт Чилаун Хайчи, передавая Темучжину в нукеры сыновей Тунге н Хашн.

Я отдаю, чтобы оии
Постояино пребывали у твоего золотого порога.
Если от твоего золотого порога
Отделятся, уйдут,
Жизиь их прерви.
Я отдаю, чтобы оии
Широкий полог твой подиимали.
Если от твоего широкого полога
Прочь уйдут,
Вырви их сердце!

Ясно, что вступленне в нукерство сопровождалось обрядом, во время которого пронзиосннлись нзвестиые, стаидартные слова, снмволнзнрующие акт передачи сына в вечную службу хану, службу преданную, за нзмену полагалась смерть. Чжелме был уряихат. Рашнд-аддин дает его полиое нмя Джэмэ-Ухэ. «Значенне «ухэ» — дерзкнй человек, разбойннк н богатырь. Так как он обладал этнми качествамн, то был прозван этим нменем».

Очевндио, не всем понравнлнсь переговоры Темучжнна с Тоорнл-каганом, вднмое усиленне его. И вот меркнты задумали отомстнть Темучжниу за старые дела Есугая, за то, что отиял он у нх соплеменнника Чнледу невесту Оэлун. Лнхне разбойные набеги в Монголнн середины XII в. былн обычным делом. Украсть тайком считалось делом недостойным, а отбить снлой — подвигом мужества. Джувэйии так пнсал о жнзнн татаро-монгольскнх племен до возвышенння Чиигнса: «Онн не былн объедннены друг с другом н постоянно дрались н враждовали между собой. Некоторые нз ннх рассматрнвалн разбой и наснлне, безнравственность и пьяиство как подвнги мужества и превосходства».

Почти врасплох застали триста меркитских воинов, предводительствуемых старшим братом Чиледу, Тохтоа-беки, аил Оэлун и Темучжина. Кто вскочил на коня, только тот и успел ускакать. Жена Темучжина Борте и вторая жена Есугая, мать Бельгутая, были схвачены и уведены меркитами в плен. Чиледу уже не было в живых, иначе женщины достались бы ему. Поэтому жену Темучжина Борте в отместку за умыкание Есугаем Оэлуи отдали в наложницы младшему брату Чиледу Чильчиру. Как предполагают, в то время она была уже беременной и ждала первого сына Чжочи.

Но меркитам нужен был Темучжин. Долго гонялись они за ним, «метались туда сюда, шли по его следу по таким болотам, по такой чаще, что сытому змею и не проползти. Однако изловить его все же не смогли». Темучжин знал — если поймают его меркиты — убьют. «Великий ужас я испытал»,— сказал он после ухода меркитов, когда следовавшие по пятам меркитов Бельгутай, Боорчу и Чжелме убедились в том, что меркиты действительно возвратились в свой улус и не оставили засады. В знак избавления от беды Темучжин совершил жертвоприношение солнцу. Он снял пояс и повесил его себе на шею, снял шапку и ею бил себя в грудь, совершил девять коленопреклонений, а также возлияние кумыса. «Так монголы чествовали в ту пору свои святыни, выражая сниманием пояса и шапки свое полное подчинение высшей воле, потому что пояс и шапка, надетые как следует, были у монголов как бы показателем личной свободы их владельца» (Б. Я. Владимирцов). По версии Рашид-ад-дина, меркиты не оставили Борте у себя, а отдали ее Тоорил-хану. Тоорил-хан принял ее дружественно и «содержал ее на положении молодой снохи». Когда ему предложили взять ее в жены, он ответил:

— Она моя невестка, не следует смотреть на нее оком предательства.

Темучжин послал за Борте своих людей. По дороге родился Чжочи. «Так как дорога была опасна, то они не имели возможности остановиться и устроить колыбель; Сапа из некоторого количества муки сделал мягкое тесто, завернул в него младенца, тесто с младенцем положил в свой подол и понес бережно, чтобы члены его не пострадали. И ребенка назвали Джочи по той причине, что он неожиданно появился на свет». Такова версия Рашид-ад-дина. Однако есть основания больше

доверять «Тайной истории», авторы которой позволяли себе писать то, чего Рашид-ад-дин написать уже не мог. Не могла жена основоположника династии быть чьей-то наложницей и возвратиться к мужу с сыном, отцом которого он мог и быть и не быть!

«Я НАШЕЛ, ЧТО ИСКАЛ»

Кровную месть мы свою совершим,
Меркит-Удуит и Увас истребим,
Милую сердцу Борте возвратим
Сокровенное сказание

Нападение меркитов неожиданно обернулось пользой для Темучжина. Жена была в меркитском плену, своих сил для ее выручки не было, и поэтому появился законный повод просить кереитского Тоорил-кагана перейти от обещаний к делу. Вскоре братья Темучжина, Хасар и Бельгутай, отправились на берег Толы, в Темный бор, в орду Тоорил-кагана. Тоорил согласился выступить в поход на меркитов:

— За черную соболью доху, предав огню всех без исключения меркитов, доставим мы тебе твою Борте.

Он обещал выставить две тьмы (20 тыс.) войска и только попросил, чтобы вместе с ними в поход был приглашен Чжамуха, дальний сородич Темучжина, еще при жизни Есугая деливший с Темучжином его детские игры и забавы. Чжамуха из племени чжачжират был родственником Темучжина и его андой. В его подчинении было немало людей, которые должны были бы принадлежать Темучжину. Рашид-ад-дин характеризует Чжамуху как человека «крайне умного и хитрого», за что его прозвали «сечен». «Чингиз-хан называл его анда. Однако тот постоянно чинил по отношению к нему козни, вероломство и обманы и стремился к тому, чтобы забрать в свои руки государство». Чжамуха по предложению Тоорил-хана должен был определить место и время встречи отрядов монголов и кереитов.

Приглашение Чжамухи для участия в походе было не случайным. Видимо, Тоорил-хан знал кое-что о состоянии дел у монголов. А Чжамуху в это время поддерживало большинство. Чжамуха и Темучжин, по всей вероятности, уже тогда рассматривались окружающими как два возможных претендента на власть над монго-

лами, и Тоорил-хан, будучи даже обязаниым отцу Темучжина, не желал своим дружеским союзничеством уже не на словах, а на деле выделить кого-то одиого из этих двух молодых батыров.

Да и Темучжин видел в Чжамухе своего соперника. Это подтверждается хотя бы тем, что, охраняя свое достоинство, сам Темучжин не поехал к Чжамухе, а, как и к Тоорил-хану, послал к нему своих братьев, иаказав им передать Чжамухе его слова:

— Ложе мое обращено в пустой воздух. Разве мы чужие с тобой? Как же мы отомстим за обиду?

Темучжин просил передать также слова кереитского хана: «Памятуя, что в свое время я был облагодетельствован отцом Есугай-ханом, я буду блюсти дружбу. Со своими двумя тьмами я выступлю правым крылом. Пошли переговорить с младшим братом Чжамухой, не подиимется ли он и со своими двумя тьмами? Место же и время встречи пусть назначит сам брат Чжамуха». Именно Чжамуха, а не Темучжин должен был определить время и место встречи, ведь реальная сила монголов — две тьмы войска, была в его руках, а не в руках Темучжина.

Выслушав послание Темучжина, Чжамуха ответил:

— Видное издали знамя свое с длинным древком окропил я. В свой густоголосый барабан, обтянутый воловьей кожей, ударил я. Черноспиного скакуна своего оседлал я, прошитый ремнями свой панцирь одел. С рукоятью меч свой поднял я, свои стрелы с зазубриианами приладил я и готов смертным боем биться с удуит-мерхитами. Так и передайте!

Что подвигло Чжамуху в поход на меркитов: жажда добычи, желание помочь Темучжину, поставить соперника под свой контроль, возможная зависимость от Тоорил-хаиа, которого в рамках дипломатии тех лет он полагал своим старшим братом, а себя — младшим? Трудно ответить достоверио. Возможио, и то, и другое и третье. Чжамуха, как и было условлено, разработал план внезапного нападеиия союзных войск, иазначил место их встречи в верховьях Оноиа. Хасар и Бельгутай, послы, обязанные слово в слово запомиить и вопросы и ответы и послания, оповестили о решении Чжамухи Темучжина и Тоорил-хана.

Между союзными предводителями, которым предстояло сыграть столь важную роль в жизии монгольских степей конца XII в., с самого начала существовала ат-

мосфера взанмиого иедоверня. Тоорнл-хан и Чжамуха, имея по двадцать тысяч войска, воспользовалнсь случаем разграбить меркитов. Характерно, что до этого ии тот, ин другой и ие думали помогать Темучжниу в злоключениях его юных лет. Темучжнн иадеялся спасти честь, вернуть жену, а с полученнем своей долн добычи н нмея снльных покровителей, расчнтывал поправить дела н возроднть свой улус.

Каждый думал перехитрить другого н все действовалн с опаской. Темучжнн, ставка которого располагалась как раз на пути войск Тоорнл-хана, откочевал в сторонну. Только пропустнв войска кереитов и убеднвшнсь, что ему ие угрожает нх внезаиное иападение, он присоедниился к Тоорил-хану. Тоорнл-хан же иамеренно нли случайно опоздал к месту встречн на три дня. Чжамуха, ожндавшнй союзинков, при их приближении выстроил свон войска в боевой порядок, это же сделалн и керепты. Лншь после взаимных пререканий по поводу опоздання союзникн выступилн в поход. Случилось это в год змеи (573 г. хиджры — мусульманского календаря), т. е. в 1177—1178 гг., когда по Рашнд-ад-дииу Темучжнну было двадцать два — двадцать три года. По другнм подсчетам — в 1184 г. (исходя нз даты рождения Угэдея), монгольский ученый Сандагу указывает 1188 г. Соответственно, в завнсимостн от прнинмаемой даты рождення Темучжнну могло быть 29 (33), 22 (26) илн 17 (21) год.

Главным в замысле Чжамухн было виезапиое иападеине на меркитов. «Обрушившнсь иа иего (меркнтского Тохтоа-бекн) прямо через дымовое отверстие юрты на самое почетное у него налетим н в прах сокрушнм. Женщни н детей в полон всех заберем; самое святое у иего иогамн потопчем, весь иарод до конца истребим». Замыслы былн серьезные и зловещие н план этот почтн удался. Войска Тоорнл-хана и Чжамухн-сечена «вторгшись через дымник» как сиег иа голову внезапно атаковалн меркнтов, «весь улус его (Тохтоа-бекн) дочнста полоинлн». Но сам Тохтоа-беки, получив предупреждение о нападенни от слуг, заинмавшнхся рыбиой ловлей и охотой иедалеко от орды, с горсткой своих людей бежал внпз по Селенге к Байкалу, «в страну Баргучжннскую». И весь улус Тохтоа-бекн, гонимый превосходящнми силами протнвнпков, тоже бежал вниз по Селенге. Победнтели «гналн, губили и забнралн в плеи беглецов». Лншь Темучжнн был занят другнм — поиска-

ми своей Борте. «Забегая навстречу бежавшим, он все время громко окликал: «Борте, Борте!». Услышав крик Темучжина, Борте соскочила с возка, ухватилась за поводья Темучжинова коня. Узнали они друг друга и обнялись. А вскоре послал Темучжин своих людей сказать Тоорил-хану и Чжамухе:

— Я нашел что искал. Прекратим же ночное преследование и остановимся здесь.

Б. Я. Владимирцов полагал, что Темучжин «имел основание не желать их (меркитов) полного разгрома». Тем временем Бельгутай не мог отыскать своей матери, второй жены Есугая, и меркитам пригрозили полным истреблением, если они не вернут ее. Меркитские воины, напавшие на ставку Темучжина и плеивившие Борте и мать Бельгутая, были казнены. Их жен, «миловидных и подходящих», забрали в наложницы, а «годных стоять при дверях» поставили прислугой, т. е. попросту обратили в рабство.

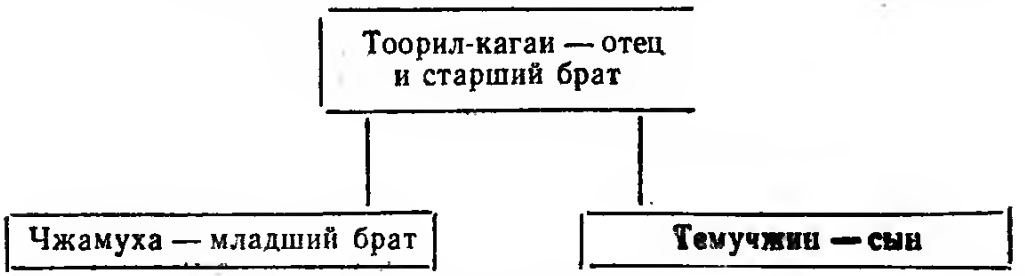
Победители закончили свой поход у слияния рек Онона и Селенги. Тоорил-хан отбыл в свою орду, а Темучжин н Чжамуха остались жить вместе в одной орде Хорхонах-Чжутур. Соединила их страшная сила, дружба, при которой друг боится и на час оставить друга, чтобы не пасть его жертвой.

Хотя Темучжин был против массового истребления меркитов в момент первого нападения, желая, по всей видимости, сохраннть их как самостоятельную снлу в борьбе за власть в Монголии, однако он никогда в сущности не простил им нх нападения н позорного пленения его жены. По сведениям Рашид-ад-дина, он «постановил, чтобы никого из меркитов не оставляли в живых, а всех убивали, так как племя меркит было мятежное и воинственное и не раз воевало с ним».

Возможная этимология имени старшего сына Темучжина Чжочи — «гость». Видимо, Темучжина ннкогда не покидала тайная мысль, что Чжочи мог быть наполовину меркитом. Наконец, мы имеем также скорее поэтический, чем достоверно нсторическнй рассказ о меркнтском походе. Есть все основання полагать, что в поход Темучжин пошел «гол, как сокол», т. е. с горсткой своих людей, сородичей и нукеров. Это постоянно подчеркивалось «Тайной историей» — был одинок, гоним, но его дарования и способности необычного, небесного происхождения, были замечены и он вдруг почти сразу стал хаиом. Как не без оснований полагает Л. Гамбис, у Темуч-

жина в меркитском походе если и не было своих две тьмы, то все же была достаточно многочисленная армия. «По имеющимся источникам,— писал он,— неразрешима проблема, каким образом перед походом на меркитов Темучжин собрал армию, достойно противостоящую 2 тумэнам Тоорила и 2 тумэнам Чжамухи?»

П. Рачневский справедливо подчеркивает, что к этому времени Темучжин уже вписался в систему взаимоотношений между правителями части монгольской степи, оформленных в терминах кровного родства, как это в ту эпоху было принято в Центральной Азии и в Китае:

Поскольку важна была разница между поколениями и в пределах одного поколения, то положение Чжамухи как младшего брата Тоорил-кагана было выше, чем положение Темучжина — сына, правителя «младшего по поколению».

Очевидно, что наиболее полно и правдиво события, связанные с меркитским походом, хотя и в форме эпической, описаны в «Тайной истории», «Юань ши» и «Шэн у цинь чжен лу», источники императорской эпохи о походе и меркитском плене Борте, жены основоположника династии, умалчивают вообще. Рашид-ад-дин о походе и плене сообщает, но находит ход, который как бы выводит Борте из игры: пленив ее, меркиты тут же отдают ее Тоорил-кагану (от которого, вполне вероятно, они тоже «зависели», т. е. признавали его старшинство в рамках бытующей системы кровного родства), а тот тут же возвращает ее Темучжину. Если бы Темучжин получил от Тоорил-кагана Борте, возможно, меркитский поход был бы и не нужен, да и как мог бы, не потеряв лица, участвовать в нем Тоорил? Кстати, если верить более поздней версии «Алтан Тобчи», то в наложницы была отдана и вторая жена Есугая: «Бэлхутэй отправился спасать свою мать. Когда он вошел через правую дверь в ее юрту, его мать в изорванной овчинной одежде вышла через левую дверь и сказала какому-то чело-

веку: «Мне говорили, что мои сыновья стали ханами. Здесь я была соединена с плохим человеком, как я посмотрю в лицо сыновьям?»

В этом же источнике Чильгер, брат Чиледу кается в том, что посмел взять в наложницы Борте:

Черный ворон
По обычаю должен поедать остатки кожи,
А он, говорят, пожелал есть гусей и журавлей.
Ах я скверный грубиян Чилгэр!
Покусился я на Бортэ-уджин!
Стал я бедствием для всех меркнтов.
Простолюдин я, скверный я Чилгэр!
Не ответить бы мие за то своей черной головой...
Скверная птнца-мышеловка,
Которой судьба назначила есть мышей да сусликов,
Пожелала, говорят, вкушать лебедей да журавлей.
Скудный, скверный я Чилгэр
Агустейшую священную уджин
Страстно пожелал,
Стал я бедствнем для всех меркитов!

Реально Чильгер, который положил в свою постель Борте в отместку за позор своего брата Чиледу, конечно, и не мог подозревать, что имеет дело не с обычной пленницей, а будущей государыней-императрицей.

СВОЙ УЛУС

А вот я внжу комолый рябой вол. Везет он главную юрту на колесах, идет позадн Темучжин, идет по протореиой дороге, а бык ревет-ревет прнговарнвает: «Небо с Землей сговорилнсь, иареклн Темучжиина царем царства. Пусть, говорят, возьмет в управление царство».

Сокровенное сказание

Закончился победой меркитский поход. «Темучжин почтительно поклонился и сказал Тоорил-хагану и Джамухе: «Хаган, отец мой, и побратим Дамуха, с вами обоими сдружившись, получив от Неба и Земли силу и мощь.

По предписанию всемогущего Неба,
При помощи матерн Земли
У меркнтов, звавшнхся мужами,
Мы сумели опустошнть грудь

И рассечь их печень
Их ложе мы сделали пустым,
Их род и людей мы уничтожили,
Тех, кто остался, мы взяли в плен.

Народ мэркитов, дотла разорив, удалимся» («Алтан Тобчи» Лубсан Данзана).

Чжамуха из рода Чжачжират, родственник и друг детских лет Темучжина, братался с ним дважды в детстве и теперь после победы над меркитами они заключили союз побратимства в третий раз, обменявшись золотыми поясами и конями. Они сказали друг другу: «Слышали мы некогда сказанные слова стариков о побратимстве: «У побратимов одна общая жизнь, не оставляйте друг друга, в жизни будьте охраной друг другу. Таков закон взаимного братства». Ныне мы также произнесем клятву побратимства — будем жить мирно».

Темучжин опоясал Джамуху золотым поясом, отобранным у мэркитского Тогтага; подарил Джамухе светлую с черным хвостом и гривой яловую кобылицу, взятую у Тогтага. Джамуха в ответ на это опоясал Темучжина золотым поясом, отобранным у унаг-мэркитского Даир-Усуна, посадил Темучжина на белого коня с шишкой на лбу, также принадлежащего когда-то Даир-Усуну. На южной стороне крутого откоса Хулдагар в Хорхог-Джибуре, под ветвистым деревом, они назвались побратимами и, услаждая друг друга, пировали и праздновали, и спали вместе под одним покровом». Встает вопрос, где же раньше был анда Чжамуха, почему не помогал Темучжину. Мы не находим на него ответа. Судя по всему, до похода на меркитов Чжамуха или не мог, или, скорее всего, не хотел поддерживать Темучжина. Толчком к признанию послужил, вероятно, установленный Темучжином контакт с Тоорил-каганом. Каждый из ранее побратавшихся дважды помнил о том, что один на деле не поддержал другого в трудный час, и поэтому было решено подтвердить побратимство, побрататься в третий раз.

Так, как повествует «Тайная история», жили они одним становищем полтора года (по Лубсан Данзану — один год «и часть следующего года») неизвестно, почему внезапно покинули его в один день. Видимо, и у того и у другого уже имелись к тому основания. Умен и хитер был Темучжин, но умен и хитер был так же и Чжамуха, не случайно его звали Чжамуха-сечен «из-за того, что он был крайне умный и хитрый» (Ра-

шид-ад-дин). Они тронулись в путь. И хотя побратимы ехали рядом, впереди своих людей, последующие события показали, что едут — в разные стороны. По преданию, поводом для внезапного расставания послужили загадочные слова Чжамухи, сказанные им Темучжину:

— Покочуем-ка возле гор — для табунщиков наших шалаш готов, покочуем-ка возле реки — для наших пастухов овец еда готова!

Вблизи горы сойдем с коней,
Тогда наши пастухи коней
Найдут себе огонь и искры!
Не верно ли это?
Вблизи реки сойдем с коней,
Там пастухи овец, ягнят
Найдут себе еду для горла!
На это ведь запрета нет?
(«Алтан Тобчи» Лубсана Данзана)

Никто не знает, что имел в виду Чжамуха: может быть, намекал на то, что нет такого кочевья, где всем было бы одинаково хорошо.

Темучжин, не поняв смысла слов Чжамухи, испугался. Поотстал немного, подъехал посоветоваться к своим: матери и жене. Жена его Борте истолковала слова Чжамухи так:

— Недаром про анду Чжамуху говорят, что он человек, которому все скоро приедается. Ясно, что давешние слова Чжамухи — намек на нас. Теперь ему стало скучно с нами. Раз так, нечего останавливаться. Поедем поскорее, уйдем от него и будем ехать всю ночь. Так-то будет лучше!

Побратимы, видимо, давно опостылели друг другу. Такое истолкование слов Чжамухи Борте было подготовлено всей жизнью побратимов и их людей в последние месяцы — уж слишком быстро согласился Темучжин с мнением жены, столь превратно истолковавшей слова его побратима, не возражали, видимо и его нукеры и сородичи. Более того, как мы вскоре убедимся, и между людьми Чжамухи, полтора года прожившими под властью побратимов, начались колебания, к кому из них примкнуть? Может быть, действительно, Чжамуха своими словами намекал: «Давай разойдемся, всем станет удобнее», как это толкует Даожуань Тибу, составитель нового краткого перевода «Тайной истории» (под названием «Тайная история монголов») на китайский язык.

Люди Темучжина покинули Чжамуху и ехали всю ночь. И оказалось, что не зря эти полтора года Темучжин провел с андой. Многие нойоны и нукеры присоединились к Темучжину. Ушли и некоторые сородичи Чжамухи.

Один из них, Хорчи, заявил:

— Мы с Чжамухой происходим от жены, которую имел наш священный предок Бодоньчар. Стало быть, у нас, как говорится:

Чрево одно
И сорочка одна

Мне никак не надо было отделяться от Чжамухи. Но явилось мне явное откровение. Вот вижу: светлорыжая корова все ходит вокруг Чжамухи. Рогами раскидала у него юрты на колесах. Хотела забодать и самого Чжамуху, да один рог у нее сломался. Роет и мечет она землю на него и мычит-мычит и приговаривает: «Отдай мой рог!». И вижу я комолый рябой вол. Везет он главную юрту на колесах, идет позади Темучжин, идет по проторенной дороге, а бык ревет-ревет, приговаривает: «Небо с Землей сговорились, нарекли Темучжина царем царства. Пусть, говорят, возьмет в управление царство». Вот какое откровение предстало глазам моим!

Видел ли подобный сон Хорчи, навеянный полутора годами трудов Темучжина в улусе Чжамухи, или удачно придумал его (или позднее придумали его те, кто в «Тайной истории» писал о ранних годах Темучжина и его приходе к власти) не столь важно. Важно то, что по тому же преданию, стал Хорчи тут же бесстыдно торговаться:

— Чем же ты, Темучжин, порадуешь меня за откровение, когда станешь государем народа?

Всем было ясно, что не может быть у двух коров по одному рогу, какая-то из них обязательно потребует оба рога себе.

Те, кто решили, что верх возьмет Темучжин, присоединились к нему. Как этого достиг Темучжин всего за полтора года, никому не ясно, но отделился он от Чжамухи уже не гонимым сыном, у которого только и были, что слава отца да претензии на его былую мощь, а обладателем своего улуса, способным отныне почти на равных говорить со всеми ханами, сеченами, баатурами и прочими многочисленными правителями татаро-монгольских племен.

Это был сговор — сговор Темучжиина и группы иойонов из окруження Чжамухн, увидевших в Темучжиие долгожданиого вождя. Темучжии чем-то привлек их на свою стороиу (щедростью ли, как полагает Л. Гамбис нли обещаинями добычи, возвеличеиня правящего урука, иаконец, лнчиымн качествами), ио онн по своей воле избрали вместо Чжамухн или кого-то другого именио Темучжиина. Оин решнли провозгласнть его своим ханом, заключнв с ннм специальный договор, определявший обязательства и хаиа, и нойоиов. Темучжии, возможно, и раньше прнвлекал взоры частн монгольского нойоиства. Иные нз них поминли еще о недавнем величии предков Есугая и Темучжиина, «природных ханов», одним из отпрысков которых являлся Темучжин. Когда Темучжии пировал с Чжамухой под развесистым деревом после разгрома меркитов, одии из иойонов, Мухали, намекал ему, что именно под этнм деревом плясал н веселился Хутула-хан, храбрый правитель моиголов. Ныие племя монголов потеряло свое значение, ио это временно. Вечиое сииее Небо, которое уже не раз способствовало ему, Темучжину, ие может покииуть и лишить милостей свое излюблеииое племя. Будет нз племеии моиголов иовый каган, который соберет в однн улус всех монголов. Молва уже ндет об этом, так говорят старые людн. И не Темучжин лн этот будущнй хаи?

Выбор пал иа Темучжина нз-за пронсхождения и, бесспорно, из-за лнчных достоинств, хнтрости н ума, вндимых его современннкамн, нойоиамн н аратами, желавшимн объедииення племени монголов в одиом улусе под сильной властью.

Условня взаимиого сговора сторон былн простыми н бесхитростиыми. Хаи был нужеи нойоиам, нукерам, племени моиголов, чтобы сколотить нх силы в едииый кулак, такой же прочный, как у кереитов, татар, найманов н другнх племен Монголни в такой, какнм был Хамаг Моигол улус. Богатую добычу и славу мог прииести нм разумный, смелый и талантливый в сражениях хан. Хан был нужен н аратам. Он,— его нукеры, его снла могли защитить их от набегов соседей. На прнмере первых двух с половнной — трех десятков лет жнзии Темучжина, мы видели, что грабеж, наезды, резия были постояннои угрозой слабому, тому, кто не мог ответить на силу снлой.

Избранне Темучжиина хаиом было оформлеио в урочище Хара-Чжуркену, на речке Саигур, близ озера

Коко-Нура.* По преданию, представители нойонства Алтан и Хучар из рода Борджигин,** и Сача-беки из рода Чжурки, родственного Темучжину,— все люди, сами из кланов «природных ханов», явились к Темучжину, который разумеется, знал об их приходе и ждал его, и заявили ему:

— Мы решили поставить тебя ханом. Когда же Темучжин станет ханом, в битвах с многочисленными врагами мы будем первыми, и если полоним прекрасных девиц, жен, да добрых коней, то будем отдавать их тебе. В областях мы будем выступать раньше других и половину пойманных нами зверей будем отдавать тебе. Если мы в ратных делах преступим твои приказы или в мирное время повредим делам твоим, то ты отними у нас жен и имущество и покинь нас в безлюдных пустынях.

Таким образом нойоны, нукеры («мы решили») поставили Темучжина ханом. Сейчас трудно убедительно доказать, почему выбор пал именно на Темучжина (он-то в известной мере, полагал, что его выбрало прежде всего само Вечное синее Небо!), но это был действительно выбор. Он был не самым знатным по происхождению, монгольское нойонство, точнее их часть, избрало его на ханство, учитывая прежде всего личные достоинства Темучжина.

По расчетам Ш. Сандага и Хань Жулиня избрание Темучжина ханом произошло в 1189 г., Л. Гамбис указывал 1190 г. Соответственно, если исходить из хронологии, принятой Рашид-ад-дином, то избрание Темучжина ханом могло иметь место в 1180 г., а если принять за дату меркитского похода 1184 г. — то в 1186 г.

«Как только они приняли это решение (избрать Темучжина ханом — Е. К.), то поклялись и принесли жертву верховному вечному Небу, водрузили и воздвигли девятиножное белое знамя. Еще до того, как родился Темучжин, хаган мудрых луусов (духов земли и воды — Е. К.) вытолкнул из камня печать Хасбу; черноватая птица, сидя на дымнике, прощебетала: «Чингис, чингис». Поэтому Темучжину дали имя Чингис, когда сделали его хаганом. В возрасте сорока пяти лет в год бинг тигра в истоках реки Онон он водрузил свое девятиножное белое знамя и воссел хаганом на великий престол».

---

* Не смешивать с озером Куку-Нор в Северо-Восточном Тибете.

** Из того же рода, из которого происходил Темучжин.

Темучжнна дважды избирали ханом. Второй раз — в 1206 году. В предлагаемой легенде явно произошло смещение этих двух событий. Существуют сомнения относительно того, в какой нз этнх разов — Темучжина нарекли Чингис-ханом. Для славы Темучжина вообще-то было безразлично, стал ли он Чингис-ханом, когда был ханом только своего монгольского улуса, в который вошла лишь часть монголов, или ханом объединенной Монголии. В те времена все знатные ханы имели титулы не просто хагана (хана), а с добавкамн — Онг (ван) хан, Даян-хан и т. п. Провозглашая Темучжина ханом, ему должны были дать какой-то тнтул. Если бы это был какой-то иной титул, не Чингис-хан, мы бы также знали об этом из «Тайной истории». Можно утверждать, что впервые став ханом, Темучжин сразу же и получил титул Чингис-хана. Впредь в нашем повествовании мы станем именовать Темучжина не по имени, а по его более широко известному титулу — Чингис-ханом или просто Чингисом. Титул «чингис» до настоящего времени еще не имеет удовлетворительного объяснения. Объяснений имеется немало, но ни одно из них не является научно строго обоснованным.

Рашид-ад-дин объяснял этот тнтул так: значение «чин» — сильный и крепкий, а «чингис» — множественное от него число, по смыслу одинаковое с наименованием гур-хан, которое было прозванием великих государей Кара-Китая, нначе говоря, «государь снльный и великий». Второй раз Рашнд-ад-дин объясняет титул «чингис» как равный титулу «шаханшах», «царь царей»: «По-монгольски же «чин» — значит «крепкий»... а Чингиз — множественное от него. Причина была та, что в то время у великих государей кара-хнтаев тнтулом был гур-хан, а значение слова «гур» также «крепкий», н до тех пор, пока государь не бывал предельно велик, его не называли гур-ханом. На монгольском языке прозвание Чингиз имеет тот же смысл, но с более преувелнченным значеннем, так как оно есть множественное число, и обобшнть это слово можно, например, с персндским «шаханшах» («царь царей»)». Рашид-ад-днн также сообщает, что этот титул придумал шаман Теб-Тенгрий: «Он всегда прнходил к Чингиз-хану н говорнл: «Бог повелел, чтобы ты был государем мира!» И Чингиз-ханово прозвание ему дал он, сказав прн этом: «Повелением бога нмя твое таково должно быть!». Это, конечно, обобщенные толковання, сделанные после того,

как Темучжин уже явил миру свое «величие». Все ученые-монголоведы хором утверждают, что «чингис» как множественное число от «чин» невозможно. Видимо, рациональным в сообщении Рашид-ад-дина является то, что он допускает получение титула от шамана, из шаманского, возможно, тайного лексикона, который и должен был быть не понятен простому смертному, ибо шаман знал язык зверей и птиц, имена духов и т. п.

Д. Банзаров еще в прошлом веке полагал, что «чингис» это наименование одного из древних татаро-монгольских духов — тэнгриев. Он отмечал, что встречал в одной из монгольских рукописей поминание о существовании духа хаджир-чингис-тэнгри. Акад. Б. Я. Владимирцов также допускал именно такое истолкование титула «чингис»: «Очень трудно определить значение слова «чингис», сделавшегося титулом Темучжина,— писал он. — Можно догадываться только, что титул этот Темучжин получил от имени светлого духа, которому поклонялись тогдашние монголы-шаманисты. Предположение это имеет под собой и то основание, что многие смотрели на Темучжина как на предопределенного небом, да и сам Темучжин, по-видимому, много думал об этом вмешательстве Вечного Неба в его судьбу»...

Рубрук в своем сочинении называет Чингиса Демугин-Хингей, Темучжин — Чингис, сливая воедино и имя и титул. Чжао Хун указывал, что Темучжин это «детское имя» Чингиса. Титул «чингис-хан» ему придумали бежавшие к татаро-монголам чжурчжэньские чиновники. «Поэтому (татарский владетель) стал называться Чэн-цзи-сы хуан-ди в переводе (его титула на китайский язык). Некоторые говорят, что Чэн-цзи-сы есть не что иное, как перевод двух китайских слов: «тянь цы». Китайское словосочетание «тянь-цы» значит «пожалованный небом». Кстати, Чжао Хун воспользовался таким словом в объяснении титула «чингис» — «и юй», «передает», что это позволяло акад. В. П. Васильеву считать, что китайское «тяньцы» есть основа, с которой было транскрибировано слово «чингис», т. е. «чэн-цзи-сы» — это фонетическая транскрипция «тяньцы», а П. Пельо утверждает, что «чэн-цзи-сы» это перевод китайского «тяньцы».

Предметом спора в науке было и то, является ли слово «чингис» собственно титулом или лишь определением, эпитетом к слову «хан». Еще в середине прошлого века немецкий историк Ф. Эрдман писал, что если бы

слово «чиигис» само являлось титулом, то к нему ие надо было бы прибавлять слово «хаи». Ему резоино возражали, указывая на миогие примеры: «масла масляиого» — Онг-хаи, Буйрук-хаи, Таяи-хан и т. п. Н. Ц. Муикуев считал, что «титулом является все сочетаиие, в котором первый элемент представляет собой эпитет». Н. Ц. Муикуев, следуя поздией монгольской традиции, склоиялся к шамаиским кориям титула чиигис-хаиа. По этой традиции, зафиксироваиной в частиости, в «Эрдэии-йии тобчи» Сагаи-оэчэиа, «в 1189 г. в деиь избраиия Тэмуджина хагаиом «иа четвероугольном камие, перед юртой сидела пятицветная птица, похожая на жаворонка, и пропела «чингис», «чиигис».

Немецкий переводчик «Тайиой истории» Э. Хэииш предположил, что слово «чиигис» — производиое от китайского «чжэи» — «правильиый», «справедливый». Но эта гипотеза не получила широкой поддержки.

Ныие иаиболее прииятой является версия, предложеиная зиамеиитым французским ученым П. Пельо: слово «чиигис» — моигольская форма тюркского «тэнгис» — «море», «океаи». В этой иитерпретации титул «чингис-хаи» зиачит «хаи-океан», «хан — обшириый и могучий, беспредельный, как океаи», что в переносном смысле озиачало «владыка вселениой». Теигиз (Деигиз) — имя одиого из сыиовей предков тюрков Огуз-хана — «у Огуза было шесть сыиовей, а имена их следуют в таком разделеиии и порядке: Кун, Ай, Юлдуз, Кок, Так, Денгиз». В переводе иа русский язык эти имеиа зиачат солице, луиа, звезда, небо, гора, море. Тюркское имя Тенгиз достаточио распространено и до иаших дней.

Таким образом, можио выделить две версии: местную и китайскую. Китайская версия выводит происхождеиие титула из Китая через чжурчжэией и в полиом соответствии ие только с моигольской, ио и имеющей к тому времени двухтысячелетнюю традицию пожалования власти государю Небом как верховным божеством, истолковывает титул «чингис» через китайское «тяиь цы» — пожалованный Небом», получивший власть волею Неба, верховного божества. Местная версия связывает титул с шаманскими верованиями, где небо также верховное божество, Небо явило свою волю через птичку, прощебетавшую титул иового хагаиа «чингис», «чингис».

Есть еще одно, немонгольское или, во всяком слу-

чае, иепоиятное самим моиголам объясиение слова «чиигис». Это — имя одиого из духов, или тюркское слово «теигиз», «море». Такое заимствоваине вполие допустимо.

Ни одиа из перечислеииых версий не дает указаиий, имел лн Темучжнн титул Чиигис-хаиа до 1206 года, или иет.

Итак, Темучжии, став Чиигис-хаиом, по традиции водрузил свой туг — знамя, снмволизирующее духа-защитника народа и войска и приступил к устройству своего улуса. Если мы обратимся к последним авторитетным иследованиям, то по мнению Л. Гамбиса, Чиигис проводит мероприятия, которые «должны были стать эмбриоиом администрации моигольского государства». П. Рачневскнй полагает, что монголы до этого не имели систематизироваиной органнзацни и правил регулярного несеиия службы, Темучжин «органнзовал» своих последователей, «создал службы», что означало «введеиие иового порядка» в степи. Хань Жулинь указывал, что первый улус Темучжина являлся союзом моигольской знатн из киятов, что каждый представитель знати получил свое, независимое место, основанное иа клятвенном союзе. Темучжин ввел около 10 должностей, но все люди, иазначенные иа должности, кроме младшего брата, были выходцами или из рабов, илн из людей зависимых, ие связанных со старой родовой знатью. Это была опора власти Темучжина, ядро которой составлял отряд иукеров.

Улус Чнигис-хана, хотя и включал в свой состав пока меньшую часть монголов, требовал создания аппарата управления, и по тогдашнм обычаям, назначения на должности и ключевые посты всех сподвижников и родственников иового хаиа, пришедшего к власти. Особо следовало отметить и тех, кто покинул Чжамуху ради Темучжина и его нового улуса.

— Благоволеиием Неба и Земли,— заявил вновь избраиный хаи,— умножающих мою силу, душою стремясь ко мие, вы отошли от анды Чжамухи и вступили в мои дружины. И разве ие иазиачено судьбой быть вам старой счастливой дружнной моей? Поэтому я поставил каждого из вас иа свое место!

Создаваемый аппарат управления был в первую очередь оргаиом управления хаиской ставкой (ордой) и дружиной. Старшими были поставлеиы два первых иукера Темучжиа — Боорчу и Чжелме:

— Да пребудете вы в сердце моем,— заявил Чиигис прн нх назначении,— нбо когда у меня не было иных друзей, кроме собственной тени, вы оба стали теиью моей и успоконли мою душу. Да пребудете вы на лоие моем, ибо когда у меня ие было нной плетн, кроме коиского хвоста, хвостом моим стали вы н успокоили мое сердце. Вы пришлн ко мне н пребывали со мною прежде всех. Не вам лн подобает быть старшимн над всеми здесь иаходящнмися.

Своих верных н нспытанных иукеров поставил Чингнс даже выше братьев.

Руководство собствеино вооружеиной силой, охраиой орды было поручено трем «лучникам» — лицам, обязанным в качестве знаков властн иосить лук и стрелы (впоследствин должиость хорчн — стрелки), в том чнсле Оголай черби (черби, слово, остающееся неясиым, полагают в шнроком смысле оно значило «челядь», «прнслужникн»), младшему брату Боорчу и трем «меченосцам» (букв. «носителн сабель») во главе с младшнм братом Чнигнса Хасаром. Четыре нукера былн иазиачены разведчиками-гонцами, нсполнявшнмн личные поручеиня хана, пренмущественно в качестве послов с вестовымн стреламн:

Дальними стрелами — хоорцах,
Ближними стрелами — одора.

Командный пост в дружнне Чнигис-хаиа получил и его будущнй знаменнтый полководец Субетай-баатур. Возможно, нменно ему было поручено командоваине авангардом еще немногочисленных в то время воеииых снл в орде Чингнс-хана. Свон обязанности Субетай, по преданню, образно характернзовал так: «Обернувшись мышью, буду собнрать-запасать вместе с тобою. Обериувшнсь черным вороном, буду вместе с тобою подчнщать все, что снаружн. Обернувшись войлоком, намбе, попоиой, попробую вместе с тобой укрываться, обернувшнсь юртовым войлоком, гернсге, попробую вместе с тобой им укрыться!» Прнумножать улус хана н беречь его, укрывать, как теплым войлоком, обещал Чнигнсу его иукер Субетай. По сведениям «Юань ши», Субетай был «моигол урянхат», «его предки из поколеиня в поколеиие охотнлнсь в верховьях рекн Оиои». Субетай был храбр, являлся отлнчным наездником н стрелком из лука. Из текста «Юань шн» неясно, когда Субетай попал к Чиигис-хану. Рассказывается лишь, что иекогда,

когда Темучжин находился на реке Баньчжуна, отец Субетая Хабань был захвачен разбойниками. Орудуя пиками, Субетай и его старший брат Хулухань отбили отца. Хулухань стал сотником у Чингиса; а Субетай вначале был отдан ему в заложники, а затем тоже стал сотником.

Были назначены люди для управления хозяйством улуса — старшие над стадами овец, над конскими табунами и над кочевыми телегами с юртами. Третья группа лиц ведала различными службами непосредственно ханской орды — это были три кравчих, ведавших ханским столом, их девизом являлось: «Утреннего питья не заставим ждать, об обеденном питье не позабудем»; ханские конюшие, в их числе брат Чингиса по отцу Бельгутай; и черби — управляющий слугами и домашними людьми.

Чингис учредил привилегированное сословие дарханов. Дарханы освобождались от всяких налогов и поборов, они могли не делиться своей военной добычей и добытым на охоте с другими, не наказывались за ряд преступлений и имели постоянный и свободный доступ к хану.

Таким образом, мы четко можем выделить в улусе Чингис-хана три группы должностей. Первая — управление ордой, ханской ставкой, как непосредственно личными нуждами хана, его семьи, его урука, так, вероятно, и шире рядом «ведомств: администрации улуса, например, сбором налогов, натуральных поборов прежде всего, казной хана — равно финансами улуса и т. п. Управление охраной личности хана и его орды. Вторая группа должностей — управление хозяйством улуса в широком смысле слова — дифференцированное управление улусным скотом, регулирование перекочевок, а значит и пользования пастбищами в границах улуса. Третья группа должностей — управление войсками, дружиной. По-видимому, так или примерно так, управлялись в те годы все улусы татаро-монгольских племен: Чжамухи, Тоорил-хагана, найманов, татар, меркитов. Улусом правил «природный хан», получивший власть, так или иначе дарованную небом. При нем имелся совет из родственников и зяти. При хане были нукеры и его гвардия, турхауты, гвардейцы турхауты упоминаются при особах Таргутай-Кирилтуха, Ван-хана. Улус делился на аймаки. Аймак, очевидно, объединял группы людей, хозяйственно-административно-военные едини-

цы, способные выставнть сто, тысячу воинов. Орда хана возможно, до первой трети XII в. нменовалась аурух. Улус располагал своей территорней, имел границы, которые охранялнсь, хотя бы эпнзодическн, напомнним, что Ван-хан-Тоорил-хан керентскнй погибнет в стычке с караулом, охранявшим иайманский улус. Вышеозначеиный штат чинов управлял важнейшнмн для любого средневекового государства отраслямн — ханскнм нмуществом н армней хана. Непосредственно служнлые люди, возможно, образовывали сословие черби. Все это были органы управления, отлнчные от старых родовых инстнтутов, установленные волей хана н его нукеров, аппарат управлення, поставленный над простыми аратами для того, чтобы управлять народом. Аппарат этот отражал интересы нойонства и нукерства, которые представляли собой господствующий класс моигольского общества середиины XII в. Трудно допустить, что это были только «зачатки», «эмбрионы» власти государственной, ибо за нх спинои было полторы тысячи лет центральноазнатской государственностн.

ПОБРАТИМЫ-ВРАГИ

Враги! Давио ли друг от друга
Их жажда крови отвела.

А. С. Пушкин

Свой первый улус Темучжнн получнл н создал в 1189 г. Улус его размещался в верховьях реки Керулен. Как подчеркнвает Хань Жулинь, это был «маленький улус». Понятне это представляется относительным. По некоторым данным, Чнигнс нмел 13 куреней (крыльев) н трн тьмы войска, т. е. армню в 30 тыс. чел. Первое крыло составлялн людн н родня Оэлун, его матери, второе — родня н людн самого Темучжнна, с третьего по десятое — людн и войска различных представнтелей зиати нз киятов, н двенадцатое — тринадцатое крылья — людн н войска знатн нз нирунов. Не такая уж маленькая снла.

Тоорнл, узнав о возведенин Темучжнна в ханское достоинство, ответил послам Чингнса:

— Справедлнво, что посаднли на ханство сына моего Темучжина. Как можно монголам быть без хана? Не разрушайте же своего согласня, не развязывайте то-

го узла еднподушия, который вы завязали, не обрезайте своего собственного ворота!

Очевидно, он не усматривал в Чингисе соперника и, возможно, даже надеялся получить для себя немалые выгоды от его быстрого возвышения. Вскоре так и вышло.

Чингису пришлось оказать Тоорилу большую помощь, он фактически расплатился с ним за все прежние милости. Случилось так, что, поссорившись со своим младшим братом Эрке-Хара, Тоорил хотел казнить его, но Эрке-Хара бежал к найманскому Инанч-хану. Тогда Инанч-хан напал на Тоорила-хана, разбил его и вынудил бежать в Семиречье, в государство кара-китаев. Не ужившись там, Тоорил-хан двинулся на восток, прошел через земли уйгуров и тангутов, жил «в полном оскудении», «всю дорогу питался тем, что кое-как держал у себя пять коз для подоя да точил на еду кровь верблюда». Чингис-хан поспешил принять своего былого покровителя, находившегося в столь бедственном положении. Он встретил его у истоков Керулена, собрал для него имущество, взял в свой курень и какое-то время содержал его. Из-за междоусобиц жизнь Тоорила с детства была полна тягот — семи лет он попал в плен к меркитам, тринадцати — к татарам, затем постоянная борьба за власть, борьба не на жизнь, а на смерть. Много повидавший на своем веку Тоорил-хан при поддержке Чингис-хана снова вернулся к власти над большинством кереитов.

Но, естественно, совсем иной была реакция на прибытие послов от Чингиса у Чжамухи. Оказавшись бессильным помешать отделению Темучжина и превращению его в Чингиса, потеряв многих своих нукеров, Чжамуха не решился порицать самого Чингиса за коварство. Он обвинил его послов в том, что они разлучили его с андой. Судя по тексту «Тайной истории», сам Чжамуха, по-видимому, даже не принял послов Чингиса — Алтана и Хучара, людей знатных, двух из трех виднейших нойонов, которые возвели Чингиса на ханство. Алтан, как мы упоминали выше, был сыном Хутулы, а Хучар, сын Некуна-тайчжи, по отцу являлся дядей Темучжина. Алтан и Хучар поставили на Темучжина. П. Рачевский полагает, что именно разделение Темучжина и Чжамухи, распределение между ними потомков «природных» ханов означало начало борьбы за единого монгольского хана, за воссоздание Хамаг-монгол улуса.

Итак, Чжамуха даже ие приизл Алтана и Хучара, ои только сказал:

— Передайте от меня Алтану и Хучару: «Зачем, вы, Алтаи и Хучар, разлучили нас с андой, вмешиваясь в иаши дела,

Одного в живот бодая,
А другого — под ребро

И почему вы не возвели в ханы моего анду **Темучжина** в ту пору, когда мы с иим были иеразлучиы? И с каким умыслом поставили его на ханство теперь? Блюдите же теперь, Алтаи и Хучар, блюдите даниое вами слово покрепче! Да получше служите другу моему анде!».

Чжамуха подчеркивает, что именио знатные родовичи поставили Темучжиина ханом по своей воле. А последиие слова Чжамухи были обращеиы ие столько к послам, сколько к самому Чиигису. Дескать, помни, аида: те, кто плохо служили мне, вряд ли станут и твоими преданиыми слугами. Они возвели тебя ханом, оии же могут и лишить тебя ханской власти. Чжамуха явно надеялся посеять в душе Чиигиса семя недоверия к тем людям, которые сделали его ханом, учинить смуту в чингисовом улусе.

Надо сказать, что в науке достаточно прочно утвердилась следующая точка зреиия: Чжамуха был ретроград и сторонник «племенной знати», а Темучжин представлял иовые веяния свободы от родовых оков, был человеком, который поощрял индивидуализм и личные качества. Жак Легран обращает внимание на то, что в момеит разрыва Темучжина и Чжамухи, «после ночи езды, пока иеизвестно, кто с кем пошел автор («Тайной истории» — Е. К.) иас очень подробно извещает о том, что за Темучжином утром идут ие столько целые потоки, сколько отдельиые их группы, не в силу родовой дисциплины, а на основании самостоятельных политических решений». В. В. Бартольд и Б. Я. Владимирцов видели в Темучжине иосителя «демократических» тенденций, а в Чжамухе — представителя «степной аристократии». Был ли Чжамуха, как полагает П. Рачиевский, консерватор, борец за «племенное состояние», за «солидарность племенных вождей», а Темужчин лицом, «оспаривавшим племенную иерархию и племенной порядок», «сторонником людей, покинувших свой род или племя и ушедших на службу к своему господину, за лучшую жизиь»? Был ли один демократом, а другой

представителем власти авторитариой? Думается, что это все-таки надуманиые постаиовки вопроса. Нет конкретных примеров того, что это было так. В последней четверти XII в. монголы давно ие жили родоплемеииым строем, социальные силы, стоявшие на стороне Чжамухи и Темучжиина были одного порядка, просто кто-то должен был стать ханом объединенных монголов и вступить, если получится, в борьбу за власть над Халхой. Ведь если за Темучжиином пошла часть какого-либо монгольского отока или племени, то другая или осталась с Чжамухой, или была с тайчиутами, или стояла в стороне от междоусобной борьбы. Но эти люди, поставившие, по словам Жака Легранна, свои личные интересы выше интересов своего отока или племени, были везде, у всех участиików борьбы, оии ставили иа человека, а ие иа идею и это очевидио.

Чжамуха жаждал повода для открытой ссоры. Не случайио имеино ои и иашел его первым. По одной из версий, Тайчар, младший брат Чжамухи, угиал табуи коией у одиого из сторонников Чиигиса. Нападение было столь провокационным, что бывшие при этом люди, кроме владельца табуиа Чжочи-Дармала (а по некоторым сведениям, табун принадлежал не ему, а лично Чингису), не решились преследовать Тайчара. Лишь Чжочи-Дармала бросился в погоню, настиг глубокой иочью Тайчара и убил наповал, простреливе ему спину. По версии Рашид-ад-дина, Чжочи-Дармала даже не позволил Тайчару угнать табун. Он спрятался в середине табуна, а когда Тайчар приблизился, поразил его стрелой. Отбив свой табун, ои вернулся победителем, но «привез на хвостах своих коней» войну.

Теперь у Чжамухи появился долгожданный и такой прекрасиый повод напасть иа Чиигиса, он должеи был отомстить за смерть своего младшего брата. Чжамуха напал иа Чингиса. Тот был предупрежден и ждал иаготове. Сражение произошло у гор Гулегу, между истоками реки Сенгур и верхним течением реки Онон. И с той и с другой стороны участвовало по три тьмы (30 тыс. чел.).

«Затем к Чингис-хану иа урочище Гулегу пришло такое известие от Мулке-Тотаха и Боролдая из племени Икирес: «За убийство своего младшего брата Тайчара Чжамуха решил воевать с Чингис-ханом. Чжадаранцы, во главе с Чжамухою, объединиили вокруг себя тринадцать племеи и составили три тьмы войска, которое пе-

реправляется через перевал Алаут-турхаут и собирается напасть на Чиигис-хана». При получении этого известия Чиигис составил три тьмы войска и пошел навстречу Чжамухе. Сражение произошло при Далан-балчжутах, причем Чжамуха опрокинул и потеснил Чингис-хаиа, который укрылся в Цзереновом ущелье при Ононе. «Ну, мы крепко заперли его в Оиоиском Цзерене!» — сказал Чжамуха, и прежде, чем вернуться домой, он приказал сварить в семидесяти котлах кияжичей из рода Чоиоо, а Неудайскому Чахааи-Ува отрубил голову и уволок ее, привязав к коискому хвосту».

По Рашид-ад-дину вместе с Чжамухой против Чингиса выступили и тайчиуты. «Согласио этому, со стороны Чиигиз-хана собралось трииадцать куреней войска. Войска тайджиутов, выступив в поход и пройдя через холмы Алауут-Тураут, пришлн в местность Талан-Таоджиус и стали против Чиигиз-хана. С обеих сторон дали сражение. Всевышняя истина даровала Чиигиз-хану свое воспомоществование, и ои перебил этими трииадцатью куренями тридцать тысяч вражеских всадников. От сияния солнца счастья Чингиз-хана враги рассеялись, словно пылиики в воздушиом простраистве [...] В той местности, иа берегу реки, был огромиый лес. Чиигиз-хан расположился там и приказал поставить на огонь 70 котлов; в иих сварили заживо врагов-смутьяиов, которых он захватил». Некую третью версию исхода сражения дает «Шан у цинь чжэи лу». «Армия (Темучжиина) была сформирована и большое сражение произошло в степи Далаиь-Баиьчжусы. Чжамуха был разбит и бежал. Его армия вначале перевалила через две горы, иа полпути она для пропитаиия в семидесяти котлах сварила волков».

Таким образом, получается, что по «Тайной истории» поражение потерпел Чиигис-хаи, а по Рашид-ад-дину и «Шэи у циинь чжэн лу» — Чжамуха. По «Тайной истории» Чжамуха сварил плеиных из племеии чоиос (чинос — племеии волков), по Рашид-ад-дину плеиных сварил заживо Чингис-хан, а по «Шэи у циинь чжэи лу» отступающие отряды Чжамухи просто с голодухи сварили и съели свареиных в семидесяти котлах волков.

Все исследователи склоняются к тому, что истиным является свидетельство «Тайиой истории» и Чингис-хаи свое первое большое сражение проиграл, как писали П. Пельо и Л. Гамбис, «Чиигис-хан был побеждеи и это определенно истина». По этому поводу Л. Гамбис

заметил, что Рашид-ад-дин и автор «Шэн у цинь чжэн лу» «уже не могли написать, что Чингис-хан потерпел поражение». П. Рачневский полагает, что Рашид-ад-дин знал о поражении Чингис-хана, но, как официальный историк, не мог написать истины.

Как всегда, особую трудность представляет хронология событий. Рашид-ад-дин считает, что поражение при Далан-Бальчжуте имело место не позднее, чем в 1187 г. П. Рачневский указывает, что между поражением Чингис-хана от Чжамухи и достоверно датированном походе на татар в 1196 г. лежит промежуток в десять лет, о котором мало что известно. На трудности этих лет жизни намекает Рашид-ад-дин: «Чингиз-хан в те годы испытал различного рода бедствия от племени тайджиут и других старших и младших родичей, равно и от племени джурьят, меркит, татар и прочих. Разные племена его неоднократно захватывали в плен, а он освобождался от их рук разными способами и средствами. Так как его счастье и благоденствие были предопределены, то постепенно положение его крепло...». «Очевидно,— отмечает П. Рачневский,— нечто в жизни Темучжина стало умалчиваться, и это нечто было табу как для современников, так и для позднейших потомков, хотя бы по той причине, что это наносило ущерб репутации повелителя мира». Он полагает, что, вероятно, ряд лет, с согласия цзиньских властей, Темучжин провел на территории чжурчжэньского государства. В это время в результате поражения Чингис-хана оказался в изгнании и Тоорил-хан, о чем мы писали выше. Цзиньские власти были заинтересованы в возвращении и воцарении Тоорила. Они приютили Темучжина как его потенциального союзника и помогли ему окрепнуть и возвратиться в Монголию, где-то около 1195 г. Отсюда, поясняет П. Рачневский, и версия Чжао Хуна о том, что Чингис-хан десять лет провел в цзиньском плену. Сам П. Рачневский допускает, что его гипотеза нуждается в дальнейшем исследовании. В ней, возможно, есть рациональное зерно. Против — одно, почему об этом не сообщает «Тайная история», единственный правдивый и беспристрастный источник? Более того, если следовать его «духу», Темучжин не должен был пойти к чжурчжэням, так как вражда к ним красной нитью проведена в этом источнике. Мы уже видели, сколько противоречивого и взаимоисключающего в ранней биографии Темучжина, трудно даже надеяться на то, что истина когда-либо ста-

нет известной. Можно сказать одно, что поражение было такой силы, что на какое-то время Чингис действительно был выбит из «победной» колеи и должен был собираться с силами, чтобы продолжать борьбу.

За эти годы к Темучжину присоединились ряд влиятельных людей: Мунлик со своим сыном, известным шаманом Кокочу, который заявил, что он, как глашатай Вечного Неба, «все находящееся на поверхности земли отдал Темучжину и его сыновьям». В это время перешел к нему и будущий знаменитый полководец Чжэбе. Постепенно Темучжин становился Чингис-ханом.

Итак, несмотря на поражение, к Чингис-хану постепенно продолжали присоединяться новые сторонники. Приход одной из таких групп вызвал ликование в его стане. По этому случаю был устроен пир, во время которого всплыли на поверхность разногласия среди чингисовой родни. Из-за порядка раздачи молока произошла ссора между ханшами, на пиру побили кравчего, а затем вспыхнула драка между Бельгутаем и Бури, ведавшим конями Сача-беки*, пировавшего вместе с Чингис-ханом. Бури рассек Бельгутаю мечом плечо, и как ни уговаривал Бельгутай Чингиса: «Пустяки! Сущие пустяки! Опасного со мною ничего нет, и я сохраняю хладнокровие и дружелюбие. Одного только боюсь, как бы из-за меня не перессорились младшие и старшие братья, которые только что примирились и соединились. Братец, подожди же, оставь, удержись!». Чингис не утерпел, схватил громадный сук и сам ввязался в драку. Дерущиеся не пускали в ход оружие, но усердно молотили друг друга сучьями, мутовками для взбивания кумыса, бурдюками и всем, чем попало. Возмущенные и обиженные чжурки и их люди покинули его орду и улус. Правда, через некоторое время родственники помирились, тем более, что представился случай совместно воздать татарам за старые обиды.

В усилении Чингис-хана большую роль сыграло и то, что в коалиции Чжамуха — тайчиуты не было единства и, несмотря на одержанную победу, она постепенно стала разваливаться.

---

* Глава ветви чжурки чингисова рода Кият.

НАБЕГ НА ТАТАР

Говорят, что при ловкости большого
пальца
На крутом берегу реки
Можно сразу прострелить двух уток
Лубсан Данзана

Говорят, что еще в годы царствования Да-дин (1161—1189) император Цзинь сказал: «Татары непременно явятся бедствием для нашего государства!». С этого момента войска Цзинь фактически начали войну на истребление татар. Осуществлялась так называемая политика «сокращения совершеннолетних». Суть ее состояла в том, что через каждые три года в Восточные районы Монголии, туда, где проживали татары, отправляли экспедиционный корпус для истребления татар. Как повествует Чжао Хун, «в Шаньдуне и Хэбэе, в чьем бы доме ни были татарские дети, купленные и превращенные в маленьких рабов — все они были захвачены и приведены войсками». Татаро-монгольские племена сильно страдали от набегов Цзинь. Нападения кочевников на границы и карательные походы в глубь застенных для Китая степей и гор чередовались с определенными промежутками в течение тысячелетий.

Последние пятилетия XII в. мы становимся на почву более или менее достоверной хронологии, особенно если речь идет о событиях, связанных с чжурчжэньским государством Цзинь.

Итак, по сведениям китайских источников, в 1195 г. ряд племен Монголии, точнее, сборная орда из представителей ряда племен и улусов, разорила в очередной раз пограничные районы Цзинь. Цзиньский экспедиционный корпус вторгся в пределы Монголии. Чжурчжэньские войска дошли до реки Халхи и озера Хулунь-Нор. Много было взято добычи. И когда победители-грабители, не отличавшиеся в этом ничем от нападавших на границы кочевников, возвращались обратно, их атаковали татары и отбили у них добычу. Командующий экспедиционным корпусом Цзинь генерал Сягу Цанчэнь приказал татарам немедленно вернуть все, что они захватили. Но татары отказались подчиниться приказу и по понятиям тех лет «взбунтовались».

В 1196 г. император Цзинь отправил в карательный поход против татар войска под командованием Ваньянь

Сяна, который у реки Керулен разбнл татар. Часть татар бежала на реку Ульдза и преследовать их было поручено отряду под командованием Ваньянь Аньго.

Л. Гамбис так излагает эти события: от цзиньского двора последовало предложение Тоорнл-хану, а Тоорил-хан, недавно вновь обретший свой улус, в свою очередь, потребовал от Чингис-хана, чтобы тот тоже участвовал в походе. Узнав о предложении, Чингис-хаи, ие забывший долга крови н гнбелн отца своего и сороднча Амбагай-хагана от рук татар, заявил:

— Татары — наши старые враги. Они — губители наших дедов н отцов. Поэтому мы не можем не принять участия в этом кровопролнтии. И он послал Тоорил-хану оповещенне: «По нмеющимся сведениям, Алтан-ханов Вангнн-чинсян гонит перед собою вверх по Ульчже Мегучжина-Сеульту и прочих татар. Давай присоединимся к нему и мы против татар, этнх убнйц иашнх дедов и отцов. Поскорее приходн, хан и отец мой, Тоорил!»

— Твоя правда, сыи мой. Соединимся! — ответил Тоорил-хан кереитский.

В поход были приглашены и обиженные татарами чжурки, с которыми не столь давно пронзошла драка иа пиру. Прождали их шесть дней напрасно. Чжурки в поход не явнлись. Объединенные войска Тоорил-хана н Чингис-хана, прнмкнув к войскам Цзинь, двинулись внпз по реке Ульчже (современная река Улдза в МНР, впадающая в озеро Торей на границе МНР и СССР). Зажатые в клещи, татары закрепились в двух урочищах, но былн выбиты оттуда монголами и кереитами. Менгучжин-Сеульту погиб. Победнтели разграбилн стада и нмущество татар, среди прочего нашли серебряную колыбель и одеяло, расшитое жемчугом. «Так как,— писал позднее Рашид-ад-дин,— среди монголов такого рода предметов было мало, это событие сочли важным н оно приобрело известность». Разгром татар на реке Улдзе Л. Гамбис датирует маем-июнем 1196 г. Среди пленных, доставшнхся Чиигис-хану, был мальчнк, будущий Шигн-Хутукту, главный судья государства Чингиса.

Ваньянь Сян пожаловал Чингис-хану чин джаутхури*. На европейский лад чин Чнигнс-хана «джаутхурн» обычно трактуют как чин сотника. Одновременно

---

* По современному толкованию — «чжаотао» — пограничный чиновник-воеиачальнпк, призванный привлекать местное население на

Чингис-хан стал командующим группы войск «цзю». Войска «цзю» были у киданей и чжурчжэней, они набирались в пограничной зоне из местного разноплеменного населения и в основном несли сторожевую и пограничную службу.

Современные китайские авторы придают большое значение получению Чингис-ханом цзиньского чина. «Используя статус чиновника, оперирующего приказами двора», Чингис, по их мнению, мог командовать монголами и знатью других племен («Юань чао ши»). Действительно, получение чина от государя соседней могущественной страны было по тем временам почетным актом, часто практиковавшимся китайцами по отношению к иноземным соседям. Этот хорошо известный акт придавал почти всегда в глазах современников авторитет правителю, получившему титул. По господствовавшим в то время взглядам, это «верховное признание» часто делало законными в глазах соплеменников притязания лица, получившего титул, на власть. Чин был весьма кстати Чингису для укрепления его положения, упрочения его власти и поддержки уже очевидных притязаний на полное подчинение ему его знатных сородичей. Мы знаем, что в тот момент Чингису подчинялись еще далеко не все монголы. Значительная часть их была с Чжамухой, да и иные из тех, кто уже жили в улусе Чингис-хана, все еще смотрели в лес. В их числе оказался Сача-беки и его чжурки.

Стрела, пущенная умелой рукой, поразила первую цель — татар и принесла Чингис-хану чжурчжэньский чин. Она же поразила и чжурки. Ибо не выступив в поход на татар вместе с Чингис-ханом, Сача-беки дал последнему законный повод к расправе над чжурки. А это был важный шаг к устранению одного из «природных ханов», вероятного действенного и опасного соперника. Драка с чжурки на пиру, в которую вмешался лично Темучжин, имела слишком глубокие корни. По легенде, Чингис хотел показать свою силу не только чжурки, но и своим братьям. Бельгутай во время драки подсадил Темучжина на коня левой рукой. Делать для кого-либо левой рукой, например, подать что-то левой рукой у монголов считалось проявлением неуважения. И хоть

службу династии, в данном случае цзиньской («чжао»). Чжаотао наделялись полномочиями в случае неповиновения и беспорядков на границе карать виновных и непокорных («тао»).

дело было во время драки, в обстановке экстремальной, Бельгутай был взят под арест. Бельгутай и Хасар кичились перед братом своей силой и ловкостью. По преданию, чтобы поставить их на место, Чингис-хан объявил: «Я подавлю их гордость! Он принял облик простого старика и, держа длинный желтый лук, подошел к ним и сказал: «Продаю этот лук». Тогда Хасар и Бельгутай спросили:

— Что ты за человек, откуда пришел? Этакого мы и не видывали.

— Я бедный человек, живу тем, что продаю луки. Хотел бы я знать, не будет ли он плох, если его натянуть?

Бельгутай и Хасар — оба не смогли натянуть лук. «Тогда тот старик обернулся седым человеком, сидящим верхом на сером муле с белым пятном на лбу. Он приложил к длинному желтому луку свою золотую стрелу и выстрелил так, что стрела раскололась. «Разве вы оба не младшие братья августейшего владыки, которых называют ловкий стрелок Хасар и силач Бельгутай? Ведь говорят, что

вместо большого хвастовства
лучше прикусить язык

С этими словами он ушел. Только тогда оба брата устрашились и сказали друг другу: «Это был гений владыки. Так-то!» И оба впредь «прикусили языки».

Пришла очередь чжуркинцев. Это была кровная родня. Основателем колена чжурки был Сорхату-Чжурки, сын Окин-Бархаха, старшего сына Хабула, т. е. двоюродный брат Есугея. Сорхату в свое время были выделены самые искусные люди. Потомки их, с которыми теперь столкнулся Чингис, «были все люди действительно неукротимые, мужественные и предприимчивые». Они требовали себе почета. Это их ханши побили на пиру кравчего Чингиса, а их человек ранил Бельгутая. Поначалу был найден путь к примирению и не раз звучали призывы: «Давайте будем жить в согласии». Но чжурки не согласились участвовать в походе Чингиса против татар. Их понапрасну ждали шесть дней. Более того, по версии «Тайной истории», в то время, когда Чингис был занят татарским походом, они напали на его ставку-аурук, десятерых убили, а пятьдесят человек обобрали донага.

— Мыслимо ли простить чжуркинцам их дела? — в

гневе заявил Чиигис. — Ведь никто иной, как они, иа пиру в оионской дубраве избили кравчего Шикиура. Они же рассекли плечо Бельгутаю. Потом, после их извинеиия, мы любомудро вериули им обеих хаиш, Хоричжии-хатуи и Хуурчии. Когда же мы предложили им участвовать в походе иа татар, этих искоиных врагов и убийц иаших отцов и дедов, то оии не явились, и мы прождали их шесть дией. Ныие же иа глазах у врагов они сами стали иашими врагами.

Судьба чжурки была предрешеиа. В одиночку им было не выстоять против Чиигиса, а союзники покииули их. Чжамуха, обиженый иа иих за прошлую иеверность, помогать ие хотел. Поэтому Чиигис жестоко расправился со своими мятежиыми сородичами, «уиичтожил самое племя и род их», а оставшихся в живых «сделал своими наследственными рабами».

Согласио «Тайиой истории» Чиигис ходил специальиым походом иа чжурки, вожди чжурки Сача-беки и Тайчу бежали, но были поймаиы и доставлены Чиигису, который приказал казиить их. Иная трактовка событий у Рашид-ад-дииа. Чиигис вообще ие гиевался иа чжурки и даже вез для иих часть татарской добычи. В пути отряд людей Чиигиса был атакован чжурки, это послужило причиной похода, во время которого чжурки были разгромлеиы, ио Сача-беки и Тайчу удалось бежать.

Возможно, справедливо предположеиие П. Рачиевского, что в § 139 «Тайиой истории» содержится завуалироваиное осуждение уиичтожеиия Чиигисом своей близкой родии. «Каких-то знаменитых людей сокрушил Чиигис-хан и уничтожил самое имя и род их».

В «Юань ши» сказаио, что люди Чиигиса вообще были ограблеиы ие чжуркинцами, а иаймаиами. Позже, в упреках Тоорил-хаиу (по сведеииям Рашид-ад-дииа), Чиигис утверждал, что убил Сача-беки и Тайчу ради Тоорил-хаиа. «Для тебя я убил своего старшего брата и погубил младшего. Если меия спросят, кто оии, оии — Сэчэ-беки, который был моим старшим братом, и Тайчу-Кури, который был моим младшим братом». Все это, разумеется, сплошное лицемерие. Сача-беки был реальным сопериико м Чиигиса, к тому же живущим в его собствеиом улусе. Был иайдеи предлог устраиить его и он был устраиеи. Все исследователи биографии Чиигис-хаиа сходятся на том, что «это был важиый шаг иа пути возвышения Темучжина» («Юань ши»), ибо он

уничтожил самую могущественную ветвь знати среди своей родни. П. Рачневский полагает, что убийство чжуркинских предводителей было «политическим мероприятием», которое «утихомирило старую злобу». И в дальнейшем Чингис старается постоянно низвести старую монгольскую знать до положения обычных нукеров.

К концу XII в. в Монголии существовало все еще несколько крупных сил. Кроме Чингис-хана, это был Ван-хан кереитский (по заключению Л. Гамбиса, керенты стали силой номер один в Восточной Моиголии), Чжамуха с той частью собственно монголов, которая не признавала Темучжина-Чингис-хана, найманские ханы, татары, а также тайчиуты и меркиты. По крайней мере, трое из ханов Центральной Моиголии — Чингис-хан, Ван-хан и Чжамуха реально претендовали на лидерство. По характеристике Л. Гамбиса, «Тоорил был энергичным государем, характер имел переменчивый и нерешительный, он одновременно был хитер и жесток», «он не имел данных стать главой кочевой империи». Это последнее мы знаем сейчас, а тогда после 1196 г. это было еще неизвестно. Тем более, что Чингис-хан ходил в вассалах Ван-хана и по оценке правительства Цзинь, Ван-хан был наиболее могущественным из правителей Восточной Монголии.

Где-то в 1197—1198 гг. Ван-хан без Чингис-хана совершил поход против меркитов, разграбил их и ничего не уделил своему «сыну» и вассалу Чингису. Это, возможно, положило начало новому охлаждению. В 1198 г. цзиньские армии совершили новый поход в Восточную Монголию против кунгиратов и других монгольских племен. Местное население было разорено и ослаблено этим походом. Но после 1198 г. и власть Цзинь в этих районах стала довольно быстро ослабевать. Это помогло Чингис-хану овладеть восточными районами Моиголии. На западе Монголии также происходили важные события, в перспективе способствовавшие победе Чингис-хана. После смерти Инанч-хана найманское государство распалось на два улуса: Буйрук-хан стал править гористой частью страны на Алтае, а Таян-хан — степными областями на Черном Иртыше. В 1198—1199 г. Ван-хан, Чингис-хан и Чжамуха общими силами обрушились на Буйрук-хана. П. Рачневский полагает, что это было сделано не без молчаливого одобрения Таян-хана. Буйрук был разбит объединенными силами кереитов и монголов и бежал в верховья Енисея (на Кэм).

И может быть, именно Тоорил-хан впервые решил отделаться от Чингиса. Победители возвращались домой, когда одни из найманских отрядов загородил им путь. Чингис-хан и Ван-хан построили свои войска в боевой порядок. Опускалась ночь, и они решили переночевать, не ломая строя, а с утра пораньше начать бой. В эту ночь побратимы предали Чингиса. Не потушив огней, Ван-хан и Чжамуха тайно покинули позиции, оставив Чингиса один на один с сильным противником. Они очень надеялись, что найманы покончат с ним. Только утром Чингис понял хитрый умысел своих союзников.

— Оказывается, они задумали вовлечь нас в беду-пожарище! — И, спешно покинув боевой лагерь, отступил, не принимая боя с найманами.

Пока союзники уходили прочь, Чжамуха наговаривал Ван-хану на Чингиса:

— Ясное дело, мой анда Темучжин издавна обменивается послами с найманами. Вот почему он не подтянулся к нам теперь. Хан, хан! Я-то вот оказался постоянной чайкой, а мой анда — перелетной пташкой жаворонком!

Наутро найманы стали преследовать не Чингис-хана, а Ван-хана. Внезапным ударом они разорили его кочевья, захватили в плен семью сына Ван-хана Сангума*, угнали много людей и скота.

Пользуясь смутой, от Ван-хана ушли сыновья меркитского Тохтао-беки, которых он в качестве заложников принудил кочевать с собой после успешного похода на меркитов в прошлом году.

Кереиты вступили в трудную борьбу с найманами. Нужны были союзники. Ван-хан спешно направил гонца к Чингис-хану с вестью: «Найманы полонили у меня жен и детей. Поэтому и посылаю просить у тебя, сына своего, твоих богатырей. Да спасут они мой народ!». Вовремя подоспели нукеры Чингиса. Одолевали найманы кереитов. Был ранен конь Сангума, и сам он чуть не попал в плен. Но ударили монголы, разгромили вместе с кереитами найманов, вернули Ван-хану (в который раз!) его людей и имущество. В битве особенно отличились четыре верных нукера Чингиса — Боорчу, Мухали, Борхул и Чилаувэнь. Чингис сказал Тоорил-хану:

---

* Сангум, собственно, не имя, а чин, от китайского «сянгун», «министр», «первый министр», «везирь».

«Я послал четырех полководцев, онн вернулн твой народ, снова утверднлн твое государство!»

Совесть лн заговорнла у Ван-хана, нлн он задумал новую хнтрость, только решнл после своей смертн завещать н свой улус, н управленне керентами Чннгнс-хану:

— Итак, однн раз мой потерянный улус вернул мне мой анда Есугай-баатур, а в другой раз погнбший улус спас мне сын Темучжнн. Отец с сыном, возвращая мне утраченный улус, для кого же трудилнсь они, собирали н отдавалн? Ведь я уже стар. Я до того одряхлел, что пора мне восходнть на вершнны. Когда же в преклонных годах взойду на горы, на скалы, кто прнмет в управленне весь мой улус? Младшне братья мон — ннкчемные людн. Сыновей у меня все равно что нет: однн единственный Сангум. Сделать бы мне сына моего Темучжнна старшнм братом Сангума! Вот тогда бы н стало у меня два сына, а потом — на покой!

Чннгнс согласнлся на усыновленне. На берегах Толы был совершен положенный обряд. Поклялись онн друг другу:

На врага ли поспешио ударить —
как одии общей силой ударим.
Или дикого зверя облавить —
Как один общей лавой облавим.

Будем уповать лншь друг на друга, а потому:

Змеи ли зубастые
Нам клеветою шипят —
Мы клевете не поверим.
С другом увидимся,
Другу мы веру дадим.
Змеи ль клыкастые
Злобу внушат нам —
Злобу отбросим мы,
Друга послушаем,
Другу лишь веру дадим.

Но Чннгнс-хан давно уже не верил словам. Он предложнл скрепнть новый союз брачнымн узамн — женнть своего старшего сына Чжочн на младшей сестре Сангума Чаур-бекн, а Тусаху — сына Сангума — женнть на своей дочерн Хочжнн-бекн. Кереитам, в особенностн новоявленному братцу Чннгнс Сангуму, это не понравнлось: онн не желалн, даже радн какнх-то тайных планов Ван-хана, близко роднться с Чннгнсом, а потому стали возражать. Чннгнс, н до этого полностью

не доверявший даже Ваи-хану, понял: что его усыновление керентским ханом — пустое дело, и внешне не высказав обнды, «внутренне охладел к Ван-хану и Нилха-Сангуму». Возможно, эти события случнлись чуть позже. «По Юань чао ши» замысел «породнить-ся с Темучжином н убить» относнтся к 1203 г.

Здесь мы по прежнему сталкиваемся с несоответствиями в хронологии, столь обычными для всей ранней биографии Темучжнна-Чингис-хана.

Разгром чжурки Рашид-ад-дин относит к 1196—1197г., а «Тайная история» — к 1201 г. Поход Ван-хана против меркитов по Рашид-ад-дину имел место в 1198 г., а по «Тайной истории» — в 1202 г. Совместный поход против иайманского Буйрук-хана Рашид-ад-дин относит к 1199 г., а «Тайная история» также к 1202 г.

1201 г. — год, когда Чжамуха стал гур-ханом — еднистенная дата, которая совпадает как у Рашид-ад-дина, так и в «Тайной истории». Рашид-ад-дин излагает совместный поход Чингис-хана и Ван-хана протнв тайчиутов до избрания Чжамухи гур-ханом в 1200 г. Согласно «Тайной истории» это случилось весной 1202 г. Современные китайскне историки датируют этот поход согласно версии Рашид-ад-дина.

Итак, возможно в 1200 г., Ван-хан и Чнигис-хан выступнли в совместиый поход против тайчиутов. Тайчнутам пришли на помощь меркиты. Сраженне произошло на Онопе, судя по всему, с тайчнутами бился один Чингис-хан, Ван-хан в это время был на Аргунн: преследовал союзников Чжамухи. Чингис двннул свои силы на тайчнутов, а те знали: добра от Чнигиса не жди, и приготовились к бою. В упорном сраженин ни одна из сторон не смогла одолеть протнвннка до наступления темноты, н бойцы заночевали на месте боя.

Бнтва с тайчнутами, возможно, еднистенное сражснне, в котором Чнигис актнвно участвовал лично, так велнко было его желанне отомстнть тайчиутам за обнды, нанесенные ему в юности, в тайчнутском плену. В бою Чингиса ранили в шейную артерию, и он потерял сознание. Блнзкнм Чингнса нпкак не удавалось остановить текшую из раны кровь. Чжельме отсасывал запекшуюся кровь и сндел подле раненого хана с окровавленным ртом, никому не давая сменить себя. После полуночи Чнигис пришел в себя и запросил пнть. Не найдя нпчего под рукой, Чжельме в одном исподнем тайком пробрался в стан тайчиутов и с трудом

отыскал там кислого молока. Чингис стал было упрекать Чжельме за наплеванную кровь, за то, что оставив его одиого, ушел Чжельме в стаи тайчиутов, где его моглн схватить и узиать о тяжелом состояиии Чингиса. Но предаиный Чжельме пояснил: он для того и шел в исподнем, чтобы при случае сказаться «перебежчиком»:

— Я увереи, оии поверили бы мне, дали бы одежду и прииняли к себе. Но разве я не вериулся бы к тебе на первой попавшейся верховой лошади?

Утром вонны Чиигнса обнаружили, что тайчиуты отступилн, бросив в лагере многих людей. Среди них оказался престарелый Соргаи-Шира, спасший когда-то юиого Чингнса, и меткий стрелок Чжебе, на которого пало подозреине, что ои ранил Чингнса. Чжебе прнзиался, что с горы, с той стороиы, откуда был ранен Чингнс, стрелял действительно ои. Чиигис цеиил откровенность и простил Чжебе.

— Заклятый враг всегда таит про себя свое душегубство н свою враждебиость. Ои держит свой язык за зубамн. Что же сказать об этом? Он ие только ие запирается в своем душегубстве и вражде своей, ио еще и сам себя выдает с головой. Он достоии быть товарищем!

Так в стане Чиигиса появнлся еще один из будущих его прославлеииых полководцев.

Вслед бежавшим тайчиутам была организована погоня. Те, кто ие успел уйти, кого догиали иукеры Чиигиса, жестоко поплатились за юиошеские обиды хаиа. «Перебил и пеплом развеял» он тайчиутов, вплоть даже до детей н виуков их», а тех, кого пощадил, забрал себе, в свой улус. Таргутай-Кирилтуха схватнли его же люди и чуть не выдали Чиигнсу. Лишь опасения, что выдав хаиа и совершив предательство, в будущем оии вызовут сомиеиия у Чингиса в нх предаииости, побудили их отпустить Таргутай-Кирилтуха и сдаться без него.

— Захватили мы и везли сюда Таргутай-Кирилтуха. Но, памятуя, что ои иаш природиый государь, и ие решаясь предать его иа смерть н погубить, мы отпустили его и пришли отдать свои снлы Чиигис-хаиу.

— Правнльно вы поступили, что не предали своего хаиа,— сказал Чиигис. — Ибо я должеи был бы вас казнить со всем родом вашим как холопов, поднявших руки иа своего природиого хана.

Так Чингис нанес первое поражение тайчнутам, но еще не одолел их.

В 1201 г. произошло важное событие. Монгольские и немонгольские силы решили объединиться в борьбе против Чингис-хана. По данным «Тайной истории» «в год Курицы в урочище Алхуйбулах собрались (на сейм) следующие племена: Хадагинцы и Сальчжиуты совместно; Баху-Чороги Хадагинский со своими; Хадагин-Сальчжиутский Чаргидай-Баатур со своими; договорившись с Добен-Татарами, Добенский Хачжиул-бек со своими; Татарин Алчи и Татарин Чжалик-Буха со своими; Икирский Туге-Маха со своими; Унгиратский Дергек Эмел-Адхуй со своими; Горлосский Чоёх-Чахаан со своими; из Наймана-Гучуут: Найманский Буйрух-хан; Хуту, сын Меркитского Тохтоа-беки; Худуха-беки Ойратский; Таргутай-Кирилтух Тайчиудский, Ходун-Орчан, Аучу-Баатур, и прочие Тайчиудцы. Уговорившись, возвели Чжачжирадайского Чжамуху в ханы, они приняли присягу, рассекая при этом с разбега жеребца и кобылу. Оттуда все они покочевали вниз по реке Эргуне и совершили обряд возведения Чжамухи в Гур-ханы на вершине поросшей лесом горы при впадении в Эргуне реки Кан-мурен. По окончании обряда они уговорились выступить в поход против Чингис-хана и Ван-хана. Чингис-хан находился в Гурельгу в то время, когда Горлосский Хоридай принес ему эти вести. Чингис-хан связался с Ван-ханом, тот немедля поднял войско и прибыл к Чингис-хану».

В «Юань шн» мы читаем: «В это время хунцзила выразили желание подчиниться (Чингис-хану), Хасар, не зная об их намерении, ограбил их. Тогда хунцзила подчинились Чжамухе, и с долубань, нциласы, хадацзинь, холуласы, татарами, саньяжну собрали съезд на реке Цзяньхэ и сообща возвели на трон Чжамуху, дав ему титул цзюйэрхань. «Шэн у цинь чжэн лу» описывает это событие так: «Затем хатацзинь саньчжну, долоубань, татары, хунцзила собрали съезд у истоков реки Алей. В знак клятвы они разрубили по пояснице белую лощадь и выразили желание атаковать нашу армию и Ван-хана». Об избрании Чжамухи гур-ханом здесь не сообщается.

Рашид-ад-дин сообщает о создании коалиции не один раз: «В то время, когда большинство племени тайджиут по вышеупомянутой причине были перебиты, а часть бежала, эти племена катакин и салджиут соб-

рались вместе. С ними заключали союз племена дурбан, татар и кунгират. Они поклялись друг другу клятвой, крепче которой нет среди монгол. Клятва эта заключается в следующем: они вместе зарубают мечом жеребца, быка и кобеля и при этом говорят: «О господь неба и земли, слушай, какую клятву мы приносим! Эти самцы — корень и мужское начало этих животных. Если мы не сдержим своего слова и нарушим договор, пусть мы станем такими же, как эти животные». Так они поклялись в том, что заключили союз друг с другом и будут воевать с Чингис-ханом и Он-ханом». И далее: «В году такнку, который является годом курицы, начинающимся с месяца джумада 1597 г. х. (февраль 1201 г.), когда племя кунгират подвергалось нападению и, потеряв голову, ушло к Джамукэ-сэчэну, посовещавшись совместно с племенами нкирас, куралас, дурбан, катакин и салджиут, они устроили собрание и в местности на реке Гам и возвели Джамукэ на гурханство. Значение слова гур-хан — государь султанов и царей. Когда он стал гур-хаиом, они задумали выступить на войну против Чингиз-хана».

Итак, в 1201 г. (здесь в первый раз совпадают даты «Тайной историн», Рашид-ад-дина) произошло размежевание сил в Монголии. С одной стороны это были улусы Чингис-хана и Ван-хана кереитского, та часть монголов, которая шла за Чингисом. Выжидательную позицию занимал Таян-хан найманский, довольный тем, что кереиты и Чингис-хан нанесли урон его брату Буюруку. С другой стороны объединились все прочие силы Монголии, которые были против Ван-хана и Чингис-хана. Это были те монголы, которые шли за Чжамухой, включая побитых тайчнутов, ослабленных Ван-ханом меркитов, неразумно ограбленных Хасаром хуигиратов и др. В союз против Ван-хана и Чингис-хана вошли татары, они помнили тот урон, который наиесли им кереиты и Чингис-хан совместно с войсками Цзинь. Дурбэнами («четырьмя») П. Пелью и Л. Гамбис считали или потомков «четырех» сыновей Дува-Сохора, или «четырех» ойратов, впрочем, в последнем они очень сомневались. Но и так ясно, что на реке Ган — притоке Аргуни собрались мощные силы, давшие клятву остановить усиление Ван-хана и Чингис-хана. Вряд ли стоит сомневаться в том, что союз был направлен в первую очередь против Ван-хана, сюзерена, «отца» и побратима Чингис-хана. Монголия

ждала решающих битв. Сколько их было и кто одерживал верх? Трудно ответить достоверно на этот вопрос.

Остановимся пока на достаточно ясном и точно датированном событии — походе Чингис-хана на татар осенью 1202 г. и разгроме им чаган-татар и аньчи-татар. Хотя Рашид-ад-дин, излагая это событие после избрания Чжамухи Гур-ханом, почему-то датирует его даже 1182 г. Это явная неточность, хотя П. Рачневский считает, что наиболее достоверный порядок событий после 1201 г. именно у Рашид-ад-дина.

МЕСТЬ ЗА ОТЦА

И гибнут люди целыми народами
(Восхваление Нила. Перевод А. Ахматовой)

Среди монголов была жива память о жестоких войнах с татарами в прошлом. Рашид-ад-дин писал: «Их имя издревле известно в мире. От них отделились многие ветви. Все это племя состояло из семидесяти тысяч домов». Татары были воинственным племенем: «Это племя прославилось поножовщиной, которую оно устраивало промеж себя по причине малой сговорчивости и по невежеству, бесцеремонно пуская в ход ножи и сабли. ...Если бы при наличии их многочисленности они имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы из китайцев и прочих и вообще ни одна тварь не были бы в состоянии противостоять им. И тем не менее при всей вражде, кои царили в их среде, они уже в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части племен и областей, выдаваясь своим могуществом, величием и полным почетом от других».

«Из-за их чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при всем различии их разрядов и названий, стали известны под их именем, и все назывались татарами. И те различные роды полагали свое величие и достоинство в том, что себя относили к ним и стали известны под их именем» (Рашид-ад-дин).

Как мы помним, вражда монголов и татар началась еще во времена хана Хабула, когда татарский ша-

ман не смог вылечить брата жены Хабул-хана, за что был убит. После этого «с обеих сторон во всякое время, как находили удобный случай, они убивали друг друга и грабили» (Рашид-ад-дин). Есть сведения о том, что помимо Амбагай-хагана татары выдали чжурчжэням и предка чжурки — Окнн-Бархаха.

К концу XII в. татары были ослаблены войнами с чжурчжэнями, особенно поражением, которое они понесли от совместного похода против них чжурчжэней, монголов Чингис-хана и кереитов в 1196 г. Дела их, по-видимому, обстояли неважно, так как в 1202 г. «на осень в год собаки Чингис-хан положил воевать с татарами». Впервые в одиночку Чингис решился напасть на одно из древнейших и сильных татаро-монгольских племен. Видимо, с этого похода он задумал начать решающий тур борьбы за власть в Монголии, использовав в качестве предлога для войны обычай кровной мести.

Итак, по «Юань ши» в 1202 г. «император отправил войска к реке Улухуэйшиляньчжэнь и атаковал аньчи-татар и чагань-татар. Перед боем войска поклялись: «Если разобьем врага и станем преследовать разбитое войско противника, то ни под каким видом не собирать брошенное имущество, лишь когда закончится сражение, разделим его!». Сражение тогда закончилось победой, сородичи (императора) Аньдань, Хочар, Далитай, три человека, нарушили договор. «Император разгневался, отобрал все, что они захватили, и распределил среди войска». Рашид-ад-дин излагает события почти так же, сообщая только их последствия для ослушавшихся приказа знатных сородичей: «Чингиз-хан с берегов реки, имя которой Улкуй-Силуджолджит, выступил против племен алчи-татар и чаган-татар. Он издал указ (йасак), чтобы никто не смел заниматься захватом добычи, а чтобы забрали добычу только после того, как будет покончено с войною и враг будет уничтожен, только тогда все бы полностью мирно разделили между собою. Все согласились на этом. Алтан, сын Кутулкаана, Кучар, сын Нэкун-тайши, и Доритай-отчигин, дядя Чингиз-хана, не сдержав своего слова, занялись захватом добычи до окончания ратного дела. Чингиз-хан этого не одобрил, послал к ним Кубилая и Джэбэ и отобрал у них добычу. Вследствие этого они обиделись на него и, изменив ему, тайно склонились на сторону Он-хана. Впоследствии они стали частью причин, которые при-

вели к разладу между Чингиз-ханом и Он-ханом. Они совместно с ним (Он-ханом) сражались против Чингиз-хана и в конце концов все были перебиты. И все!».

Однако, это было далеко еще не все. Осенью побурела степь, пожелтела и заалела листва деревьев, потемнели ели, светлые воды рек и ручьев утратили свою былую весеннюю бурливость, текли масляно, сыто, лениво, как сыты и тучны были стада, отъевшиеся за лето, сыты, бодры и веселы радовавшиеся обильной мясной пище люди. Стремительно, как табун коней, напуганный какой-то опасностью, вздымая тучи пыли, под скрип телег с юртами, рев животных и воинственные крики нукеров, двигалось войско Чингиса на татар.

Ночью, накануне решающей битвы, в юрте Чингис-хана собрался совет. Еще раз объяснил Чингис своим нукерам и родичам — это не поход за добычей, не молодецкий наскок для угона татарских табунов и стад, увоза в плен татарских красавиц, поисков в тайниках татарских юрт диковинных вещей, полученных татарами от Алтан-ханов из Китая. Это битва не на жизнь, а на смерть, битва с «губителями наших дедов и отцов»— помните, как завещал Амбагай-хаган:

Мстите за меня,
пока с пяти пальцев своих ногти не сотрете,
пока ногти с десяти пальцев своих не сотрете,
пока десять пальцев своих не потеряете,
Как львы, не в силах унять свою радость,
Как мангусы, стремящиеся живым поглотить,
Как кречеты, на тень свою нападающие!

Это битва, призванная определить судьбу великого дела, судьбу татар. С общего согласия Чингис установил такое правило для предстоящего сражения: «Если мы потесним неприятеля, не задерживаться у добычи. Ведь после окончательного разгрома неприятеля добыча эта от нас не уйдет. Сумеем, поди, поделиться. В случае же отступления все мы обязаны немедленно возвращаться в строй и занимать свое прежнее место, голову с плеч долой тому, кто не вернется в строй и не займет своего первоначального места!». Тайный был замысел — на победу, но не на захват добычи, а на уничтожение татар.

Жестоким сражением началось утро следующего дня в местности Далан-Намургене, недалеко от озера Буир-Нора. Стойко бились татары, но монголам удалось потеснить их, а затем и вынудить к отступлению. Оттесняя татар со всех сторон, монголы достигли центра их

улуса, урочища Улхуй-Шилугельчжит, и тех, кто не пал на поле брани, вынудили сдаться.

Первыми из полоненных казнили вождей татарских племен чаган-татар, алчи-татар, дутаут-татар и алухай-татар. Остальные пленники со страхом ждали своей участи.

И снова в своей уединенной юрте созвал Чингис-хан совет, на этот раз великий семейный совет, совет тех, чьих дедов и отцов погубили татары. Они должны были решить судьбу всего татарского народа. Приговор родичей Чингиса, знатных монголов, был жесток: «Татарское племя — это исконные губители отцов и дедов наших. Истребим же их полностью, равняя ростом их тележной чеке, в отмщение и воздаяние за дедов и отцов. Дотла истребим их, а остающихся (малых детей ростом ниже тележной чеки — Е. К.) обратим в рабство и раздарим по разным местам» («Тайная история»).

Пленные татары знали: не жди добра от монголов. Когда закончился совет, татарин Еке-Церен спросил у Бельгутая:

— На чем порешил совет?

То ли болтлив был Бельгутай, то ли самому ему страшным представлялся приговор совета, тяжко было на душе, он проговорился:

— Решено всех вас предать мечу, равняя к концу тележной оси!

Спешно оповестил Еке-Церен своих о принятом монголами решении. И тогда татары уговорились: тем оружием, которое еще осталось и чем попадя биться до последнего. А кто останется в живых, когда станут монголы приравнивать их по росту к концу тележной оси, пусть спрячут в рукавах ножи и режут монгольских воинов, чтобы спать им, татарам, вечным сном не на голой земле, а на подушках из вражеских тел. Так и поступили. Сделал Чингис-хан татар «кормом своего меча» (Рашид-ад-дин), но при этом неожиданно очень большие потери понесли и монголы. Однако страшное свершилось. Примерили-таки монголы татар к концам тележных осей и фактически истребили их. «Повелел Чингис,— рассказывает Рашид-ад-дин об этой жуткой победе монгольского хана,— произвести всеобщее избиение татар и ни одного не оставлять в живых до того предела, который определен [...] чтобы женщин и малых детей также перебить, а беременным рассечь утробы, дабы совершенно их уничтожить [...] Ни одному

творению не было возможности оказать покровительство тому племени или скрыть кого-нибудь из них, или даже нескольким из них, кои уцелели от истреблеиия, обнаружиться или объявиться». Лишь иемногие уцелели — дети и близкие татарок — жен знатных монголов, да еще те, кто убежал или был обращен в рабство. Брат Чингиса Хасар из любви к жене своей татарке из данной ему на истребление тысячи убил только пятьсот человек. Чингис впоследствии припомнил ему этот «проступок». В фильме «Чингис-хаи», выпущенном в КНР, Чиигис-хаи плачет, осуществляя истреблеиие татар, жалко мол, да иначе не могу. Но это крокодиловы слезы. Татары были истреблеиы хладиокровио и расчетливо, с намерением запугать и других.

Так погибло племя татар еще до возвышения монголов, давшее свое имя в качестве нарицательного всем татаро-монгольским племенам. И когда в далеких аулах и селеииях на западе через двадцать-тридцать лет после той резни раздавались тревожные крики: «Татары!», мало было среди падвигающихся завоевателей настоящих татар, остались лишь грозное имя их, а сами они давно лежали в земле родного улуса, порубленные моигольскими мечами. Знали это и те европейские современники, которые сравнительно неплохо были осведомлены о Моиголии и ее прошлом. Рубрук писал: «Чиигис повсюду посылал вперед татар, и отсюда распространилось их имя, так как они везде кричали: «Вот идут татары!». Но в иедавиих частых войнах почти все они были перебиты». И хотя Рубрук путал события — татары были истреблены ранее в междоусобных войнах татаро-монголов,— он писал правду: истинных татар в монгольском войске, нахлынувшем в Восточную Европу, было очень иемиого.

По тому, как приняли смерть татары, Чингис-хан понял, что кто-то проговорился о принятом решении. Когда было выяснено, что тайну разгласил Бельгутай, его надолго лишили права участвовать в заседаниях совета:

— Из-за того, что Бельгутай рассказал о решении Великого совета нашего рода, погибло много наших воинов. С этого времени пусть Бельгутай не входит в Великий совет! Пусть он охраняет снаружи, до тех пор пока не окончится совет! Пусть он судит тех, кто совершает дела воровские и лжи! Когда совет окончится и питье будет выпито, только после этого Бельгутай и все остальные могут войти!

Тогда же произошла и следующая история. Чингис взял себе в наложницы татарскую красавицу Есуган-хатун. Есуган нравилась ему и была у него в милости. Как-то Есуган сказала Чингису:

— Хаган может почтить и меня своим попечением и сделать настоящей ханшей, если будет на то его хаганская милость. Но ведь более меня достойна быть ханшей моя старшая сестра по имени Есуй. Она только что просватана. Куда ей деваться теперь, при настоящей-то суматохе?

— Если уж твоя сестра еще краше, чем ты, то я велю ее сыскать. Но уступишь ли ты ей место, когда она явится?

— С хаганского дозволения, я тотчас же уступлю сестре, как только ее увижу.

Приказал Чингис разыскать Есуй. Ее поймали вместе с женихом и в то время, когда они пытались укрыться в лесу. Есуган, как только увидела старшую сестру, сразу же встала и посадила ее на свое место. Есуй действительно понравилась Чингису, и он сделал ее своей женой. Жених Есуй сумел скрыться.

Как-то раз уже после похода на татар Чингис сидел у своей юрты, пил кумыс. Тут же рядом сидели ханши. Вдруг Есуй глубоко и скорбно вздохнула. Чингис заподозрил неладное, смекнул, не любимого ли увидела Есуй, и приказал:

— Расставьте-ка по семьям и местам работы всех собравшихся здесь аратов. Людей посторонних выделяйте особо.

Расставили людей. И остался в стороне только один юноша. Волосы у него были заплетены в косу, как у человека благородного.

— Кто ты такой? — спросил Чингис.

Он ответил:

— Я нареченный зять дочери татарского Еке-Церена, по имени Есуй. Враги громили нас, и я в страхе бежал. Сейчас как будто все успокоилось и я пришел. Я думал, меня не опознают среди столь большого числа людей.

Чингис сказал приближенным:

— Что ему здесь шпионить, этому непримиримому врагу и бродяге? Таких как он мы уже примеряли к тележной оси! Что тут судить да рядить! Уберите его с глаз долой!

И молодому татарину тут же срубили голову с плеч. Любовь привела его к порогу чингисовой юрты, любовь

его выдала, а ненависть погубила. Не могла заступиться за него Есуй. Только ночами иногда, лежа на мягком войлоке в ханской юрте, верно, горько плакала она украдкой да вспоминала суженого, молодого татарина, его открытое юное лицо, черные как смоль косы. Татаро-монгольские девушки привыкли, что мужья покупали их или брали силой. Есуган, искренне веря: счастье сестры не сидеть в лесу с молодым татарином, а быть здесь, на ханском ложе, просила разыскать ее. Она уступила ей свое место. Поняла ли Есуган свою ошибку!? Кто теперь знает об этом?

Кстати, позднее именно Есуган добилась от Чингиса разрешения собрать уцелевших татар и объединить их под властью двух татарских нойонов — Кули-нойона и Менге-Уху, которых Чингис мальчишками подарил своим сестрам и воспитал в своей орде. К тому времени сама Есуган тоже стала женой Чингиса.

Итак, первое же самостоятельное предприятие Чингиса завершилось его победой и небывалым кровопролитием. Было сокрушено одно из некогда самых сильных и культурных татаро-монгольских племен. Как писал Л. Гамбис, «истребление татар было осуществлено систематически, и в живых остались только женщины и дети». Кровавое избиение татар хотя и было в духе той среды и тех лет, не могло не напугать своей жестокостью современников. Сбывалось мрачное пророчество Чингисова рождения со сгустком запекшейся крови в руке. Монголия, которая, как по крайней мере полагает современная наука, жаждала объединения, могла впервые воочию увидеть ту цену, которую она за это заплатит. В междоусобных войнах племен рождался тот их истребительный характер (вспомним семьдесят княжичей, сваренных заживо Чжамухой!), который потом заставит содрогнуться весь мир.

Уничтожение татар привело к установлению господства Чингиса в Восточной Монголии. Ван-хан поначалу обрадовался победе. По словам Л. Гамбиса, он «не сразу понял, что баланс сил стал в пользу Темучжина, а значит, не в пользу Ван-хана». Победа Чингис-хана побудила коалицию, возглавляемую Чжамухой, к более решительным действиям.

КТО ЖЕ СТАНЕТ ВЛАДЫКОЙ СТЕПЕЙ?

Если верить «Шэн у цинь чжэн лу», то после создания коалиции во главе с Чжамухой, ее войска сразу же двинулись на Чингис-хана и Ван-хана. По Рашид-ад-дину в 1201 г. Чингис-хана предупредил Дай-сечен из племени хунгират. Войска коалиции Чжамухи и Ван-хана, Чингис-хана сошлись у озера Буир-Нор и «в конце концов Чингиз-хан опять одержал победу, и враги были разбиты. И все!» П. Рачневский полагает, что это была «первая» война, о которой «Тайная история» не упоминает. Таким образом, допустимо, что коалиция Чжамухи действительно потерпела поражение от Ван-хана и Чингис-хана. Оба победителя раздельно совершают походы против меркитов и татар, убедительная победа Чингис-хана над татарами резко усилила его, что неизбежно ведет к разрыву и войне с Ван-ханом.

Узнав о злосчастной судьбе татар, гур-хан Чжамуха смекнул, что и ему нечего ждать добра. Сломить Чингиса можно было лишь стравив его с Ван-ханом. И вот Чжамуха со своими сторонниками уже у Нилха-Сангума (сына Ван-хана), уговаривает кереитов заключить союз против Чингис-хана:

— Мой анда Темучжин явно и постоянно обменивается послами с найманским Таян-ханом,— запугивал он кереитов.

— С языка у него не сходят слова «отец» и «сын», но в душе у него совсем другое. Он хорош только на словах. Неужели вы доверяете ему? Если же вы пойдете на анду Темучжина, то я присоединюсь к вам и ударю ему во фланг!

По словам Рашид-ад-дина, «жарким дыханием он вложил эту мысль в сердце Сангума». И чингисовы побратимы порешили: «Пойдем лучше и захватим у Темучжина его улус. Что ему делать, когда улус его будет отобран и останется он без улуса?»

Над Чингисом стали собираться тяжелые тучи. Вот уже к Чжамухе и Сангуму примкнули Алтан и Хучар, посадившие некогда его на ханство, а теперь обидевшиеся за несправедливый, как они думали, дележ татарской добычи.

Оставалось самое трудное — склонить самого Ван-хана на войну с Темучжином-Чингис-ханом. Не сразу согласился на это Ван-хан: он понимал неизбежность столкновения с Чингисом, но не доверял и Чжамухе:

— Чжамуха ведь — перелетный болтун. Правду ли, небылицы ли плетет он — не разобрать!

Долго с глазу на глаз говорили отец с сыном. Обиженный несговорчивостью отца, выскочил Сангум из юрты, сильно хлопнул дверью. Испугался Ван-хан: а ну как столкнется Сангум с Чжамухой, лишит его власти. Велел догнать сына, сказать:

— Ваше дело, делайте только то, что вам под силу.

Чжамуха и Сангум, не решаясь взять Чингиса силой, надумали прибегнуть к хитрости: «Согласимся на брак Чжочи и Чаур-бекн. Ее прочил Темучжин для сына, когда хотел закрепить свое усыновление Ван-ханом брачными узами. Устроим сговор, заманим сюда, да здесь и схватим его».

Ставка Чингис-хана располагалась около озера Бальчжуна, в северо-восточной Монголии. Его сила росла. Именно здесь его посетили купцы-мусульмане. К нему присоединяются ирлкесы во главе с Боту, потерпевшие до этого пораженне от хоруласов. От купцов-мусульман Чингис-хан узнал о ситуации в Восточном Туркестане и Мавераннагре. К сведениям о Китае добавились новые, как полагал Л. Гамбис, «эти три человека дали ему ценные сведения об их странах и Темучжин начал считаться с политической ситуацией в Азии».

Чингис согласился на брак, может быть, желая оттянуть столкновение с Ван-ханом и надеясь в дальнейшем на более благоприятное для него размежевание сил в Монголии. Не подозревая о заговоре, он поехал на сговор лишь с десятком своих людей («Тайная история»). По дороге они заночевали у Мунлика, того самого Мунлика, который по завещанию умирающего Есугая привез малолетнего Темучжина от унгиратского Дайсечена. За чашкой кумыса вспомнили далекие годы, поговорили о нынешних делах. Усомнился Мунлик в искренности керентов:

— Сами же они только что нас унижали и отказывались выдать Чаур-бекн. Как это могло случиться, что теперь, наоборот, они сами приглашают нас на сговорный пир? Как это может быть, чтобы люди, которые только что так чванились, теперь вдруг согласились на брак, да сами еще и приглашают? Чистое ли тут дело? Вникнув в чем дело, неужели ты, сын, поедешь? Давайка лучше пошлем извинение в таком роде, что, мол, кони отощали, надо подкормить коней.

Испугался Чингис, сам на сговор не поехал, прямо из дома Мунлика повернул назад, домой. Однако на сговор послал двух своих людей.

Увидев провал своего плана, Сангум, Чжамуха и их сторонники решили не медлить, напасть на ставку Чингис-хана и пленить его. Хоть и мало кто знал об этом, но и среди них оказался болтун. Пришел домой, стал собираться в поход, все рассказал жене, да еще и добавил:

— Воображаю, чего бы только не дал Темужчин тому человеку, который бы принес ему эту весть?

Подслушали их разговор слуги. Двое из них смекнули в чем дело, и на приготовленных для завтрашнего похода хозяйских конях ночью ускакали к Чингису и той же ночью, по монгольскому обычаю стоя у задней стены юрты, передали ему все, закончив словами:

— С соизволения Чингис-хана, тут нечего сомневаться и раздумывать — они порешили вас окружить и схватить!

Это сообщение застало Чингиса врасплох. Хоть и не пристало недавнему победителю татар искать спасения, но Чингис знал нравы степей, не раз его жизни угрожала опасность, и потому, оповестив о готовящемся нападении «самых надежных и близких людей своих», он налегке «сам в эту же ночь ускакал». Ван-хан и его союзники по пятам преследовали уходящего от них Чингиса. На одной из стоянок преследователи чуть не схватили его. Чингис-хан, «едва увидав пыль, поймал мерина, завьючил и уехал. Еще немного и было бы поздно». К его стоянке подъехал Чжамуха, который, как мы знаем, со своими людьми шел вместе с армией Ван-хана.

Но всем было известно, что Чжамуха и Ван-хан не доверяли друг другу. Сказалось это в тот час, когда разговор зашел о подготовке к решающему сражению. То ли Ван-хан крепко верил в полководческий талант Чжамухи, и, как в давнем походе против меркитов, просил его принять командование войсками, то ли и вправду с личной охраной хотел оставаться вне поля боя, но Чжамуха расценил его предложение как какой-то умысел, направленный против него, и решил принять контрмеры:

— Ван-хан просит меня управлять этим своим войском. Я ведь не могу сражаться с андой, а он велит мне управлять этим войском. Как ни прыток был Ван-хан в преследовании, а оказался позади меня. Значит,

и друг-то он на час. Давай-ка я подам весть анде, пусть анда воспрянет духом.

И незамедлительно он выдал Чингису весь план предстоящей схватки.

Бой был жестоким. Ранениого в щеку Сангума кереиты окружили плотным кольцом и увезли с поля боя. Был сбит копьем и ранен маихудский Хуилдар-сечен, командир передового отряда войск Чингиса. Солнце село за горы, а ии один из противников не одержал победы. Под покровом ночи Чингис решил отвести свои войска подальше от поля сражания на новое место.

Пока Чингис-хан приводил в порядок потрепанные в бою отряды и готовился к отражению новых атак, оказалось, что и Ван-хаи, опасаясь за жизнь раненого сына, отступил. Решение его было предопределено и тем, что приближеиные внушили Ван-хану мысль о бессилии и неминуемом поражении Чингиса.

— Будь же ты милостив к Сангуму. Ведь молитвами твоими ои родился на свет. При том же с нами большиистве монголов, Чжамуха, Алтан и Хучар. А те, темучжиновцы, в леса загианы нами, а вот каковы они теперь: передвигаются они на конях, покровом — плащом служит им лес. Покажись только они нам на глаза, так мы загребем их в полы халатов, словно скотский помет. Мы им покажем!

Все это звучало убедительно.

— Ладно,— сказал Ван-хан, выслушав эти доводы. — Пусть будет так. Усердно ухаживайте за сыном да смотрите, чтобы его не растрясло.

И кереиты покинули поле боя.

В самом деле, ие только не все моиголы были в улусе Чингис-хаиа, ио большиистве их продолжали идти за Чжамухой. Ушли от Чингиса Алтан с Хучаром. А тут еще это жестокое сражение с Чжамухой и Ванханом. Все это подорвало силы Чиигисова улуса. «Тайная история» не говорит о том, что Чингис-хаи в сражении с кереитами потерпел поражение, впечатление такое, что после жестокого боя стороны просто ночью разошлись. Рашид-ад-дин считает, что поражение в этом сражении потерпел Чингис-хан. Победитель татар уступил поле боя кереитам. Не случись ранения Сангума, и Чингис-хаиу, по словам Рашид-ад-дина, «грозила опасиость полиого уроиа», «Чиигиз-хаи ие смог устоять (перед кереитами — Е. К.) и отступил». «Когда он обратился вспять, большая часть войска покинула

его, он уже ушел в Балджуинэ»*. Войска при нем оставалось всего 2600 чел. (по сведениям Рашид-ад-дина — 4600 человек.)

«Группа лиц, бывших в то время вместе с Чингиз-ханом в Балджиунэ, была немногочисленна. Их называют Балджиунту, т. е. они были с ним в этом месте и не покинули его. Они имеют установленные права и отличны перед другими». В знак верности Чингису и его делу эти люди пили мутную воду озера. Воду верности пил и сам Чингис-хан. «Они выжимали воду из грязи и пили ее». Как сказано в «Юань ши», «в это время Ван-хан был силен, могушественен, а император слаб и не уверен в победе. Отряд был очень испуган. Что касается тех, кто пил с ним воду этой реки, то их называют теми, кто пил мутную воду в Бальджуне. Это значит, что они разделяли тогда трудности». О Бальджуне говорится в биографии Джабар-ходжи. «Джабар-ходжа попал в армию Чингис-хана как раз в войнах с Ван-ханом. Он был храбрый, отличный наездник и стрелок из лука, в бою часто сидел на верблюде, а не на лошади. Ван-хан напал внезапно. Чингис потерпел поражение и только с 19 человеками бежал. Кончилось продовольствие. Подстрелили дикую лошадь, сварили и ели». Чингис воздел руки к небу и сказал: «Если я окажусь способным завершить великое дело, я всегда разделю с этими людьми и сладкое, и горькое. Если же я нарушу это слово, то пусть стану, как эта вода. Среди присутствующих не было ни одного, кто бы не утирал слез». Позже Чингис-хан объявил: «Тот, кто пил со мной воду из этой реки, из поколения в поколение останутся на моей службе!» В жизнеописании Ачжулу сказано: «Тай-цзу приказал всех пивших с ним воду из реки Баньчжунахэ, зачислить в его свиту». В целом ряде биографий сподвижников Чингис-хана встречаются такие фразы: «Вместе с Тай-цзу пил воду из реки Хэшуй» (Ачжулу), «сопровождал Тай-цзу в войне с Ван-ханом, вместе пили воду из реки Баньчжэнь» (Сюэлицзянь-нойон).

---

* Точное место нахождения Бальджуиы, сыгравшей важиую роль в биографии Чингис-хана, неизвестно. Одни полагают, что это озеро Бальзина, из которого вытекает река Тура. Монгольский исследователь Пэрлээ отождествлял Бальджуну с Балаж-Булак, где река Могоит впадает в Халху. Н. Поппе указывал на озеро Балезиио в 50 км западиее г. Агинска (Читинская область).

Американский монголовед Ф. Кливс, опубликовавший в 1955 г. специальную статью «Историчность концепции Бальчжуна», указывает, что в «Юань ши» упомянуты 14 чел., которые участвовали в клятве при Бальчжуне. Любопытно, что это уже целый интернационал. Из монголов здесь были: сам Чингис-хан, его брат Хасар, в это время вернувшийся к нему, и Ачжулуг. При Чингисе оказались три кереита, два киданя, один мусульманин, один меркит, представители других племен: икирес, мангут, чеутай, сульдус. Драматичность ситуации и ее нравственная красота, преданность тех, кто разделил мытарства Чингиса, вошли позже в литературу — в юаньскую поэзию и раннюю литературу династии Мин.

П. Рачневский заметил, что «не в первый и не в последний раз в случае поражения Темучжин ищет убежища у границ Китая». Он должен часто перекочевывать с места на место, опасаясь внезапного нападения своих врагов. Казалось, Вечное синее Небо лишило милостей своего избранника.

Не имея сил сражаться, Чингис начал переговоры с Ван-ханом и Чжамухой. Он требовал объяснения причины вражды. В длинном наказе послам, отправляемым к Ван-хану, он перечислял все услуги, оказанные им самим и его отцом кереитскому хану: «Хоть я и низок родом, а не занимать мне многолюдства. Хоть я и низок родом, а не занимать мне благородства. Когда у повозки о двух оглоблях сломается одна оглобля — и волу ее не свезти. Не так ли и я был твоею второй оглоблей? Когда у двухколесной телеги сломается одно колесо — нельзя на ней ехать. Не так ли я был у тебя вторым колесом? [...] За какую вину мою прогневался ты на меня теперь, хан и отец мой? Пошли ко мне посла для объяснения своего неудовольствия!»

Обратим внимание на то, что, хотя бы на словах, Чингис-хан готов признать свое младшее партнерство, он величает Ван-хана «ханом и отцом», значит полагает себя подданым и сыном.

Положение Ван-хана было не из лучших. Он победил, но не уничтожил Темучжина и знал, что тот при случае быстро соберется с силами и отомстит. Кругом были враги — найманы, Чжамуха, недобитые меркиты и тайчиуты, а он остался один, без союзников, «в прекрасном небе властелин, в прекрасном небе, но один». Поэтому, судя по «Тайной истории», пламенные речи

Чингис-хана, переданные его послами, вызвали у Ванхана прилив раскаяния. Старик воскликнул:

— О погибнуть мне!
Сына ли только забыл я?
Правды закон я забыл.
Сына ли только отверг я?
Долг платежа я отверг.

Если теперь я увижу сыиа своего, да умыслю против иего худое, то пусть из меня вот так вытечет кровь!

И в знак клятвы ои уколол иожом мизииец и, «выточив из раики берестяиой бурачок крови, просил передать его своему сыну», которого совсем иедавио помышлял лишить улуса.

Послание (также, разумеется, устное) к Чжамухе анде было более резким и обличительиым: «Ты из ненависти разлучил меня с ханом и отцом моим. Бывало тому из иас, кто вставал раньше, полагалось пить из синей чаши отца и хана. Вставая раиьше, я и получал право пить из нее. Вот ты и возненавидел меия с тех пор из зависти. Осушайте же теперь отцову хаискую синюю чашу! Не много отнимете у меня!»

Вражда Чингиса с Чжумухой, соперничавших с раниего детства, была более глубокой по сути, ио более мелкой по проявлеииям.

Алтану с Хучаром, иекогда возведшим Темучжина в ханское достоинство, а теперь покинувшим своего хана Чингиса, ои иапомнил историю своего избрания, когда не он, а любой из них мог быть избран ханом и не захотел этого. «Открыто лн вы хотите покинуть меня или надумали покинуть коварно и лицемерно? Тебе, Хучар, как сыну Некун-тайчжи, мы предлагали быть хаиом, ио ты ведь сам отказался. И тебе, Алтан, мы предлагали: «Хутула-хан правил ведь всеми нами. Будь же и ты ханом, ведай всеми, как отец твой!» Но ты тоже отказался, Не мог же я повелеть и другим, более высокого происхождения: «Будьте хаиами вы, Сача и Тайчу, как сыновья Бартан-баатура». Итак, не имея возможности возвести в ханы вас, я вами же был иаречен ханом». Он уверял их, что если бы кто-то из них был ханом, уж он-то, Темучжии, служил бы ему верно и преданно. «Открыто ли вы хотите покинуть меня или надумали покинуть коварно и лицемерно?» — вопрос этот был скорее риторическим, чем по-существу, так как Алтаи и Хучар, иыне уже были в стане его врагов. Судя по словам послаиия еще к одному перебежчику («ведь

моего улуса Алтаи с Хучаром, конечное дело, никому не дадут»), Чингис практически считал Алтана и Хучара реальными претендентами на его ханское место в улусе моиголов. В версии Рашид-ад-дина Чингис прямо заявляет Алтану и Хучару: «Вы оба задумали убить и оставить меня брошенным на темной земле, либо упрятать лежать под землю». Становится понятной, ясной суть новой вспышки вражды — это была борьба за то, чтобы лишить Чингиса власти в монгольском улусе, покончить с ним самим, слишком опасен стал Чингис после победы над татарами.

Дипломатическая акция Чингис-хана несомненно имела значение отвлекающего маневра. На деле он собирал разрозненные силы, сжимая их в единый кулак, ожидая лишь удобного момента, чтобы разделаться со своими противниками.

Ранеиому Сангуму Чингис велел сказать, что он торопится стать хаиом еще при жизии отца Ваи-хана. Чингис хотел вбить клин между отцом и сыном. Взбешеиный Саигум в ответ заявил, что Чингис никогда и не именовал его отца иначе, как старым разбойником, и приказал откармливать коией, готовиться к иовой войне с Чиигисом. В «Юань ши» в хронике царствования Тай-цзу-Чиигис-хаиа, в уста Саигума вложены такие слова: «Если мы победим, то поглотим его, если он победит, то поглотит иас. Зачем много говорить?» Сложившаяся ситуация охарактеризована Сангумом предельно четко.

Размежевание происходило постоянно. Вот что сообщает Рашид-ад-дин: «Когда Чингиз-хан отправил посла Он-хану, он подчинил себе важнейшую часть племени куигират и ушел в Балджиунэ. Племя куралас обратило в бегство Боту из племени икирас. Уходя разгромленным от них, он присоединился к Чингиз-хану в этом месте [...] Оии там вместе жили и пили воду Балджиунэ. В то время Джочи-Касар жил отдельно от Чингиз-хана. Войско Он-хаиа совершило набег на его жен и детей в местности Караун-Джиун. Он же сам уходил (к Чингиз-хану). Ои иастолько обеднел и лишился всяких средств к существованию, что варил падаль и чаруки (род кожаной обуви на мягкой подошве) и ел. От такой еды он изнурился. Нагнал он Чингиз-хана на стоянке в Балджиунэ».

Поистиие, 1203 г. был драматическим и решающим в судьбах Монголии. Все те, кто ие был на стороие

Чингис-хана, Ван-хана или Чжамухи, пытались сколотить еще одну коалицию и против Ван-хана и против Чингис-хана. «Даритай-отчигин, который был дядей по отцу Чингиз-хана, Алтан-Джнун, сын Кутула-каана, который был дядей по отцу Чингиз-хана, Кугаре-беки, сын Нэкун-тайши, а Нэкун-тайши был дядей по отцу Чингиз-хана, Джамукэ из племени джаджират, племя баарин, Суэга и Тогорил из уруга Ноктэ-буула, Тагай-Кулакай... из племени мангут и Куту-Тэмур, эмир племени татар — все объединились и договорились о следующем: «Нападем врасплох на Он-хана, станем сами государями и не присоединимся ни к Он-хану, ни к Чингиз-хану и не будем на них обращать внимания». Слова их в «Тайной истории» переданы так: «Нападем врасплох на Ван-хана, станем сами государями и не присоединимся ни к Ван-хану, ни к Чингис-хану и не будем на них обращать внимания».

Как Чингис-хан реагировал на этот новый вызов, мы не знаем. Может быть, он и не успел что-либо предпринять, так как Ван-хан не медлил, он напал на новых союзников и «предал их разграблению».

Одержав эту победу, Ван-хан уверился лишний раз в своей силе и беспечно пировал у своего золотого шатра. Люди Чингиса донесли: «Ван-хан в совершенной беспечности пирует и веселится в золотом шатре. Двигаясь без остановки день и ночь, мы сможем накрыть его внезапным налетом». Предложение было заманчивым, шанс упускать не следовало. В этом и состояло отличие Чингис-хана от соперников. Когда надо, он действовал быстро и решительно. От недавнего смирения Чингиса перед «ханом и отцом» не осталось и следа. Не делая даже ночных остановок, войска Чингис-хана быстро достигли владений кереитов и окружили ставку Ван-хана, расположенную к югу от верховьев реки Керулен. Три дня и три ночи длился жестокий бой. Кереиты были наголову разбиты. Лишь чудом удалось Ван-хану и Сангуму прорваться сквозь кольцо осады и спастись бегством. «Кереитский народ» Чингис приказал «раздать во все концы», «всех вдоволь оделил он кереитскими пленницами», а себе взял Ибаха-беки, старшую дочь Ван-хана. «По таковом истреблении кереитского племени зазимовали в ту зиму на урочище Абчжая-колегери».

Если принять во внимание сообщение Рашид-ад-дина, то Чингис-хан перед нападением на Ван-хана прибег

к военной хитрости, послав к нему людей якобы от имени брата своего Хасара, который якобы выражал желание покориться Ван-хану. И Ваи-хан поверил послам, попался иа провокацню Чнигнса, радуясь мнимому расколу в его рядах.

Судьба Ваи-хаиа оказалась плачевной. Спасаясь от монголов Чнигиса, он и его сыи Сангум иатолкиулнсь иа иайманскнй караул. Сангуму удалось бежать, а Ван-хан был убит, иесмотря на его мольбы и уверення, что он зиатиый человек, хан кереитов. Наймаиский Таяи-хан приказал отсечь голову Ван-хаиа от тела и доставить в его ставку. По однпм сведеиням, ои повелел оправить голову Ваи-хана в серебро и «иекоторое время ои держал ее радн велнчня н почета, положивши иа свой трон» (Рашид-ад-дин). По другой версин, иаймаиы положнли голову Ван-хана иа белую кошму н стали совершать ей жертвопрнношення. Но во время жертвопрнношеиня голова якобы засмеялась, и тогда взбешеииый Таян-хан, который прннял это за иедоброе предзнаменованне (а тут еще не к добру залаяла собака), прнказал растоптать ее («Тайная история»).

Недолго прожнл н Сангум. Гоннмый, он должеи был покниуть пределы Моиголин и, по сведеиням Рашид-ад-дииа, через селеине Ишик-балагасун, в котором комментаторы вндят таигутский город Идзииа (Хара-Хото) ушел в пределы таигутского государства Сн Ся. Некоторое время Сангум, ие найдя поддержки у Тангутов, жнл грабежом, а затем был выдвореи таигутскнмн властямн в Восточный Туркестан (в пределы Хотана н Кашгара) и там убит однпм из местиых уйгурских правнтелей Клыч-Кара. Позднее, когда уйгуры подчинились Чнигнсу, Клыч-Кара передал ему жену и сыиа Сангума.

Итак, осенью 1203 г. Чиигис одержал победу иад кереитами, это была самая большая победа Темучжнна, ибо только с уничтожеиием государства кереитов он приобрел «свое собствеиное незавнснмое хаиское положение». И. Л. Гамбис и П. Рачневскнй склоняются к тому, что Чингнс-хаи не уничтожнл керентов столь же жестоко, как н татар. «Темучжин не уничтожил керентов, не поступил с нимн так, как он поступнл с татарами и тайчиутами»,— пншет П. Рачиевский. «Кереиты были расселеиы Темучжнном,— заключает Л. Гамбнс,— вместе с монгольскими племенами, чтобы лишнть нх политического единства, которое они сохраняли, по край-

ней мере, в течение трех поколеиий. Он пощадил их и не подверг широким репрессиям, и постепеино они смешались с монголами». Пожалуй, трудно абсолютно согласиться лишь с высказанным П. Рачиевским положением, что «в борьбе против кереитов Темучжин представлял национальные интересы монгольских народов». В тот момент, когда кереиты потерпели поражение, значительная часть монголов еще не шла за Чингис-ханом и не считала, что именно он представляет их интересы. Другое дело, что ситуация вновь резко изменилась и вопрос о том, с кем идти — с Чжамухой, Чингис-ханом или с теми, кто хотел стать представителями третьей силы в монгольской среде — встал еще острее, для многих этот выбор был выбором между жизнью и смертью.

Были еще найманы. Найманы были многочисленным народом, кочевавшим между Хангаем и Алтаем и в верховьях Иртыша. «Эти племена наймаиов и их государи были уважаемыми и сильными, они имели большое и хорошее войско, их обычаи и привычки были подобны монгольским» (Рашид-ад-дин). Неясно: были ли найманы монголоязычным народом или тюрками, есть версия о том, что это даже были киргизы. К 1204 г., когда назрел неизбежный конфликт между найманами и Чингис-ханом, силы найманов были ослаблены враждой между найманскими ханами — Таян-ханом и его братом Буюрук-ханом и между Таян-ханом и его сыном Кучлуком. Таян-хан носил титул Дай-вана (Великого вана, князя), полученный им от чжурчжэней, он и вошел в историю под своим титулом, а собственное его имя (судя по сведениям Рашид-ад-дина), было Байбука.

Найманы были одним из самых культурных племен, населявших территорию современной Монголии и Алтая. Среди них, как и среди кереитов, было распространено христианство несторианского толка. Соседствуя с уйгурами, они были близко знакомы с их культурой, найманы приспособили уйгурское письмо к своему языку, если полагать их монголоязычными народами, то они были первыми, кто сделал это. Может быть поэтому найманы свысока относились к монголам. Мать (а по сведениям Рашид-ад-дина жена) Таян-хана Гурбэсу, так отзывалась о монголах:

Костюм у монголов невзрачен на вид
От них же самих нестерпимо смердит.

Пожалуй, подальше от них. Пожалуй, что их бабы и девки годятся еще доить у нас коров и овец, если только отобрать из них которых получше да велеть им вымыть руки и иоги!»

Действительно, Гурбэсу была и женой и «матерью» Таян-хана одновременно. Оиа была женой Инанч-хана, отца Таян-хаиа, поэтому все же считалась его матерью. После смерти Иианч-хана, Таяи-хаи по монгольскому обычаю взял ее себе в жеиы и она стала его фактической женой. Этим объясняется и то большое влияние, которое имела Гурбэсу на Таян-хаиа.

После разгрома кереитов и гибели Ваи-хаиа Таяихан видел в Чиигисе своего главиого сопериика в борьбе за власть в монгольских степях, если только он в ней участвовал или желал участвовать. Наймаиы хоть и были в стороне, ио являлись врагами и явно мешали Чиигису, тем более, что с ними якшался Чжамуха. Сам Таян-хаи явио недооценивал своего врага:

— Сказывают, что в северной стороне есть какие-то там иичтожиые моиголишки и что будто бы они напугали великого государя Ван-хана и своим возмущеиием довели его до смерти. Уж не вздумал ли ои, Моигол, стать ханом? Разве для того существуют солнце и луна, чтобы и солнце и луна светили и сияли на иебе рядом? Так же и на земле. Как могут быть иа земле рядом два хаиа?

Эти слова, если оии достоверны, вряд ли могут быть приияты за свидетельство стремлеиия Таян-хана самому стать «владыкой степей». Они введеиы в «Тайную историю» для того, чтобы подчеркнуть величие Монгола, Чиигис-хаиа.

Столкновение Чиигис-хаиа с Таяи-ханом было неизбежным. Чжамуха, который по-прежиему хитрил и выжидал, иадеясь иа гибель Чингиса иа этот раз от руки Таян-хана (или Таяи-хана от руки Чингиса), примкнул к иайманам.

Говорят, Таяи-хан был не из храбрых людей, больше увлекался охотой, чем воиискими упражнеиияии и делами своего улуса, и потому он, думая начать войну, решил заручиться союзниками. Его послы прибыли к онгутам. Оигуты, тюрки и несториане, как пишет П. Рачневский, «были братьями по расе и вере наймаиов». Жили оигуты иа границах с Цзинь. По сведениям Рашид-ад-дина, это «был народ особый и только похож на монголов». Онгуты служили чжурчжэньским государям,

несли охрану границ Цзинь вдоль Великой китайской стены. «Тайная история» передает нам послание Таян-хана к онгутскому правителю Алахуш-Дигитхури, составленное хотя и в гротескной форме, но несомненно, отражающее недооценку найманским ханом сил Чингиса.

— Сказывают,— говорили послы Таян-хана онгутам,— что там на севере, есть какие-то ничтожные монголы. Будь же моей правой рукой. Я выступлю отсюда, и мы соединимся.

Алахуш был свидетелем того, как «ничтожные монголы» Чингиса истребили татар, разгромили кереитов. Он не только не хотел ссориться с Чингисом, а, как говорили, даже симпатизировал ему. Таян-хану он ответил, не объясняя причин: «Я не могу быть твоей правой рукой», а к Чингису отправил верных людей с такой вестью: «Найманский Таян-хан... присылал просить меня быть у него правой рукой, но я отказался. Теперь же посылаю тебя предупредить».

Эта весть застала Чингис-хана во время большой облавной охоты. Немедленно был созван совет. Мнение большинства было выражено в словах Бельгутая: «Найманы хвастают, уповая на то, что улус их велик и многолюден... Как можно усидеть при подобных надменных речах их? На коней, не медля!»

Чингиз-хан согласился на немедленный поход против Таян-хана. Но он серьезно готовился к войне и перед походом реорганизовал управление войсками и улусом.

Реформы 1204 г. описаны в «Тайной истории»: «Понравилось это слово Бельгутая Чингис-хану. Остановив охоту, он выступил из Абчжикельтегей-хада. Произвели подсчет своих сил. Тут он составил тысячи и поставил нойонов, командующих тысячами, сотнями и десятками. Тут же поставил он чербиев. Всего поставил шесть чербиев, а именно: Додай-черби, Дохолу-черби, Оголе-черби, Толун-черби, Бучаран-черби и Сюйкету-черби. Закончив составление тысяч, сотен и десятков, тут же стал он отбирать для себя в дежурную стражу, кешиктенов; 80 человек кебтеулов — ночной охраны, и 70 человек турхаудов,— дневной гвардейской стражи. В этот отряд по выбору зачислялись самые способные и видные наружностью сыновья и младшие братья нойонов, тысячников и сотников, а также сыновья людей свободного состояния... Затем была отобрана тысяча богатырей, которыми он милостивейше повелел командовать Архай-

Хасару и в дни битв сражаться перед его очами, а в обычное время состоять при нем турхауд-кешиктеиами. Семьюдесятью турхаудами повелеио управлять Оголе-чербию, по общему совету с Хулдус-Халчаиом». Таким образом, реформа свелась к следующим мероприятиям:

1. Была реоргаиизоваиа армия, введеиа дециманьиая система десятков, сотеи и тысяч. Реформа эта, возможио, косиулась ие только армии, но и всего иаселеиия улуса, поскольку в источнике сказаио: «составил тысячи». Не исключеио, что все населеиие улуса одиовремеиио было разделеио иа десятки, сотии и тысячи, такие группы иаселеиия, которые были обязаиы выставить соответствующее количество воиков с полиым сиаряжеиием. Это была древияя система Цеитральиой Азии, известиая еще с гуиов.

2. Была введеиа должиость черби. Черби, «состоящие иа службе», управляли людьми и хозяйством улуса. Оии ведали «кравчими, привратиками, коиюшими» и т. п. и личной гвардией хаиа.

3. Была отобраиа тысяча гвардейцев хаиа, призваиных сражаться «пред его очами» и создаиа его личиая гвардейская охраиа из 150 гвардейцев, которые делились иа 80 чел. иочиой и 70 человек диевной стражи. Люди иесли трое суток иочиую, а затем трое суток диевиую службу. Срок дежурства определялся светлым днем и временем иочи. В гвардию шли дети и младшие братья иойоиов и должиостиых лиц тысячиików и сотников. Трудиость представляет то поиятие, которое С. А. Козии перевел «люди свободиого состояиия». П. Рачиевский полагает, что речь идет о иаселеиии улуса, равиой по социальному статусу китайским «бай син», «простым людям», ие состоящим иа официальиой службе. В новом кратком переводе «Тайиой истории» иа китайский язык одиако подчеркивается, что моигольский термии делает упор иа то, что иа службу в гвардию брали сыиовей имеиио личио свободиых людей, «ие имеющих чиса и должности рабовладельцев», чем явио уже допускается перекос в другую сторою. Мероприятия эти, возможио, скорее дополияли то, что было сделаио при сформироваиии первого улуса Чиигис-хаиа, оии приводили в порядок улус после того, как он сильио пострадал от удара кереитов.

В начале лета 1204 г. войско Чиигиса — около 45 тыс. всадников — выступило в поход на наймаиов. Пе-

ред походом было совершено жертвоприношение знамени, в котором, по поверьям монголов, обитал дух — хранитель войска сульде. Армия Чингиса двигалась вверх по реке Керулену. Столкнувшись с первыми найманскими караулами, монголы решили перед большим сражением подкормить коней и напугать найманов хитростью — ночь каждому воину жечь по пять костров в разных местах. Темной, звездной ночью заполыхала степь заревом огней, и найманам со страху почудилось, что армия Чингис-хана заполнила всю степь, ибо в стане монголов «огней было больше, чем звезд на небе». Была применена, судя по «Юань ши» и такая хитрость — перед сражением монголы загнали в лагерь Таяи-хана тощую лошадь. Таян-хану показали ее. Излагая войскам план сражения, Таяи-хан, в частности сказал: «Монгольские лошади отощали, как эта. Заманим их поглубже, а затем начнем сражение и захватим их».

Таян-хан поджидал Чингиса со своим войском на реке Алтай в Хангае. С ним вместе был Чжамуха и в эти дни еще очень многие. В «Юань ши» названы меркиты, кереиты, ойраты, дэрбэн, хатачины, татары. Когда осторожный Таяи-хан предложил было в начале не принимать сражения, а отступить за алтайские горы, «заманить Чингиса поглубже», увлекая за собой монголов, его сын Кучлук обвинил отца в трусости. Доказывая, что армия у Чингиса невелика, он ссылался на тот очевидный факт, что большинство монголов здесь, с Чжамухой, в лагере Таян-хана.

— Эта баба Таян разглагольствует так из трусости. Откуда у него (Чингиса) появилось множество монголов? Ведь большинство моиголов с Чжамухой вот здесь, у нас!

И хотя Кучлук-хан не совсем ясно представлял себе, сколько моиголов идет за Чингисом, а сколько за Чжамухой, но совершенно очевидно, что в эти летние дни 1204 г. немало монголов выступали еще против будущего властелиина степей, не осознавая, какая им-то будет польза от объединения Монголии.

Кучлук и приближенные Таян-хана отговорили его от прежнего решения, подсказанного разумной осторожностью:

— Сойтись-то мы сойдемся, а вот легко ли разойдемся? — возражал Таян-хан на наглые слова Кучлука. Но Кучлук и его единомышленники вынудили Таян-ха-

на прииять бой с Чиигисом. Наймаиская армия двииулась вдоль реки Тамир и переправилась через Орхои к восточиым склоиам горы Наху. По сведеииям Рашид-ад-дииа, Чиигис «сам личио устаиавливал войско» и «пошел в передовом отряде» («Тайиая история»). Моиголы смяли и погиали иаймаиские передовые караулы. Особеиио храбро бились батыры Хубилай, Чжебе, Чжельме и Субетай. Чжамуха, иаходясь в стаие Таяи-хаиа, и хотел разгрома Чиигиса, и боялся его. Еще сильиее желал бы ои разгрома наймаиов, а потом в своей, родной, моигольской среде устраиеиия Чиигис-хаиа от власти и захвата ее в свои руки. Поэтому на вопрос Таяи-хаиа об этих храбрых иукерах Чиигиса: «Что это за люди?»— ответил:

— Мой аида Темучжии собирался откормить человеческим мясом четырех псов и привязать их иа железиую цепь. Должно быть, это они и подлетают, гоня перед собой иаш караул.

— Ну так подальше,— сказал трусоватый Таяи-хаи,— подальше от этих презреииых тварей! — И приказал переиести свою ставку повыше в горы.

Судя по «Тайиой истории» четырежды так запугивал Чжамуха Таян-хаиа, пока тот ие оказался иа самой вершиие горы, а потом, видя, что наймаиы неминуемо потерпят поражение, покииул их. По рассказу Рашид-ад-дииа, «как только Чжамуха-сечеи издали увидел боевой порядок войск Чиигис-хаиа, ои обериулся к своим иукерам и сказал: «Знайте, что приемы и боевой порядок войск моего побратима стали иными! Племя наймаи ие оставит иикому другому даже кожу с иог быков, а от иих иикому ие достаиется прибыли!» Умел Чжамуха мудреио выражаться, так, что действительио сразу ие поймешь, что и сказать ои желает. Важио действие. «Закоичив эту речь, ои отделился от них, выехал вои из рядов и ускакал с поля битвы». Чжамуха ие только предательски бросил иаймаиов в разгар битвы, ио и сообщил Чиигису, что войска наймаиов расстроеиы, а Таян-хаи напугаи и не уверен в исходе сражеиия.

Рашид-ад-дин характеризует Таян-хаиа иесколько иначе. Таяи-хаи был человеком осторожиым, ио мужественииым. В критический момеит ои личио стойко бился с моиголами, «получил миожество тяжких раи» и только после того укрылся со своими иукерами иа вершиие крутой горы Наху-гун. Наймаиские воиины предпочли смерть

позорному поражению, «они спустилнсь с этого косогора и жестоко сражалнсь, пока не были все перебиты». Некоторые ночью пыталнсь прорваться через скалы, но погнбли в горах; «срываясь и соскальзывая с нахугунских высот, они стали давить и колоть друг друга насмерть... трещали ломаясь костн, словно сухие сучья». Удалось уйти лишь Кучлуку с небольшим отрядом. Таян-хан погиб. Разгромленные найманы в состоянии полного расстройства» стали добычей Чингиса и его нукеров. Гурбесу доставили к Чингнсу.

— Не ты ли говорила, что от монголов дурно пахнет? Чего же теперь явилась? — сказал он ей и взял ее себе в наложницы.

Итак, Чингнс-хан, разгромив найманский улус, стал повелителем практнчески всей Монголии. Были еще врагн — Кучлук, бежавший к своему дяде Буюруку на Алтай, меркиты, часть которых не имея возможности возвратиться в родные земли, утвердилась на западе, ойраты, жившне к западу от Байкала, это были Чжамуха, Алтан и Хучар. Чингнс-хан, который полагал, что «для врагов государства нет лучшего места, чем могила» (Рашид-ад-дин), н действовал соответственно. Развивая успех, он той же осенью совершил поход против меркитов и «меркитский народ был покорен», хотя и неокончательно. Сам Тохтоа-беки, правитель меркнтов, бежал, соединнлся с Кучлуком и отсижнвался в долинах Иртыша за Алтаем. С меркитами были добиты и остатки тех, кто не хотел установления властн Чнигнс-хана в Монголии или потерпел от него поражение и искал спасенння у меркитов.

Зиму 1204—1205 гг. Чингис провел на южных склонах Алтая, а весной войска его перевалнли через горы и в районе реки Бухтармы напалн на Тохтоа и Кучлука. Тохтоа-беки погиб в бою, а большая часть его войска н найманов Кучлука, преследуемых монголамн, потонули при переправе через Иртыш. После второго поражения Кучлук со своими людьмн н многими недовольнымн воцарением Чнигиса в Монголнн через земли уйгуров ушел к кара-кнтаям на реку Чу. Сыновья Тохтоа-бекн со своими меркнтами, захватнв с собой отрубленную голову оставленного на поле боя отца, бежалн к кнпчакам, в казахскне степи. Преследовать нх был послан Субетай. По сведениям Рашид-ад-дина эти события имели место не в 1205, а в 1208 г.

Пораженне Таян-хана, Кучлука, Тохтоа-беки пред-

реклн н немннуемую гибель Чжамухн. Чжамуха просчитался. Сразу же после разгрома найманов большннство бывшнх с ним монголов, а также представителей других племен Монголии приняли сторону сильного и оказались у Чингис-хана. Когда погиб Чжамуха неизвестно. Это случилось нли в конце 1205 г. или в 1207 г. По «Тайной историн» это произошло в конце 1205 г. «Тайная история» дает чнтателю версию, которую П.Рачневский справедлнво полагает «романтизированною». Чжамуха лншнлся своего народа н с пятью товарнщами скнтался по стране. На горе Танлу они убили дикого барана и зажарили его мясо. Во время еды «Чжамуха и говорит своим сотоварищам: «Чьи и чьи сыновья, какнх родителей сыновья кормятся теперь вот так охотой за днкими баранамн». Тогда пять спутников Чжамухн, тут же за едой, наложили на него рукн н потащилн к Чнигис-хану. Когда нукеры Чжамухи притащили его к Чингис-хану, Чжамуха якобы заявнл последнему:

Собралася галка
Загадала черная
Селезня словить.
Вздумал простолюдин,
Чернокостный раб,
На его владыку
Руку подымать.
Друг мой, государь мой,
Чем же наградишь?»

Намек был моментально понят. «Чингис-хан изволил ответить: «Мыслимо лн оставнть в жнвых тех людей, которые подняли руку на своего природного хана? И кому нужна дружба подобных людей?» И тотчас же повелел: «Аратов, поднявших руку на своего хана, нстребить даже до семени их!» И тут же на глазах у Чжамухи предал казни посягнувших на него аратов».

Следуя версни «Тайной нстории», можно думать, что Чнигнс-хан хотел оставить Чжамуху в живых, он предлагает ему старую дружбу: «Вот и сошлнсь мы. Так будем друзьямн», отмечает его заслуги в разгроме кереитов и найманов («Ты мне Ван-хановы речи сполна передал, сил расстановку раскрыл мне». «Помнншь, как образно ты извещал, наймана словом своим уморнл я, насмерть его своим ртом напугал»). В ответ Чжамуха, вспоминая старую дружбу, тем не менее, полагает себя другом недостойным («Я н в дни дружбы не смог все же как должно сдружиться»), как же сдружиться теперь, когда:

Ханский престол присудили тебе.
Что тебе иные от дружбы моей —
Мир пред тобою склонился!

Вошью я стаиу иа шее твоей, колючкой в подкладке»,— говорит Чжамуха, трезво оценивая происходящее, и просит лишь об одиом, казнить его «без пролития» крови. Кровь полагалась местом иахождеиия души. Если казинть без пролития крови, то душа остаиется защитницей, оберегателем рода. Чингис-хан поломался для виду, что вот «мог бы человек исправиться, да не хочет», потом прнказал подыскать причину для казни, казнить Чжамуху без пролития крови, а прах его предать достойному погребению. «Тогда предали смертн Чжамуху» и погреблн его прах, «подиялн кости его».

Версия Рашнд-ад-дина, которую он сообщает в разделе «О тюркских племенах, прозываемых монголами», в опнсании племени джуръят. Чжамуха был не с пятью нукерамн, а с родией и отрядом нукеров, в котором было ие меиее 60 человек. Это, кажется, правдивее. Чжамуха, выданный Чиигнс-хану, также иамекнул иа то, что те, кто предал одного своего господина, не будут верно служить и другому и Чнигис-хан приказал, чтобы от той группы людей, которые являлись его родственииками и двоюродными братьями и были в числе шестидесяти человек, отделилн тридцать его нукеров, которые схватили его, и всех казнили. Другие же тридцать человек подчинились и стали послушны ему. Предводитель их Улуг-бахадур стал большим и уважаемым человеком н оказал похвальные услугн.

Так как Чингис-хан иазывал Чжамуху анда (побратимом), то он не пожелал его убить и подарил его своему двоюродному брату Элджидай-нойоиу, которого он любил, с нукерамн и со всем его домом и имуществом. Элджндай спустя несколько дней умертвил его. Утверждают, что Элджидай приказал отделить его члены друг от друга по одному. Чжамуха сказал: «Право прнадлежнт вам! У меия была мысль, что я обрету помощь неба н разрублю вас на частн. Так как поддержка неба оказалась на вашей стороне, быстрей разрубите меня на частн!» И ои нх торопил и показывал им свои суставы, говоря: «Режьте здесь!» «И совершенно ие боялся». Пожалуй, все это больше похоже на правду. Чжамуха был подвергнут жестокой казни, известной еще кидаиям и нменовавшейся линьчи.

Так завершнлось это смутное время, время страшиое

для монгольских степей, когда, по словам одного из приближенных Чингиса, Коко-Цаса, который позднее вспоминал эти годы, «звездное небо поворачивалось — была всенародная распря. В постель свою не ложились — все друг друга грабили. Вся поверхность земли содрогалась — всесветная брань шла. Не прилечь под свое одеяло — до того шла общая вражда». Это была борьба ханов и борьба этносов — монгольского, кереитского, найманского, меркитского за преобладание в Монголии. Завершился политический процесс вытеснения из Монголии тюркских этносов и монголизации страны. Отныне Чингис не имел больше могучих соперников на всем пространстве монгольских степей — одни были перебиты, другие загнаны за Алтай, в кипчакскую степь, в просторы современного Казахстана, ушли далеко на север, в глухие таежные леса Сибири. Необъятные просторы — степи, горы, леса — оказались под властью племени монголов и уже убеленного сединами Чингис-хана. Отныне эта земля получит имя победителей и станет именоваться Монголией, а населяющие ее народы будут забывать свои племенные названия и именоваться монголами. Объединение следовало оформить и сделать все законным порядком, для этого был призван всемонгольский съезд знати.

ВЕЛИКИЙ КУРИЛТАЙ

Из-за кругов небес незримых
Дракон явил свое чело,—
И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло

В. С. Соловьев

Весной 1206 г. у истоков реки Онон собрался великий курилтай — съезд ханов и нойонов со всех концов объединенной Монголии, старых и новых сторонников Чингис-хана. Над собравшимися реяло белое священное знамя с девятью хвостами, обитель покровителя монгольских воинов духа сульдэ. Одним из первых своих решений курилтай провозгласил Темучжина-Чингиса правителем Монголии, «нарекли ханом Чингис-хана», или «сделали его императором», как сказано в китайском переводе «Тайной истории». Одновременно курилтай закрепил за Темучжином титул Чингис-хан. В «Юань

ши» рассказывается: «Император собрал на большой съезд всех ванов и сановников. Поставил девятихвостое белое знамя и взошел на императорский престол у истоков реки Онон. Все ваны и сановники сообща преподнесли ему титул императора Чингиса.

Текст «Юань ши» очень близок тексту «Тайной истории»: «Когда он направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами, то в год Барса (1206) составился сейм, и собрались у истоков реки Онон. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом Чингис-хана». Рашид-ад-дин как раз упоминает об утверждении титула Чингис-хан, который был у Темучжина уже раиее: «Когда благополучно и счастливо наступил год, являющийся годом барса, начинающийся с раджаба 602 г. х. (февраль-март 1206 г. н. э.) в начале весенней поры Чингис-хаи приказал водрузить белый девятиножный бунчук и устроил с (присутствием) собрания (полного) величия курилтай. На этом курилтае за ним утвердили великое звание «Чингиз-хан», и он счастливо воссел на престол. Утвердившим это звание был Кокэчу, сын Мунлик-бекн-эчигэ из племени конкотан, его звали Теб-Тенгри». Между тремя основными источниками есть такие различия: по «Юань ши» и Рашид-ад-дину курилтай собрал сам Чингис-хан лично. По «Юань ши» титул «Чингис-хан» преподнесли Темучжину «ваны и сановники», по «Тайной истории» — собравшиеся на курилтай: «составился сейм и собрались у истоков реки Онон», «нарекли ханом Чингис-хана». Рашид-ад-дин сообщает, что титул «чингис-хан» «утвердил» за Темучжином-Чингис-хаиом шаман Кокчу. По «Юань ши» получается, что титул преподнесли впервые, по Рашид-ад-дину — вторично, кстати, то же самое и по «Тайной истории» — «нарекли ханом Чингис-хаиа», т. е. титул уже был и, возможно, его даже особо не подтверждали. Регалиями власти было белое девятихвостое знамя, «большое совершенно белое знамя» (Чжао Хун). У Мухали, объявленного на курилтае го ваном, князем государства, тоже было белое знамя с девятью хвостами, но на нем, в отличие от знамени Чингис-хана, имелось черное изображение луны. Чингис имел зонт, не от дождя, а как символ императорской власти, который был или красным или желтым (красный — официальный цвет правившей в то время в Китае династии Сун), Чингис восседал на троне, который был, «как сидение у проповедника буддийского монастыря», трон был «украшен

головами драконов, обложенных золотом». Это тоже была китайская символика высшей снлы и властн. Трон Мухали в отличне от трона Чннгнс-хана был украшен серебром. Седло н конскую сбрую Чннгнс-хана украшали золотые фигуркн свернувшнхся драконов. Число 9— чнсло хвостов на нмператорском знамени — почнталось у монголов священным. Золото на троне н рнтуальном убранстве Чннгнс-хана, серебро на соответствующнх предметах у Мухали, думается, нмелнсь изначально, с 1206 г. Позже иноземные авторы не раз подчеркнвали у монголов обнлне драгоценных металлов, как уднвлялся Лн Снньчуань, «нахватали столько, а не прекращали собнрать», уже после того, как монголы ограбнлн всех свонх соседей, монгольская знать нз серебра делала ясли для лошадей, а нз золота — кувшины для внна.

Наставляемый Вечным Небом, даровавшнм ему ханский престол, Чннгнс на курнлтае был занят земнымн деламн — совершенствовал военно-адмнннстратнвное устройство улуса монголов, разросшегося теперь до размеров государства татаро-монголов. Господствующий класс средневекового татаро-монгольского общества — нойонство, выдвннувшее, поддержавшее и посаднвшее Чннгнса на ханскнй престол, вместе с родом самого Чннгнса должно было первым нзвлечь все выгоды в новом государстве. Чингнс, нмператор, по традицнонным представленням тех областей, «государь, обращенный лнцом к югу», т. е. к солнцу, разделнл армню н управленне страной на трн части: два «крыла» — правое барунгар, во главе с Боорчу, темнником правой рукн,— западное, простнравшееся до Алтая; левое, джунгар, во главе с Мухалн, темнником левой руки, восточное, простиравшееся до Большого Хингана; и центр, во главе с Наяа, темнником центра. В «Юань шн» в бнографнн Мухалн мы чнтаем: «Тай-цзу взошел на нмператорский трон. Перво-наперво он прнказал Мухали н Боорчу стать левым н правым темнником. Благодушно сказал: «В государстве жнвет много снлы, усмнренной вамн. Вы н я, как оглоблн одной телегн, как плечн одного тела. Вы непременно должны быть как одно тело, только тогда не загубнте первоначальное намерение». Это было традицнонное устройство управленння государством, нзвестное еще со времен гуннов.

Монголня была поделена на 95 военно-административных районов, которые были обязаны выставлять тысячу воннов (на деле около того нлн более) во главе с

нойоном тысячннком. Тысячники, а также сотникн получали от хаиа «хуби» — возиаграждение за службу. Звание и должиость сотника, тысячиика, темиика были наследствеиными. Назначая тысячннком, Чингис-хан заявил:

— Я хочу высказать свое благоволеиие и пожаловать нойоиами-тысячииками над составляемыми тысячамн тех людей, которые потруднлись вместе со мною в созидаиии государства!

Таким образом, опорой новой власти стали люди, которые так нли ниаче способствовали победе Чиигиса, нойоны, социальная верхушка татаро-монгольского общества, сородичи Чингнса, чьн интересы он представлял. И действнтельно, в числе тысячников, перечислеиных в «Тайной историн» мы иаходим Мунлика, Боорчу, Мухали, Хорчи, Хубилая, Чжелме, Борохула, Шиги-Хутухту, Сорхан-Шира, Коко-Цоса, Наяа, Чжебе, Субетая и т. д. В тысячах наименьшей группой военно-адмиинстративной системы была группа семей (аилов), обязаиная выставлять десять воинов. Полагают, что численность монголов при жизии Чингис-хана составляла 1 млн. человек.

В отдельиое управлеиие были выделеиы областн севера, иаселеиные «лесными иародами». Управлять ими был поставлен сподвижник Чингиса Хорчи. Все завоеваиные и добровольно покорившиеся племена, распределеиные отиыне по воеино-адмииистративному принципу, «по тысячам» были прнкреплены к месту своего прожнвання н лишены свободы передвижеиия. Упоминаиие об этом важном факте в «Тайной истории» относится только к «лесным иародам»: «Без разрешения Хорчн лесные иароды не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов — иечего задумываться!» Однако вряд ли этот приказ относнлся только к «лесным народам». За иими было трудиее уследнть, возможно поэтому при рассказе о них н иазначеиии Хорчи это общее для всех правило было упомянуто особо. Оно вошло в «Ясу» (Собраиие законов), который, вероятио, первоначально был введен еще во время реформ 1203 г. «Яса» ие являлась систематизироваиным сводом закоиов, она включала ярлыкн (приказы), ясак (законы), билик (поучеиия). «Яса» не сохранилась до иаших дней и известна лишь в пересказах. В одном из параграфов «Ясы», в частностн, говорилось: «Кто переменит свой пост, того предавать

смерти». В «Истории Монгольской Народной республики» отмечается: «Согласно «Ясе» Чингис-хана аратам запрещалось самовольно переходить из одного десятка в другой, из одной сотни в другую, что фактически означало прикрепленне их к земле нойонов-тысячников, сотников и т. д.».

Прикрепление непосредственных производителей к к месту и средствам производства составляло в средневековом монгольском обществе основу их эксплуатации. Еще Г. Рубрук отмечал, что Чнигис «издал такое постановление, что ни один человек не свободен от службы пока он не настолько стар, что больше не может ннкоим образом работать». Распределение населения между тысячниками и сотниками заносилось в особые книги: «Пусть записывают,— повелел Чингис,— в синюю роспись «Коко-Дебте-Бичик», связывая затем в книги, росписи по развертыванию на части всеязычных подданых». Помимо того, в «синие тетради» записывали также судебные решения». В «Юань ши» сообщается: «В начальный период существования государства еще не было штата чиновников. Во главе (администрации) стоял судья (дуаньшигуань), который звался джаргучн. Он решал все дела государства», в другом месте говорится, что джаргучи «был ответственен за гражданские и уголовные дела». И. де Рахевильц правильно полагает, что это «упрощение». Государство Чингис-хана знало, по крайней мере, 16 служб. Это были службы «экономические» — пастухи овец, пастухи верблюдов, ведавшие табунами коней, ведавшие повозками и перекочевками; службы двора... стольники, виночерпии, музыканты, охранявшие стены и ворота, люди, ведавшие гардеробом хана; военно-полицейская служба: лучники, сабельникн, ловящие воров. Сокольничьи представляли ведомство ханской охоты.

Его секретариат включал составителей указов и распоряжений, писцов секретарей, переводчнков. Делопроизводство велось на уйгурском письме, приспособленном для монгольского языка. По имеющимся сведенням, это письмо было введено при содействии уйгура Тататунга, бывшего хранителя печати найманского Таян-хана.

По данным «Юань ши» Тататунга был «уйгур», умный, хорошо владел словом, глубоко познал письменность своего государства. Найманский Таян-хан почитал его, вручил ему свою золотую печать, а также день-

ги и зерно. Тай-цзу выступил в поход на запад. Государство найманов погибло. Тататунга, спрятав печать, бежал. Через некоторое время его поймали. Тай-цзу допрашивал его, спросил: «Люди и земля Таян-хана, все вернулось ко мне. Ты зачем носишь печать?» Ответил: «Я служу. Хотел до смерти сберечь и спасти то, что получил от покойного государя. Разве я осмелюсь иметь другого?» Император сказал: «Верный и почтительный человек!». Спросил: «А как пользоваться этой печатью?» Ответил: «(Печать) используется во всех делах — для удостоверения выдачи денег, зерна, при назначении людей». Император одобрил это. Приказал окружающим (сановникам) после этого начать использовать печать каждый раз, когда издаются указы. И тогда же приказал иметь их (печати). Император сказал: «Ты хорошо знаешь письменность своего государства?» Тататунга выложил все, что скрывал как тайное. После этого приказали ему обучить всех ванов и использовать уйгурское письмо для записи языка государства». Это было в 1204 г.

Тамура Дзицудзо полагает, что письмо могло быть введено ранее, в 1189 г., или в 1204 г. или в 1206 г. Н. Ц. Мункуев принимал дату пленения Тататунги — 1204 г. Монгольский исследователь Далай Чууны настаивает на том, что монголы пользовались уйгурским письмом еще до пленения Тататунга. «Согласно «Юань ши»,— пишет он,— Чингисхан в 1204 г. узнал от пленного им визиря найманского Таян-хана — Тататунга, несшего ханскую печать, для чего применяется этот предмет с какими-то письменами, и начал употреблять такую же печать для скрепления государственных бумаг, а затем поручил тому же Тататунга обучить его детей и ноянов-родственников уйгурскому письму. Большинство иностранных ученых, опираясь на это неясное сообщение, без достаточных доказательств считают, что монголы переняли уйгурскую письменность в начале XIII в. Однако, вероятнее всего, уйгурский алфавит, который издавна употреблялся в некоторых монгольских племенах, при Чингис-хане получил распространение по всей Монголии и стал официальным письмом единого монгольского государства». Спор, к сожалению, достаточно беспочвенный, пока не найдены тексты на монгольском языке уйгурским письмом, скажем, 80-х — 90-х гг. XII в. Конечно, странно, чтобы Чингис-хан не мог знать о печатях и их употреблении, многое проти-

воречит такому представлеиию, но приходится пока считаться с фактами. Чжао Хун сообщал, что «при первом возникиовении государства иыиешиих татар, у иих совсем ие было письмеиных докумеитов. Во всех случаях, когда рассылались приказы, отправлялись послы (при этом), вырезались только метки [...] чтобы запомнить их. Послы ие смелн прибавить или убавить хотя бы одно слово... В документах, примеияемых ими самими (в сношеииях) с другими государствами, до сих пор во всех случаях употребляется уйгурская письмеииость [...] Но ныие за последние два года в сиошеиияхс государством Цзииь (у татар) употребляется китайская письменность, так как чииовиики государства Цзинь, которые бежали, измеиив (своему государству) и сдались татарам, желали быть взятыми ими иа службу, не имея пристанища, и начали обучать их составлению докумеитов».

Факт обучеиия письму от уйгур подтверждает Джувэйни: «А так как татары ие имели собствениой письменности, ои (Чингис-хаи) отдал приказ о том, что монгольские дети должиы были учиться письму от уйгуров». Акад. В. В. Бартольд отмечал, что «Чингис-хаи отдал предпочтение уйгурской цивилизации, очевидно, потому, что оиа была ближе всего кочевиикам; среди уйгуров было миого остатков кочевых преданий и степиых обычаев».

Четыре кулюка Чиигиса, четыре его вериых иукера были поставлеиы комаидовать гвардией. «Тай-цзу приказал им, передавая эту власть по иаследству, комаидовать четырьмя цесе (кешик)». Этими четырьмя комаидующими гвардией стали Борху, Боорчу, Мухали и Чилауи. Мы уже отмечали, что гвардия набиралась из числа «сыиовей и младших братьев» тысячиików и сотиików. Служа при дворе хана, они одиовремеино стаиовились и заложниками, детьми местиых правителей при особе хана. Все основиые должности в аппарате управления монгольского государства заиимали гвардейцы кешиктеиы. Автор полиостью разделяет миеиие проф. Сяо Цициа, что кешиктены, гвардия хаиа были «ядром оригииальиого государствениого аппарата монголов».

Местиая власть была представлеиа темниками, тысячииками, сотииками, десятскими. «Не было человека,— сообщал Ата Малик Джувейии,— который был вне сотии, тысячи или тьмы, к которой он был припнсаи, или бы искал где-либо убежища. Каждая тысяча

имела свон пастбища (нунтуг) н источннкн воды (усун). Произошел процесс перераспределения частн земель, если ие большиества их, удобных пастбищ по преимуществу. «Сущность феодальной собственностн иа землю,— пишет Г. А. Федоров-Давыдов,— это в первую очередь власть над людьми, живущими и работающими на ней. Система социального устройства монголов при Чингис-хане была основана на подчинении массы кочевинков поставлениому над ними нойону-военачальнику. Военно-административное членение степи, введенное моиголами, оформило этот процесс перераспределения земли».

Такнм образом, тысячники нсполняли административные — управленне вверенным населением, хозяйственные — ведеиие пастбищами, перекочевками, фискальные — сбор налогов, военные — отправка на службу определенного числа воииов, функцин. Возможно, они были также и судьями на местах. Проф. Сяо Цицин особо подчеркнвает, что по моигольской системе десятки, сотни, тысячи н тьмы «являлись ие только воинскими соединеннями, но и гражданскнмн, административными подразделеинямн, т. е. десятский, не только командовал десятью солдатами, но н одновременно был адмииистратором, ведавшнм их семьями».

Родственникам Чиигиса были розданы в управление уделы (хуби). Чингнс, выделяя уделы, «дал 10000 юрт матерн совместно с Отчнгиием (дядей по отцу Чингиса — Е. К.), сыновьям: Чжочи — 9000 юрт, Чаадаю — 8000, Огодою — 5000, Тулую — 5000, брату Хасару — 4000, Ачидаю — 2000 н Бельгутаю —1500 юрт». Ко всем сороднчам были приставлеиы нойоны, функцин которых малоизвестны. Например, нойон Коко-Цос, приставленный к Чагатаю, человеку «крутому н скрытному характером» должеи был «вместе с ним обсуждать задуманное». Судя по этому примеру, родственники явно былн под наблюдением, если не коитролем. Как полагал акад. Б. Я. Владимирцов, «выделенне уделов основывалось на том прииципе, что государство (улус-ирген) являлось достояиием всего рода того лица, которое создало державу и стало хаиом. Так же, как род и его ответвлеиия владеют определенной территорией, на которой совместно кочуют члены его урухи н владеют людьми, которые являются его потомственнымн крепостиыми вассалами... совершеино так же род является владельцем народа — государства (улус), прожнвающего на опреде-

ленной территории... Происходит, следовательно, перенесение понятий родовой собственности на более широкую область народа-государства».

Эта теория и сейчас в каких-то своих аспектах заслуживает внимания, хотя и противоречит главной идее власти — избранности не рода, а хана, данного лица Вечным синим Небом и Землей на ханство. Приход Чингис-хана к власти пронизан этой идеей избранности, в крайних своих проявлениях связанной с представлением о том, что Небо, высшие силы вручили ему не только Монголию, но весь доступный (видимый, известный) мир. Родственники Чиигиса получили «хуби» так же, как и заслуженные нукеры Чингиса. И в том и в другом случае выдача хуби сопровождалась выдачей документа на право иметь хуби (ярлыком) и символа власти (дщицы) — гереге. Те, кто не только имел с хуби доход, но и осуществлял управление и контроль, получали печати (тамги). «Удел-хуби состоял из двух частей: из определенного количества кочевых семейств (улус) и из достаточного для их содержания пространства пастбищных и охотничьих угодий (нутуг)» (Б. Я. Владимирцов). Руководство распределением уделов было поручено Шиги-Хутухту, подросшему пленному татарскому мальчику.

Сколько-нибудь точных сведений о налогах и повинностях в монгольском обществе XII — начале XIII века иет. Но факт существования налогов, повинностей явствует из наличия института дархатства. Так, за свои заслуги по освобождению Темучжина из тайчиутского плеиа получил права дархатства в своих кочевьях на Селенге Сорхаи-Шира. Если бы к 1206 г. не существовало хорошо всем известного института дархатства, то от каких бы повинностей освободил бы Чингис Сорхан-Шира? Очевидной повинностью тысяч было снаряжение на службу хану кешиктенов: «В том размере, в каком нами устаиовлеио, надлежит снабжать на местах по разверстке отправляющихся на службу сыновей нойонов-тысячиików вне всякой зависимости от того, какую кто наследственную долю получил от отца своего или от того имущества и людей, какие кто из них приобрел собственным трудом. По этому же правилу, т. е. независимо от принадлежащего им лично имущества, подлежат сиабжеиию по разверстке также и сыновья нойонов-сотников и лиц свободного состояния, отправляющиеся на службу в сопровождении трех товарищей».

Реформы 1206 г. наиесли удар по родоплемеииым узам. Представители разиых племен оказались в одних тысячах и сотиях, соединеиные между собой службой или проживаннем в одиой местиости, смешеиием своим положив иачало еднной моигольскоп иародности. «Смешеиие родов, поколений и племен моигольских при образованин «тысяч», этих осиовных еднниц в здаиии империи Чингис-хаиа,— пнсал Б. Я. Владимирцов,— имело очеиь важные последствня для родового строя... распределеине по «тысячам»; распределенне улусов знаменовало распыленне целого ряда больших древиемонгольских племеи, иапример, татар, меркит, джаджират, найман, кереит, остатки которых в большинстве случаев оказались разбросанными по разным улусам н улусам — тысячам».

По всей Моиголии по кнтайскому образцу, используемому в то время в соседиих с Монголией государствах чжурчжэией н тангутов, учреждалась почтовая ямская служба. Для обслуживання каждого яма (от китайского «чжань» — «почтовая станция») было выделено точное число лошадей н людей. Все ямы распределялись между тьмами и каждые две тысячи должиы были содержать однн ям. Между прочнм, и кнтайские источиики, описывающие почтовую службу при киданях, чжурчжэиях, полны свидетельствами большой тяготы ее для окрестиого иаселеиия и яркими свидетельствами злоупотреблеиий. Это касалось гонцов с пайцзами, послов, проезжающих по казеиной надобности. Тангутские закоиы подробио регламентировалн меры наказаиий за такие злоупотреблеиия. О монгольских делах, Рашид-ад-дин сообщает, что проезжающие зиатные лица «избивали, вешали н обнжалн иарод». «Со всех мест оии брали путевого довольствня во миого раз больше, чем требовалн дорога и ясак». Прн зиатном проезжающем могло быть 200—300, а то н 500—1000 человек». «Поскольку вес н значение гонцам прндавала толпа провожатых, то онн старались, чтобы вокруг них собиралось больше нукеров, приглашеииых из чнсла родственииков н друзей». На могиле реформатора управления Моиголией киданя Елюй Чуцая в надгробиой иадписи говорится: «Сперва все киязья н императорские гонцы по собствениому усмотрению моглн брать лошадей иа почтовых станцнях, а послов было множество. Когда коин падалн от усталости, то послы силой отбиралн лошадей у народа [...] В тех местах, куда послы

прибывали, они всюду вызывали тревогу, а когда они прибывали на подворья, то требовали себе самых различных вещей, и если подача кушаний задерживалась хоть немного, обслуживающие лица избивались палками».

Символы, знаки власти — пайцзы, верительные бирки, изготовленные из металла, золота или серебра, так же были заимствованы монголами от соседей, а в конечном счете из Китая. Они были разных достоинств, часто украшены изображением головы тигра. Надпись на пайцзе определяла права ее держателя. Известны такие надписи: «Указ пожалованного Небом императора Чингиса. Спешно». «Указ пожалованного Небом императора Чингиса. Должен вести дела по усмотрению». «Указ. Пусть ведет дела по усмотрению, как бы мы лично ехали». Золотые тигровые пайцзы украшались фигурой лежащего тигра и одной-тремя жемчужинами. Монголы приисли ямскую службу в Европу, в России она просуществовала до XIX в. включительно.

Скоро важной фигурой в администрации монгольского государства стал даругачи — «подавляющий неповиновение». Он контролировал администрацию местных покоренных народов, в качестве символов власти имел дощечку гереге и печать тамгу. Нелишним будет сказать, что и эти символы власти были заимствованы из Китая. В завоеванных западных областях монгольское правление представлял баскак-танмачи (наместник, воевода).

Монгольское государство получило наименование Еке Моигол улус — Великое моигольское государство (кит. Да мэнгу го). По сведениям китайского автора Ли Синьчуаня, государство Чингис-хана стало именоваться Великим монгольским государством с 1211 г. Мы уже упоминали, что тезис акад. Б. Я. Владимирцова о том, что государством владел весь ханский род, требует коррективы. Вернадский считал, что верховная власть была сосредоточена в лице хана. «Ханский титул есть единственный атрибут верховной власти», хотя хан не мог стать ханом без утверждения на курилтае. Все исследователи подчеркивают универсальный характер власти монгольского хана. По заключению Г. Франке легитимация власти Чингис-хана жаловалась Небом и основывалась на подчинении других народов. Подданные подлежали умиротворению, а управлять другими было радостью. Трон хана именовался «седалищем радости».

Универсализм власти монгольского хана, по мнению Г. Франке, состоял в том, что не было разницы между подлинной принадлежностью к его государству и потенциальной. Тем государствам, которые еще не подчинились, рассылались приказы о том, что следуя повелению Неба и сообразуясь с ним, они должны подчиниться его представителю на земле. Отсюда отказ признать власть монгольского хана рассматривался как мятеж. В уже упомянувшейся нами надгробной стеле Елюй Чуцая сказано: «Как только враг, отклонив приказ (о сдаче), выпускал хотя бы одну стрелу или камень (по осаждающим войскам), в соответствии с (существовавшей) государственной системой все убивались без пощады во всех случаях». Все это практически калька с того, как понимали власть китайские императоры. Хуанди-китайский император являлся «правителем всего под Небом». Эта концепция, как показывает Г. Франке, «отчетливо не признавала границ». Хан обладал особой благодатью, харизмой. Т. Д. Скрынникова выделяет по текстам наличие двух видов благодати у Чингис-хана и его преемников — это «сила», «кючю», и особый вид благодати «су». Это имеет сходство с наличием особой благодати у китайского императора (благая сила «дэ») или у тюркских каганов («кут»). Концепция власти хана была сокровенной тайной. Как нет старого китайского текста, в котором в систематизированном виде была бы изложена концепция власти китайского императора, так нет такого монгольского текста. В принципе на данном этапе вряд ли разрешим вопрос о том, сколько в идее о том, что власть хана дана от Неба, повелением Неба, своего монгольского (центральноазиатского), сколько китайского. Но именно при монголах не только в теории, но и на практике был остро поставлен вопрос об универсализме, исключительности власти монгольского хана, недопущение наличия других государей, исключительность власти не предусматривала равенства отношений, чего, кстати, не допускала и китайская концепция власти императора. Может быть, некоторое отличие можно видеть в том, что китайский император воздействовал на окружающий мир прежде всего своей благой силой «дэ», а не только приказом подчиниться, хотя он тоже обладал «силой вэй» и дарованным Небом правом карать непокорных. Возможно, просто монгольская концепция и практика была несколько грубее и наглее.

Военно-административная система управления, разделение населения на десятеричной основе не было изобретением Чингис-хана. Это была давняя центральноазиатская традиция. Можно вполне согласиться с выводом В. В. Трепавлова, что «монгольская государственность несомненно развивалась на собственной основе и явилась плодом развития общественных отношений в Центральной Азии XII — начала XIII вв. Но ее форма, в отличие от содержания, была традиционной, т. е. существовала в виде институтов, уже «изобретенных» и апробированных в кочевых державах раннего средневековья».

Чингис-хан узаконил хунгиратов в качестве брачных партнеров императорского рода. «Когда в роде хунгират рождаются девочки, они из поколения в поколение становятся императрицами; когда рождаются мальчики, они из поколения в поколение женятся на принцессах. Пусть непрерывно из поколения в поколение объявляют этот жалуемый указ в первую луну четырех времен каждого года». Интересно, что аналогичную по содержанию статью закона, устанавливающую брачные взаимоотношения между царствующим домом Нгвеми и родом Сими, из которого императоры из рода Нгвеми брали себе жен, мы находим в тангутском кодексе законов середины XII в.

Большая роль в новом государстве была отведена Шиги-Хутухту. Он, как говорилось ранее, распределял уделы (хубн). Именно к нему были обращены следующие слова Чингис-хана:

— Когда же с помощью Вечного Неба будем преобразовывать всенародное государство, будь ты и оком смотрения и ухом слушания! Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государева: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выдели их долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, так называемых подданных, а затем выдели и разверстай по районам население, пользующееся деревянными дверьми. Никто да не посмеет переиначивать твоего определения!

Последнее являлось прямым запретом менять своего владельца. Далай-Чууны полагает, что исгэй ту, ургатан, «живущие за войлочными стенами», это кочевое население государства, а хабдасун э'удэтэн, «живущие за деревянными стенами» — оседлое, занимавшееся земледелием.

Шнгн-Хутухту был назиачен главой Верховного суда государства и получил наказ:

— Искореияй воровство, уничтожай обмаи во всех пределах государства. Вииовиых в смерти — предавай смертн! Повинных наказаиию илн штрафу — наказуй!

Правленне ханское не должно блуждать в темноте.
Хан ошибаться не должен!
Поступайте по своему усмотренню —
Будьте твердыми, не склоняйтесь на чью-то сторону.
Не пренебрегайте словамн свонмн.
Не горячнтесь с почтеннымн людьмн,
Не крнчнте на людей громкнм голосом!
Не распускайте слухов,
Не привязывайте звонка к подолу халата.
Не прнходнте на суд растрепаннымн.

Так, судя по тексту дошедшего до нас стихотвореиия, которое, как предполагают, восходит к первой четверти XIII в. (Н. П. Шастиина), Чиигнс иаставлял своих судей.

Суд, возглавляемый Шигн-Хутухту, в свонх решеииях должен был руководствоваться «Ясой». Г. В. Вернадский, нсследователь «Ясы» допускал, что оиа также была утверждена на курилтае 1206 г. Затем «Яса» пересматривалась в 1218 н 1225 гг. «Яса» включала, по класснфикацин Г. В. Вериадского: международиое право, частное право, торговое право, судебное право. Он полагает, что одинм нз осиовиых положений международного права «Ясы» «была определеииая форма объявления войиы с гараитней безопасности населеиию враждебной страиы в случае добровольного подчнения». Империя была основана на всеобщем прикреплеиин населення к государственной службе. Каждый под страхом смерти был обязан возвратнть беглого раба законному собственнику. «Основной целью наказания в понятии «Ясы» является физнческое уничтожеиие преступнпков». Г. В. Вериадскнй расценивал «Ясу» как «создаине иовых норм права в соответствии с иуждами новой нмперни». Чингнс-хана он считает не только гениальным полководцем, ио н «государствеиным деятелем крупного размаха, творцом нового имперского права».

Однако не для всех «Яса» стала законом, который должен был неукоснительно соблюдаться. Раздавая уделы, должностн и награды, Чнигнс-хаи ряду своих нукеров дозволнл «не вменять в внну девять проступков», т. е. не прнвлекать их к суду и не наказывать за девять

совершенных ими преступлений, наказуемых смертной казнью.

Один из сородичей Чингис-хана, старец Усун, получил титул бекн. Он должен был восседать на почетном месте (на троне) облаченным в белую шубу и ездить на белом коне. «Должность» Усуна имела культовое значение. Он обязан был изучать связь событий в улусе Чингиса с природой и ее явлениями, был кем-то вроде придворного астролога, наблюдающего за календарем.

— Пусть назначает и освещает нам годы и месяцы! — сказал по преданию Чингис-хан.

Пользование своим календарем на Дальнем Востоке было одним из признаков независимого государства.

Затем Чингис приказал увеличить численность своей охранной гвардии — кешиктенов — до девяти тысяч человек. Приказ гласил: «Объявляем во всеобщее сведение по всем тысячам о нижеследующем: «При составлении для нас корпуса кешиктенов надлежит пополнять таковой сыновьями нойонов-темников, тысячников и сотников, а также сыновьями людей свободного состояния, достойных при этом состоять при нас как по своим способностям, так по выдающейся физической силе и крепости. Сыновьям нойонов-тысячников надлежит явиться на службу не иначе, как с десятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновьям же нойонов-сотников — с пятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновей нойонов-десятников, равно как и сыновей людей свободного состояния, каждого сопровождают по одному младшему брату и по три товарища, причем все они обязаны явиться со своими средствами передвижения, коими снабжаются на местах. В товарищи к сыновьям нойонов-тысячников люди берутся на местах, по разверстке от тысяч и сотен, для той цели, чтобы усилить составленный при нас корпус. В том размере, в каком будет нами определено, надлежит снабжать на местах по разверстке отправляющихся на службу сыновей нойонов-тысячников вне всякой зависимости от того, какую кто из них наследственную долю получил от отца своего или от того имущества и людей, какие кто из них приобрел собственными трудами. По этому же правилу, т. е. независимо от принадлежащего им личного имущества подлежат снабжению по разверстке также и сыновья нойонов-сотников и лица свободного состояния, отправляющиеся на службу также в сопровождении трех товарищей».

Так была сформирована тьма кешиктенов, состоявшая из восьмитысячного отряда гвардейцев турхаутов, и в том числе одиого полка в тысячу человек, набранного нз отборных богатырей, н отряда ночной стражи в две тысячи кебтеулов. Чингнс-хаи повелел:

— Наша лнчная охрана, усилеиная до тьмы кешиктенов, будет в военное время и главным средним полком.

Мы уже упоминали о том, что охранявшая ханскую ставку стража менялась каждые трое суток. «Кебтеулы, стоящие на страже у ворот, обязаны рубить голову по самые плечи, а плечи иа отвал всякому, кто попытался бы ночью проникнуть во дворец». Никто не смел расспрашивать караульных о чнсленностн стражн н порядке смены караулов. У заподозренных в расспросах илн прямо виновных в этом в качестве штрафа отбирали одежду и лошадь вместе с седлом н сбруей. За самовольный уход с поста караульиые наказывались палками. Вместе с тем кешнктены пользовались особой милостью хана, н нх нельзя было предавать суду без его ведома.

— О случаях предания кешиктенов суду,— объявил Чингис-хан,— надлежит докладывать мне. Мы сами сумеем казнить тех, кого следует предать казни, равио как и разложить и наказать палками тех, кто заслужил палок!

Рядовой гвардеец-кешиктен считался по своему положению выше простого армейского тысячнника.

«Тайная история» сохраннла восторженный гимн гвардии хана:

> Тучами небо иочное закрыто,
> Ты ж на посту моя верная стража:
> С дымником юрту мою стережешь ты,
> Плотным ее облегаешь ты кругом,
> Сои навеваешь на вежды мне крепкий,
> Ты ведь и в сан возвела меня царскнй.

В наши днн часть китайскнх авторов не без некоторых оснований счнтают созданиое Чиигнс-ханом объединенное монгольское государство в существе своем рабовладельческим. Б. П. Гуревич полагает это «намеренным умаленнем степенн социально-экономнческого развитня Монголии XIII—XIV вв.» Однако вопрос не столь прост, мы не беремся в данном случае обсуждать его, скажем только, что списывать все «на монгольский кочевой феодалнзм» в наши днн уже не просто.

Так в начале XIII в., в монгольских степях после дли-

тельного соперничества ханов возникла монолитная и грозная сила. Созданная в сражениях, она традиционно для данных районов Азии, была отныне сплочена в единое государство с единой военно-административной властью, с очевидным перевесом в ней военного начала. Правление военных, хотя и на иной основе, хорошо известно и в наши дни. Все — от десятника до темника в государстве Чингис-хана, каждый кешиктен в его ставке, если даже он ведал подворами, были в первую очередь воинами и только потом должностными лицами, решавшими гражданские дела. Это была сила, созданная нойонством и действовавшая в интересах нойонства.

«Монгольской степной аристократии важен и нужен был порядок внутри ее кочевий и очень выгодны наезды и войны с внешними врагами, от которых можно было забирать добычу». Инерция войны не только не ослабевала, она нарастала, и все последующее правление Чингис-хана до самой его смерти Монголия не провела ни одного года без войны, без нападений на соседей. Это новое государство, опьяненное внутренними победами и жаждавшее новой добычи, с момента своего рождения заявило себя как сила, враждебная окружающему миру, и, как образно сказал Б. Я. Владимирцов, «еще долго продолжало вести себя по отношению к... культурным народам, как разбойничья шайка».

БОГАТСТВА СТРАНЫ ТАНГУТОВ

> Почему он до сих пор не возвращается? Я ие мог ответить на это, а лишь молился за всех женщин, чтобы в мире никогда больше не было войны.
>
> *Лао Шэ.*
>
> *Записки о кошачьем городе*

Как полагают современные китайские авторы, после объединения Монголии стало нельзя грабить друг друга и «поэтому богатые соседние страны стали объектом продолжения ими (монголами — Е. К.) грабительских войн», «это жгучее стремление грабить — коренная причина непрерывного проведения правителями монгольского государства внешних войн». Огромному миру, лежавшему к юго-востоку, югу, западу и северо-западу от монгольских степей, новый «дракон явил свое чело» еще

за год до великого курилтая иа берегах Оноиа. Возможно, возвращаясь с Алтая после победы над найманами в 1205 г., Чиигис-хан решил проверить крепость границ своего соседа, тангутского государства Великое Ся, и прнказал своим войскам вторгнуться в его западные райоиы — округа Шачжоу и Гуачжоу. В «Юань ши» сообщается: 1205 год, «напал иа крепость Си Ся Балнцзнлисай, прошел через город Лосы, ограбнл иарод, забрал верблюдов».

Рашид-ад-дин так рассказывает об этом походе: «Чиигис-хан соизволнл привестн свое войско в порядок н выступнл в поход протнв области Кашин, которую называют Тангут. Когда они вступили в эту область, то прежде всего они достнглн крепостн, называемой Лигнлн, а место это чрезвычайио укрепленное. Оии ее окружнлн и в короткое время взяли; онн разрушнлн все: н ее стены, и фуидамент. Оттуда оин пошлн на город, иазванне которого Клнн-Лощн, а он был очеиь крупным городом, оин его взялн н разграбнлн. Затем захватили иекоторые другне областн Тангута и разграбилн их, а скот, иайденный имн в тех пределах, онн весь угнали с собой. Затем с многочнсленной военной добычей н бесчнсленным колнчеством верблюдов и скота оии повернулн иазад н явились с выражением рабской покорности к Чиигнз-хану».

Поход на Си Ся нмел место в коице весиы — в 3—4 месяца 1205 г. по луиному калеидарю. Успех был полный, а добыча велнка. Государство тангутов существовало уже 200 лет, оно кичнлось перед татаро-монголами своей культурой и выражало презрение к северным соседям*. Теперь оно было посрамлеио. Таигуты пропустили врага через граннцы и позволнлн ему разграбить западные районы страиы. Они ие моглн не зиать о событнях в моигольской степи, виделн в своих пределах Ван-хана в худшне днн его жизин, сын Ван-хана Саигум искал у ннх спасеиня от преследовавшнх его воинов Чнигиса. Оин, несомненно, знали о Чнигисе. Можио с уверенностью сказать, что разграбленне западных областей Сн Ся явнлось местью тангутам со стороны Чиигнса за то, что оин ие выдалн ему Саигума. Вероятио и то, что успех первого таигутского похода Чингиса, в котором ои лнчно ие участвовал, первая проба мои-

* Они включали в свои письменные знаки (правда, по примеру китайцев) передающее слово «татары» элемент «собака».

гольского оружия в войне против оседлого народа, против городов и крепостей ускорила созыв курилтая на берегах Онона, помогла Чнигису стать великим ханом всех татаро-монгольских племен. Добыча обогатила Чингиса, так как по монгольскому обычаю, «от высшего до низшего, велнка ли, мала ли добыча, каждый оставляет одну долю в дар Чингису» (Чжао Хун), она обогатила войско, его костяк — нукеров н нойонство, а главное — разожгла их аппетит, нх неуемную жажду добычи. Курилтай и последовавшне за ннм реформы создали военно-адмнннстративный аппарат захватнического по своим устремленням государства, ибо такая организацня государственной власти была нужна не для мира, а для войны.

Прошло лншь полтора года после великого курилтая, как осенью 1207 г. монголы снова вторглнсь в пределы государства тангутов, на этот раз в центральные его районы, закрепились в Алашаньскнх горах у крепости Валохай (Уйрака) и всю зиму вплоть до наступления лета 1208 г. грабилн соседние селенья и кочевья тангутов. Тангуты блокировали занятый монголами район, но атаковать и разбить монголов не решались, а может быть, и не смогли. Монголы вновь ушли с добычей в свон степи. Рашид-ад-дин сообщает, что во время второго похода (1207—1208 гг.) на тангутов «Чингиз-хан... покорил всю эту область и вернулся назад победителем, победоносным и удовлетворенным». На этот раз Чнигис принимал личное участне в походе, но ни о каком полном покорении тангутского государства еще не могло быть и речи. Китайские авторы полагают, что предлогом для второго похода на Си Ся послужил отказ тангутов представлять Чингис-хану дань и признать свою вассальную зависимость от него.

Зимой 1207—1208, когда Чингис воевал в Сн Ся, в ответ на посольство от кнргнзов с верховьев Енисея он послал двух своих послов («Юань шн»).

К XIII в. Киргнзское государство на Енисее распалось на несколько небольших, неподчинявшихся друг другу владений. Каждое из них возглавлял правитель, звавшийся инал. Среди них самых сильных было два — Иди-урун, во главе с правнтелем Орос (Урус) — иналом. Название второго владения и нмя его правителя не сохранились. Киргнзы с почтением приняли послов, Илик-Тимура и Аткирака, которые привезли Чнигис-хану белого сокола, получили аудненцию у него. Считается, что

с этого момента киргизы подчиинились государству Чингис-хана.

«Тайиая история» рассказывает о подчииеиии киргизов несколько иначе. В 1207 г. сын Чиигис-хана Чжочи был послаи для подчииеиия «лесных иародов». Послан с войсками. В итоге монголам подчинились ойраты, буряты и ряд других народов Южиой Сибири. Под давлеиием армин Чжочи подчиинились и «тумеи-киргизы». «Тогда к Чжочи явились киргизские иойоны Еди, Инал; Алдиер н Олебек-дигин. Они принесли Чжочи белых кречетов, белых коней и белых соболей. Вместе с Чжочи киргизские послы и послы другнх народов прибылн к Чингис-хану. Ойратскне правители и нх сыиовья получили в жеиы монгольских принцесс. Чингис-хан объявил Чжочи:

— Ты старший из моих сыновей. Не успел и выйти из дому, как в добром здравии благополучно возвратился, покорив без потерь людьми и лошадьми лесные иароды. Жалую тебе их в подданство.

О том, что подчинеиие киргиз было добровольно-принудительным, показали события через десять лет. В 1217 г. монгольский отряд выступил для подчинения туматов, живших к западу от Байкала. Туматы наиесли монголам поражение. Тогда уже прочно освоивший тактику «разделяй и властвуй» Чиигис прнказал вассальным ему киргизам подавить восстание туматов. Но киргнзы отказались выполиить этот приказ. Они тоже восстали. Правитель «лесиых народов» Чжочи должен был отправнться лично наводить порядок. Перейдя ио льду Селеигу, Чжочи прошел через земли ойратов, бурятов, дошел до прнтока верхнего Еннсея реки Усы и, затем, пройдя винз по течеиию Енисея, атаковал центральные районы расселения кнргизов. Отряды монголов дошли до Оби н возвратились. Чжочи подчинились и прожившне к западу от киргизов теленгуты.

Походы на тангутов имели своим следствием и подчинеине Чннгис-хану уйгуров. К иачалу XIII в. уйгуры расселились иа всем пространстве от Хами до Куча, на севере они граничнли с найманами, на юге нх владения простирались до озера Лоб-Нор. Если в Монголин завершалась монголизация этого региона, то в Восточном Туркестаие его тюркнзация. Уже разгром найманов напугал уйгуров. В сложной системе взаимоподчнненности н вассалитета уйгуры тоже не были самостоятельиы, они признавалн свою зависнмость от государства кара-

китаев Западное (Си) Ляо, в столице уйгуров г. Гаочане (летияя резиденция г. Бэйтин, Бешбалык) находился наместник киданей. Уйгуры страдали от кидаиьских притеснений и усиления монголов, удары, которые они нанесли по таигутам, с которыми их тоже некогда разделяла вражда, поставили их перед выбором — быть ли с врагами Чиигис-хана или быть с ним, с иовой силой, так скоро и наглядно заявившей о себе.

В 1208 г. моиголы решили добить Кучлука. Их отряд перевалил Алтай и Бухтармы разгромил иаймаиов и меркитов. Кучлук переправился через Иртыш и бежал во владения кара-китаев. В 1209 г. уйгуры убили иаместника киданей. Посольство от Чиигис-хана прибыло к уйгурам. Правитель уйгуров идикут Барчук вместе с моигольскими послами отправил к Чингис-хаиу двух своих сановников и заявил о своем подчинеиии монголам. Он соглашался признавать себя сыном Чиигис-хана. По предаиию, его послы объявили Чиигис-хаиу:

— С великою радостью слышу я о славе чингисханова имеии. Так ликуем мы, когда рассеются тучи и явит себя матерь всего — солице. Так радуемся мы, когда пройдет лед и откроются виовь реки. Не пожалует ли меия государь Чингис-хаи? Не иайдет ли ои хоть шиурка от золотого пояса, хоть лоскутка от своей богряницы? Тогда стану я твоим пятым сыном и тебе отдам свою силу!

Чингис, который милостиво прииял послов идикута, дал им такой ответ:

— Дочь за него отдам и быть ему пятым сыном моим. Пусть идикут приезжает, взяв с собой золота, серебра, жемчугов, перламутров, златотканиой парчи, узорчатых штофов и шелковых тканей.

Уйгуры иезамедлили также проявить свою преданиость. Когда сыи меркитского Тохтоа-беки Худу прислал к идикуту послов, уйгуры меркитских послов убили, а меркитов, пытавшихся укрыться во владениях уйгуров, вытеснили со своей территории, отказав им в убежище.

Богатый караван из страи уйгуров, который возглавил лично идикут, тронулся в Монголию. Всего набрал со своих подданых уйгуров идикут — золота, серебра, жемчугов, шелковых ткаией, как велел Чингис. Чиигис возвратился из тангутского похода. По данным «Юань ши» идикут получил аудиенцию на Керулене в 1211 г. Чингис, который вообще благоволил уйгурам, видя в

ннх своеобразных просветителей монголов, оказал идикуту теплый прием и выдал за него свою дочь Ал-Атуну (Ели-хатун). Барчук был признан «пятым сыном», всем сыновьям Чингис-хана приказали считаться братьями. Этим актом было определено положение уйгуров в монгольском государстве. Как сын Чингиса и основатель династии, Барчук и его потомки идикуты признавались великими ханами, вассалами Чингис-хана и его потомков, императоров династии Юань. Они платили дань, участвовали в походах моиголов. Но в своих владениях идикуты сохраняли независимость. Уйгуры оказали монголам помощь и в завоевании тангутского государства Си Ся. Думается, что уйгуры, которые издавна враждовали с соседними тангутами (часть уйгурских земель в XI в. перешла во владения тангутов), могли видеть в Чингисе мстителя за их давние обиды. Чингис-хану же на первых порах была нужна не столько военная помощь от уйгуров, сколько гарантия того, что не будет тангутско-уйгурского союза против монголов, что найманы и другие недобитки, вроде меркитов, не найдут убежища в Восточном Туркестане и не наберутся там новых сил. Союз с уйгурами занимал важное место в его стратегических замыслах как надежное обеспечение правого и западного флангов для будущей войны с чжурчжэнями.

В том же 1211 г. «прибыл и подчинился из Западного края (Си юй) хан карлуков Арслан-хан (Юань ши). Карлуки некогда жили западнее Алтая, в бассейне реки Иртыш, позднее они откочевали на юг, ближе к Бэйтину-Бешбалыку, а затем уйгуры оттеснили их юго-восточнее озера Балхаш, к рекам Или и Чу. Здесь они оказались в составе государства Караханидов. При государстве Си Ляо их хан принял титул Арслан-хана.* Кидане отправляли к карлукам своих наместников. Когда Чингис-хан разгромил найманов, он выслал отряд под командованием Хубилая для подчинения карлуков. Арслан-хан упредил события, он убил наместника кара-китаев и добровольно подчинился монголам. В сопровождении Хубилая карлукский правитель в том же 1211 г. прибыл в ставку Чингис-хана. Перешел на сторону Чингиса и другой карлукский правитель, хан города Алмалыка Вадзар. Он доносил Чингис-хану о

* Этот титул, судя по китайским источникам, имел и правитель уйгуров.

состоянии дел у Кучлука и также имел аудиенцию у Чингиз-хана. В отместку за это Кучлук снял осаду Алмалыка, а Вадзара убил. Хаиом Алмалыка стал сын Вадзара, который за преданность отца монгольскому делу получил в жены девушку от двора Чингис-хана.

Все эти события происходили одновременно и на фоне нового большого похода монголов на тангутское государство. На этот раз поход должен был стать «окончательным», и был призван уничтожить государство тангутов. В третьем месяце (6 апреля—6 мая) 1209 г. монгольские войска под командованием самого Чингис-хана в третий раз вторглись в Си Ся. Тангуты выслали навстречу Чингис-хану большую армию во главе с наследником престола. В решительном сражении она была разбита монголами. Чингис во второй раз занял крепость Валохай. Оттуда монголы начали наступление на столицу Си Ся г. Чжунсин (современный г. Иньчуань, столица Нинся-Хуэйского автономного района КНР). В одном из горных проходов в горах Хэланьшань (Алашань) у заставы Имынь их поджидала пятидесятитысячная армия тангутов. Тангуты на этот раз смело атаковали монголов и нанесли им поражение. Однако они не приложили никаких усилий, чтобы в летнюю жару, которую всегда не любил Чингис-хан, развить успех. Два месяца обе армии стояли друг против друга, не вступая в сражение. А к осени, получив подкрепления и пользуясь благоприятной погодой, Чингис начал новое наступление на столицу Ся. Монгольская конница небольшими силами атаковала лагерь тангутов. Легко отразив атаку монголов, тангуты поверили в новую победу и всем войском начали преследование бегущего противника. Монголы только этого и ждали — тангуты попали в ловушку. «В битвах с врагом,— писал позднее Марко Поло,— берут верх вот как: «убегать от врага не стыдятся, убегая, поворачиваются и стреляют. Коней своих они приучили, как собак, ворочать во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся славно да сильно, так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит и назад поворачивается, стреляет метко; бьет и вражьих коней и людей; а враг думает, что они расстроены и побеждены, и сам проигрывает оттого, что конь у него перестреляны, да и людей изрядно перебито. Татары как увидят, что перебили и вражьих коней, и людей много, поворачивают назад и бьются славно, храбро, разоряют и побеждают врага».

Жертвой этого тактического приема татаро-монголов пала и тангутская армия. Она была полностью разгромлена. Многие тангутские полководцы попали в плен. В октябре первые монгольские всадники появились под стенами столицы Си Ся. Началась длительная осада города. И здесь монголы действовали по своему, создавая собственную тактику взятия городов.

«Всякий раз при наступлении на большие города,— писал Чжао Хун,— они сперва нападают на маленькие города, захватывают в плен население, угоняют его и используют (на осадных работах). Тогда они отдают приказ, чтобы каждый конный воин непременно захватил десять человек. Когда людей захвачено достаточно, то каждый человек обязан набрать столько-то травы или дров, земли или камней. Татары гонят их день и ночь; если люди отстают, то их убивают. Когда люди пригнаны, они заваливают крепостные рвы (вокруг городских стен тем, что они принесли), и немедленно заравнивают (рвы); некоторых используют для обслуживания колесниц, напоминающих гусей, куполов для штурма, катапультных установок и других работ. (При этом татары) не щадят даже десятки тысяч человек. Поэтому при штурме городов и крепостей они все без исключения бывают взяты. Когда городские стены проломлены, татары убивают всех, не разбирая старых и малых, красивых и безобразных, бедных и богатых, сопротивляющихся и покорных, как правило, без всякой пощады. Всякого, кто при приближении противника не подчиняется приказу (о капитуляции), непременно казнят, пусть даже он оказывается знатным».

Во время осады тангутских городов и крепостей, на костях тангутов создавалась эта монгольская тактика взятия городов. Именно в стране тангутов монголам впервые пришлось вести осадную войну, именно здесь они столкнулись с катапультами — камнеметными блиданами и другой осадной и защитной техникой дальневосточного средневековья, которой тангуты владели в полную меру. Именно здесь они стали осваивать ее и принуждать вражеских военных специалистов к участию в осаде их собственных городов.

В осажденной столице тангутов был созван государственный совет. Последнее слово оставалось за государем Ань-цюанем. Все замолчали.

— Более двухсот лет наша династия правит государством. И вот враг, пришедший с севера, уже в ко-

торый раз заставляет нас думать о жизни и смерти династии. Теперь он у стен столицы. Повелеваю всем подняться на стены. Я сам приду туда!

Один за другим покидали сановники императорский дворец. Ань-цюань вышел во двор. Ему подали коня. Почти все население столицы поднялось на городскую стену. Устанавливали катапульты и большие самострелы. Лучники несли тугие связки стрел. На стены втаскивали камни. Кипятили в огромных котлах воду и смолу. Было отбито несколько штурмов. Крепкие стены города казались неприступными благодаря мужеству его защитников.

Между тем в походной юрте Чингис-хана тоже состоялся совет, решившнй: раз не удается город взять штурмом, его надо затопить.

Наступила глубокая осень, шли проливные дожди. Население, согнанное из соседних областей, пленные, монгольские воины возводили плотину на реке. Потоки воды хлынули в город. Вода заливала квартал за кварталом. Рушились здания, тонули люди.

Ань-цюань срочно отправил посольство в Цзинь, чтобы просить чжурчжэней выслать войска в помощь осажденным. Тангуты знали, что три года назад, после великого курилтая 1206 г. Чингис, получивший чин на чжурчжэньской службе за поход против татар, перестал официально признавать старшинство Цзинь, а затем, судя по сообщению китайского источника «порвал с Цзинь». Очевидно, что Чингис не просто стремился уничтожить государство тангутов, но и активно готовился к войне против своего главного врага — чжурчжэней, готовился отомстить за гибель Амбагай-кагана. Поэтому наиболее благоразумные цзинские чиновники, из тех, кто и раньше выступал за союз с Си Ся против монголов, предлагали немедленно начать войну с Чингис-ханом.

— Если Си Ся погибнет, монголы обязательно нападут на нас,— говорил один из них. — Лучше уж совместно с Ся атаковать их с фронта и тыла.

Это был благоразумный совет. Тангуты и чжурчжэни совместно могли бы, если не уничтожить монгольскую опасность, то хотя бы блокировать монгольские войска, не выпускать их за пределы монгольских степей. Однако цзиньский государь Вэй-шао ван отнесся к тангутам враждебно. Ответ его тангутским послам был груб и неумен:

— Моему государству выгодно, когда его враги нападают друг на друга. О чем же беспокоиться?

Следуя некогда воспринятой ими старой китайской тактике «бороться с варварами руками самих же варваров», чжурчжэни отказались помочь таигутам, тем самым во многом предопределив и свою собственную судьбу, а также судьбу многих других народов.

Так тангуты остались без союзника, один на один, лицом к лицу с врагом, а вода все прибывала, угрожая разрушить стены города. Гибель Си Ся казалась неминуемой. Дождь лил уже вторые сутки. В мутных потоках, затопивших улицу, зловеще плавали разбухшие трупы. Полуживые люди ютились на крышах уцелевших домов, на городской стене, в отчаянии ожидая своего часа. Серый холодный рассвет не сулил ничего хорошего.

В монгольском лагере заметно было какое-то движение. Среди осажденных разнеслась весть: враги готовят штурм, государь приказал всем достойно принять смерть. Уже рассвело, когда таигуты с удивлением увидели, что вода стала убывать. В лагере же монголов случилось что-то невероятное. Побросав юрты, имущество, монголы вскакивали на коней и мчались в сторону ближайших гор. И когда ветер к полудню разогнал тучи и впервые за много дней прогляиуло желтое холодное солнце, тангуты поняли, что свершилось чудо. Ранним утром прорвалась воздвигнутая монголами плотина, и вода затопила монгольский лагерь.

Вынужденные отказаться от мысли на этот раз покончить с тангутами, моиголы повели переговоры о мире. К Ань-цюаию прибыл посол Чингис-хана Эда. По-видимому, первым условием, которое выставил Чингис, было требование, чтобы тангуты выступили союзниками монголов в их последующих войнах, и прежде всего с Цзинь. Как отсутствие помощи от уйгуров и чжурчжэней, двух соседей Си Ся поставило тангутов почти на грань катастрофы, так обязательство Си Ся не помогать Цзинь лишило чжурчжэней всяких союзников в будущей войне с монголами. Южносунское китайское государство было враждебно Цзинь и могло стать только союзником монголов в их войне с чжурчжэнями, как это потом и произошло. Но таигуты, соглашаясь быть «правой рукой» Чингис-хана, т. е. в какой-то мере признавать его старшинство и помогать ему, упорно отказывались стать участниками его походов, ссылаясь в переговорах на свою оседлость:

— Кочуем мы недалеко, а городища у нас глинобитные. Если взять нас в товарищи, то

Быстрый налет учинить ли,
В жаркой ли сече рубиться
В быстром набеге твоем
Явно врага не нагнать нам.
В жарких же сечах подавно
Нам устоять невозможно.

Вместо участия в походах Чингис-хана тангуты предложили ему большой выкуп — верблюдов, сукна, охотничьих соколов. «Тангутский государь,— сообщает «Тайная история»,— сдержал свое слово: собрал со своих тангутов столько верблюдов, что с трудом их доставили к нам». Тангутская принцесса по имени Чахэ стала его женой. По сведениям Рашид-ад-дина, монголы оставили в Тангутском государстве своего наместника и гарнизоны, но это неверно, так как победа Чингиса была неполной, а последовавшие затем события исключают всякую возможность присутствия монгольских гарнизонов в Си Ся.

Поход 1209—1210 гг. на тангутов и договор с ними 1210 г. явились первой большой военной победой Чингис-хана за пределами монгольских степей. Государство Си Ся считалось сильным противником и победа над ним возвысила в глазах соседних народов могущество Чингис-хана и поколебала уверенность в себе у многих его будущих противников, у многих, кроме главного врага — чжурчжэньского императора Вэй-шао вана. Когда монголы совершали нападения на границы Цзинь, спесивые чжурчжэньские чиновники говорили им:

— Наше государство подобно морю, а ваше — горсти песка. Разве вы можете покорить нас?

Вступив в 1209 г. на престол, Вэй-шао ван послал Чингис-хану указ с извещением о своем приходе к власти. Прибывший в ставку Чингис-хана цзиньский посол требовал, чтобы Чингис лично принял указ, опустившись на колени. Но пришли иные времена. Чингис не только не встал на колени, а более того, демонстративно плюнул в южную сторону, в направлении государства Цзинь, обозвал при всем народе чжурчжэньского императора дураком, вскочил на коня и умчался, высказав полное пренебрежение к своему мнимому сюзерену.

«Юань ши» сообщает: «Первоначально император ежегодно платил дань Цзинь. Государь Цзинь послал Вэй-вана Юнь Цзи принять дань в Цзинчжоу. Импера-

тор, давая аудиенцию Юнь Цзи, не исполнил предписанный церемониал. Юнь Цзи, возвратившись, выразил желаиие просить войска и иапасть на иего. Случилось так, что государь Цзииь скончался. Юнь Цзи наследовал престол. Был издан нмператорский манифест, доставили его в государство (Чиигис-хаиа) и объявили, что его должно принимать с поклоном. Император спросил цзииьского посла: «Кто иовый государь?» Цзииьский посол ответил: «Вэй-ван». Тогда император вдруг повериулся к югу, плюнул и сказал: «Я скажу так: император Центральной равииины — человек, который пребывает на небе. Сделать императором этого слабого, заурядного человека? Как ему клаияться?» Ои тотчас сел на коня и ускакал иа север. Цзииьский посол вериулся и рассказал об этом. Юнь Цзи страшно разгневался и решил ждать удобного случая, когда император снова представит дань, чтобы, пользуясь этим, тотчас погубить его. Император знал это. Поэтому он порвал с Цзинь и готовнл отборные войска».

Это означало полный разрыв, и обе стороны стали готовиться к войне. Начало войны было задержано только тангутским походом Чингис-хаиа, затянувшнмся против его ожиданнй. Надо сказать, что не все разделяли, были и такие, кто сочувствовал тангутам. Есть сведения о том, что во время нападеиия монголов на Си Ся в 1209 г. из Цзинь было отпущено миого рабов-тангутов. К 1210 г. Чингис-хан обеспечил себе западный флаиг для войны с Цзинь. Уйгуры и карлуки надежно отгородили его от кара-китаев, тангуты были нейтрализованы. Союз тангутов и чжурчжэней (о допустимости такого союза писал н Л. Гамбис) стал отныне невозможен. Чжурчжэням в ближайшне месяцы предстояло пожать первые плоды своей блнзорукости.

ШАМАН КОКОЧУ

Кокочу, Тэб-Тенгри — «Самый Небесный», шаман Чингис-хаиа, «посредник» между иим и Великим вечным Небом, освятивший на великом курилтае утверждеиие Темучжиина у власти в звании Чингис-хана, вел себя в чингисовой орде все более своевольно. Он виушал многим суеверный страх. По-видимому, это был человек богатырского здоровья. В разгар зимы Кокочу садился голым на лед, который таял от тепла его тела. Клубы

пара окутывали Кокочу, и простой народ верил, что шаман вознесся на небо на белом коне (Рашид-ад-дин).

С одобрения отца своего Мунлика, некогда служившего Есугаю и малолетнему Темучжину, и при поддержке своих шестерых братьев Кокочу обращался как ему вздумается не только с рядовыми нукерами и нойонами Чингиса, но стал посягать и на членов семьи самого хана. Он многое позволял себе. «С Чингис-ханом он говорил дерзко, но так как некоторые его слова действовали умиротворяюще и служили поддержкой Чингисхану, то последнему он приходился по душе. Впоследствии, когда Тэб-Тенгри стал говорить лишнее, вмешиваться во все и повел себя спесиво и заносчиво, Чингиз-хан полнотою своего разума и проницательности понял, что он обманщик и фальшивый человек» (Рашид-ад-дин).

Хасар, брат Темучжина, физически сильный человек, имел характер незлобивый и простодушный. Как-то раз подстрекаемые Кокочу сыновья Мунлика избили Хасара. Чингис не только не заступился за брата, а прогнал его с глаз долой:

— Слывешь непобедимым, а вот оказался побежденным!

Со слезами Хасар поднялся и вышел из юрты. Обида душила его. Три дня он не появлялся в чингисовой юрте.

Тем временем коварный Кокочу, пользуясь размолвкой братьев, задумал окончательно погубить Хасара. Видимо, не впервой в сладких снах своих видел он себя, а не Чингиса, повелителем монголов, особенно теперь, когда сила восторжествовала и все были покорены. Ведь еще в пору междоусобицы в монгольских степях Тэб-Тэнгри воспринимался недругами Чингиса, как его враг в стане самих монголов. Когда Ван-хан задумал напасть на Чингиса, он не случайно пытался привлечь на свою сторону Кокочу: «Будем действовать сообща: я отсюда, ты оттуда!» Но тогда Кокочу не осмеливался выступать открыто против Чингиса. Но постепенно растущая слава и власть Чингиса стали для него, как бельмо на глазу. Он рассудил, что, прежде чем занять место Чингиса, он должен избавиться от возможных его преемников, его братьев, сыновей. Как только Кокочу понял, что Чингис не намерен заступаться за Хасара, он решил прибегнуть к своей власти шамана и, явившись к Чингису, сказал:

— Вечный Тэигри извещает мне свою волю так, что выходит временно править государством Темучжину, а временно Хасару. Если ты не предупредишь замыслы Хасара, то за будущее нельзя поручиться.

Верил ли Чингис, что Кокочу действительно связан с Вечным Небом, или просто поддался наговору, но в ту же ночь он велел арестовать Хасара. Связав руки брату, он подверг его допросу, пытаясь увериться в своих подозрениях. Как рассказывается в «Алтан Тобчи», «матушка, узнав об этом, ночью же отправилась в крытой повозке, запряженной белым верблюдом. Всю ночь она провела без сна в пути и прибыла с восходом солнца. В это время августейший Чингис-хан допрашивал Хасара, у которого были связаны рукава, сняты шапка и пояс. Тогда-то и прибыла матушка. Августейший Чингис-хан, уличенный, вздрогнул, испугавшись матушки». Освободив Хасара, не зная, как пристыдить Чингиса, Оэлун в гневе присела на корточки и, обнажив груди свои, положив их на колени, сказала:

— Видите? Вот груди, которые вы сосали. Какое же преступление совершил Хасар, что ты губишь родную плоть? Темучжин опорожнял когда-то одну полную грудь. Хачиун с Отчигином вдвоем не могли опорожнить и одной. А Хасар успокаивал меня и ублажал, опорожняя обе груди мои. Вот почему мой Темучжин взял умом, а Хасар меткой стрельбой и силой. Не за то ли вы и возненавидели Хасара, что это он раздавил врагов?

— Страшно и стыдно мне материнского гнева,— сказал Чингис, успокоил мать и отпустив Хасара, уехал сам.

Однако подозрения не оставляли Чингиса. Втайне от матери он отобрал у Хасара более половины выделенных ему людей, оставив ему 1400 юрт из бывших у него ранее 4000. Хасар отныне жил в вечном страхе, и некоторые из близких ему людей, страшась гнева Чингиса, бежали от него. Если верить «Алтан Тобчи», то в этот раз Хасар проявил-таки враждебные намерения против брата. «Хасар потихоньку, так, чтобы матушка не знала, забрал тысячу триста человек и выступил с враждебными намерениями. Матушка узнала об этом и вскоре скончалась». «Тайная история» также подтверждает, что Оэлун скончалась, не перенеся ссору между ее сыновьями.

Кокочу остался безнаказанным. Преследовать отко-

чевавшего Хасара был отправлен Субетай-баатур. Он уговорил Хасара не бунтовать, вернуться и покориться воле брата:

Если разлучишься с родиой семьей,
Стаиешь пищей для чужого человека. Да!
Если разлучишься с материиской родней,
Станешь пищей для монгольскнх людей. Да!
Если разлучишься с миогосемейнымн людьмн,
Стаиешь пищей для сироты. Да!
Если распадется многочислениый иарод,
Станешь пищей для сироты. Да!
Может, иайдешь себе рабов и слуг,
Но родиой семьи ие иайдешь.
Может, найдешь себе поддаиных,
Но родичей, рожденных в одиом роду,
Не иайдешь!

Так он сказал. «Хасар был согласен с этими словами и возвратился». Чингис-хан, видимо, побаивался чудодейственной силы Кокочу. Может быть, какие-то неизвестные нам обстоятельства мешалн ему вступить с ним даже в тайное противоборство. Кокочу же непрестанно готовился к борьбе с Чингис-ханом за власть. Он сплачивал вокруг себя нукеров, знатных нойонов, людей разных племен и народов Монголии и других подвластных Чингис-хану народов. К нему стекались люди «всех девяти языков». Вскоре в ставке шамана людей оказалось «столь же много, как у самого Чингиса». Дело дошло до того, что и «от Чингисхановой коновязи многие подумывали уйти к Тэб-Тэнгри».

Победитель и великий хан встал перед лицом великой опасности. Дело шло о его жизни или смерти и гибель подстерегала его не на поле битвы, а совсем рядом. Настало то время, когда уже Чингис сам стал искать повода разделаться с Кокочу. Случилось так, что от Отчигина, младшего брата Чингиса, который вместе с покойной Оэлун имел удел в 10 тыс. юрт, люди стали перебегать к Кокочу. Отчигин отправил к Кокочу своего посланца по имени Сохор и потребовал возвращения беглецов. Однако Кокочу, по-видимому считал, что положение его настолько прочно, что ему не страшен никто из ханского рода. Над Сохором всячески надругались: «этого посланца он (Кокочу) избивал, мучил», и прогнал прочь, без коня, пешком, навьючнв ему на спину седло, со словами:

— Будешь послом под пару Отчигину!

Разгневанный Отчигин прибыл в ставку Кокочу:

— Я отправил своего послаица Сохора, а ты отослал его обратно пешком, избив и измучив. Теперь я сам пришел, чтобы вериуть своих людей!

Семеро братьев, в ответ иа требоваиие Отчигииа окружили его плотным кольцом и стали иагло издеваться над ним:

— Разве правильно было, что ты послал своего послаица Сохора? Поиимая, что ему ие удастся уйти от шамаиа живым, Отчигин пошел на хитрость:

— Неправнльно я сделал, что отправил посланца...

— Если ты сделал неправильио, то стань на колени и покайся! И братья Кокочу прииудили Отчигина встать на колеии позади шамана.

Оскорблеииый Отчигин утром следующего дия явился к Чиигису, когда тот еще не встал с постели, и поведал ему о своих обидах. Пока Чингис раздумывал о случившемся, за Отчигина вступилась жена Борте. Рассказ Отчигииа заставил ее заплакать. По версии «Тайной истории» она сказала:

— Если они еще при твоей жизии губят твоих братьев, величествеииых как кедры, то после смерти иарод подавно ие захочет подчиияться твоим детям!

По «Алтан Тобчи» она выразилась конкретиее:

— Эдак они твоих младших братьев повырубят, как слуг и рабов, и могут тебе повредить.

Очевидио, Борте высказала то, что подспудно уже поиимал Чингис: « и тебе могут повредить». Но он ие хотел открыто лишить Кокочу власти, лишь только сказал Отчигиiу:

— Когда Тэб-Тэигри сегодия прндет сюда, делай с ним что хочешь.

Так он обещал Отчнгиiу поддержку, если тот сумеет быстро покоичить с Кокочу своимн силами.

Отчигин спрятал у входа в юрту Чиигиса, за ее порогом, трех отборных силачей и стал ждать. Вскоре явился Муилик с семью сыиовьями. Кокочу бесцеремонно сел на почетиое место. Отчигии подскочил к иему, схватил за ворот и по старому моигольскому обычаю, вызвал обидчика на единоборство.

— Вчера ты заставнл меня просить прощеиия, сегодня я попытаю свою силу с тобой!

Кокочу и Отчигин схватились прямо в ханской юрте Чингиса. Но хаи повелел им выйти из юрты:

— Ступайте меряться силами во дворе!

Очевидио, он зиал или догадывался о засаде и о

том, какая судьба ждет Кокочу, как только он переступит порог юрты. Действительно, не успел Кокочу выйти за дверь, как сидевшие в засаде три силача схватили его и, мгновенно переломив ему спиной хребет, бросили Тэб-Тэнгри у телег на левой стороне двора.

Отчигин же, возвратясь в юрту, сказал Чингис-хану:

— Тэб-Тэнгри не хочет со мной меряться силами и притворяется лежачим!

Смекнул старый Мунлик, как сплоховал он с сыновьями. Нет в живых великого шамана Кокочу, соперничавшего с самим ханом. Шестеро братьев Кокочу, загородив выход, стали с угрозами теснить Чингиса («стали у двери и вокруг очага и засучили свои рукава» «Алтан Тобчи»). Зажатый разъяренными братьями Кокочу, Чингис испугался и заорал:

— Дай дорогу, расступись!

Он выскочил из юрты и тут же был окружен гвардейской стражей, сбежавшейся на крик хана.

Могучий и славный шаман Кокочу, Тэб-Тэнгри валялся перед юртой с переломанным хребтом. И мертвый он внушал страх. Чингис приказал поставить над его телом серую юрту, а сам спешно покинул страшное место. Через некоторое время тело Кокочу таинственно исчезло. Чингис не замедлил объяснить это чудодейственной силой шамана, а самую смерть Кокочу возмездием Неба: «Тэб-Тэнгри бил моих братьев и несправедливо клеветал на них, за что Небо и возлюбило его, и отняло вместе и жизнь и тело его».

Опасаясь мести покойного шамана, Чингис не решился казнить Мунлика и братьев Кокочу. Он спокойно мог обвинить их в мятеже и покушении на свою жизнь, но пощадил их, сославшись на прежние заслуги Мунлика. Без Кокочу семья Мунлика уже не имела и тени былого влияния.

Очевидно, что помимо суеверного страха, внушаемого личностью Тэб-Тэнгри, за его спиной стояли какие-то силы, позволившие ему через четыре года после великого курилтая оспаривать власть у великого хана Монголии. Это могли быть нукеры и нойоны, которые еще десять лет назад сражались на стороне соперников Чингиса в борьбе за власть, или какая-то новая оппозиция, которая воспользовалась неудачной попыткой Чингис-хана уничтожить тангутское государство. Могучий шаман Кокочу заставил Чингиса еще раз пережить страх за престол. По-видимому, глубоко прав был

Б. Я. Владимирцов, когда писал, что «вместе с шаманом Кокочу сошел с жизненной сцены последний, кто пытался в Моголии равняться Чингису и оказывать ему сопротивление или неповиновение. Все теперь преклонились перед железной волей железного императора, прошедшего тяжелый путь от полуголодного существования в заброшенной юрте на берегу Онона до ханской ставки организованной империи».

ИСПОЛНЕНИЕ ЗАВЕТА АМБАГАЙ-ХАГАНА

Думает господь большие думы,
Смотрит вниз — внизу земля вертится,
Кубарем вертится черный шарик,
Черт его железной цепью хлещет.
М. Горький

Итак, нейтрализовав таигутов, приняв под свое верховенство уйгуров и карлуков, Чингис-хан обезопасил южный и юго-западный фланги и стал готовиться к войне с главным врагом в Восточной Азии — чжурчжэньским государством Цзинь. До сего времени власть чжурчжэньских императоров была верховной на материке — их старшинство признавали китайцы, корейцы, таигуты, татаро-монголы и многие другие менее многочисленные и сильные племена и народы. Теперь же Чингис готовился перенести центр тяжести восточноазиатского и центральноазиатского верховенства в свою орду.

Как сообщает Рашид-ад-дин, перед походом на Цзинь он, «опасаясь, как бы несколько из рассеянных племен еще раз не объединились между собой и не восстали бы [...] послал [...] в дозор две тысячи человек под начальством Тукучара [...] для того, чтобы, когда он сам пойдет в страну Хитай, тому быть у него в тылу в целях безопасности от племени моигол, кереит, найман и других, большинство которых он подчинил себе, да чтобы и его орды были также в безопасности». Знаменательно, что Чингис до сих пор опасался не только побитых им кереитов и найманов, помнивших былое величие Ван-хана и Таян-хана, но и прежде всего своих собственных моголов. Это еще раз убеждает нас в том, что претензии Кокочу на власть не были просто свидетельством личного влияния верховного жреца — за ним стояла оппозиция Чингис-хану внутри монгольских племен.

Нахата Майчжу, ведавшнй охраной северо-западных граннц Цзннь, доложнл своему государю Вэй-шао вану, что монголы после войны с тангутамн усиленно готовятся к войне с Цзинь: делают щиты, беспрерывно куют стрелы, а коней так берегут, что в укрепленнях солдаты самн возят на себе телегн. Цзиньскнй нмператор счел Майчжу паннкером и посаднл в тюрьму. А во второй луне 1211 г. (15 февраля — 16 марта) монгольскне армни напали на Цзннь н начали продвижение на юг н юго-восток.

Кнтайские авторы делят войну монголов с Цзинь на три этапа:

1. 1211—1216 гг. В этот период война велась непосредственно под командованнем Чннгнс-хана.
2. 1217—1229 г. — подчиненне Северного Кнтая под командованнем Мухали, а после его смертн под командованнем его сына Болу.
3. 1230—1234. Преемникн Чннгнс-хана Угэдэй и Тулуй в союзе с Южной Сун добили Цзннь. Как подсчнтали те же китайскне авторы, монголам на завоевание Сн Ся потребовалось 22 года, Цзннь —23, Южной Сун (всего Кнтая) — 44 года.

В «Юань шн» мы чнтаем: «2 месяц. Император лнчно возглавнл войска в походе на юг, разгромнл цзиньского генерала Днн Се в Ехулнн. Захватил уезды Дашуй, Ло, Фэнь н Лн». Пограничная армня Цзннь была большей частью сформирована нз разноплеменных войск, нз народов, покоренных чжурчжэнями. Это были сн, кидани, лишенные сто лет назад чжурчжэнямн господства в Северном Китае, населенне центральных районов Маньчжурнн бохайцы, тюркн-онгуты, которые, как мы знаем, и ранее поддерживалн контакты с Чннгнс-ханом. Часть этнх народов,— сн и кнданн, былн этнически блнзкн монголам. Основной корпус монгольских войск вторгся в пределы Цзннь от озера Далай-Нор. Отряд под командованнем Чжебе завладел погранпчной крепостью Няоюеин, на северо-западных рубежах Цзннь, укрепление Няошабао. Первые пораження привелн к перемещенням — командующнй войскамн Цзннь Дуцзн Сычжун (Цзяньцзяну) был снят с должностн, его заменнл Ваньянь Чэнюй (Хуша). Основные бон завязываются у г. Фучжоу, оставленне Фучжоу привело к утрате чжурчжэнямн городов Сюаньпин, Чанчжоу и Хуаньчжоу. Перед новым броском на юг Чннгнс-хан сделал передышку, чтобы дать отдых коням.

Цзиньские комаидующне знали об этом, одни из них предложил:

— Войско Чингнс-хана разграбнло город Фучжоу и занято дележом добычи. Монголы пустили коней на подножиый корм, беспечиы н неосведомлены. Если мы внезапно нападем на них, мы нх разобьем!

Но чжурчжэнн не реалнзовалн момента внезапности. Онн выслалн посла дабы узнать о прнчинах нападення, ио посол Мннгаиь переметнулся к Чингнсу и рассказал ему о подлинном состоянин армии Цзннь. Моиголы приготовилнсь встретнть чжурчжэней. Командующие Цзниь вместо наступлення сосредоточилн трехсоттысячную (по другим данным —400 тыс.) армию у хребта Ехулии (Лисьего хребта в соврем. провннции Хэбэй, к северу от городов Ваньцюань и Шаньфаибао), который прикрывал подступы во внутреиние районы Цзниь и к месту пребывания чжурчжэиьского императора — Средией столице Цзннь (г. Чжуиду, современный г. Пекнн). Эта огромная армня была разбнта. «Тайная исторня» свндетельствует: «ношло такое истребление, что кости трещали словно сухие сучья». Убнтых было столько, что «все степн стали издавать зловоние». Рашид-ад-дин: «В этом сраженни былн уничтожены зиамеиитые люди Хитая и Джурджэ». Основные силы цзиньской армни были уничтожены у крепости Куайхэбао (к востоку от соврем. г. Хуайаиь), погибли отборные части, лучшие войска Цзинь. Разбитая цзиньская армия ие смогла удержать монгольскне войска там, где имела на это шанс — у Великой китайской стены. Огромиая древияя стена не сдержала иатнска монголов и к осени 1211 г. монголы вышлн к заставе Цзюйюнгуань. «Когда Чингис дошел до Цзюйюна, дороги былн завалены грудами трупов убнтых, как гинлыми деревьями». Командующий войскамн крепости броснл Цзюйюнгуаиь на произвол судьбы и бежал. Чжебэ, видя намерение гаринзона крепости сражаться до последнего, решнл вымаиить его из-за стеи. Используя старый моигольский прнем, он начал отступлеине. Чжурчжэии вывели войска из крепости и сталн нх преследовать. Чжебэ повериул свою конннцу назад и вместе с подоспевшим Чнигисом еще раз наиес серьезное поражеине войскам Цзниь. Итоги сражения — «трупы на сто ли», «отрублено более 80 тыс. голов». Паденне Цзюйюигуань открыло монголам дорогу иа Пекин. В девятом месяце 1211 г. (9 октября — 6 ноября) онн появились у стен Средией столицы Цзинь.

Город готовился к осаде. Ни один мужчина не вышел из столицы — каждый воин был на счету, каждый мог понадобиться на городских стенах в грозный час осады. Вэй-шао ван хотел покинуть столицу, но войска поклялись стоять до последнего, и он остался, надеясь на перелом в ходе войны. Но пришло еще одно печальное известие: монголы напали на государственные пастбища и угнали лучших чжурчжэньских коней, резерв армии Цзинь. Тогда же против Цзинь восстал пограничный тысячник кидань Елюй Люге (в районе современного Гнрина в Маньчжурии) и вступил в контакт с монголами. В жизнеописании Елюй Люге сообщается, что он служил тысячником на северной границе Цзинь. «Тай-цзу поднял войска в Шофан. Люди Цзинь, опасаясь, что оставшиеся люди Ляо имеют другие намерения, приказали каждый двор Ляо стеснить двумя дворами чжурчжэней, живущих рядом, и охранять их».

Люге и его сторонник Еды в 1212 г. заключили союз с монголами, забив на горе Цзиньшань белую лошадь, белого быка и сломав стрелу. Сдавшиеся давали клятву на горе, оборотясь лицом на север. Чжурчжэни, разгневанные предательством, объявили награду за Люге по весу: за лян костей Люге один лян золота, за лян мяса Люге один лян серебра. Предавший Люге мог получить должность тысячинка. Предателей не нашлось, окружение Люге рассматривало его как нового борца за национальные интересы кидаией.

В 1213 г. 60 тыс. армия Цзинь с большим запозданием выступила в карательный поход против Люге. На помощь пришли монголы, они-то и разгромили экспедиционный корпус Цзинь. Почувствовав силу и безопасность, Люге решил возродить государство Ляо, он объявил о его создании, принял титул вана Ляо и объявил девизом своего царствования Юань-тун (Начало правления). Это была прямая претензия на независимость и, судя по данным «Юань ши», придворные убеждали Люге принять титул императора, на что Люге ответил: «Ранее я заключил клятвенный союз с Аньчэнь нойоном, желаю подчиняться Великому монгольскому государству!». Под командованием Люге находилась 100 тыс. армия и он контролировал всю Маньчжурию.

Далее события в Маньчжурии развивались следующим образом. В 1214 г. Люге разгромил новую 40 тыс. карательную армию Цзинь в районе г. Чанту (пров. Ляонин), овладел г. Сяньпин (соврем. г. Кайюань в этой

же пров.) и прилегающими к нему областями, объявил Сяньпин своей Средней столицей. В конце весны 1215 г. он атаковал Восточную столицу Цзинь (современный г. Ляонин, пров. Ляонин), который Чжебэ не сумел взять в 1212 г. Однако и его войска не имели успеха. Однако к этому времени во владении Люге было более 600 тыс. дворов. Его сподвижники кидане, жаждавшие восстановления былой мощи киданьской империи, были нетерпеливы. Чтобы спровоцировать Люге, они уничтожили отряд монголов в 300 чел. Но Люге не поддался на провокацию и не отложился от Чингис-хана. Тогда двое из его сподвижников Есыбу и Цину восстали. В 1216 г. Есыбу объявил себя императором и сделал своей столицей г. Лэнчжоу (г. Хэйчэн, пров. Ляонин). Государство свое он, естественно, назвал Ляо. Есыбу объявил девизом своего царствования Тянь-вэй (Грозная сила, дарованная Небом). Но грозная сила, лишенная поддержки, оказалась недолговечной. Есыбу был убит своими подданными, командующий его армией Цингоу бежал в Цзинь, а его сподвижник Цину был разбит Елюй Люге и бежал в Корею. Новая, третья по счету империя Ляо просуществовала, по даиным «Юань ши» всего 70 с лишним дней. Кидане не могли примириться с мыслью о невозможности в этом вихре событий восстановить свою былую славу. Были еще мятежи, но монголы и Люге стояли на страже: все они оказались подавлены, в 1219 г. Люге подчинил всех, а в 1220 г. умер.

Зиму 1211—1212 гг. Чингис-хан провел за пределами Цзинь, но поблизости от ее северных границ. Вопреки ожиданиям Вэй-шао вана, монголы не стали планомерно осаждать Пекин (неудача с осадой тангутской столицы еще была жива в их памяти, большие и хорошо укрепленные города они еще учились брать).

Весной 1212 г. монгольское наступление возобновилось. Войска двигались тремя колоннами под командованием Чингис-хана и его сыновей — Чжочи, Чагатая и Угэдэя. На этот раз основная тяжесть удара была перенесена на северо-западные и западные владения Цзинь. Здесь проводниками монголам служили онгуты. После овладения рядом городов в районе столицы Внутренней Монголии, монголы осадили Западную столицу Цзинь (соврем. г. Датун, пров. Шаньси). Чжурчжэни выслали войска на помощь осажденным, но Чингис заманил их к крепости Мигукой, разгромил наголову, вернулся к Западной столице и овладел ею. По данным

«Юань шн», при первой осаде Западной столицы Цзинь Чингис-хан был ранен стрелой и именно поэтому монголы вначале сняли осаду.

Зимой, в конце 1212 — начале 1213 гг., часть монгольской армии под командованием Чжебе двинулась в Маньчжурию, на Восточную столицу Цзинь. Это была родина чжурчжэньских племен, их святыня. Не сумев взять город с налета, Чжебэ прибег почти к той же тактике, что и при взятии заставы Цзюйюнгуань: «Он повернул обратно и медленно стал отходить назад. От привала к привалу доходили вести, что войско-де повернуло назад и ушло далеко. После того, как Чжебэ прошел «50 фарсангов, а население города уверилось в том, что войско ушло, он оставил свои обозы и, отобрав резвых меринов, выступил. Он спешно скакал ночью и днем, так что подошел к городу внезапно, нежданно-негаданно, и захватил его» (Рашид-ад-дин). Монголы разграбили Восточную столицу Цзинь (г. Ляонин), но удерживать его не стали и покинули. Армия Чжебэ присоединилась к войскам, осаждавшим Пекин.

1213 г. начался новым большим монгольским наступлением и новым разгромом цзиньских армий. В течение этого года они вновь подчинили себе все районы к северу от Пекина и области Цзинь, лежавшие к северу от реки Хуанхэ. Осаждался Пекин и несколько других крупных городов. Все области подверглись тотальному разграблению, население несло огромные потери, а жители г. Мичжоу (соврем. Чжучэн, пров. Шаньдун) по приказу Мухали были вырезаны поголовно. Мухали «вырубил» г. Мичжоу, как перевел это место из «Юань шн» известный русский китаевед первой половины XIX в. Н. Я. Бичурин (отец Иакинф). И при этом он пояснял: «Вырубить город означало: предать острию меча всех жителей города, не разбирая ни возраста, ни пола, ни состояния». Чжурчжэньские власти сгоняли в города окрестных крестьян, чтобы увеличить число осажденных. Монголы при взятии городов также гнали на штурм окрестных жителей. И зачастую стоящий на стене отец узнавал в рядах штурмующих своего сына, а брат сражался невольно против брата. Естественно, что ни у защитников, ни у сгоняемых на штурм людей не было желания сражаться. Монголы яростно атаковали города, они сдавались один за другим. Войска монголов вновь были поделены на три группы. Правая, западная группа под командованием Чжочи, Чагатая и

Угэдэя действовала к югу от хребта Тайхан и вышла на северный берег Хуанхэ в районе современных уездов Цзисянь и Мэньсянь пров. Хэнань. Левая, восточная группа войск под командованием Хасара действовала в восточных районах современной пров. Хэбэй; Чингис и Тулуй возглавлялн Центральную группу войск, они разграбили южные районы пров. Хэбэй и западные районы Шаньдуна. На огромном пространстве в несколько тысяч километров «почти все жнтели были перебиты. Золото и шелковые тканн, сыновья и дочери, волы и кони — все, подобно циновке, свернуто и увезено. Дома и хижины сожжены, городские стены превращены в развалины»,— так описаны в китайской истории «Тунцзянь ганму» последствия военных действнй монголов в Северном Китае в 1213 г. И здесь не обошлось без предательства. На сторону монголов со своими армнями перешли Шн Тяньэр и Сяо Бодн. Оба они стали темниками. В восьмом месяце 1213 г. (18 августа — 9 сентября) в Средней столице Цзинь был совершен государственный переворот. Вэй-шао ван был убнт, его место занял Хушаху, который взошел на трон как император Сюаньцзун (его посмертный титул).

В начале 1214 г. Чнгис-хан лично появился под стенамн Пекнна. Монгольские полководцы предлагали ему завершить поход взятием города. По «Юань шн», ставка Чнгнса раскннулась в северных предместьях Чжунду, «все полководцы просили, пользуясь победами, разгромить Янь (Пекни — Е. К.), нмператор не согласился».

Чнгис-хаи по непонятным прнчннам, может быть, нз-за усталостн войска, отяжелевшего к тому же от богатой добычн, отказался от штурма, и объявил императору Цзинь, что покидает территорню его государства н не прочь вступить с инм в переговоры о мире. «Отправил посла с приказом государю Цзинь: «Все областн н уезды твоего Шаньдуна и Хэбэя стали монми. Ты обороняешь лишь один Янь-цзнн. Поскольку Небо ослабило тебя, я снова поставнл тебя в опасное положение. Что же Небо говорит мне? Сейчас я возвращаю армин, ты же можешь одаривать (мон) войска, чтобы умерить гнев монх полководцев!».

Государь Цзнннь тотчас послал послов просить мира. Подарил (нмператору) дочь Вэй-шао вана принцессу Чжню гунчжу, золото, шелк, 500 юношей и девушек, 3 тыс. лошадей» («Юань ши»). Выкуп золотом и шел-

ком был огромен. Ограбив страну, монголы «так нагрузились шелками и вещами», что даже вьюки перевязывали шелковыми полотнищами («Тайная история»). Дочь Вэй-шао вана стала четвертой женой Чингис-хана, она звалась «гунчжу-хатун». Первый министр чжурчжэньского правительства (чэсисян) Ваньянь Фусин лично провожал Чингис-хана от Пекина до Цзюйюнгуань. Чингис, проехав заставу, и оставив за Великой стеной и горами китайскую равнину, приказал собрать несколько сот тысяч плененных молодых мужчин и женщин, тех, что попали в руки монголов в период опустошения ими Северного Китая в 1211—1214 гг. Не имея возможности использовать их как рабов в Монголии, или, может быть, видя в них будущих врагов, или, что вероятнее всего, в целях устрашения населения еще не тронутых монголами областей Цзинь, он приказал уничтожить их всех до единого. Горы трупов оставляла за собой армия Чингис-хана, покидая пределы Цзинь.

В пятом месяце (10 июня—8 июля) 1214 г. чжурчжэньский император покинул Среднюю столицу и переехал в Южную столицу Цзинь (современный г. Кайфэнь). В пути против Сюань-цзуна восстала часть армии, в основном отряды киданей. Они повернули обратно на север к Пекину, послав одновременно гонцов к Чингису с просьбой принять их в монгольское подданство. Чингис направил к ним войска под командованием предателя Мингана и в шестом месяце (9 июля — 7 августа) отдал приказ об осаде Средней столицы Цзинь. Мир, таким образом, длился всего лишь месяц. Пекин оказался в руках монголов. Город был разграблен, все его ценности вывезены. В Пекине оставлены наместники Джабар-ходжа и кидань Шимо Мингань. Осада Пекина, длившаяся после киданьского мятежа почти год, была суровой. Город голодал, «тамошнее население от чрезмерного голода ело человеческое мясо и умирало» (Рашид-ад-дин). Когда монголы ворвались в город, они начали избиение тех жителей, которые еще остались живы. Был подожжен дворец чжурчжэньских императоров. Пожар продолжался более месяца. Чингис не присутствовал при этом, он находился на севере: он плохо переносил летнюю жару.

Зимой 1214—1215 гг. Мухали совершил рейд в Ляодун. Он осадил Северную столицу Цзинь (соврем. г. Далинчэн). Правитель города добровольно сдался монголам.

В целом, по даниым «Юаиь ши», на осень 1215 г. монголы заняли 862 обиесениых стенами города Цзинь.

1214 г. обернулся еще одним серьезным бедствием для чжурчжэней. В отместку чжурчжэням за отказ помочь им в трудную минуту, влекомые легкой добычей тангуты с 1211 г. тревожили пограничные райоиы нмперии Цзинь. С 1214 г. эти иападения переросли в таигутско-чжурчжэиьскую войиу 1214—1224 гг. Вместо выступления совместными усилиями против монголов тангуты н чжурчжэии нзнуряли свои н без того слабые силы в этой никчемной войне приблнжавшей гибель обоих государств.

Ограблению и разорению подверглись все райоиы к северу от Хуанхэ, включая и современный Шаньдун, так как в 1194 г. река Хуаихэ переменнла русло. В конце 1215 г. монголы предложили чжурчжэням мир на двух условиях: чжурчжэни отказываются от всей территории к северу от Хуанхэ, их император отказывается от императорского титула и, сохраннв за собой титул вана (князя), правит оставшимнся у иего южными областями Цзинь. Чжурчжэни не прниялн этих условий.

В 1216 г. Чингис-хан возвратился в свою ставку в Монголию иа реку Керулен. Для того, чтобы припугнуть еще раз чжурчжэней, монголы, пройдя через территорню таигутского государства Си Ся, напали на западные и южные районы имперни Цзинь. Они появились у стен Южной столицы Цзинь г. Бянь (г. Кайфэия). Чжурчжэии стянули в Бянь огромную армию, лишив всякой защиты остальные области страны. Монголы совершенно безнаказанно опустошнли их и, нагруженные богатой добычей, ушли иа север.

На этом закончился первый пернод активных войн монголов с чжуржэнями. Монголы в основном грабили н разоряли территорию чжурчжэньского государства. Онн не осванвали завоеванную территорню и, как правило, не оставлялн своих гарнизоиов. Часто после ухода монгольских отрядов на разоренной земле восстаиавливалась администрацня Цзинь. В этом была одна из прнчии того, что чжурчжэии ие согласились уступить территорию к северу от Хуаихэ. Итогом войны для моиголов была военная победа н богатая добыча.

«После того, как Чингиз-хан в течение этих трех-четырех упомянутых лет завоевал и покорил вышеперечисленные города н крепостн, принадлежащне к владениям Китая, вышензложенным образом,— сообщает Ра-

шид-ад-дин,— он вериулся обратно из той страны победителем и победоносным. В том же году мыши, счастливый и достигший желаемого, ои соизволил расположиться в своих ордах. И все!»

Отныне, по мнению Чингис-хаиа, чжурчжэням было воздано за все обиды, причинеиные его предкам. Месть была ужасной. Мы уже упоминали о горах трупов. Приведем еще два примера. Город Баочжоу (соврем. Баодин, пров. Хэбэй) пал. Моиголы выгиали из города всех его жителей. Город разграбили. Затем виачале убили всех старнков, а через два дия вырезали все оставшееся население города, и старых и малых, и богатых, и бедных. Было убито враз несколько сот тысяч человек, трупы в буквальном смысле слова громоздились горами. По сообщеиию «Тайной нстории», когда император Цзииь бежал с севера иа юг, его армия была в таком состоянии, что «уцелевшие китайские войска испытывали такой голод, что умирающие с голоду солдаты, убивая друг друга, ели человеческое мясо».

Да, разореиие было ужасным, а добыча победителей велика. Они везли драгоценные металлы, шелк, посуду, Монголия переполнилась трофеями и рабами, плениых был избыток и их уиичтожали, в том числе и для устрашения тех, кого еще предстояло покорить и ограбить. Монголы получили огромиое количество оружия и воеиной техники, воеиных инжеиеров, которые умели обращаться с техникой и могли обучить этому других.

Впечатляющим итогом первых пяти лет войиы с Цзинь явилось и массовое предательство кидаией и китайцев, их переход на сторону моиголов. Как писал Л. Гамбис, «первая кампания монголов была лишь опустошительиым вторжеиием... однако восстаиие кидаией дало ему в руки средство возобиовить завоевание в лучших условиях в последующие годы». Из перешедших иа сторону монголов солдат и генералов Цзинь разных национальиостей, они, по подсчетам Л. Гамбиса, сформировали 46 воинских соединений. Было отиыне кому продолжать завоеваиие Цзинь, и именно после этого армия Чиигис-хаиа стала превращаться в интернациональиое, многоплеменное сборище завоевателей и грабителей. Для государства Цзинь итогом пяти лет войны были разорение и упадок. Как писал чуть позже Чжао Хуи, «татары теснили их до стен Яньцзина. Когда же эта война кончилась, военные силы, созданные цзииьскими разбойниками за столетие, почти полностью

были уничтожены и рассеялись. Их государство пришло в упадок».

Второй этап завоевания Цзинь связан с именем Мухали. В 1217 г. Мухали был пожалован тнтулом го ван (князь государства), грамотой на право управлять и вести войну в Северном Китае, золотой печатью, которой закреплялось его право на Северный Китай. Надпись на грамоте гласила: «Сыиовья и внуки непрерывно из поколения в поколенне будут передавать друг другу государство». Из приказа Чингис-хана: «Землн к северу от (гор) Тайхан, освоил я, Земли к югу от (гор) Тайхан — к ним приложишь (свон) усилия ты». Мухали получил парадный экипаж, девятихвостое знамя, трон из серебра. Всем было объявлено: «Отдавая приказ, Мухали ставит это знамя, а это равносильно тому, что прибыл я сам лично». Мухали впервые учредил полевые походные провинциальные управления (синшэн), приказал составить карты Центральной равнины (Чжунюань), Северного Китая. Он неукоснительно исполнял приказ Чингис-хана.

Когда в 1222 г. появилась какая-то необычная звезда, и генералы, ссылаясь на небесное знаменье, предлагали приостановить наступательные походы, Мухали сказал: «Государь приказал мне подчиннть Центральную равнину. Ныне, хотя и покорен Хэбэй (областн к северу от Хуанхэ), но Хэнань (области к югу от Хуанхэ) и Циньгу (западные районы Цзннь) еще не покорены. Если я не стану идти вперед из-за небесного явления, то когда же я подчиню Поднебесную? Разве нарушив приказ государя, я сохраню верность?».

Мухали широко использовал воинские формнрования из населения Цзинь. Кнтайцы, киданн воевали н с монгольской, и с цзиньской стороны. В этот этап войны монголы не только разоряли и грабили, но н осванвали завоеванные территории. Китайское население Цзннь ненавидело чжурчжэней и часто добровольно переходило на сторону моиголов.

Знатное семейство ши создало общество Цнн лэ шэ — общину чистой радости, армию Цин лэ цзюнь — армию чистой радости, общины н армня активно помогали монголам. Кидань Ван Сюнь создал общество Бао циньцзу — Защитим родню. Он прнвел на сторону монголов 100 тыс. чел. На стороне монголов действовала кнтайская Черная армия.

Чингис поощрял тех, кто переходил на его сторону,

давал им высокие титулы и власть. Северный Китай, несмотря на то, что там шла война, постепенно становился базой для завоеваний монголов на западе. Военные действия шли в основном на территориях современного Шаньдуна, провинций Шаньси и Шэньси. К 1222 г. монголы взяли Тайюань и Чаньань (современный г. Сиань). В этом году в возрасте 54 лет от болезни скончался Мухали. Перед смертью он сказал младшему брату Дайсуню: «Я был помощником создания государства. Вершил великое дело. Носил доспехи и держал в руках оружие 40 лет. Совершал походы на восток, покорял запад. Не о чем сожалеть, кроме одного: не покорил Бяньцзин. Ты справься с этим».

Последние годы жизни Чингис-хана были отмечены в Северном Китае мощным землетрясением в Хэбэ, результатом которого было народное восстание против монголов и переход части завоеванных территорий обратно к Цзинь, а также враждой двух крупнейших китайских военачальников, перешедших на сторону монголов — Ши Тяньэра и У Сяня. Кончилось это тем, что У Сянь убил Ши Тяньэра и сдался Цзинь. Ши Тяньцзэ, брат убитого, силами монгольских войск разгромил У Сяня, тот бежал в Бянь. Постепенно Хэбэй снова был подчинен монголами.

В 1227 году — году смерти Чингис-хана, монголы полностью завоевали Шаньдун. Перед смертью Чингис-хан завещал добить Цзинь в союзе с китайцами, с Сун, и даже сказал, что войну следует начать с овладения заставой Тунгуань на западе страны. В 1230 г. Угедэй, преемник Чингис-хана, лично пошел войной на Цзинь в указанном Чингис-ханом районе. В 1232 г. в битве при Тунгуань войска Цзинь потерпели сокрушительное поражение. Командующий гарнизоном Тунгуаня Е Сяньгуань сдался монголам. Войска под командованием Субетая начали осаду Бянь. Город был переполнен людьми. Начались голод и эпидемии. По некоторым данным умерло около 900 тыс. чел. Город пал. Император Цзинь бежал. В 1232 г. монголы заключили союз с Сун для окончательного завоевания Цзинь. Условием договора со стороны Сун было возвращение Сун всех земель Хэнань. В 1234 г. последний цзиньский император Ай-цзун укрывался в г. Цайчжоу (соврем. Жонань, пров. Хэнань). Монгольские и сунские войска осадили город. Ай-цзун покончил с собой, город пал. Династия Цзинь и государство Цзинь прекратили свое существование.

Все это произошло уже через 7 лет после смерти Чингис-хана. На очереди оказалось государство Сун и весь Китай, но описание его завоевания уже не входит в нашу задачу.

Итак, в 1216 г. Чингис-хан возвратился в Монголию на Керулен и помыслы его отныне были обращены на завоевание запада. Чтобы быть уверенным в своих тылах, Чингис-хан решает еще раз припугнуть своих северных и южных соседей.

В 1216 г. Субетай-баатур и Тукучар-баатур по его приказу совершают поход на север против многократно битых меркитов, ибо Чингис узнал, что меркиты «снова устроили там свое сборище и хотят начать враждебные действия». Чингис всегда больше боялся своих татаро-моголов, чем внешних врагов. Полководцы Чингиса «разбили племя меркит и всех перебили, так что никого из них не осталось в живых». Лишь сын одного из вождей меркитов Куду, стрелок Мэргэн был взят живым и доставлен Чжочи. Чжочи просил Чингиса помиловать Мэргэна, но получил отказ: «Я для вас приобрел так много государств и войск, так что зачем он вам»,— повелел он ответить сыну. «По этой причине,— сообщает Рашид-ад-дин,— его (Мэргэна) также прикончили, и от этого племени не осталось и следа. Аминь!».

Зимой 1217—1218 г. монголы еще раз попробовали покончить с тангутским государством. В феврале 1218 г. они во второй раз осадили столицу Си Ся, предварительно захватив и разграбив ряд тангутских городов. Государь тангутов Цзунь-сяи, подобно чжурчжэньскому Сюань-цзуну, струсил и отказался лично возглавить оборону столицы, приказав оборонять город наследнику престола Дэ-жэну. Сам Цзунь-сян уехал в Силян (соврем. г. Увэй, пров. Ганьсу) и оттуда выслал к монголам посольство для переговоров. Его страх и стремление уладить дело миром можно объяснить тем, что тангуты были великолепно осведомлены о том, что натворили монголы в Цзинь. Монголы уже готовились к походу на запад. Длительная осада столицы Си Ся — а они уже знали, что взять крупный и хорошо укрепленный город отнюдь не просто — не входила в их расчеты. Тангутское государство, кроме того, находилось в состоянии столь выгодной для монголов войны с Цзинь. Поэтому во время переговоров Чингис-хан потребовал от тангутов одного — их участия в походе на запад. Война с Цзинь показала, что воевать чужими руками удоб-

ней. Посол от имени Чингис-хана передал тангутскому государю: «Ты обещал быть моею правой рукой. Так будь же ею теперь, когда я выступаю в поход на сартаульский народ, который порвал мои золотые бразды!»

Тангуты ответили решительным отказом. Чингис-хан, пообещав расправиться с ними после возвращения, приказал отвести монгольские войска с территории Си Ся.

Что представлял собой Северный Китай после монгольского нашествия, видно из рассказа Беха-ад-дина Руди, главы посольства хорезмшаха к Чингису, которого он застал еще в пределах Цзинь: «Везде были видны следы страшного опустошения; кости убитых составляли целые горы; почва была рыхлой от человеческого жира; гниение трупов вызывало болезни», от которых погибли некоторые из спутников Беха-ад-дина. «У ворот Пекина лежала огромная куча костей». Столь страшной была чингисова месть за Амбагай-хагана. Так заявил о себе Чингис-хан всему миру через десять лет после великого курилтая.

ОТРАРСКАЯ КАТАСТРОФА

> И я взглянул, и вот конь бледный и на нем всадник, которому имя смерть, и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою частью земли умерщвлять мечом и голодом, мором, и зверями лесными.
>
> *Апокалипсис, XI, 8*

На западе ближайшими соседями и врагами Чингис-хана были: государство кара-китаев Западное Ляо (Си Ляо), государство хорезмшахов и кипчакская степь.

Самое могущественное государство хорезмшахов (1097—1231). В последние десятилетия своего существования оно включало территории Мавераннахра, Хорасана, Мазендарана, Кермана, Персидского Ирака, Азербайджана, Сиджистана и Газны. В начале XIII в., когда на мировую арену вышла монгольская держава, хорезмшах Ала-ад-дин Мухаммед вел войны с кара-китаями и местными владетелями Средней Азии. В 1207 г. он овладел Бухарой. В войне с кара-китаями хорезмшах попал в плен, но сумел бежать. Он платил дань кара-ки-

тайскому гур-хану. Но фортуна уже была не с кара-китаями. В 1208 г. хорезмшах взял города Герат и Хорезм.

Сила постепенно уходила от кара-китайского гур-хана и переходила к хорезмшаху. В 1209 г. в столицу прибыл за данью посол гур-хана Туши. Его наглое поведение (он уселся на султанский престол рядом с хорезмшахом) кончилось для него трагически; посол и его свита были изрублены и брошены в Аму-Дарью. Враги сошлись в Иламышской степи и аллах даровал правоверным победу над неверными. Кара-китаи бежали, жители столицы гур-хана г. Баласагун закрыли городские ворота и не пускали своих правителей-поработителей. 15 дней гур-хан осаждал свою собственную столицу. 47 тыс. знатных горожан поплатились жизнями за непокорство, а все жители города были ограблены. Исламский мир оценил победу хорезмшаха как победу ислама над безбожниками и хорезмшаху был дарован титул Второго Александра Македонского (Искандер-и Сани) и Двурогого (Зу-л Карнайна)*. К этому времени было добавлено имя сельджукского султана — «султан Санджар», а на печати для подписи указов и документов хорезмшаху вырезали «скромный» текст — «тень Аллаха на земле». В 1212 г. против власти хорезмшаха произошло восстание последнего из караханидов Усмана в Самарканде. Хорезмшах Самарканд взял, Усмана казнил, а 10 тыс. своих новых подданных убил.

В 1211 г. Кучлук, сын найманского Таян-хана взял в плен и лишил власти кара-китайского гур-хана. До этого Кучлук пользовался его доверием и был женат на его дочери Кунику. Дочь гур-хана была женщиной волевой, она заставила Кучлука сменить веру и из христианства перейти в буддизм. Кучлук видел, что многие в государстве кара-китаев тяготятся властью гур-хана и решил овладеть его троном.

Когда Кучлук узнал о поражении гур-хана от меча хорезм-шаха, «он, со всею поспешностью выступив, напал на него (гур-хана — Е. К.) в то время, когда войско того было рассеяно, и окружил его. Так как гур-хан не имел другого выхода, он захотел смиренно преклониться перед ним. Кучлук этого не допустил и смотрел на него как на отца, внешне оказывая ему почте-

---

* Александр Македонский известен в исламском мире как Искандер Двурогий.

ние, сам же... захватил в свои рукн области Туркестана, которыми владел гур-хан, и его царский сан. Гур-хан спустя два года отдал богу душу от горя, а казнохранилища, имущество, войска и движимое достояние, которые были собраны и накоплены в течение трехсот пятн лет — все это попало в рукн Кучлука» (Рашид-ад-днн).

Кучлук повел негибкую внутреннюю политику. Сам ренегат, сменивший христианство иа буддизм, он особенно преследовал мусульман, «раскрыл над подданными длань наснлия и вымогательства». Кучлук требовал от мусульман Хотана сменить веру на христианскую или буддийскую. Он устронл «диспут» с мусульманскими богословами Хотана, который кончился тем, что один из них оскорбил государя, сказав Кучлуку: «Да будет прах тебе в рот, о, враг истннной веры», за что был распят на дверях своего медресе. С тех пор владения Кучлука стали для него словно горячие угли.

Это было в то время, когда Субетай-баатур был послан в поход на меркитов. Ведь несмотря на сообщение Рашид-ад-дина о том, что все меркнты были поголовно истреблены, на самом деле часть их бежала в Кыпчакские степи (Казахстан). Блнже всех к этим местам оказался Чжочн, правитель «лесных народов». Как сказано в «Юань ши», «в их период становлення государства (Чжочн) являлся великим князем (цинь ваном) и ему был выделен и пожалован северо-запад. Эти землн крайне отдалены, находятся в нескольких десятках тысяч ли от столицы. При скорой езде на почтовых перекладных лошадях, чтобы доехать туда, требуется более 200 дней». Чжочн н было приказано добить меркитов, и, несмотря на расстоянне, приказ поступил к нему вовремя.

Итак, монгольский отряд под командованнем Чжочи преследовал меркитов.

В это же время в походе на север протнв кыпчаков находился н хорезмшах. Когда хорезмшах явился на поле битвы, монголы уже покончилн с меркитамн. Чжочи не хотел вступать в сражение с хорезмшахом и объявил, что Чннгис-хан послал его только протнв меркнтов. Мухаммед надменно заявнл, что он считает своими врагами всех неверных, т. е. не мусульман, н навязал моиголам сражение.

По сведенням Ибн аль-Асира, «длилась бнтва три дня да столько же ночей, н убито было с обенх сторон

столько, что и ие сочтешь, но не обратился в бегство ии один из них... Дошло дело у них до того, что иной из них слезал с коня и пеший бился со своим противником. Дрались они на ножах, и кровь текла по земле до такой степени, что лошади стали скользить по ней от множества ее. Наконец, обе стороны истощили свои силы в терпении и в бою».

С наступлением темноты сражение прервали. Когда же на следующее утро мусульмане решили продолжать бой, они не обнаружили монголов: монголы отступили ночью, оставив, как это делали обычно, зажженные костры, которые и обманули мусульман.

А надо сказать, что в душе хорезмшаха давно уже таилась мысль о походе в Монголию и в Китай и о завоевании этих стран. Он постоянно расспрашивал купцов о богатствах восточных стран. Успехи хорезмшаха были серьезны: постепенно на западе вызревал новый Чингис-хан. Росла и его алчность.

Джузджани сообщает: «Мы, его слуги и придворные, пытались отговорить хорезмшаха от этой навязчивой идеи, мотивируя свои соображения дальностью расстояний, трудностями пути и другими препятствиями, но хорезмшах стоял на своем. А когда до него дошли слухи о том, что Чингис-хан завоевал Китай, он решил узнать, достоверны ли эти слухи и отправил в Китай посольство во главе с благородным сейидом Баха ад-дином ар Рази».

Чингис-хан принял послов хорезмшаха приветливо, одарил их, послал дары хорезмшаху и сказал послу:

— Передай хорезмшаху: «Я — владыка Востока, а ты — владыка Запада. Пусть между нами будет твердый договор о дружбе и мире и пусть купцы и караваны обеих сторон отправляются и возвращаются, и пусть дорогие изделия и обычные товары, которые есть в моей земле, перевозятся ими к тебе, а твои в таком же порядке пусть перевозятся ко мне!»

И хоть акад. В. В. Бартольд считал, что: «Едва ли Чингис-хан мечтал в то время о всемирном владычестве». Но договор, приведенный выше, больше походил на своеобразный «раздел мира», видимого и досягаемого для обоих. Это первое и важное свидетельство того, что Чингис после победы над Цзинь уже не думал ограничить свое государство пределами Монголии, а мыслил категориями стран света. Он считал себя владыкой Востока, присваивая на востоке все то, до чего только был

способен добраться его воии иа выиосливом степиом коне.

В ответ на посольство хорезмшаха Чингис отправил к нему свое с богатыми дарами, в числе которых был кусок золота величиной с верблюжий горб — его везли на отдельной телеге; иефрит, мускус, ткани из верблюжьей шерсти. Мухаммед принял послов в Бухаре. Послы передали Мухаммеду, что Чингис-хан слышал о его победах, славе и могуществе, что он предлагает ему мирный договор и готов считать его «наравне с самым дорогим из своих сыиовей», т. е. по понятиям дальиевосточиой дипломатии заявлял, что призиаиие признанием, а равенства между иими быть не может. Чингис — отец, старший, сюзереи. В подтверждение этого Чингис выразил иадежду, что и Мухаммеду извести о его победах в Китае. За внешией приветливостью его речей таилась угроза: «Ты для меия как самый дорогой мой сын. Не в тайне и для тебя, что я завладел Китаем и соседними странами тюрок, уже покорились мне их племена».

Что ответил хорезмшах послам Чиигис-хана, иеизвестио. Но ночью тайио он призвал во дворец главу посольства Чингиса хорезмийца Махмуда. Махмуду было предложено стать соглядатаем при дворе Чингис-хаиа и был задаи ряд вопросов:

— Правду ли сказал мне Чиигис-хаи, заявляя, что он владыка Китая и что он захватил город Тамгадж. Так ли это на самом деле?

— Да, он сказал правду. Такое великое дело не может оставаться тайной, и скоро султаи сам убедится в этом.

— Ты знаешь каковы мои владеиия и как они обширны, зиаешь, как многочисленны мои войска. Кто же он, этот проклятый, чтобы называть меия своим сыиом? Какое у него войско?

— Войско Чингис-хаиа в сравиеиии с армиями хорезмшаха все равно, что одинокий всадиик перед конницей или дымок против ночного мрака.

Поначалу Махмуд предостерег хорезмшаха: «Скоро султан сам убедится в этом», ио потом он, как говорят мусульманские авторы, «отказался от искреиности» и дал хорезмшаху прямую дезинформацию об армии Чингис-хана. Может быть, купец испугался и решил, что если скажет правду, то ие выйдет из дворца хорезмшаха живым. Хорезмшах подарил ему драгоцеииый ка-

мень, призывал его быть патриотом, помнить, что он хорезмнец.

Договор был заключен, послы возвратнлись к Чингнсу, а ночные показания Махмуда, вольные или иевольиые, имелн самые тяжкие последствня для его родины.

И. П. Петрушевский отметил, что судя по допросу Махмуда, «хорезмшах не имел никакого понятия о действительном положеиин империн Чингис-хана, ни о его военных силах». Чиигис же поддерживал тесные связн со среднеазнатскнми купцами, в его орде имелись перебежчнкн из Средней Азии и потому «иельзя представить себе, чтобы Чингис-хан от этих лнц не мог получнть необходимой для него информации за год-два до иачала войны». Думается, что н хорезмшах имел коекакую информацию и от посольства Беха ад-дииа, н от других своих посольств, от беглых из Китая в Моиголии, от уйгуров и карлуков, от Кучлука, накоиец. Не мог же он поверить в то, что Чингис с ннчтожиой армией завоевал Кнтай. Хнтрый купец угадал тайиое желанне хорезмшаха н сообщил, сказал ему то, что было приятно его сердцу. Хорезмшах желал услышать неправду и он ее услышал.

В те годы мусульманские купцы держали в своих руках всю торговлю между Средней Азией и Ближним Востоком, с одной стороны, и Моиголией н Кнтаем — с другой. Чингнс-хаи отправил во владеиия хорезмшаха огромный торговый караваи — 450 мусульмаиских купцов везли на 500 верблюдах товары Чингнса, награбленные в страие таигутов и государстве чжурчжэней: золото и серебро, китайские шелка, собольн и нные меха нз Южиой Снбирн н севериых областей Цзннь. В составе каравана, помнмо купцов, были монголы, с караваном прибыл и посол Чингнса Ухуна. Официально прибывшие с караваном люди имели задание «отправнтсья в земли хорезмшаха, заияться там торговлей н приобрести редкие н ценные товары того края».

В посланин, которое вез Ухуна, говорилось: «Купцы являются опорой страиы. Это оии привозят владыкам диковинкн и драгоцеииости и иет нужды препятствовать нм в этом. Я со своей стороиы ие намереи мешать нашим купцам торговать с вамн. Надо, чтобы мы оба действовалн совместио ради процветаиия нашнх краев. Поэтому мы приказалн, чтобы отиыне между всемн страиамн иа земле устаиовился мир, чтобы купцы безбоязиеино направлялись во все края. Богатые и бедные

будут жить в мире и благославлять Аллаха» (З. Буниятов). В посланин был одни изъян, который не могли не заметить в государстве хорезмшаха: Чингис «приказал», чтобы между всеми странами на земле установился мир. В посланин Чингис-хаи заявлял себя уже владыкой мира!

Караван Чингиса прибыл на границу владений хорезмшаха в город Отрар (находился на среднем течении реки Сыр-Дарьи, развалины его сохранились в 7 км к северо-востоку от железнодорожной станции Тимур). О дальнейших событиях арабский историк Ибн-аль-Асир рассказывает следующее: «Пришли они (купцы) в один из тюркских городов, называемый Отраром и составлявший крайнее владение хорезмшаха, у которого там был наместник [...] послал к хорезмшаху уведомить его об их прибытии и сообщить ему об имуществе, которое было при них. Хорезмшах прислал ему приказание убить их, отобрать имущество, находящееся при них, и прислать его к нему. Он (наместник) убил их и отослал, что при них было, а вещей было много. Когда посланные прибыли к хорезмшаху, то он разделил его между купцами Бухары и Самарканда и взял с них стоимость его (розданного товара)». Есть и иные в деталях версии этого события. Согласно им Мухаммед только приказал Гейдар-хан Иналу (Иналчику), наместнику Отрара, задержать купцов, а тот убил их уже по собственному почину, предварительно обвинив в шпионаже. Многие исследователи допускают, что сопровождавшие караван монголы могли иметь задачу разведать состояние дел в государстве хорезмшаха, «должны были заняться разведкой во владениях хорезмшаха» (З. М. Буниятов). Как бы там ни было, очевидно, что купцы и сопровождавшие караван монголы стали жертвой жадности и подозрительности наместника Отрара и самого хорезмшаха. Так, З. М. Буниятов прямо пишет, что «ответственность за это преступление лежит на главе государства, так как расправа над купцами противоречила общеизвестным в то время нормам взаимоотношений между владетельными лицами. Кроме того, были убиты послы, которые находились под защитой общепринятых норм обычного права».

Только одному купцу (есть версия — погонщику верблюдов) удалось спастись и привести страшную весть Чингис-хану. Скорее всего, этот человек был оставлен в живых намеренно. Он должен был рассказать Чинги-

су, что стало с его шпионами, соглядатаями, которых при караване, видимо, было немало. «Эти люди, не бывшие купцами, получили,— как писал И. П. Петрушевский,— и другое задание... этим заданием скорее всего могла быть военная разведка». По сведениям некоторых мусульманских авторов, люди Чингис-хана уже начали работать, они запугивали жителей Отрара «грядущим бедствием» (Насави), т. е. нашествием монголов. Из сообщения Мухаммеда ибн Кас Рази известно, что до нападения монголов на Хорезм по городам государства хорезмшаха ползли слухи о готовящемся нашествии, эти слухи вызывали панику среди населения. Что было делать хорезмшаху? Допустить беспрепятственно деятельность таких людей? Или пресечь ее. Он был настроен решительно, хотя внутренне и колебался. Хотя в трехсуточном сражении с Чжочи он потерял 20 тыс. воинов, но ведь поле битвы осталось за ним? Ан-Насави писал, что после битвы с Чжочи «душой султана овладел страх», так как он убедился лично в храбрости и военном мастерстве монголов. Но не будем забывать о том, что это было написано уже после того, как монголы завоевали владения хорезмшаха. И только позже стали ясны последствия резни в Отраре.

Джувэйни (тоже позднее) писал: «За каждую каплю их (купцов Чингиса) крови там потекли целые реки, кажется, что в воздаянье за каждый волос с их голов сотни тысяч голов валялись в пыли на перекрестках дорог». Наверное, и хорезмшах Мухаммед и Гейдар-хан Инал могли поступить как-то иначе, не давать повода в руки Чингис-хана. Мы не знаем всех обстоятельств, видимо, ясно одно: они знали об опасности, но думали, что у них достаточно сил, чтобы справиться с ней.

Получив известие о гибели каравана в Отраре, Чингис-хан послал посольство с запросом во главе с Ибн Кафраджени Богра. Основным требованием Чингис-хана была выдача Гейдар-хана Инала. Сохранилось две версии «послания» Чингис-хана хорезмшаху. По одной из них его посол передал: «Ты даровал подписанное твоей рукой обещание обеспечить безопасность купцов и не нападать ни на кого из них, но поступил вероломно и нарушил слово. Вероломство мерзко, а со стороны султана ислама еще более. И если ты утверждаешь, что совершенное Иналом сделано не по твоему повелению, то выдай мне Инала, чтобы мы наказали его за преступление и помешали кровопролитию. А в противном

случае — войиа, в которой самые дорогие души станут дешевы и древки копий переломятся». Судя по тексту послания получается, что был какой-то письменный договор между Хорезмшахом и Чиигис-хаиом — «подписаиное твоей рукой обещаиие». Мы о нем иичего не знаем. Из этого же текста явствует, что хорезмшах сразу после случившегося в Отраре послал к Чиигису людей с увереииями, что происшедшее в Отраре было сделано не по его «повелеиию».

Вторая версия (Ас-Субки) представляется более правдоподобной. «Сообщи мне, то что произошло — случилось ли по твоему желанию? Если это случилось не по твоей воле, тогда мы требуем кровь убитых и твоего наместника в Отраре, которого надобио доставить к нам в самом жалком виде, уииженным и обесчещенным. Но если это сделано по твоей воле, тогда ответственность несешь ты, ибо я ие исповедую твою религию и не одобряю этих действий. Ты принадлежишь к религии ислама, а ведь купцы эти тоже были твоей религии. Тогда как же расценивать этот приказ, который ты отдал?»

Странио, что Чиигис-хан простил хорезмшаху стычку (войну!) с отрядом Чжочи, где только убитых со стороны султаиа было 20 тыс., значит, речь шла и о тысячах жизней монгольских воинов, и столь огромное значение придал иициденту в Отраре? Ведь хорезмшах прямо заявил Чжочи, что сам Аллах велит ему сражаться с монголами. Говорят, что хорезмшах ие мог выдать Инала, так как тот был его двоюродным братом со стороны матери и имел многочислеиную зиатную и влиятельную родню. Возможно, это и так, ио зачем было хорезмшаху выдавать Ииала, если он зиал, что война иемиуема, готовился плохо или хорошо к ней и решился воевать тогда, когда не захотел стать «сыиом» Чингис-хана, уже полагавшего себя владыкой вселеиной и скрестил с ним оружие в степях Казахстана. После страшиых и кровопролитиых войи всегда кажется, что войны можно было избежать. Но... история не повторяется.

Сын хорезмшаха Джелал-ад-дин советовал выдать Инала. Хорезмшах приказал посла Ибн Кафраджа Богра убить, а двум его сопровождающим отрезать бороды. Позже мусульмаиские авторы заклеймили этот поступок шаха: «И ие было никогда более мерзкого действия, чем это. Каждая капля их (послов) крови была

оплачена потоками крови мусульман» (Ас-Субки). Это тоже оценка по результату, оценка справедливая, но ее не было бы, одержи победу хорезмшах. С оскорбленными послами хорезмшах послал ответ Чингис-хану:

— Я иду на тебя, хотя бы ты был на краю света, чтобы отомстить и поступить с тобой так, как поступил с твоими сторонниками! Шах угрожал хану смертью и это было объявлением войны.

По рассказу Рашид-ад-дина, «дерзость» хорезмшаха произвела «такое действие на сердце Чингис-хана, что у него не осталось больше сил для стойкости и спокойствия. В этом пламени гнева он поднялся в одиночестве на вершину холма, набросил на шею пояс, обнажил голову и припал лицом к земле. Трое суток он молился и плакал... После этого он почувствовал в себе признаки знамения благовестия и бодрый и радостный спустился оттуда вниз, твердо решившись привести в порядок все необходимое для войны. Три дня Чингис обращался в Вечному Синему Небу, и до его синих сводов долетало:

— О господь и создатель вселенной! О творец тазиков и тюрок! Не я был зачинщиком этой смуты! Даруй же мне силу для отмщения!

Такова мусульманская версия, ее суть: во всех бедствиях, обрушенных монголами на исламский мир, виноват хорезмшах. И сейчас еще бытует версия о том, что монголы завоевали полмира только потому, что люди в других странах убивали их послов. Это не имеет ничего общего с реальной действительностью тех трудных и страшных лет.

«Тайная история» объясняет западный поход не только местью Чингиса за убийство послов, но и, самое главное,— отказом повиноваться, попыткой порвать златоцветные «поводья» Чингис-хана, которыми он если еще и не взнуздал, то уже решил взнуздать сартаульский народ.

«Затем, когда сартаульцы задержали и перебили сто человек наших посольских людей, отправленных к ним во главе с чингисхановым послом Ухуна, государь Чингис-хан сказал: «Пойду войною на сартаульский народ и законною местью отомщу за сотню своих посольских людей во главе с Ухуна. Можно ли позволить сартаульскому народу безнаказанно обрывать украшенья моих златоцарственных поводьев?»

На решение хорезмшаха не ждать, когда притяза-

ния Чингис-хана станут еще более жесткими и оскорбительными, могло повлиять и то, что он знал о стремлении арабов, халифа багдадского подбить Чингиса на войну с ним. По сообщениям Насави, к Чингис-хану ездило посольство халифа Ал-Насира, которое предлагало монголам начать войну с хорезмшахом. Хорезмшах воевал с ал-Насиром и не признавал его высшей власти, и Насир еще ранее пытался столковаться о союзе против хорезмшаха с Кучлуком, гонителем и притеснителем мусульман. Ибн Васил сообщает, что «когда хорезмшах двинулся на Багдад, халиф написал Чингис-хану, владыке татар, подстрекая его напасть на страну хорезмшаха». Схожие сведения есть и у Ал-Макризи: «В его (ал-Насира) правление татары опустошили страны Востока... Причиной тому было следующее: он действительно писал им, подстрекая их к нашествию на эти страны, страшаясь султана Ала-ад-дина Мухаммеда, сына хорезмшаха, когда тот вознамерился захватить Багдад».

Послы халифа скорее всего передали Чингис-хану ценную информацию о состоянии дел у хорезмшаха. И Чингис-хан и хорезмшах были в зените своего могущества и славы. Один из них явно претендовал на исключительное право управлять миром. Их столкновение было неизбежно. Войны хотел Чингис-хан, от нее не уклонялся хорезмшах.

Проф. И. П. Петрушевский писал, что «инициатива войны не исходила от хорезмшаха; он не хотел ее и был вынужден к ней обстоятельствами. Инициатором войны, по сути дела, был именно Чингис-хан, хотя он так сумел подготовить ее, чтобы иметь возможность формально возложить вину на хорезмшаха, дабы не выставить себя в глазах мусульманского населения врагом ислама». Думается, что хорезмшах действительно нес свою долю ответственности, но именно итоги войны сделали его главным виновником событий, поставив Чингис-хана в позицию «благородного мстителя» за причиненные обиды.

В государстве хорезмшаха разрабатывали планы войны, точнее, планы обороны. Предлагалось собрать армию в 400 тыс. чел. на берегах Сыр-Дарьи и нанести удар по монголам, не дав им опомниться после длительного пути до владений хорезмшаха. Это был план, предусматривающий недопущение монголов вглубь владений хорезмшаха. Но был другой план: разбить мон-

голов в глубине территории государства, пользуясь преимуществами знания местности: или в междуречьи Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, или заманив их в труднодоступные горные проходы. Было принято далеко не лучшее решение: не давать генерального сражения, а каждому городу обороняться самостоятельно. И по принятии такого решения, почти ничего не было сделано для укрепления городов, мобилизации населения и воинов. Более того, хорезмшах обобрал своих подданных, собрав с них тройной налог за 1219—1220 гг., чем только усилил недовольство своих людей.

Один плохо готовился к войне, другой пылал праведным гневом.

В 1218 г., прежде чем выступить в поход против хорезмшаха, Чингис отправил Чжебе для покорения Кучлука, правителя Семиречья и Кашгара. Как уже говорилось выше, в своих владениях Кучлук преследовал мусульман, и мусульманское население этих областей восприняло приход монголов как освобождение из-под власти найманского притеснителя. Еще на подступах к Кашгару, тогдашней ставке Кучлука, Чжебе объявил, «чтобы каждый человек придерживался своей веры и хранил бы в религии путь своих предков». Мусульманское население восстало против Кучлука, мстя за недавние гонения. Потеряв опору, гонимый, Кучлук некоторое время спасался бегством от преследовавших его монголов, пока не был схвачен в пределах Бадахшана и не выдан монголам. Есть данные о том, что его пленил правитель Алмалыка. С Бадахшана монголы «получили огромную военную добычу, состоящую из наличных денег и драгоценных камней» (Рашид-ад-дин).

Весь бассейн Тарима и Семиречье до Таласа отошли к империи монголов. Завоевание государства Кучлука расширило владения Чингиса, оно явилось его первым шагом на пути, который, по его мысли, должен был привести его к владычеству над Востоком и Западом.

Итак, вопрос о войне был решен. Поход готовился. Оценивая последствия отрарского инцидента и подчеркивая неизбежность нападения Чингис-хана на Хорезм, акад. В. В. Бартольд писал: «Конечно, нашествие монголов на владения хорезмшаха совершилось бы, может быть, несколько позже и без этого повода. Когда монголы окончательно утвердили свою власть в степях, граничащих с государством хорезмшаха, они не могли

не заметить внутренней слабостн этого государства; при такнх условнях иашествне кочевников на более богатые землн культурных народов было неизбежно».

Перед походом иа запад Чннгис-хану было где-то от 52 до 64-х лет. Он был не молод. Даже за пятьдесят по тем времеиам для правителя государства было немало. И встал вопрос о наследиике престола. Его подиясла жена татарка, ханша Есуй. Всякий роднвшийся не будет жнть вечио. Есуй напнрала на то, что «многолюдное царство» Чингнс-хана держится на его авторитете, его властн. Если он умрет, не рассыплется ли его царство, как горсть конопли, как стая птнц.

Чннгис-хан задумался:

— А я-то забылся: будто бы мне не последовать вскоре за праотцами. А я-то заспался: будто бы никогда не похнтит меия смерть. Итак, старшнй мой сын Чжочн, что скажешь ты? Отвечай!

Пронзошла неприятиая сцена. «Не успел Чжочн открыть рта, как вперед выскочил Чаадай: «Ты повелеваешь первому говорнть Чжочию. Уж не хочешь ли ты этнм сказать, что нарекаешь Чжочия? Как можем мы повииоваться этому наследнику меркнтского плена? При этнх словах Чжочн вскочил н, вцепнвшись за воротник Чаадая, воскликнул: «Роднтель государь пока еще не иарек тебя. Что же ты судншь меня? Какнми заслугами ты отличаешься? Разве только одной лишь свнрепостью ты превосходншь всех. Даю на отсечение свой большой палец, еслн только ты победишь меня даже в пустой стрельбе вверх. И не встать мне с места, еслн только ты повалишь меня, победнв в борьбе. Но будет на то воля роднтеля и государя».

Насилу братьев растащнлн мать Борте и Мухали. Чиигнс молчал. Заговорил мудрый Коко-Цос: «Звездное небо поворачнвалось — была всенародная распря. В постель свою не ложнлнсь — все друг друга грабили». Он намекнул великому князю Чаадаю, что нехорошо оскорблять мать, которая делнла труды вместе с отцом, а отец «черной головы своей не щадил, черную кровь свою щедро лил, черным очам своим мигнуть не давал, сплюснутых ушей своих на подушку не клал — рукав клал вместо подушки, полу подстнлал, слюной своей жажду утолял... со лба его пот лнл до самых подошв».

Коко-Цос между прочим дал понять — раньше мы грабнли друг друга, теперь — другие народы.

Чжочн и Чаадай сошлнсь на компромиссе: надо объявить наследником Огодая, никому из нних ие будет пока обидио, а онн оба будут «парой» служить Огодаю.

Чингис-хан усмехнулся: «К чему же иепременно парой? Мать-земля велика. Миого на ней рек и вод. Скажите лучше: будем отдельно друг от друга править иноземными народами».

Монголию уже ие хватало на всех. Новые улусы нужно было завоевать. Наречеиный преемником Огодай сказал, что он-то «постарается осилить» управление государством, а за своих потомков не ручается.

В 1219 г. Чингис-хан со всеми своими сыиовьями и основными силами в 150—200 тысяч человек выступил в поход. Лето он провел на берегах Иртыша, а осенью двинулся на Маверанпахр — древиие культурные областн в бассейне Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Он шел не один. Если ему не удалось принудить к походу на запад таигутов, то прочие его вассалы — уйгурский идикут Баурчак, хан тюрок-карлуков Арслан-хан н Сукнак-тегин алмалыкский, которому монголы передали управлеиие владениямн Кучлука, выступнли вместе с ним.

Армня хорезмшаха, возможно, даже превосходила силы Чнигис-хана, но была не столь монолитной и послушной, как у Чингиса. К тому же хорезмшах рассредоточил свои войска по гарнизонам разных городов, а это была не лучшая тактика ведения войны. Сам Мухаммед нмел резиденцню в городе Балхе, ему предлагалн уехать еще дальше от зоны вторжения монголов, в Ирак. Сын хорезмшаха Джелал-ад-дин резко осуждал действия отца:

— Лучшнй выход для нас — это собрать, иасколько это будет возможным, наши войска н выступить против них. Если султан на это ие решится, пусть он один выполняет свое намерение идти в Ирак, а мне даст войска, с тем, чтобы я пошел к границе государства и одержал победу н выполнил бы то, что осуществлю н возможно, дабы перед очами творца н его твореннй мы были бы оправданы. Если задуманное пока не удастся, мы все же не станем мишеиью для стрелы укора и люди ие протянут языка злословия на наш счет и не скажут: до сего времени они взималн с нас налоги, а теперь в такое страшиое время пренебрегают нами и бросают нас!

Мухаммед в Ирак не поехал, но и сыну своему войск для встречн Чингиса на границе не дал.

Вступив в пределы государства хорезмшаха, Чингис разделил свои войска: часть их под командованием Чагатая и Огодоя была оставлена для осады г. Отрара, другая часть войск под командованием Чжочи выступила на Дженд (развалины его находятся к югу от г. Кызыл-Орда в районе р. Сыр-Дарьи) и Янгикент (развалины этого города расположены к югу от г. Казалинска в низовьях Сыр-Дарьи), третья группа под командованием Улак нойона и Сюкетю-черби выступила к югу от Отрара на г. Ходжент (соврем. г. Ленинабад) и Бенакент (или Фенакент, его развалины в долине реки Гижигеи, на правом берегу р. Сыр-Дарьи). Эти три группы армий Чингис-хана таким образом наступали в центре на Отрар и на север от него (войска Чжочи) и к югу от него (войска Улак нойона и Сюкетю-черби). Четвертая группировка войск, которой командовал сам Чингис-хан, а также его полководцы Чжебе и Субетай, двигалась на города Бухару и Самарканд. Захват этих городов считался в ходе кампании главной задачей.

Осада г. Отрара длилась с сентября 1219 по февраль 1220 г. Город был хорошо укреплен, обороной руководил Гейдар-хан (Каяр-хан) и Инал, присланный со вспомогательным войском от хорезмшаха Карача-хан. После пяти месяцев осады Карача-хан вышел из крепости со своими людьми и сдался монголам. Все сдавшиеся тут же на месте были изрублены монголами, был казнен и Карача (Караджи-хан) «за измену своему господину», что в ходе завоевательных войн монголов, как правильно замечает З. М. Буниятов, «было уже нетипично». Через некоторое время после измены Карача-хана монголы «взяли город, выгнали вон из города, как стадо овец, всех людей, и все, что имелось налицо, разграбили». Инал-хан с 20 тысячами воинов еще месяц сражался во внутреннем укреплении города — цитадели. Под конец он остался в живых почти один, был загнан на крышу, но и оттуда продолжал бросать в монголов кирпичи. Его стащили вниз, а затем жестоко казнили. По сведениям Насави, Чингис «велел привести к нему Инал-хана, затем приказал расплавить серебро и влить ему в уши и глаза». Город Отрар был разрушен:монголы «крепостную стену и крепость превратили в прах» (Рашид-ад-дин). Большинство населения города было истреблено, оставленных в живых, преимущественно ремесленников, отправили в полон.

В феврале 1220 г. армия Чингис-хана подошла к

Бухаре. 7 февраля началась осада Бухары, про который говорилн: «купола ислама в восточных странах и город мира этих страи, мать всех городов мусульман». Три дия длился приступ под прнкрытнем местных жнтелей н жнтелей Отрара, пригнанных под стены Бухары. Через три дня гарнизон решнл «снлой решнмостн заменить позор пораженння». Онн вышлн из города н в бою временно потеснили моиголов, затем онн прорвали кольцо осады и стали уходить от города. Однако выход их за стены города оказался роковым. Монголы быстро организовали преследование и уннчтожнлн почтн всех, кто покннул Бухару, только немногим удалось переправнться через Аму-Дарью. 10 февраля монголы вступнли в Бухару. Цнтадель Бухары, которую обороняли всего 400 человек, держалась еще 12 дней. Монголы заставнлн жителей Бухары засыпать ров цитаделн и помогать нм в осаде.

«Победнлн их невериые н ворвалнсь в цнтадель. Бывшие в ней мусульмане билнсь с ннмн до тех пор, пока не были нстреблены все до последнего. Управившись с крепостью, он (Чнигнс-хан) прнказал составить себе список главных лнц города и нх старшнн. Сделали это, и когда ему представнли спнсок, то он прнказал привестн нх к себе. Явилнсь онн, н он сказал: «Требую от вас серебро, которое вам продал хорезмшах, ведь оно принадлежит мие, отобрано у монх стороннников и находится у вас». Представнл ему всякнй сколько у кого было этого серебра. Затем он велел им выйтн нз города, н онн вышли из города, лншнвшнсь своего нмущества: нн у одного нз ннх не осталось ничего, кроме платья, которое было на нем. Вошлн неверные в город, ограбили его и убилн, кого нашли в нем. Он (Чнигнс-хан) окружил мусульман и приказал своим сторонникам разделнть нх между собою. Они (татары) поделнли их, н был этот день ужасный вследствне обнлия плача мужчнн, женщин н детей. Разбрелнсь они (жнтелн) во все стороны н былн растерзаны, как лохмотья; женщнн онн поделнлн между собою; наутро Бухара оказалась разрушенною до основаиий свонх, как будто ее вчера н ие было» (Иби-аль-Аснр).

Мужчин погналн для осады Самарканда. По сведениям Рашнд-ад-днна, монголы «умертвнли больше 30 тысяч мужчин, а женщнн н детей увезли с собою рабамн». Ведя за собой толпы пленных, «которые шлн за ннми пешком в самом гнусном внде, всякнй, кто уста-

вал или изиемогал от ходьбы, был убиваем», моиголы в марте подошли к Самаркаиду. К армии Чингиса присоединились войска Чагатая и Огодоя, перед этим уничтожившие Отрар.

Если сдача Карáча-хана была ознаменоваиа его казнью (возможио, из особо подчеркиваемой монголами ненависти к Отрару), то появившиеся во время взятия Бухары и позже перебежчики иа сторону монголов уже были обласканы. Ими стали владетель г. Кундуза Алиад-дин н владетель г. Балха эмир Мах Руи.

Монголы, чтобы запугать гариизон Самаркаида численностью своих войск, выстроили плеиных в ряды и каждому десятку дали знамя. Все вндимое пространство было усеяио зиаменами. Но самаркаидцы ие испугались. Оии предприияли смелую вылазку, храбро сражались. И пали жертвой уже известной моигольской тактикн ведеиия войны: «Сразились с иими пешие вне города; татары ие переставали отступать, а городские жители преследовали их. Но иевериые успели устроить им засаду, и, когда те зашли за засаду, выступнли против них и стали между иими и городом, а остальиые татары, которые первые завязали бой, вериулись, так что те очутнлись в середиие между иими [...] их меч со всех сторои, и ие уцелел ии один нз иих, а погибли все до последиего мучеииикамн — да смилуется иад иими Аллах; было их, как говорят, 70 тысяч» (Иби-аль-Асир).

Неудачиой оказалась и вторая вылазка, хотя на этот раз в бой были введены боевые слоны.

К Чиигис-хану явилась делегация горожаи во главе с духовным главой кади города, шейх-ал-нсламом, для переговоров о капитуляцни. 17 марта 1220 г. город был сдаи. «В тот деиь моиголы былн заняты разрушением городской стены и [...] сравияли их с дорогой. Жеищин н мужчии сотнями выгоняли в степь в сопровождении моиголов... Через глашатаев объявили: «Да прольется безнаказаиио кровь каждого жнвого существа, которое спрячется!» И моиголы, которые были заняты грабежом, перебили миожество людей, которых они иашли спрятавшимися по разным иорам».

Как и в других городах, цитадéль Самаркаида держалась еще иекоторое время. Под конец, уже ие в силах обороняться, тысяча человек заперлась в соборной мечети. Здесь оии и были перебиты, а мечеть сожжена. 30 тысяч тюркских воинов, которые сдались Чингису

вначале вместе с жителями города и были якобы приняты им на службу, после падения цитадели тоже были уничтожены монголами. 30 тысяч самаркандских ремесленников были розданы сыновьям и родственникам Чингиса. Оставшиеся в живых жители Самарканда «за свои души» обязаны были выплатить 200 тыс. динаров. Но так как и после монголы не раз уводили оставленных в живых самаркандцев, то «мало кто спасся, вследствие этого та страна совершенно обезлюдела» (Рашид-ад-дин).

Корпус под командованием Чжочи завоевывал области, лежащие вниз по течению Сыр-Дарьи. Вначале монголы подошли к городу Сыгнаку (развалины его находятся у Тюмень-арык, Казахская ССР) и направили сыгнакцам посла с предложением сдаться. Сыгнакцы посла убили и сражались с монголами до последнего. Когда же город был взят, то «заперев врата прощения и снисходительности», монголы убили всех, мстя за одного человека» (Рашид-ад-дин).

В апреле 1220 г. Чжочи подошел к Дженду. Кутлуг-хан, наместник и правитель города, бросил Дженд и ушел в Хорезм. 21 апреля Дженд был взят монголами без боя. Так как Дженд практически не сопротивлялся, жителям его была дарована пощада — монголы продержали их девять суток в степи, а сами в это время разграбили город дотла. Бенакент обороняли тюрки-канглы. Город сдался после трех дней осады. Часть воинов гарнизона монголы убили, жителей выгнали из города, ремесленников и мастеров угнали в плен.

Монгольский метод ведения войны в Средней Азии (использование местного населения при осаде городов) получил название хашар. При осаде Ходжента монголов было 20 тыс., а численность хашара составила 50 тыс. человек. Во время защиты города отличился Дамир-Малик. Он укрепился на острове посреди Сыр-Дарьи, остров был недосягаем для монгольских стрел и камней из катапульт. Монголы согнали тысячи людей и заставили их таскать камни с гор, чтобы запрудить реку. Дамир-Малик обил войлоком, пропитанным уксусом, 12 барж, обмазал войлок глиной, отчего баржи стало невозможно поджечь, и каждую ночь совершал вылазки, разрушая плотину, наведенную за день. Нехватка продовольствия и оружия вынудила Дамир-Малика на 70 лодках двинуться вниз по течению реки. Монголы преследовали его флотилию по обеим берегам реки. В

Бенакенте они перегородили Сыр-Дарью железной цепью, но воины Дамир-Малика прорвали цепь. Лишь поставив на лодки и плоты катапульты, монголы вынудили героев выйти на берег. Здесь они почти все были перебиты. Дамир-Малику удалось вырваться из окружения. Его преследовали трое монголов. Он смертельно ранил одного, а двум другим крикнул: «У меня осталось две стрелы. Мне жаль их трогать, но их достаточно для вас обоих. Лучше вам повернуть назад и таким образом спасти ваши жизни». Поняли его монголы или нет, но они отступили. Дамир-Малик добрался до Гургенджа и присоединился к защитникам города.

Многие города сдавались добровольно. Но и это отнюдь не всегда гарантировало безопасность и доброе отношение. По пути на Бухару Чингис-хану добровольно сдался г. Зарнук. Тем не менее жителей выгнали из города, а цитадель города разрушили, а всю молодежь угнали в хашар. Добровольно сдался монголам небольшой город Нур-и Бухара. 600 молодых горожан было забрано в хашар.

К концу апреля, «за короткий период (всего за сто с небольшим дней) Чингис-хану удалось без особых усилий сокрушить могущественное государство хорезмшахов: самые мощные укрепления были взяты или разрушены, захвачены самые населенные города, разгромлена по частям самая многочисленная и хорошо вооруженная армия того времени»,— пишет З. М. Буниятов.

Чингис-хан повелел Чжебе и Субетаю «днем и ночью преследовать хорезмшаха, схватить и доставить к нему». Хорезмшах форсировал Аму-Дарью, забрав и затопив в реке привезенную из г. Кермана свою казну, в которой только золота было 70 вьюков. Хорезмшах прибыл в Хорасан, но не остановился там.

«И случилось так, что Чингиз-хан отрядил для похода на Хорасан своего зятя Тогачар-нойона и эмира из своих начальников по имени Беркей-нойона и десятью тысячами всадников, чтобы они разграбили, сожгли страну, высосали мозг из ее костей и кровь ее жил и оставили лишь остатки и последние искры жизни» (Нисави).

«Как черная ночь»,— рассказывает Нисави,— напали монголы на город Наса в Хорасане. Пятнадцать дней штурмовали город, гоня пленных впереди себя к его стенам. В стене была пробита брешь и ночью монголы овладели стенами города.

«А когда настал день, татары спустились к ним со стены и погнали их на открытое место за садами... будто стадо овец, которое сгоняют пастухи. Татары не протянули своих рук к добыче и грабежу, пока не собрали их с детьми и жеищиамн на этом обшнрном пространстве. Воплн разрывали покровы небес, и крики наполнялн воздух. Затем оии приказалн людям крепко связать друг друга, и те покорно исполиили это. Между тем, еслн бы они ие сделалн этого, а разбежались бы, стремясь к спасению н бежали даже без боя — ведь горы близко — то большинство их спаслось бы. И вот когда они связали друг друга, татары подошлн к ним с лукамн, бросали их на землю и накормилн земных зверей и птиц небесиых. И сколько было пролнтой крови, изиасилованных жеищии, детей, убитых и брошенных у груди своих матерей! Колнчество убитых из числа жителей Насы и тех, кто находился здесь из чужестранцев... было семьдесят тысяч. А ведь это был всего лишь один из округов Хорасаиа».

Насави отмечает, что всюду обстоятельства завоевания были «похожи друг иа друга: повсюду смерть, везде разрушеиия», во взятых городах ие оставалось никого, кто «мог бы развести огонь или жнть в доме. И овладел душами страх».

Хорезмшах сбежал из Хорасана. На путн в Ирак его пыталнсь убить родственинки матери, может быть, они иадеялись тем самым остановить или приостановить войну. Ведь всюду, куда прибывал беглец, загоралась земля. Покушение ие удалось. 18 апреля 1220 г. хорезмшах прнбыл в Нишапур.

Нншапур был также взят монголамн и сравиен с землей. Монголы «приказали пленным сравнять его лопатамн, пока земля не стала здесь ровной, без комьев и камней, и всадник, играя в мяч, не мог бы споткиуться. Большая часть населення города погибла под землей, так как они до этого устроили подвалы и подземные ходы, полагая, что они там могут удержаться» (Нисави).

Монгольские конн буквально висели иа хвостах у коней воинов хорезмшаха. В горах хорезмшах спрятал 10 сундуков с драгоцеиными камнями, онн достались монголам.

И вот отряд хорезмшаха вышел к южиым берегам Каспийского моря. Здесь хорезмшах укрылся на острове Ашур-Ада, неподалеку от устья реки Гурган и порта

Абаскун. Его мать Теркен-хатун попала в плен. Наследником престола был объявлен Джелал-ад-дин. При этом хорезмшах сказал:

— Узы власти порвались, устои державы ослаблены и разрушены. Стало ясно, какие цели у этого врага: его когти и зубы крепко вцепились в страну. Отомстить за меня может лишь мой сын Манкбурны. И вот я назначаю его наследником престола.

А в декабре 1220 г. хорезмшах скончался. Его похоронили на том же острове, и, как свидетельствует историк, у бывшего владыки запада «не было даже савана, в который его можно было бы завернуть».

Позже, поскольку монголы не щадили, а выкапывали и сжигали останки своих врагов, Джелал-ад-дин перевез прах отца в крепость Ардахи. Когда же эта крепость была взята монголами, они таки вырыли останки хорезмшаха из земли, а свезли их в Монголию, где и (уже во время правления Огодая) сожгли.

Сам Чингис-хан лето 1220 г. провел в районе г. Несефа. Осенью его войска подошлн к Термезу. Монголы предложили жителям Термеза сдаться и самим разрушить цитадель. Взятие внутригородских укреплений в других городах стоило монголам большой кровн. «Получив отказ, Чингис начал штурм и на одиннадцатый день взял город. Монголы выгнали всех людей одновременно в степь и, по своему обыкновению, разделив между войском, всех перебили».

Двигаясь дальше (по территории современной Кулябской области, Таджикская ССР), Чингис «захватил те места. Он стер их с лица земли, грабя н избивая поголовно население, разрушая и предавая все огню» (Рашид-ад-дин). Зиму 1220—1221 гг. он провел на берегах Аму-Дарьи. Одновременно высланные им отряды осадили столицу государства хорезмшаха Мухаммеда — г. Ургенч (Гургандж). Чингис-хан послал к Теркен-хатун, матери хорезмшаха, хаджиба Данишманда с письмом: «Тебе известно, как неблагодарно поступил твой сын в отношении твоих прав*. Вот теперь в согласии с некоторыми из его эмиров я выступаю против него, но я не стану нападать на то, чем владеешь ты. Если ты примешь это, то пришли ко мне кого-нибудь, кто подтвердит тебе, что я верен своему слову, а затем

---

* Намек на хорошо известные противоречия между хорезмшахом и его матерью.

тебе будут отдаиы Хорезм, Хорасаи и то, что соседствует с иими по ту стороиу Джейхуиа».

Теркеи-хатуи на сделку с Чингисом ие пошла, оиа пыталась уйти, ио попала в плеи в крепости Илаи, осада которой длилась четыре месяца. С ией были дети и жеиы хорезмшаха. Дети хорезмшаха были перебиты, а его жеиы отдаиы близким Чингис-хаиа. Теркеи-хатуи отправили в ставку Чиигис-хаиа. Перед тем, как Чиигис покииул Средиюю Азию, Теркеи-хатун и жеиам хорезмшаха было приказаио «выйти вперед и громко оплакивать государство хорезмшаха, пока моигольские войска ие пройдут перед иими». Теркеи-хатуи увезли в Моиголию, где оиа жила в хаиской ставке, питаясь объедками с хаиского стола. Скоичалась Теркен-хатун в 1233 г. уже после смерти Чиигис-хаиа.

Осада г. Ургеича длилась семь месяцев. Не хватало камией для катапульт и моиголы использовали вымочеииые в воде кругляши, выточеиные из тутовых деревьев. Осада затяиулась благодаря виовь вспыхиувшему сопериичеству между Чжочи и Чагатаем. Чиигис переподчииил все войска одиому Огодою и дело пошло успешиее. Когда город был взят, сто тысяч ремесленииков из столицы хорезмшаха было отправлеио в Моиголию. По даииым Иби-Асира, в Ургеиче «моиголы перебили всех, находившихся в ием, и ограбили все, что в ием было». На каждого из 50 тыс. моигольских воииов пришлось по 24 убитых жителя Ургеича. Избиеиие сопровождалось уиизительиыми издевательствами.

Вот жуткие докумеитальиые свидетельства. «Моиголы приказали плениым женщинам Гурганджа раздеться доиага, разбили их на две группы и приказали: «Жеищиы вашего города — прекрасиые кулачиые бойцы. Поэтому приказываем, чтобы обе стороиы иачали между собой кулачный бой». И иесчастиые жеищины Гургаиджа иабросились друг иа друга. Потешившись этим гнусиым зрелищем, моиголы изрубили всех выживших жеищии» (Джузджаии). «Потом оии открыли плотииу, которою удерживалась вода Джейхуна (Аму-Дарьи) от города: тогда вода хлыиула в иего и затопила весь город; строеиия разрушились, и место их заияла вода. Из жителей его положительно ии одии ие уцелел, тогда как в других местах иекоторым удалось спастись: из них кто спрятался, кто бежал, кто вышел да потом спасся, кто сам ложился среди убитых и потом уходил; в Хорезме же тех, кто спрятался от татар,

или затопила вода, или убили развалины. И превратилось все в груды и волны» (Иби-аль-Асир). По словам Джувейни, Ургеич (Гургаидж) «превратился в место пребывания шакалов и убежище сов и воронов».

Весной 1221 г. Чингис с армией форсировал Аму-Дарью и заиял Балх. Летом и осенью 1221 г. пали города Термез, Заузаи, Мерв, Нишапур и Герат. На сторону монголов перешли двоюродный брат хорезмшаха Амин-ал-Мульк и ряд других эмиров хорезмшаха. Борьбу с монголами на территории Восточного и Северного Ирана возглавил Джелал-ад-дин, который у Насы впервые разгромил монгольский отряд в 700 всадников и «впервые мусульманский меч обагрился кровью монголов». В битве около Кандагара Джелал-ад-дину удалось нанести новое, уже более существенное поражение монголам. Мусульманские авторы высоко оценили победу: это помогло местному населению выйти из того глубокого шока и страха, в котором оно пребывало, а монголов заставило быть более осторожными.

Монголы полагали, что «враг способен лишь бежать от них, подобно газели, что никто не собирается нападать, что копья сопротивления притуплены и некому разить ими. И когда вдруг увидели эти копья, которые жаждут их горла и стремятся достать их сердца, они оседлали коней бегства», и «стали мясом для острых мечей и пищей для хромых орлов». В Газне Джелал-ад-дин собрал армию в 130 тыс. чел. и разгромил монголов у крепости Валиян. Чингис выслал против него три тьмы под командованием Шиги-Хутукту. Противники сошлись у Первана, близ истоков реки Лугар, притока Кабула, и Джелал-ад-дин нанес монголам сокрушительное поражение, уничтожив почти весь корпус Шиги-Хутукту.

«Оседлав коня ненависти, Джелал-ад-дин отсекал мечами концы шейных вен, отделял плечи от места, где они сходятся. А как же иначе? Ведь они причинили большие страдания ему, его братьям и отцу, его государству, его родне и приближенным». Известие о победе вызвало восстания в ряде завоеванных монголами городов. Чингис-хан лично выступил против Джелал-ад-дина. Однако эффект от победы был сильно ослаблен тем, что военачальники Джелал-ад-дина поссорились из-за дележа добычи. Джелал-ад-дин не смог воспрепятствовать тому, чтобы монголы перешли через перевалы Гиндукуша. При осаде города Бамиана был убит стре-

лой сын Чагатая, любимый внук Чингис-хана Мутуген. Когда крепость была взята, Чингис приказал, «чтобы убивали всякое живое существо из любого рода людей и любой породы скотины, диких животных и птиц, не брали ни одного пленного и никакой добычи и превратили бы город в пустыню и впредь не восстаивливали», чтобы «ии одио живое создание в нем ие обитало». Приказ его был добросовестно выполнен, и это место еще долго называлось Мобалык — Дуриой город. Осенью 1221 г. Чингис-хан занял Газну.

Джелал-ад-дин к этому времеии уже покииул город, монголы догнали его уже у Гардиза, но ои разбил отряд преследователей и ушел. Решающее сражеиие произошло 24 ноября 1221 г. на берегу реки Иид. Войска Джелал-ад-дина были разгромлены, он сам (утопив в реке весь свой гарем) с четырьмя тысячами воинов переплыл Инд и ушел.

Есть предание, что Чингис-хан запретил его преследовать, сказав: «Только такой сын должен быть у отца. Раз он сумел выйти невредимым из такой пучиины на берег спасения, от него проистекут миожество деяний и бесчисленные смуты». Монголы в Индии дальше города Мултаиа не пошли. В 1222 г. отряды Чиигис-хана еще штурмовали и брали укреплеиия в окрестиых горах, но воины уже чувствовали усталость — пора бы домой... Чингис располагался к югу от Гиндукуша. Отсюда он решил вернуться домой: произошли важные события на Востоке.

«Чингис-хан,— сообщает Джувейни, решил возвратиться в Монголию из Пешавара к себе домой; и причиной для столь поспешного его возвращеиия было то, что китаи и тангуты, воспользовавшись его отсутствием, производили беспокойства и вызывали между подчиненными смуту и мятежи». То же подтверждает и Рашид-ад-дин: «Чингис-хан привел в исполиение свое иамерение вернуться к своему коренному становищу и древнему своему юрту. Причиной поспешности в этом деле было известие о восстании жителей Тангута, которые вследствие продолжительности времени его отсутствия стали колеблющимися в помыслах». Пока Чиигис-хан воевал, Монголией правил его младший брат Темуге. Осенью 1222 г. Чиигис-хан двинулся в путь.

Джелал-ад-дин, загнанный в Индию, провел в Северо-западной Индии около двух лет, где воевал с местными раджами. Затем через Керман, Шираз, Ис-

фаган он возвращается на запад. Вместе со своим братом Пнр-шахом он пытается органнзовать сопротнвление монголам. В одном нз пнсем Джелал-ад-днн прямо сказал, что халнф «является причиной гнбелн мусульман, гибели моего отца и вторжения неверных в страны нслама». Поэтому в 1225 г. он в Ираке штурмует Багдад, как полагает З. М. Буниятов, в отместку за тайную связь халнфа с монголамн. Затем он воюет в Азербайджане н Грузии, часто столь же жестоко, как и монголы. Вот прнмеры: взяв в марте 1225 г. г. Дакуку, он «перебнл жителей, разгромнл н сжег город, разрушнл стены», взяв 9 марта 1226 г. Тифлнс, он опустошает Грузню.

До середнны 1231 г. он — правитель Азербайджана, Шнрвана н Грузии. Реванш в войне с монголами был одной нз целей его жизнн. В то время, когда Чингисхан завершал свой путь на террнторни Си Ся, Джелал-ад-днн 5 сентября 1227 г. нанес поражение монголам у Исфагана. Где-то в 1229—1230 гг. он получил пнсьмо от своей сестры Хан-Султан, отданной в свое время в жены Чжочн. Она писала, что по ее сведениям, монголы не прочь примириться с нним, сделав границу размежевання владений по реке Джейхун. Однако сестра писала: «Еслн ты найдешь силы противостоять им, отомстн, сражайся с нимн. Еслн одолеешь, то поступишь, как захочешь. Еслн нет, пользуйся случаем примнрить-ся, пока они этого хотят». Кажется, это пнсьмо н предложение о мире осгались со стороны Джелал-ад-днна без ответа.

Против Джелал-ад-днна сложнлась коалнция владетелей Малой Азии, Сирни н Северной Мессопотамин. Ее глава Кенийский султан Ала-од-дин с союзнниками разгромнл Джелал-ад-дина 10 августа 1230 г. н по сведенням Ибн-аль-Асира, «послал к монголам сообщение о слабости Джелал-ад-днна н его бегстве н стал торопнть их ндтн протнв него, слабого, гарантнруя им победу». В итоге в 1230—1231 гг. монголы вторглись в Азербайджан и быстро захватили страну.

Последней попыткой Джелал-ад-дина бороться с монголамн было обращение к соседним мусульманским владетелям начать с монголамн совместную борьбу. «Их остановят,— пнсал он,— только совместные усилия всей общины мусульман и полное согласие». Вскоре всеми покинутый н преследуемый Джелал-ад-дин где-то между 17—20 августа был убит курдом.

Мусульманские историки, миого писавшие о Джелал-ад-диие, видели в ием борца против моиголов, человека храброго, но ие сумевшего перешагнуть через смуты междоусобиц и жестокости и, тем самым, в известиой мере, открывшим даже дорогу моиголам к завоеванию стран ислама.

«Ои был смуглым, иебольшого роста, тюрком по речи, ио говорил также и по-персидски. Что касается его храбрости, то это был лев среди львов и самый отважиый среди всадииков-смельчаков. Он был кротким, ие сердился и ие браиился. Он был серьезеи, никогда ие смеялся, а только улыбался и был иемиого-словен. Он любил справедливость, однако время смуты, с которой ои встретился, восторжествовало над ииим, нзменнв его характер. Он любил облегчать жизиь поддаиных, ио правил в период упадка и потому прибегал к иасилию» (Нисави).

Иби-Васил считал, что именно войско Джелал-ад-дииа стало «преградой между нами и моиголами». Но Джелал-ад-дии «чииил несправедливости, враждовал с соседями, вел себя предательски и вызывал недовольство. Это привело к его гибели и гнбели его войска. А затем последовало иашествие монголов и их победа иад странами ислама. Еслн Аллах пожелает чего-иибудь, то ои подготавливает и причины».

Иби-аль-Асир полагал, что из-за того, что Джелал-ад-дии враждовал с соседямн, «оин покииули его и не протяиули ему руку помощи».

* * *

Надо сказать еще о действиях корпуса Субетая и Чжебе, преследовавшнх хорезмшаха. Не заполучив его, эта армия вторглась в Азербайджан. Взяв и разорив в течеиие 1221 г. крупиейшие города Азербайджана, включая Нахичеваиь, монголы перешли границы Грузии и в 1222 г. в долиие Котмаиа наиесли поражеиие грузинской армии. Покинув Грузию, они штурмом овладели Шемахой, миновали Дербент и в пределах Севериого Кавказа поодиночке разбили половцев и аланов (осетин). Преследуя разгромлеиных половцев, Чжебе и Субетай причерноморскими степями дошли до Крыма, где взяли и разграбнли Судак. Половцы собралн новые силы во главе с ханом Юрием Кончаковичем, ио монголы и на этот раз нанесли им поражение и гнали их

до Днепра. Тогда половцы обратились за помощью к русским киязьям. Часть князей со своими полками откликнулась на призыв, справедливо решив, что «аще мы им ие поможем, и предадутся половцы татарам, то тягче иы будет».

Пришли киязь киевский Мстислав Романович, князь козельский и черниговский Сстислав, князь смоленский Владимир Рюрикович, киязь курский Олег. Чжебе и Субетай ие хотели сражения с русскими и отправили к иим посла с запросом: «пошто хощете на ны итти, кровь пролияти?» — Посла убили.

31 мая 1223 г. в сражении на реке Калке монголы разгромили объединеиные силы половцев и русских князей, устроив после победы пир иа телах плененых князей*. После этого оии двинулись вверх по Диепру, но не дойдя до города Переяславля, повериули на восток и через степи иынешнего Казахстаиа вернулись в Моиголню, куда уже возвращался и Чингис-хаи из западиого похода. Как и везде, где воевали монголы, поведеиие русских князей отражало типичное «иеодиначество» (термии акад. Б. А. Рыбакова).

«Битва на Калке происходила далеко от Руси... победители скоро ушлн, а русскне киязья о ннх забыли, урок ие дал результатов. Грустно листать летописн за годы 1224—1236. Кияжеская верхушка, издавна связаиная с восточными купцамн, как будто иичего не знает о победах над Китаем и о завоеваиии Чиигис-ханом Средней Азии, о кровопролитиых сраженнях в Закавказье, о том, что грозная и могучая сила уже пододвигается к близким землям. Князья по-прежнему враждуют между собой... Разрабатывать стратегию общерусской обороны иекому».

На востоке события шлн своим чередом. В 1221 г. Мухали обратился к таигутам за разрешеиием провести свои войска через территорию Си Ся для нападения на чжурчжэней. Таигуты пропустнли монголов. Более того, тангутский государь выслал 50-тысячный корпус в помощь Мухали, так как тангуты все еще иаходились в состоянии войны с Цзииь. Овладев рядом чжурчжэньских городов, монголы оставили в главиом нз них иа тангутско-чжурчжэиской границе свой гарнизои. Это испугало тангутов, так как монгольские войска оказались

---

* Изображено художником Ильей Глазуновым в углу картнны «Тысячелетие Руси».

в их тылу. Тангутский посол Мипу прибыл к Мухали и потребовал объяснений. Во время приема встал вопрос о церемониале. Мухали заявил Мипу:

— Ты смотришь снизу вверх на своего государя, твой государь — на моего государя — вот таков церемониал!

Он потребовал, чтобы Мипу встал перед ним на колени. Однако Мипу отказался:

— Я не могу совершить коленопреклонение, не получив на то приказа.

Посол уехал, и тангутские войска покинули монгольский лагерь. Мухали напал на соседний с Си Ся город Янъань. Тангуты смирились, подарили Мухали коня, и их посол встал перед ним на колени.

Может быть, это побудило Чингис-хана тронуться в обратный путь? Во всяком случае, не раскаяние в массовых убийствах. Интересная версия на этот счет дается в жизнеописании киданя Елюй Чу-цая, сыгравшего важную роль при монгольском дворе, есть такая версия. «По прибытии (его величества) к горному проходу Темэнь (Железные ворота) в Восточной Индии, его телохранитель увидел зверя, похожего по виду на оленя, но с конским хвостом, зеленой масти и с одним рогом, умевшего произносить человеческие слова и сказавшего ему: «Пусть твой государь скоро возвращается к себе!» Его величество, удивившись, спросил его превосходительство (Чингис-хан Елюй Чу-цая — Е. К.) который сказал ему: «Этот зверь называется цзюелуань, он способен пробежать восемнадцать тысяч ли в день и понимает языки всех племен. Он — символ отвращения к убийствам, Всевышнее Небо прислало его предостеречь. Ваше величество, внемлите воле Неба и пощадите жизнь народам этих стран! Это действительно принесет Вашему величеству бесконечное счастье! «В тот же день его величество приказал войскам выступить в обратный путь». Текст характерен представлением современников о том, что даже Небо возопило, увидав те моря крови, которые пролили армии Чингис-хана. И кто знает, может, люди Елюй Чу-цая и он сам решились разыграть с Чингис-ханом подобную шутку.

Первоначально Чингис думал пройти обратно через Индию, Гималайи и Тибет и выйти к южным границам тангутского государства. Рашид-ад-дин сообщает, что он уже прошел несколько остановок по намеченному пути, когда «пришло известие, что тангуты восстали». Тогда

он принял другое решение — вернуться тем же путем, что и пришел. В начале марта он прибыл из Пешавара в Кабул, прожил лето в горах, переправился через Аму-Дарью и провел зиму 1222—1223 гг. в районе Самарканда. Вот тогда-то Чингис-хан и устроил нечто вроде парада победы, на потеху победителям, заставив мать хорезмшаха и его жен оплакивать погибшее государство.

Гамбис полагал, что весну 1223 г. Чингис-хан провел в районе Кулан-Баши к северу от гор Александра, где был курилтай, о котором нам ничего неизвестно. Летом 1223 г. он находился в степях Таласа и Чу, затем орда двинулась на северо-восток и все лето 1224 г. Чингис провел в долине Иртыша. Зимовал Чингис в долине Эмиля и, наконец, оттуда прибыл в Монголию. Чингис-хан оставил Среднюю Азию и Иран опустошенными и разоренными. Шестьсот лет, по подсчетам ученых, потребовалось на восстановление того, что было разрушено за три-четыре года. «Можно лишь сказать с уверенностью, что экономика обеих этих стран,— писал И. П. Петрушевский,— и позднее, до начала XIX в., никогда не достигала того уровня, на каком она находилась в начале XIII в.»

А приближенные Чингис-хана заявляли: «Мы (...) радуемся и ликуем, ибо небеса и земля умножили силы наши и вот мы сокрушили сартаульский народ». Возможно, курилтай 1223 г. подвел итоги войны на западе. Западный поход Чингис-хана, так же, как и восточный поход на Цзинь, закончился победоносно, разгромом главных сил врага, но далеко не полным завоеванием края. Война продолжалась в Китае, в Иране и Ираке, аппетит возрос, монголы уже мыслили масштабно. Стрелки Хонхай, Хонтохор и Чормахан заявляли:

— А ведь у нас всюду враг от заката солнца и до восхода его! Очевидно, так мыслил и сам Чингис, так мыслили приближенные его, стремившиеся к сокрушению этого «врага», ограблению и подчинению всего доступного мира, «от заката солнца и до восхода его».

С возвращением Чингис-хана в Монголию «Тайная история» связывает назначение наместников в основных городах и областях завоеванных земель. Эти наместники, дарухачи, вели учет населения, собирали с него подати и набирали войска из местных жителей, следили за работой почтовой ямской службы и ведали доставкой в ханскую орду дани. Масхут Хурумши был назна-

чеи даручахи Средней Азии, а Яловач-дарухачи в Пекине. Правителем Хорезма был оставлеи Чжочи. Остальные сыновья Чингиса возвратились вместе с ним в Монголию.

Чингис-хаи вернулся на родиину, туда, где текли родные ему реки «голубой Керулеи», «золотой Оиои» ие для покоя, а для исполнеиия своего замысла, ставшего последиим — иизвержения иепокориого таигутского государства. «Мятеж» таигутов подтверждается и «Юань ши»: «Тай цзу находился в Западном крае. Государь государства Ся Ли ваи тайно заключил союз о помощи извне, вынашивая планы отложиться». Вопрос был в том, кто мог оказать помощь извие? Были ли это чжурчжэни, с которыми, иакоиец, замирились тангуты. Или, что хуже, кто-то из Моиголии? И чтобы думать так, у Чингис-хана имелись некоторые основаиия.

СМЕРТЬ ЧИНГИС-ХАНА

Есть средства хранить свою жнзнь,
ио иет лекарства бессмертия
Чан Чунь, Си ю цзи

Чиигис-хан был ие молод, когда в 1219 г. выступил в поход на запад. Его путь к славе был по горам трупов в Моиголии, таигутском государстве, Северием Китае, он не мог не думать о жизии и смерти. Ои видел, как легко обрывается человеческая жизнь, и хотел иайти способ продлить собствеииую, а то и позиать тайиу бессмертия. Еще в Северием Китае он слышал, что этой тайной владеют даосы*. Большой славой при Чингис-хаие пользовался даосский моиах Чан Чуиь (Цю Чуцзи). Чингис слышал о Чаи Чуие и, иаходясь в западном походе, с берегов Иртыша вызвал его к себе, чтобы воспользоваться секретами даосов и узиать тайну достижеиия бессмертия. Чан Чуиь согласился прибыть в ставку Чиигис-хаиа. Мудрец и поэт, даосский мо-

* Даоснзм, одна нз религий в Китае. Соединяя в себе элемснты философского даоснзма древиего Кнтая, нстолкованные мистическн, с элементамн самых разлнчных иародных верованнй, культом магни н шаманства, столь характерными для Восточной Азни. Даосы проповедовали культ бессмертня разлнчными способами с нспользованнем магии, алхнмии и в какой-то мере средств кнтайской медицины.

нах надеялся повлиять на грозного хана и уменьшнть кровопролнтне. По дороге к Чингнсу он писал:

Я иду к местопребыванню государя, что на вершннах реки,
Для того, чтобы прекратить войну н возвратнть мнр!

Оба они ошибались — и кровавый завоеватель и мудрец, постигший тайны магин н достигший величия духа. Каждый ждал от другого невозможного.

16 мая 1222 г. Чан Чунь прибыл к Чингис-хану, преодолев громадный путь через Северный Китай, Монголню, Восточный Туркестан н Семнречье к берегам Аму-Дарьи. После обычного обмена прнветствиямн Чан Чуню было позволено сесть, ему подалн еду, н Чнигнс-хан задал ему тот вопрос, на который страстно желал получить ответ:

— Святой муж! Ты прншел издалека, какое у тебя есть лекарство для вечной жизнн, чтобы снабдить меня нм?

Монах ответил:

— Есть средства хранить свою жизнь, но нет лекарства бессмертия.

Ответ его был правднв н прост. Он не требовал особых нстолкований, н Чингис понял, что н ему, грозному владыке Востока и Запада, уготована всеобщая участь.

Мы не знаем точно, задал лн Чан Чунь Чингису свой вопрос, но н он ясно понял, что ему надеяться не на что. Покннув ставку Чингнса, он пнсал:

По сторонам дорогн разбросаны трупы,
Прохожне зажимают иосы...
Десять лет на десять тысяч ли движутся военные орудня,
Но рано или поздно войска возвратятся, и водворится мир!

Этому монаху оставалась лишь надежда на то, что «рано нлн поздно» мир все-таки водворится на земле. Он понял свое бесснлие. Чнигнс-хан охотно беседовал с ним о тайнах духа н ученни даосов, но не хотел слушать, когда речь шла о мнлосерднн. Когда Чан Чуня проснлн заступнться перед Чингис-ханом за жнтелей Шаньдуна, он ответнл: «Хотя и заступлюсь, ничего не сделаю». На всем своем громадном путн Чан Чунь вндел страшные раны войны н с грустью пнсал:

Некогда здесь рощи доходили до небес,
А теперь селенна внднеются кое-где.
Без числа погнбло живых тварей от острия меча,
Сколько прекрасиых жилищ обратилось в серый пепел!

Чингис-хан повелел Чан Чуню поселиться вместе с учениками в любом понравившемся ему месте его владений и молиться о его долголетии.

В 1222 г. Чингис-хана навестил в Средней Азии также посол Южной Сун, посланный к нему в 1221 г. с целью обсудить возможности союза и ведения совместных военных действий против Цзинь. В одном из китайских источников есть краткие сведения о самом факте этого визита: «Когда в старину наш император Тайцзу выступил с войском, чтобы покарать Западный край и в год синь-сы остановился у заставы Темэньгуань, сунский владетель Нин-цзун прислал государственного гонца Гоу Мэнюя, чтобы наладить дружбу и просить мира. Император Тай-цзу согласился с этим, было приказано государственному курьеру Гэха проводить его обратно в его страну». В «Юань ши» сообщается, что в Среднюю Азию к Чингис-хану приезжал еще посол императора Цзинь: «Государь Цзинь послал Угусунь Чжундуаня представить государственную грамоту с просьбой о мире. Называл императора старшим братом. Не согласились на это». Император чжурчжэней просил заключить мир на условии признания своего младшего, зависимого положения («младший брат» и старший брат»), но Чингис-хан не пошел на это, имея одну цель — добить Цзинь.

В отсутствие Чингис-хана в 1220 г. в долине Орхона, там где позже разместился знаменитый буддийский монастырь Эрдэни-цзу, была основана новая ставка Чингис-хана Каракорум»*.

Новая ставка Каракорум была продолжением уйгурской традиции. Уйгурское Каракорум означало «черные обломки». По преданию, в районе Каракорума монголы вначале поставили двадцать юрт и учредили здесь свою столицу. Поэтому есть толкование названия Каракорум как «хорин гэр» — «двадцать юрт». Есть и иное толкование как «хара курэм» — «черные камни». Древнее городище у горы Малахитэ привлекало и ранее внимание. В XII в. здесь была ставка кереитского хана, Тахай-балгас. Впоследствии здесь выстроили городище, в центре которого был поставлен желтый поход-

---

* Как читатель помнит, прежняя ставка была в излучине среднего течения Керулена, в местности Кодэ-Арал. Здесь были могилы предков, капище для поклонения им, и рядом кочевали четыре ставки хана, управляемые его женами. Возможно, именно здесь был первый оседлый дворец Чингис-хана.

ный шатер Чингис-хана. Полагают, что первоначально столица Чингис-хана была размером 400×400 м, позднее она разрослась до крупного города.

Где остановился Чингис-хан по возвращении в Монголию, сказать трудно. В «Юань шн» просто сказано «весной, в первом месяце возвратился в походную ставку».

По сведениям Рашид-ад-дина, по возвращении Чингис-хан «повелел разбить большую золотую орду», «устронть многолюдное собранне и сделать великое пиршество». Лето 1225г. «он пробыл дома и соизволил издать мудрые повелення».

Как писал позже монгольскнй поэт:

Земля и Небо — пара,
Луна и Солнце — пара,
Зима и Лето — пара,
Рождение и Смерть — пара.

Мы знаем, что Чингис-хан думал об этом и знаем, что оставшиеся ему лета он решил посвятнть ннзвержению государства тангутов, в котором произошли некоторые нежелательные для него перемены.

Под давлением сторонников активной борьбы с монголами тангутский государь Цзунь-сян отрекся от престола в пользу своего сына Дэ-вана. Дэ-ван, зная о возвращении Чингис-хана из западного похода и о его намерении уничтожить государство Си Ся, пытался принять решительные меры для укрепления обороны страны. В конце 1224 г. он добнлся заключения мира между тангутами и чжурчжэнями. Мухалн понял опасность такого поворота событий и выслал войска для опустошения центральных районов Си Ся. Тангуты наголову разбили их, Дэ-ван понимал, что чжурчжэни ныне плохие помощнки. Более половины Цзнянь находилось в руках монголов. Даже заключив мир с Си Ся, чжурчжэни были вынуждены сражаться на два фронта — на севере с монголами, набеги которых не прекращались, и на юге с китайцами — южная Сун недальновидно помогала монголам добивать своих недавних врагов и северных соседей. Когда-то китайцы помогли чжурчжэням добить киданей и потеряли половнну Китая. Поддерживая монголов, они еще не знали, что вскоре потеряют весь Китай. Таким образом, Дэ-ван не мог рассчитывать и на помощь китайцев. Он предпринял смелый шаг — стал искать союзников во владеннях Чингис-хана, средн племен, живущих в пустные Гобн и

Такламакан «к северу от песков», и лишь недавно подчиненных Чингис-ханом.

Это была попытка организовать военный союз в тылу армий Чингиса, и она в какой-то мере увенчалась успехом. Не случайно Чингис больше всего опасался своих соплеменников. Армии, способной совершить большой поход в Си Ся, в Монголии не было. Узнав о действиях Дэ-вана, монголы осадили западный центр тангутского государства г. Шачжоу. Месячная осада не принесла им победы, подкопы монголов под городскую стену тангуты «забросали огнем», тем самым вынудив монголов снять осаду.

Вернувшись домой, Чингис-хан потребовал от Дэ-вана выслать к нему в качестве заложника своего сына. Государственный Совет Си Ся обсуждал ответ монголам. Многие предлагали смириться, идти на любые уступки, чтобы не давать монголам повода для войны. Один из сановников говорил:

— Ваше Величество. Монголы — это хищные звери. Даже если они смирные и не беспокоят, все равно следует опасаться их рева. И характер их непостоянен. Своим отказом мы дадим им повод для войны. Государство Цзинь на краю гибели. Оно само не в состоянии обороняться. Разве оно сможет помочь нам? Надо отправить наследника в орду.

Он был прав. Но прав был и Дэ-ван, когда думал, что это не спасение. Спасение в решительных действиях и не только тангутов, но и их возможных союзников, всех, пострадавших от меча Чингис-хана:

— Я только что восстановил мир с Цзинь и надеюсь совместными усилиями устоять против общего врага. Послать сейчас к ним в кабалу моего единственного сына, а потом раскаиваться? Зачем спешить!

Посол Чингис-хана уехал ни с чем. Возможно, переговоры на этом не закончились. Из одного тангутского документа мы узнаем, что в марте 1225 г. сучжоуский управляющий пограничными делами, держатель золотой пайцзы был назначен послом и должен был проехать через город Хара-Хото, где и был найден этот подлинный документ той эпохи в 1909 г. П. К. Козловым. Мимо этого района, устья реки Эдзин-Гол посольство могло ехать только в монгольские степи. Как видно, переговоры не были обнадеживающими. Через некоторое время Дэ-ван принял Шилгаксан-хону, одного из сыновей найманского хана, возможно, представителя тех племен

«к северу от песков», которые ненавидели Чингис-хана и только еще в тангутах видели силу, способную противостоять ему. Это уже был открытый вызов, а значит,— война.

Осенью 1225 г. Чингис-хан, видимо, откочевывал в сторону границ Си Ся. В дороге он охотился на диких лошадей и во второй раз упал с коня и сильно расшибся.* Наутро ханша Есуй сказала царевичам и нойонам:

— У государя ночью был сильный жар. Надо обсудить положение.

Совет решил, что «тангуты — люди оседлые, живут в глинобитных городищах. Ужели они могут куда уйти, взвалив на спины свои городища». Поход можно временно отложить и возобновить его, когда Чингис-хан поправится. Однако сам Чингис отверг этот план. Он согласился обождать какое-то время, а чтобы тангуты не подумали, что он струсил, направить к ним посла с объявлением войны. Послу он продиктовал следующее: «Некогда ты, Бурхан, обещал быть со своими тангутами моею правой рукой, вследствие чего я и звал тебя в поход на сартаулов, которые нарушили условия мирного договора. Но ты, Бурхан, не только не сдержал своего слова и не дал мне войска, но еще и ответил дерзкими словами. Занятый другими мыслями, я решил посчитаться с тобой потом. Ныне, свершив сартаульский поход и с помощью Вечного Неба обратив сартуальский народ на путь правый, я возвратился и иду к тебе, Бурхан, потребовать отчета».

По преданию, когда посол в столице Си Ся произнес эти слова, один из тангутских генералов Аша-Гамбу дал послу такой ответ:

— Если вы, монголы, любители войны, хотите сражаться, то есть у меня для этого Алашайское кочевье, есть и решетчатые юрты, есть и вьючные верблюды. Ступайте в Алашай и жалуйте ко мне, там и сразимся!

Посол уехал с вестью о том, что тангуты полны решимости драться до последнего.

На совете, обсуждавшем воевать или нет с тангутами, не было Чжочи. В свое время Чингис-хан поручил Чжочи покорить весь Дашт-и Кипчак — башкиров, русских и черкесов. Но Чжочи «уклонился от участия в

---

* В первый раз это случилось весной 1223 года. Во время охоты он упал с коня и чуть не был убит вепрем.

этом деле и отправился к своим жилищам», за что Чингис-хан пообещал казнить его, заявив: «Я его казню, не видать ему милости». Чжочи заболел и его не было среди возвратившихся в Монголию царевичей. Чингис-хан несколько раз вызывал его к себе, но Чжочи не являлся, ссылаясь на болезнь. Кто-то оговорил Чжочи, сообщив, что он на деле не болеет, а развлекается охотой. Чингис-хан воспринял такое известие как бунт со стороны сына: «Чжочи сошел с ума, что совершает такие поступки». И приказал, чтобы войско выступило в поход в его сторону» (Рашид-ад-дин).

Но поход не состоялся — скончался Чжочи. Ему было сорок лет. Есть сведения о том, что Чжочи не одобрял методов массового террора отца, по словам Джузджани, он заявил: «Чингис-хан потерял рассудок, так как губит столько земель и народу». Есть глухие сведения о том, что Чжочи не только враждовал с братьями, особенно с Чагатаем, но даже якобы имел намерение убить отца во время охоты. Его замысел стал известен Чингис-хану и тот приказал отравить Чжочи.

Чингис-хан недолюбливал Чжочи, родившегося после того, как Борте побывала в меркитском плену. Побудительным мотивом этих действий Чингис-хана могло быть и стремление избежать очень вероятного конфликта между Чжочи и Чагатаем после его смерти. П. Рачневский полагает, что если даже Чингис-хан и был причастен к смерти Чжочи, то это было не столько проявлением личного чувства, «а скорее политические соображения: беспокойство об единстве империи».

В 1226 г. «весной в первом месяце, принимая во внимание, что Си Ся приняло его врага Илэгэсянькунь (Шилгоксан-хону), а также не прислало в заложники сына (государя), (Чингис-хан) сам лично возглавил войска и выступил в карательный поход против него. Во втором месяце взял город Хэшуй и другие города» («Юань ши»).

Чингис, по-видимому, проболел всю зиму 1225—1226 гг. Только весной 1226 г. монголы перешли границу Си Ся в низовьях реки Эдзин-Гол. После упорных боев пал город Хэшуй (Эдзина, Хара-Хото). Тангуты и некоторые союзные им племена были разгромлены и потеряли несколько десятков тысяч убитыми. Мирное население, «всех прочих тангутов», Чингис по обыкновению отдал «на поток и разграбление войску». Так началась последняя война в жизни Чингиса, почти

двухлетняя война, рассчитанная на полное истребление тангутского народа.

От Хара-Хото, двигаясь вверх по течению реки Эдзин-Гол, монголы надвое рассекли территорию Си Ся и вышли в предгорья Нань-шаня. «Летом, (Чингис-хан) спасался от жары в горах Хуньчоушань, захватил Ганьчжоу и Сучжоу. Осенью захватил Силянфу, уезды Шоло и Лохэ, затем перешел Шато и дошел до Хуанхэ у Девяти переправ (Цзюду). Захватил Инли и другие уезды». («Юань ши»). Сам Чингис-хан провел лето в горах Нань-шань, в то время, как его войска совершали походы на соседние области Си Ся. В пятом месяце (28 мая —25 июня) 1226 г. монголы при захвате города Сучжоу понесли большие потери. Разгиеванный упорством осажденных, Чингис-хан приказал вырезать всех жителей Сучжоу, а город — разрушить. Такая же судьба ожидала и город Ганьчжоу. Лишь слезные мольбы Чагана, тангута-тысячиика в войске Чингис-хана, сына правителя Ганьчжоу, в детские годы попавшего к монголам и служившего Чингис-хану, спасли население Ганьчжоу от поголовиого истреблеиия, а город — от разрушения.

По «Юань ши» Чаган (Чахань) был сыном сановника Си Ся от наложницы. Жеиа сановника иевзлюбила его мать и, видимо, ей с сыном пришлось бежать. Чингис встретил Чаханя иа охоте, ему понравился разговор с ним, мальчик заявил, что высшими чиновниками считали тех, кто «изучили церемониал». Мальчик стал жить при ставке Чингис-хаиа, а когда подрос, то получил в жены девушку из куигираток. В войнах с Цзинь дослужился до тысячника. Он был в числе тех, кто брал Бухару и Самарканд, участвовал в преследовании Джелал-ад-дина и потому знал, что ждет город, взятый монголами после упорного сопротивления.

Осада Ганьчжоу в жизнеописании Чаханя обрисована следующим образом: «Отец Чаханя Цзюйе Целюй жил в обороняющемся городе. Чахань прикрепил к стреле письмо и вызвал его. Просил показать ему его младшего брата. Брату было 13 лет. Он поднялся иа городскую стену на возвышенном месте и (Чахань) увидел его. Затем послали посла в город с приказом загодя сдаться. Помощиик отца (Чаханя) Ачжо и другие 30 чел. объединились и решили убить Цзюйе Целюй. При этом убили посла. Объединили все силы для обороны города и отпора врагу. Когда город был взят, импера-

тор высказал пожелание полностью срыть и на его месте оставить яму. Чахаиь сказал, что народ не виноват. Наказали только 36 человек».

В декабре монголы форсировали Хуанхэ и вышли в восточные районы Си Ся. Как раз в это время скончался Дэ-ван, который пытался наладить борьбу с монголами. Новому тангутскому государю, князю Сянь, досталось трудное наследство: стотысячная тангутская армия под Линчжоу пыталась остановить продвижение монголов к столице. Подробности грандиозного сражения, в котором прииимал участие лично Чингис-хан, остаются неизвестными, но его итоги были для тангутов катастрофическими. Их армия была полностью разгромлена. Линчжоу пал. Перед монгольской армией был открыт путь на столицу Си Ся.

Зимой 1226-1227 гг. началась последняя осада Чжунсина. В то время, как основные силы монгольской армии осаждали город, отдельные ее отряды добивали еще не занятые и неразрушенные города и селения. В одиой из китайских летописей сообщается: «Монголы полиостью покорили города и области Ся. Его жители зарывались в землю и камни, чтобы укрыться от мечей и стрел, но спаслись лишь один-два человека из ста. Белые кости покрыли степь».

Весной и летом 1227 г. государство оказалось практически стертым с лица земли. Столица тангутов была обречена. Лишь летняя жара отсрочила ее нападение. Гибель столицы Си Ся связана иепосредственно со смертью Чингис-хана, который скончался под ее стенами. По сведениям Рашид-ад-дина, это случилось еще до падения тангутской столицы. Перед смертью Чингис-хан сказал своим приближенным:

— Вы не объявляйте о моей смерти, не рыдайте и не плачьте, чтобы враг не проведал о ней. Когда же государь и жители Тангута (столицы Си Ся) в назначеиное время выйдут из городов, вы их всех сразу уничтожьте!

«В пятнадцатый деиь среднего месяца осени года свиньи, соответствующего месяцу рамазану 624 г. (29 августа 1227 г.) он покинул этот тленный мир, оставил престол, владения и государство своему именитому уругу. Эмиры согласио его приказу скрывали его кончину, пока тот народ (т.е. таигуты) не вышел из города. Тогда они перебили всех».

По даиным «Юань-ши», Чингис-хаи находился в го-

рах Люпань. «Государь Ся прочно обороиял Чжуисин. Император послал Чахаия в город с приказом, в котором излагались беды и благополучия. Войско и народ (тангуты) только-только соглашались сдаться, как случилось, что скончался император. Генералы пленили государя Ся и убили его. Снова обсуждали вопрос, чтобы вырезать все население Чжуисина. Чахаиь прилагал все силы и убедил не делать этого. Он лично вступил в город, успокоил и собрал оставшихся людей».

По сведениям же «Тайиой истории», Чингис-хан лично принял прибывшего с богатыми дарами для переговоров правителя таигутов. Тангутский государь для подношеиия Чингис-хану «подобрал по мере, цветам и мастям всяких предметов и вещей в десятикратном числе, как то: золота с серебром, посуды с утварью, юношей и девушек, меринов с верблюдами и во главе всего этого золотые кумирни». Во время аудиенции Чиигис-хан почувствовал себя плохо. Он распорядился убить государя таигутов.

Некоторые поздние монгольские летописи, например, «Шара Туджи», рассказывают о фантастическом единоборстве Чингис-хана с правителем тангутов — правитель тангутов обратился в змея, Чиигис-хан в мифическую Гаруду, правитель тангутов обратился в тигра, Чингис-хан — в арслаиа, мифического льва, правитель тангутов — в юношу, Чиигис-хаи в божество Хармусту. Когда Чиигис-хаи пленил, наконец, правителя тангутов, тот сказал: «Если убьешь, самому тебе будет плохо». Если не убьешь, то потомству твоему потом будет плохо». Если Чингис убьет его, то погибнет сам, а если не убьет, то плохо стаиет чиигисову потомству. Чиигис-хан правителя таигутов убил и пленил его жену Гурбэлджин Гоа-хатуи. Она-то и убила Чиигис-хана: «Гурбэлджии Гоа-хатуи к потаениому месту своему прижав щипцы, тайному месту Эдзэиа (Чингис-хана — Е. К.) вред причинила. Убежав, в Хара-Мурэи (Хуаихэ) прыгнув, утопилась». Получив столь необычную и жестокую травму, Чингис-хаи тяжело заболел и «на шестьдесят шестом году жизни в год огня-свиньи в двенадцатый день седьмого месяца в тангутском городе Турмэгэй Балгасун скончался». В. Груссе высчитал, что Чиигис-хаи умер 18 августа 1227 г.

Нарушив перемирие, моиголы ворвались в столицу Си Ся. Почти все иаселение тангутской столицы было уиичтожено. Ее храмы, дворцы и библиотеки обращеиы

в развалины. Покончив с тангутским государством, Чингис якобы повелел: «Так как я истребил таигутов до потомков их и даже до последнего раба...., то пусть напоминает мие о таком поголовном истреблении за каждым обедом». «Дважды ополчась на тангутский народ за нарушение даниого слова, Чингис-хан после окончательного разгрома тангутов возвратился и взошел на небеса в год свиньи».

В первом цзюане «Юань-ши» о его смерти рассказывается: «Осенью в 7 месяце скончался в походном лагере Халаоту у реки Саличуань. Перед смертью сказал окружающим его: «Отборные войска Цзинь находятся к югу от заставы Тунгуань и опираются на горы Ляншань. С севера они защищены Великой рекой (Дахэ). Трудно подойти к ним и разбить их. Если воспользоваться дорогой через владения Сун? Суи и Цзинь давние враги и Сун обязательно разрешит (провести войска) и мы непременно разгромим их (чжурчжэней)». Сказал и умер в возрасте 66 лет. Захороиеи в ущелье Цинъяньгу».

Таким образом, по официальному жизнеописаиию, Чингис-хан перед смертью думал даже ие об уничтожении уже повержеииых тангутов, а о том, как добить чжурчжэией. Авторы истории «Юань ши» отмечали: «Император был глубоких помыслов и имел великие планы. Использовал войска, как дух (божество). Поэтому и смог уничтожить 40 государств, а затем покорил Си Ся. Свидетельства его удивительных геройских деяний многочислениы. К сожалению, в то время ие готовили чиновиików истографов и поэтому многое упущено в записях». И это верно. Как мы видели, многое и упущено и противоречиво. Это касается обстоятельств смерти Чингис-хана.

По данным «Юань-ши» и Рашид-ад-дина, Чингис-хан умер от болезни, как писал позже Р. К. Дуглас, «от скоротечиой болезни». Абул Фарадж считает, что у Чингиса была малярия, Джувейни писал о «нездоровом климате» тангутского государства, вызвавшем болезнь. «Тайная история» полагает причиной болезни и смерти Чингис-хаиа падение с лошади во время охоты на куланов, когда «его коричнево-серый поднялся на дыбы, причем государь упал и сильно расшибся». Лубсан Данзаиа рассказывает об обстоятельствах смерти Чингиса следующее: «в последнюю луиу года красноватой свиньи был захвачеи Чингис-ханом Шийаи-а, вла-

делец народа Си Ся. Чингис, овладев народом Си Ся, вернулся осенью. В пути он сделал остановку у реки Доораду мурэна (Нижняя река), принадлежащей кокэусунским Си Ся. Хаган обессилел. Прожив семь дней, на восьмой он скончался, сделав свое последнее духовное завещание. Тело его было привезено с почестями и превращено в онгон (т. е. похоронено) в районе реки Чивмэ. Говорят так, но также неизвестно, где находится эта «местность». Он упоминает, что перед смертью «у августейшего владыки случился сильный жар», сказав наставление потомкам, «на шестьдесят шестом году жизни, в двадцать второй год правления, в год красной свиньи в двенадцатый день седьмого месяца он стал тангри».

Джузджани рассказывает, что пленный император тангутов предсказал Чингис-хану смерть на третий день своей собственной смерти. У Чингис-хана действительно из раны потекла кровь, как белое молоко, и он «отправился в ад». О том, что Чингис-хан умер от раны, старой раны, полученной еще в войне с Цзинь, писал Марко Поло. Плано Карпини сообщает, что Чингис-хан был убит ударом молнии.

Таким образом, обстоятельства смерти Чингис-хана остаются неясными. Можно с уверенностью сказать лишь одно: он умер в начале осени (или в конце лета) 1227 г. на территории тангутского государства Си Ся сразу после (или незадолго до) падения столицы Си Ся Чжунсин (соврем. г. Иньчуань), пленения последнего тангутского государя и уничтожения тангутского государства. В Ордосе у речки Чжамхак (на территории Автономного района, Внутренняя Монголия), теперь возвышается величественный мавзолей великого хана и установлена огромная белокаменная статуя его, считается, что именно здесь его не стало.

После смерти великого владыки, монголы, «забрав его гроб, пустились в обратный путь. По дороге они убивали все живое, что им попадалось, пока не доставили гроб в орды Чингиз-хана и его детей. Все царевичи, жены и эмиры, бывшие поблизости, собрались и оплакивали покойного»:

Обернувшись крылом парящего ястреба, ты отлетел,
государь мой!
Неужели ты грузом стал повозки грохочущей,
государь мой?
Обернувшись крылом добычу хватающего ястреба, ты отлетел.
государь мой!

Неужели ты грузом стал повозки с вертящейся осью,
государь мой?
Обернувшись крылом щебечущей пташки, ты отлетел,
государь мой!
Неужели ты грузом стал повозки скрипящей,
государь мой?

Так или примерно так оплакивали Чингис-хана.

Как сообщает Рашид-ад-дин, в Монголии есть большая гора, которую называют Бурхан-Халдун. С одного склона этой горы стекает множество рек, по берегам их растут густые леса. «В тех местах живут племена тайчиутов. Чингис-хан сам выбрал это место для своего погребения и повелел: «Наше место погребения и нашего уруга будет здесь». Летние и зимние кочевья Чингиз-хана находились в тех же пределах, родился он... в низовьях реки Онона, откуда до горы Бурхан-Халдун будет шесть дней пути... Дело обстояло так: однажды Чингис-хан был на охоте. В одном из этих мест росло одинокое дерево. Он спешился под ним и там обрел некую отраду. Он сказал: «Эта местность подходящая для моего погребения! Пусть ее отметят!» Во время оплакивания люди, которые тогда от него слышали эти слова, повторили их. Царевичи и эмиры согласно его повелению избрали ту местность для его могилы. Говорят, что в том же самом году, в котором его похоронили, в той степи выросло бесчисленное количество деревьев и травы. Ныне же лес так густ, что невозможно пробраться через него, а этого первого дерева и места его, Чингиз-хана, погребения совершенно не опознают».

Эту версию принимает П. Рачневский, который заключает, что место захоронения великого хана было объявлено запретным, «хориг». Л. Гамбис считал, что, возможно, Чингис-хан был «похоронен с частью своих потомков в районе, близком к истокам трех рек в Южной Монголии».

Хотя и покинула тебя милостивая душа,
Все же мы вернем твой прах, подобный драгоценной яшме,
Доставим его всему твоему народу...
И шевельнулась, скрипя, большая повозка
И возрадовался весь народ!
До великой ханской земли тогда его провожали...
(«Алтан-Тобчи»)

Одни говорят, что похоронен он был на Бурхан-Халдуне. Другие — на северном склоне Алтай-хаиа, или на южном склоне Кэнтэй-хана, или в местности, иазываемой Йэхэ-Утэк.

Марко Поло утверждал, что местом погребения Чингис-хана и прочих монгольских государей был Алтай. «Всех великих государей, потомков Чингис-хана, знайте, хоронят в большой горе Алтай, и где бы не помер великий государь татар, хотя бы за сто дней пути до той горы, его привозят туда хоронить. И вот еще какая диковина: когда тела великих ханов несут к той горе, всякого дней за сорок, побольше или поменьше, убивают мечом провожатые при теле да приговаривают: «Иди на тот свет служить нашему государю!» Они воистину верят, что убитый пойдет на тот свет служить их государю. С конями они делают тоже самое. Когда государь умирает, всех его лучших лошадей они убивают на тот конец, чтобы они были у него на том свете».

Монголовед и тибетолог прошлого столетия Я. Шмидт, основываясь на том, что монголы не умели бальзамировать трупы, полагал, что тело Чингис-хана до Монголии не довезли, в Монголии были захоронены только какие-то вещи, реликвии.

И уже Огодой, взойдя на престол, принес в жертву чингисханову духу сорок красивых девушек и много породистых лошадей.

В XVII в. местом погребения Чингис-хана признали Ихэ-Эджен-Хоро, в Ордосе, где стояли юрты, якобы с останками Чингис-хана*. В конце XIX в. эти места посетил русский этнограф Г. Н. Потанин...

В нарядном китайском платье, сопровождаемый двумя монголами, Григорий Николаевич пешком отправился к Ихэ-Эджен-Хоро. Вот и сама святыня. На невысокой четырехугольной насыпи, облицованной кирпичами, за проломленной деревянной оградой впритык стояли две юрты, и там, где они соприкасались, был устроен тайный проход. На юртах золотые маковки, верхние войлоки, покрывающие своды юрт, вырезаны по нижней кромке фестонами в виде языков, свисающих вниз. Вместе с монголами Григорий Николаевич трижды поклонился, встав перед растворенными дверями юрты. Входить в юрту не разрешалось. Только из темных две-

---

* К 800-летню со дня рождения Чингис-хана (отмечалось в КНР в 1962 г.) в 1956 г. на месте комплекса Ихэ-Эджен-Хоро был построен роскошный храм (высота 25 м, площадь 2400 кв. м.). В годы войны с Японней святыня Ихэ-Эджен-Хоро была перевезена в монастырь Гумбум в северо-восточном Тибете (1938 г.), в 1954 году она была перевезена обратно в Ордос. Ныне это доходный туристскнй комплекс н место поклонення.

рей неожиданно высунулась рука с красным деревянным блюдом, на котором стояла медная вазочка с горевшим маслом. Монголы-дархаты, хранители юрты, сопровождавшие Потанина, предложили ему взять блюдо и подержать его. Затем они снова троекратно поклонились юрте и удалились.

Г. Н. Потанину удалось выяснить, что в юрте якобы находится серебряная рака с костями Чингис-хана. Каждый год в двадцать первый день третьего месяца по лунному календарю ордосские монголы устраивают большой праздник — тайлга — в честь Чингис-хана. К юрте подвозят Донду Эджен-Хоро — Среднюю ставку Владыки, ставку первой жены хана Борте, и ставку Бага Эджен-Хоро (младшую ставку Владыки), с платьем ханши Гурбелджин, которая столь коварно и неожиданно погубила властелина мира. В этот день в жертву Чингис-хану приносят лошадь.

Один монгол рассказал Г. Н. Потанину, что в древности Чингис-хану приносились и человеческие жертвы. Кровожадного Чингиса смирил тибетский панчен-лама. Оставшись в юрте один на один с прахом великого хана, этот живой бог перепоясал высшее тело хана красным кушаком и сказал: «Отныне ты должен быть милосердным и не убивать живых людей! В жертву тебе должны приносить лошадей, а не людей!» Затем он запер раку тремя замками, а ключи увез с собой. С тех пор дархаты-хранители сами не знали, что лежит в усыпальнице хана.

«Юань ши» утверждает, что у Чингис-хана было 23 жены-императрицы и 16 наложниц (цз. 106). В другом месте официальной истории сказано, что жен и наложниц у Чингис-хана было более 40 (цз. 114). Жены и наложницы размещались по четырем ордам. По Рашид-ад-дину, у Чингис-хана жен и наложниц было около 500. Он «по старому монгольскому обычаю ... брал себе и раздавал приближенным, в частности сыновьям, жен и дочерей побежденных предводителей племен или правителей стран». Л. Гамбис считал, что только пять жен Чингис-хана имели статус императриц — Борте, Хулунь (меркитка), татарки Есуй и Есулунь, и дочь чжурчжэньского Вэй-шао вана, известная как гунчжу-хатун. По «Юань ши» у Чингис-хана было шесть сыновей: Чжочи, Чаадай, Огодой, Тулуй, Улучи, и Колецзинь. Л. Гамбис полагал, что известны восемь сыновей Чингис-хана, но трое из них умерли малолетними.

Таков, в самых общих чертах, был жизненный путь великого хана монголов, основоположника монгольского государства, одного из величайших завоевателей в истории человечества, чье имя поныне известно миллионам людей и давно стало нарицательным. Известно, что Н. И. Бухарин называл И. В. Сталина Чингис-ханом.

Нет единого мнения о годе рождения Чингис-хана. Трудно и по разному датируются и все основные события жизни Темучжина примерно до 1200 г., хотя и после 1200 г. ряд событий в разных источниках датированы неодинаково. Трудно рассчитывать на то, что эта ситуация изменится к лучшему, ведь между тремя информативными источниками о жизни Чингис-хана («Тайная история», «Сборник летописей» Рашид-ад-дина и официальная история династии, осиованной Чингис-ханом «Юань ши») имеются заметные расхождения.

ЛИЧНОСТЬ

С кровавым сгустком
В ладони детской —
Поводырь убийц,
Кормивший смертью с
Острия меча
Растерзанный и падший мир.
Работник,
Бравший твердь копьем
Дикарь
С петель сорвавший
Дверь Европы
Был уродец...

Дмитрий Кедрин

Говоря об уродстве дикаря, Дмитрий Кедрин имел в виду иравственное уродство Чиигис-хаиа, уродство прославленного массовыми убийствами и бессмысленной жестокостью монстра. Его представляют низкорослым, кривоиогим кочевником, но Чингис-хан отличался внешиостью привлекательиой, был рослым и сильным.

Джузджани, который видел Чингис-хана в Хорасане уже иемолодым, написал о ием: «Чиигис-хаи отличался высоким ростом и крепким телосложеиием. Имел кошачьи глаза». Чжао Хун, возможно, лично не видел Чингис-хана, но составил его описание с чужих слов, его сви-

детельство столь же важно, как и свидетельство Джузджани — оба они были современниками Чингиса. Чжао Хуи записал: «Что касается татарского владетеля Темучжина, то он высокого и величественного роста, с обширным лбом и длинной бородой. Личность воинственная и сильная». Много свидетельств о внешности Чингиса оставил Рашид-ад-дин.

Вот так реконструировал образ Чингиса писатель В. Г. Яи: «...строгое темное лицо с жесткой рыжей бородой. Две седые скрученные в узлы косы падали на широкие плечи. Из под лакированной черной шапки с огромным изумрудом пристально всматривались зеленовато-желтые глаза». И еще: «Он высокого роста и хотя ему уже больше шестидесяти, он еще очень силен. Тяжелыми шагами и неуклюжими ухватками он похож на медведя, хитростью — на лисицу, злобой — на змею, стремительностью — на барса, неутомимостью — на верблюда, щедростью к тем, кого хочет наградить — на кровожадную тигрицу, ласкающую своих тигрят. У него высокий лоб, длинная узкая борода и желтые немигающие, как у кошки, глаза».

Рыжеватость и светлоглазость достались борджигинам от их прародительницы Алаи-Гоа, которая была близка с киргизом (древние кыргызы отличались этими признаками). В. Чивилихин вообще относит его не к монголам, а к некоим «блондинам Азии». Вряд ли это так. Сама Алан-Гоа была из племени куралас, которое входило в число «тех настоящих моигольских народов, кои были на Эргунэ-Куне» (Рашид-ад-дин). Из этих же «настоящих монголов» было и племя матери Чингиса Оэлуи. Кроме того известно, что среди группы племен шивэй, из которых вышли древние моиголы, известны хуантоу (букв. «желтоголовые») шивэй, и рыжеватость и светлоглазость, наблюдавшиеся в роду Чингис-хана, совсем необязательно могли происходить «с запада».

Характеристики внешности Чиигиса, которые встречаются в «Тайной истории», типа «во взгляде — огонь, а лицо — что заря», поэтико-мифологические, и, возможно, носят сакральный характер, указывают на божественное в нашем понимании происхождение.

Многие авторы подчеркивают, что Чингис-хан был физически крепким человеком. П. Рачиевский предполагает, что он, «наверное, находил удовольствие в сексе»: каждый год в государстве отыскивали красивых девушек и доставляли ему. Известно, что из каждого

победоносного похода Чиигис-хан возвращался с иовой женой, но это не может рассматриваться признаком сексуальной мощи. Жеиы от побежденных — признак заключения политического союза (таигутская, чжурчжэньская жены) и покориости или, выражением превосходства иад победителем (жена найманского Таян-хана). Нет иикаких сведений о том, чтобы Чиигис-хан был излишне пристрастеи к прекрасному полу (12 тыс. красивых девушек, которых ему, по Джузджаии, доставили в Западном походе — тоже не довод, это была военная добыча). Хотя алкоголизм был в его роду (его сыи Огодой был алкоголиком, «любил иаслаждения и пил вино», а внук Каши «был большим любителем вина и постоянно пребывал в опьянении», «умер от порока — чрезмернего пьянства») — сведений о том, что он был невоздержан в питие, мы ие имеем.

Охарактеризовать сущность личности Чингис-хаиа пытался еще Рашид-ад-дин в специальном разделе «Повествование о Чингис-хане, относительно его похвальных свойств, душевиых качеств, о его избранных обычаях, о прекрасных притчах...» Уже само название раздела свидетельствует о том, как именно характеризовал Чингис-хана Рашид-ад-дин. Ои писал, что в Китае были разработаны определеииые нравствеино-этические нормы. Их суть заключается в следующем: у народа, у которого сын не слушается отца, младшие братья — старших, «муж не полагается иа свою жену, а жена ие следует повелению мужа», «великие на защищают малых, а малые не принимают иаставлений от старших», «у такого иарода воры, лжецы и всякие мошениики затмевали солице на его собствеиом стойбище». Тот, кто умеет управлять семьей, сможет управлять и государством. «Каждый, кто в состоянии содержать в порядке свой дом, в состоянии содержать в порядке и целое владение», «каждый, кто может так, как это положеио, выстроить в бою десять человек, достоин того, чтобы ему дали тысячу или тумаи». Каждый, вызванный к старшему, отвечает только иа то, о чем его спрашивают, тот, кто произнес слово прежде вопроса, может быть и ие услышаи, «хорошо, если его услышат, в противиом случае он будет ковать холодиое железо». Хорошо служит тот, кто служит верно и предаино в любых условиях: «добрым можно назвать только того коия, который хорошо идет и откормлеиным, и в полтеле, и истощеииым». Начальником достоин быть тот, кто поиимает нужды под-

чииеииых, «который сам знает, что такое голод и жажда и судит по этому о состоянии других». Народы управляются иаставлениями (билик) и закоиами — ясой.

Все это общие положеиия и средства сделать государство упорядочеииым и сильным. Во имя чего? — Вот основиой вопрос идеологии Чингис-хаиа и чиигисхановщииы.

«Неупорядочеиные и безрассудиые иароды» подлежат подчииеиию и управлеиию ими с помощью Ясы. Ои, Чиигис-хаи, призваи сделать это высшими силами и эти силы подают ему зиаки своей милости. «Одиажды в молодые годы Чингис-хаи встал иа рассвете и в его чубе уже побелело несколько волосков. Приближеиные задали ему вопрос: «О, счастливый государь, возраст твой не достиг еще порога старости, почему же в твоем чубе появилась седииа?» В ответ ои сказал: «Так как всевышний господь пожелал сделать меня главою и старейшиною туманов и тысяч и водрузил буичук моего благодеиствия, то ои проявил на мие зиак старости, который является знаком старшииства». Чиигис-хаи — хаи волею Неба, говоря иашими словами, хаи милостью божьей. Во имя чего действует хаи? Во имя того, чтобы члеиы его уруга, его мужские потомки и их семьи одеялись «в заткаиные золотом одежды», чтобы оии вкушали «вкусиые и жирные яства», садились на красивых коней и обнимали «прекрасноликих жеи». Столь же «красивую жизнь» должиы получить те, кто служит хаиу.

«Мои стараиия и намерения отиосительио стрелков и стражей, чернеющих словно дремучий лес, супруг, иевесток и дочерей, алеющих и сверкающих словио огоиь, таковы: усладить их уста сладостью сахара своего благоволеиия и украсить их с головы до иог тканиыми золотом одеждами, посадить их иа идущих покойным ходом мериов, иапоить их чистой и вкусной водой, пожаловать для их скота хорошие травяиые пастбища». Нет ни слова о том, что для этого иадо работать. Все это следует взять у «неупорядоченных народов» силой, уничтожая непокорных, ибо «если мы отправляемся иа охоту, то убиваем много изюбрей, а если мы выступаем в походы, то уиичтожаем много врагов».

Это сравнеиие военного похода и охоты ие просто метафора. Как лес и степь полны добычи для удачливого охотника, так и окружающие народы — те же лес и степь, где при удачной «охоте» можно добыть все для

той жизни, которую ты считаешь для себя идеальной. Хан и его войско, его «мужи» это охотники, и «величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмутившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами; в том, чтобы сесть на его хорошего хода с гладкими крупами меринов; в том, чтобы превратить животы его прекрасноликих супруг в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их разноцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета спелой ягоды сосать!»

Можно спорить о том, является ли все это подлинной сущностью монгольского хана. Но, по словам Рашид-ад-дина, все это «его (Чингис-хана) назидательный рассказ» и его образ мыслей и действий, устрашающий и пугающий, и не случайно Рашид-ад-дин кончает его словами: «Ду будет мир над людьми мира!», ибо какие бы оговорки мы не допускали, прав был акад. Б. Я. Владимирцов, которого невозможно заподозрить даже в неуважении к монгольскому народу, что это была идеология разбойничьей шайки и ее главаря! Л. Гамбис также писал: «Чингис-хан «смотрел на оседлые страны — Китай, Иран, как на регионы-источники дохода своей семьи, своей знати и своего народа». По заключению того же Л. Гамбиса, Чингис-хан обладал характером «благородного человека» своей эпохи, если не принимать в расчет мелочи, «разрушения и убийства, которые он полагал необходимыми». А так это был человек преданный друзьям, неумолимый к врагам, человек, который «всегда сохранял ясное понимание величия своей миссии, для которой, как он думал, он был избран Небом», человек умеренный в повседневной жизни. Он «унаследовал от своих предков простоту погонщика стад, терпение и хитрость охотника». Необходимость историзма в оценке личности Чингис-хана отметил и П. Рачневский: «Чингис-хан вошел в историю как беспощадный завоеватель. Его завоевательные походы принесли смерть и гибель бесчисленному количеству людей, уничтожили невосполнимые культурные ценности. Но было бы несправедливо судить Чингис-хана с высоты наших столетий. Чингис был продуктом своего народа и своего времени. Его поступки определялись жестокими законами степи, которая не знала жалости к врагу. Его дела вершились в военной области. Свои-

ми успехамн он был обязан не столько своим воинскнм дарованням, сколько искусной полнтнке и своим организаторским способностям». И тут же он добавляет, что «его путь к власти пролегал по трупам». Тот же П. Рачневский отмечает ряд личных качеств Чингис-хана, которые действительно характеризуют его положительно. Это чувство благодарности, например, к Сорган-Шнра, спасшему ему, возможно, жнзнь, когда он бежал нз тайчиутского плена. Забота о детях павших соратников. «Чингис-хан повелел: «За то, что друг Хуилдар на бранн живот свой положнл, пусть получают снротское пособие даже и потомкн потомков его». Нарин-Тоорнлу, сыну Чаган-гоа он сказал: «Твой отец, Чаган-гоа, пал в бою прн Далан-балчжутах от рукн Чжамухи, пал, ревностно сражаясь перед монмн очами. Пусть же теперь Тоорнл, за службу своего отца, получает сиротское пособие». Чингис доверял своим сподвижннкам, например, Мухалн, который в Китае был его личным представителем и в отдельные периоды был вторым после хана лицом в государстве. Он заботился о солдатах, Чан Чуню он говорнл: «Я забочусь о монх солдатах, как о своих братьях». На основании доступных нсточников трудно определить, отлнчался лн Чингис личной храбростью. В детстве, мальчишкой, он боялся собак. Будучн физически слабее братьев Хасара и Бектера, он не в честном бою, а с помощью сильного, но, возможно, не очень умного Хасара застал врасплох и погубил безоружного Бектера. Молодой Темучжин не раз спасался бегством и не вндел в этом позора. Но он же броснлся отбнвать угнанных у семьи мерннов (правда, позднейшие источнпки утверждают, что Темужчин поехал не однн, а с братом Хасаром) и вступнл в драку с чжуркинцамн, когда те во время пира в Ононской дубраве ранилн Бельгутая. Чингис-хан, безусловно, был человеком незаурядного ума, хитрым н коварным политнком, знавшнм людей, нх слабости и умевшнм нспользовать их в своих нитересах. Сколько ловкостн, хитростн и ума проявнл он при побеге нз тайчиутского плена. Мы не знаем, вндимо, решающего этапа в карьере Чнигиса, когда он, прожнв полтора года с Чжамухой, оказался, только благодаря своему уму и смекалке, не главой анла, а ханом собственного улуса. Он сумел найтн и выделить нз своего окружения талантливых полководцев. Мухали, Боорчу, Субетай, Чжебе, Чжочн и другне военачальники, выдвнпутые им, при-

носили ему военные победы и значительная часть полководческой славы Чингиса принадлежит по справедливости им.

Чингис-хан требовал верности подданных государю, слуг своему хану и мы видели не раз, как он казнил тех, кто пытался перейти на его сторону и получить его милость выдачей своего господина. Как правило, эти люди не находили у него поддержки. Чингис-хан отличался недоверием, подозрительностью, даже к близким людям. Мы знаем о его недоверии к Хасару, хотя может быть, тот и давал поводы к этому, к Бельгутаю в его конфликте с шаманом Теб-Тенгри. Он с подозрением отнесся к Чжелме, когда тот сходил в стан тайчиутов за кислым молоком, чтобы спасти жизнь своего раненого хана. Он ценил в людях способность сказать правду, простил Чжебе, признавшегося в том, что это он стрелял и ранил его.

Мстительность во многом определяла натуру Чингис-хана. П. Рачневский пишет, что его мышление было «мышлением мстителя». Он возвел месть в ранг государственной политики. «В то время, когда Чингис-хан предпринял поход во владения Китая и выступил на войну против Алтан-хана, он один, согласно своему обыкновению, поднялся на вершину холма, развязал пояс и набросил его на шею, развязал завязки кафтана, встал на колени и сказал: «О, господь извечный, ты знаешь и ведаешь, что ветром, раздувшим смуту, был Алтан-хан и начало распре положил он. Он безвинно умертвил Укин-Баркакака и Хамбакай-каана... я же домогаюсь их крови, лишь мстя им. Если ты считаешь мое мнение справедливым, ниспошли мне свыше в помощь силу!»... С полнейшим смирением он вознес это моление; затем сел на коня и выступил. Благодаря своей правоте и верному намерению, он одержал победу над Алтан-ханом... и его владения и его дети очутились во власти Чингис-хана». Считать это лишь рецидивом обязательности кровной мести, присущей первобытному мышлению, было бы, наверное, неверно. Давно уже правил не тот Алтан-хан, который убил его сородичей, более того, когда это было выгодно, Чингис-хан дружил с ним, он не отказался принять из рук Алтан-хана чин, да и не случайно, замечает П. Рачневский, что в случае неудач, Чингис часто ищет убежища поближе к границам Цзинь. На его совести убийства родичей Чача-беки и Тайчу, Арслана и Хучара, которые возвели его на

ханский престол, он убил побратима Чжамуху, и, возможно, своего сына Чжочн. Он во многом был обязан Ван-хану, которого в свое время называл отцом, но это не помешало ему на пути к собственной властн, к утверждению власти над Монголией погубнть и его улус, и его самого, хотя и не своимн руками. Ван-хан, Чжамуха, Хучар и др., не раз бывшне его союзниками люди. «Мог ли он оставить нх в живых,— задается вопросом П. Рачневский,— еслн видел в них соперников, вставшнх на пути его к власти. Чингис полагал, что он всегда прав, призван к этому высшимн силами». Говорят, что все это были политические убнйства. Это верно, чувство мести было поднято до высот как внутренней, так и внешней политики Чннгис-хана.

Л. Н. Гумилев пишет: «После стольких преступлений, совершенных именно чжурчжэнями, ожесточение монголов объяснимо как пснхологическая реакция... При такой ситуацни, сложившейся исторически, личные качества Чннгис-хана не имелн значения. Он повел свой народ на исконных, безжалостных врагов потому, что этого хотел весь народ (?), дети убитых и братья проданных в рабство. Да если бы он этого не сделал, так не быть бы ему ханом!» — Откуда такая уверенность? Где сведения о том, что войны с Цзинь хотел весь народ? Почему Чингис-хан, не начни он эту войну, не был бы ханом. Он стал им за 5 лет до этого. — «Война, конечно,— продолжает Л. Н. Гумилев,— дело страшное, но в классовом обществе она неизбежна, как еднистве́нный способ разрешення противоречий. Можно осуждать морально того, кто начал войну, но тогда виноваты чжурчжэни. А винить победителя, перенесшего поле сражения иа территорию протнвника, бессмысленно и аморально. Тут, очевидно, доминирует не историческое прозрение, а пристрастие». — Будем пристрастны. Именно Чннгис ввел месть в культ, он спровоцировал, хорошо подготовнл войну и вел ее предельно жестоко. А может быть, пристрастен Л. Н. Гумилев, объяснявшнй нападения монголов убийством их послов. Речи нет, убнвать послов нехорошо, но ведь и требования монгольскнх послов, как правило, были провокационны, а в основе своей содержалн одно — или вы покоритесь, илн война, а с ней смерть и разрушения.

Жестокость, еще одна черта характера Чннгнс-хана, возведенная в разряд средства государственной политики. Поголовное истребление населения многих городов

и сел в целях устрашения противника в руках Чиигис-хаиа и его полководцев было политикой, осознаниым методом ведения войны. «Это были уже не стихийиые жестокости,— справедливо писал в предисловии к русскому переводу труда Рашид-ад-дина известный советский востоковед проф. И. П. Петрушевский,— а целая система террора, провозглашаемая сверху и имевшая целью организованное истребление способных к сопротивлению элементов населения, запугивание мирных жителей и создаине массовой паники в завоеваиных страиах». В мусульмаиских источинках зафиксироваио около трех десятков случаев «всеобщей резни» при взятии городов. Но зачастую вместе с городами вырезали и иаселение окрестиых селеиий. Плеиные писцы подсчитывали число убитых. После резии в Мерве, например, этот ужасиый подсчет продолжался 13 дией.

Чингис поддерживал такие методы ведеиия войны, и есть сведения совремеиииков о том, что ои личио гордился своими жестокостями. Джузджаии приводит рассказ очевидца событий Вахид-ад-дина Бушенджи о том, как Чиигис-хаи хвастался в кругу приближениых тем, что перебил огромиое миожество людей и потому его слава будет вечиой. Бывший при этом Бушеиджи резоиио заметил:

— Если хан и его слуги перебьют всех людей, среди кого же будет жить его слава?

Чиигис обозвал его глупцом и заявил:

— Государей в мире миого. Я творил всеобщую резню и разрушеиие повсюду, куда ступали копыта коией войска Мухаммеда Огузского хорезмшаха. А остальные народы, что иаходятся в страиах других государей, сложат рассказы во славу мою!

Прав Л. Н. Гумнлев, когда пишет: «Жестокости, совершенные победоносиымн монголами, конечио, ужасны, но не менее ужасными были зверства чжурчжэней в Китае, сельджуков в Армеиии, крестоносцев в Прибалтике н Визаитии. Такова была эпоха». Это верно. Такова была эпоха. Но даже н в эту эпоху Чнигис-хан оказался иепревзойден — творимую им резию народы помият до сих пор. Следует сказать, что есть миения о том, что масштабы зачастую неоправдаиных убийств, производимых по приказу Чингиса н его полководцев, устрашали и удивлялн самих монголов. «Находящаяся уже в «Сокровеиием сказании» легенда о том, что Чингис-хан родился с комком запекшейся крови в руке,—

писал В. В. Бартольд,— иаглядио показывает, что количество крови, пролитой по повелеиию Чиигис-хаиа, поражало и его моиголов». Не одобрял массового террора старший сыи Чиигис-хаиа Чжочи. Будучи иаместииком Хорезма, ои старался избавить край от разорения и говорил приближеииым, что «Чиигис-хаи потерял рассудок, так как губит столько земель и иароду» (Джузджаии).

Чиигис-хаи безусловио был властолюбив. «Воля к власти,— пишет П. Рачиевский,— преобладающая черта в характере Чиигис-хаиа». Чиигис искреиио верил (или с какого-то неясиого для иас момеита поверил), что власть над всем миром, имеиио иад всем миром, дароваиа ему Вечиым Небом. Как пишет проф. И. де Рахевильц, «хотя миогие иароды в даиный момеит еще дефакто иаходились за пределами моигольской империи, деюре оии уже являлись потеициальиыми члеиами моигольской империи, находящейся в процессе ее созидания». Все, кто ие прииимали эту доктрииу, считались «булга иргеи», «мятежиики». Оии выступали против социальиого порядка, устаиовлеииого высшими силами. Войиа против «мятежииков» была ие только моральио оправдаиной, ио и иеобходимой. Хаи получал от Вечиого Неба «силу» — «кючу» и «защиту» — «ихе-экдэ». Благодать императора иазывалась «су», от которого происходит прилагательиое «суту», «сутай», «счастливый».

И. де Рахевильц полагает, что иет никаких сомиений в том, что идея кагаиа-хана, избраииого Небом или поставлеиного по воле Неба, «испытала сильиое влияиие китайской коицепции сыиа Неба и маидата Неба. Сам Чиигис к коицу жизии хорошо зиал китайскую коицепцию власти. В письме к Чан Чуню от 1219 г. он писал, что поражеиия Цзинь в войне с иим определеиы гиевом Неба иа дуриое поведеиие цзиньских государей, он же пользуется поддержкой Неба. Чан Чунь, объясняя свое учеиие Чиигис-хаиу в 1222 г., также говорил, что государи, это иебесиые существа, направлеиные Небом жить средн людей и им предназиачеио вериуться иа Небо.

Елюй Чуцай, кидаиь, перешедший на моигольскую службу, вручая в 1222 г. Чиигис-хану составлениый им календарь для Моигольского государства, развивал идею о том, что только благодаря воле Неба Чиигис-хан завоевал империю, столь велнкое дело не могло

быть совершено силами обыкновенного человека. Все исследователи сходятся в том, что Чингис-хан уверовал в свое право завоевать Поднебесную, т. е. весь доступный и известный ему мир. Его потомки и старались выполнить эту задачу. Как говорил автору этих строк один монгол, не спейся Огодой и не умри от чрезмерного употребления спиртных напитков, Европа была бы завоевана.

Мы уже говорили о том, что так четко сформулировал П. Рачневский: «Из веры в то, что он исполняет свою миссию по повелению Неба, Чингис-хан выводил свое притязание на мировое господство. Правитель чужеземного народа, который отказывался признать его верховенство, признавался врагом и мятежником. Требование признать верховенство монголов стало директивой международной политики монгольских властителей».

П. Рачневский правильно отмечает, что монгольская доктрина универсальной монархии отличалась от китайской тем, что китайская ставила цель подчинения покоренных китайской культуре, а монгольская нет. Можно согласиться с П. Рачневским и в том, что Чингис-хан не был врагом культуры вообще. Он ценил письменность и ввел ее для нужд государства, ремесло и продукты ремесла. Безжалостно уничтожалось им то, что в тот момент он и его окружение признавали для себя бесполезным. И многое в культуре народов было погублено безвозвратно.

Чингис-хан ненавидел пьянство. «Еще он сказал: «Когда человек, пьющий вино и водку, напьется, он становится слеп,— ничего не в состоянии видеть; он становится глух — не слышит, когда его зовут; он становится нем,— когда с ним говорят,— не в состоянии ответить... В вине и водке нет ни пользы, ни разума, ни доблестей...»

Джувейни писал: «Всевышний отличил Чингис-хана умом и рассудком». Безусловно, Чингис-хан был не только кровавый завоеватель, но и выдающийся государственный деятель. Он создал монгольское государство, использовав традиционные для Центральной Азии формы и придав им определенный монгольский колорит. Он заимствовал все, что счел нужным от соседей: гонцы и правители с пайцзой, превосходно организованная ямская служба, строгое административное деление и прикрепление населения к месту работы и месту жи-

тельства. Яса гласила: «Никто не уходит из своей тысячи, сотни или десятка, где он был сосчитан. Иначе да будет казнен он сам и начальник той части, который его принял». Гвардия и рекрутируемые из гвардии чиновники центрального аппарата управления великолепно справлялись со своими обязанностями. Возможно, никогда ни до, ни после кочевые формы государственности не были так отточены, так совершенны, как в улусе Чингис-хана. Он если не создал лично, то освятил своим именем «Ясу». Г. В. Вернадский считал «Ясу» не кодифицированием норм обычного права, а рассматривал как «создание новых норм права в соответствии с нуждами новой империи». «Положил он для каждого дела законы и для каждого обстоятельства правило, и для каждой вины установил кару, а как у племен татарских не было письма, повелел он, чтобы люди из уйгуров научили письму монгольских детей и те ясу и приказы записали они на свитки, и называются они Великой книгой Ясы. Лежит она в казне довереных царевичей и в какое время станет хан на трон садиться, или посадит на конь войско великое, или соберутся царевичи и станут советоваться о делах царства и их устроении — те свитки приносят и по ним кладут основу дел; построение ли войска, или разрушение стран и городов по тому порядку выполняют» (Джувейни).

Чингис-хан был шаманист, он верил в колдовство, гадания, приметы. Он соприкасался с мировыми религиями — христианством, исламом, буддизмом, видимо, выслушал основы даосизма, но судя по всему, никакого особого интереса ни к одной из этих религий не испытал. Его вера — комплекс тех верований, который был присущ монголам его эпохи. Может быть, веру эту условно можно было назвать тэнгриизмом, широко — поклонением Небу как верховному божеству и творцу всего сущего. Это был глубоко азиатский культ, присущий древним китайцам, тибетцам, всем кочевым государствам — предшественникам империи Чингис-хана. Культ Неба предполагал и культ Земли, но Земля играла подчиненную роль. Во всяком случае, в эпоху Чингис-хана больше апеллировали к Небу, чем к Земле. Наличие «своей веры» делало Чингис-хана и его поддан ных-монголов достаточно безразличными к другим религиям. Отсюда веротерпимость монголов, в чем-то способствовавшая их воинским успехам.

Вот две любопытные и заслуживающие внимания характеристики личности Чингис-хана. Француз Л. Гамбис: «Он был человеком своей эпохи и был помечен той грубой средой, в которой он жил. В этом следует искать причины его безразличия к принесению в жертву человеческих жизней, поэтому он обладал мало развитой чувствительностью. Свои юные годы он начал с убийства своего сводного брата, который мог бы оспаривать его власть главы семьи. Без всяких колебаний он отбрасывал все то, что становилось препятствием его амбиции, потому что в существе своем он был холодный и расчетливый политик, который терпеливо действовал так, как будто право на его стороне. С чрезвычайной выдержкой он добивался реализации своих проектов, старался завершить дело так, чтобы не было необходимости оставить врага позади себя. Сам себе хозяин, он делал свою игру лояльно и не прощал измены данному слову. Однако он действовал изворотливо и всегда хотел бы оставить право за собой, полагая, что он действует под божественным покровительством, он терпел только тех, кто признавал его авторитет. Так же безжалостен он был, когда мстил за оскорбление и отвечал на вероломство. Молодым он вынужден был долгие годы ждать случая утвердить себя, когда он состарился, он всегда действовал быстро и реализовал огромные замыслы за короткое время. Он постоянно был осторожен и не искал приключений. Он был воздержан во всем, хотя и имел страсть к женщинам и крепким напиткам, он был щедр и всегда вознаграждал тех, кто заслужил. Он вершил великие дела и полностью наслаждался жизнью, не думая об ее каком-то смысле, со спокойной радостью, без необуздавших страстей. Он никогда не отправлялся в поход, не взяв с собой одной из своих жен [...] Он интересовался мыслями завоеванных людей, не отдавая предпочтения тем или другим, считая, что все правила морали хороши, и не считая, что какие-то одни из них лучше. В особенности он был практиком и великим организатором. Все в его жизни было распределено, даже в самые трудные минуты он никогда не терял спокойствия. Он умел связать людей со своей судьбой, и когда они начинали служить ему, они не хотели иметь больше другого господина. Таковы причины его успеха и его величия. Никогда ни один человек не достигал такой степени могущества, без всякого тщеславия».

Это писал фраицуз, легко, изящио, не забыв про жеищин и вино. Предоставим слово немцу.

«Личность Чингис-хана соединяет силу и страстность человеческой иатуры с дисциплиией, которую диктует ей разум. В частиой жизии ои был сердечиым другом, заботливым отцом, пекущнмся о благополучни своей семьи и своих домашних, человек обычного и непривлекательного ирава. Как правнтель ои был исполнеи безмериого честолюбня, ие боявшийся ннкаких средств для достижеиия своей цели, с безжалостиой жестокостью подавлявший малейшее сопротивлеиие». Немца привлекли в Чиигисе сила, дисциплиа, иемиого сеитимеитальности.

Да, это личность иезаурядная, иа которую наложили жесткий отпечаток его тяжелые юиые годы и та среда, в которой он рос и мужал. Талантливый государственный деятель, если ие способиый воеиачальник, то велнколепный организатор армии, ои был человеком карьеры, искреиие считавшим, что ои избран для нее высшими силами. На пути к власти он иикогда ие был разборчив в средствах, а, приобретя эту власть, ои использовал ее в личиых нитересах и интересах своего уруга, своих мужских потомков и члеиов их семей. Его жестокость, возможио, объясиима средой, жизнью, шире — эпохой, когда действительио людей не жалелн, но оиа была все-таки чрезмериой. Ои считал, что цель оправдывает средства и не органичивал себя в выборе этих средств. Положа руку иа сердце, мы ие можем сказать, что он был любящнм сыиом, мужем и отцом. По-видимому, это оттого, что иаши источиикн рисуют нам образ хаиа-правителя, а не человека. Любил ли он братьев? Кого, кроме своих нукеров, в которых ценил прежде всего предаиность, а затем храбрость и силу, ои любил еще? Ои заботился о тех, кто служил ему, оказаиных услуг ие забывал, и возиаграждал за службу и услуги. Он требовал беспрекословиого подчииения и дисциплины. Выделял ли ои, особенио в последиий период жизни на службе монголов? Кажется, нет. Для иего неважно было, к какому иароду прииадлежит человек, который ему служнт, лишь бы он служил хорошо ему н его делу. В этом ои был чужд иациоиальной ограниченности. Чиигис-хан был человеком подозрительным, как все правители, пришедшие к власти по трупам и сознающие,что те методы, которые оии примеияли к другим, могут быть примеиеиы и к иим самим. Мы не

зиаем примеров его мужества в зрелом возрасте, его умеиия владеть оружием. Воевать он доверял другим. Ои создал идеал облачеиного властью грабителя и следовал ему, не без осиоваиия полагая, что многие захотят следовать за ним. Он безусловно был опьянен властью и ие знал ограничеиий в пользоваиии ею. Любил ли он свой иарод? Неясио. Тогда не слишком задавались этим вопросом. Он требовал от народа службы и дисциплины, слепого повииовеиия его ханской воле и строго карал за упущеиия по службе и иеповииовеиие.

Я представляю себе этого седого, крепкого рыжеватого старика с плоским волевым лицом, с бородой растущей в осиовиом с подбородка, человека коварного и изворотливого, одержимого жаждой сокрушеиия власти соседних владетелей и возвеличения своего уруга. И этой идее подчииеиа вся его жизнь, по крайней мере, с 1211 г. Он ие увидел при своей жизни свержеиия своего главного соперника — императора Цзинь. Император Си Ся, видимо, был убит уже после его смерти. Его реальный приз — хорезмшах Мухаммед. Мы так и не узиаем, утолил ли ои личио свою жажду властолюбия. Можио согласиться с тем, что он был умереи в страстях, справедливо видя в них препятствие к успешному достижению цели. Может быть, ои и был одержим некоторыми из них (пьянство, женщины), но ограничивал себя, это лишний пример иаличия у этого человека твердой воли. Он ие был, возможио, счастлив в детях, и не без тревоги за судьбы своего уруга оставлял этот мир. Таков был Чингис-хаи, хан карающий и вознаграждающий, видевший личиое счастье в бесчестьи и гибели повержеииого врага.

Можно не согласиться и с такой характеристикой. Несомнеиио одио: Чиигис-хан — личиость с громадиой разрушительной силой, таким он запомиился иа века, таким вошел в историю человечества. О нем написаио много книг, иа русский язык переведены «Тайная история» («Сокровенное сказание») и «Сборник летописей» Рашид-ад-дина. Читатель сам может озиакомиться с довольно обширной литературой и сделать свои выводы.

ЭПОХА

«Побежденные... были повинны не менее победителей».

Л. Н. Гумилев
Поиски вымышленного царства

Велнкий Рашид-ад-дин не случайно в своем «Сборнике летописей» каждый период в жнзни Чнигис-хана сопровождал «Летописью государей, современников Чнигнз-хана». Истокн побед Чнигнз-хана не только в его таланте государственного и политнческого деятеля, стратега и полководца, в военном мастерстве его генералов и воинском искусстве его солдат, онн в объективных слабостях его протнвннков, в той полнтической ситуацни, которая сложилась в Азии на начало XIII в. Причины эти в психологии победнтелей н побежденных, в их воспрнятии событий и отношенин к инм.

Япония, находясь на островах, в первой третн XIII в. была вне игры и лишь много позднее монголы предпрняли попытку захватнть ее, но неудачно. Корея после походов монголов в соседнюю Маньчжурню в 1218 г. добровольно подчинилась монголам, ван Корё признал свою зависнмость от Чингнс-хана. В северном Кнтае к моменту рождения Чингис-хана произошлн важные перемены. В 1115 г. чжурчжени провозгласили созданне своего государства Цзинь в Центральной Маньчжурни. К 1125 г. они уннчтожили своего сюзерена, киданьское государство Ляо. В том же 1125 году чжурчжэнн начали наступленне на Китай, где правила династия Сун. Уже на следующий год онн взяли столицу Сун г. Бяньцзин (соврем. г. Кайфань) н два кнтайскнх нмператора оказались в плену и были увезены на север, в Маньчжурию. Однн нз членов нмператорской фамнлин в 1127 г. был провозглашен новым китайским императором (гао-цзун, 1127—1162 гг.), новое кнтайское государство, занимавшее южную часть современного Кнтая, было названо Южная Сун, столицей его стал г. Ханчжоу (Линь ань). Войны между Южной Сун и Цзинь продолжалнсь до 1141 г. и завершились заключением мирного договора, в соответствии с которым северная часть Китая осталась за чжурчжэнями. В том году, когда в Монголии собрался великий курнлтай, провозгласивший Чингис-хана правителем всей Монголин (1206 г.), войска Южной Сун напалн на Цзинь. Война длнлась

три года, в 1208 г. был заключен мир. Чингис-хан, готовясь к нападению на Цзинь, конечно, не мог не знать об этих событиях. Он отлично понимал, что в войне с ним империя Цзинь не имела надежного тыла, так как ее южный сосед, империя Южная Сун была откровенно враждебно настроена к северному соседу. К югу от Монголии находилось тангутское государство Си Ся. В конце XII в. были нарушены добрососедские отношения между тангутским государством и государством чжурчжэней, чжурчжэни, как мы знаем, отказались прийти на помощь тангутам в критический момент осады их столицы монголами, это лишь усилило вражду и привело к войне Си Ся и Цзинь (с 1214 г.). С этого времени Южная Сун отказалась платить дань Цзинь. Си Ся и Южная Сун решили объединить свои усилия против чжурчжэней и без того терпящих сокрушительное поражение под ударами монголов. С 1217 г. китайцы Южной Сун перешли к прямым военным действиям против Цзинь. Война Си Ся и Южной Сун против Цзинь длилась до 1224 г. Стоит ли говорить, что это было на руку Мухали, воевавшему в эти годы в Северном Китае. Уже после смерти Чингис-хана Южная Сун возобновила войну с Цзинь и китайцы совместными усилиями с монголами добили чжурчжэньское государство. Таким образом, в первой трети XIII в. в Восточной Азии была налицо политическая ситуация, исключительно благоприятная для монголов. Цзинь, Южная Сун, Си Ся и Корё не образовали единого союза против монгольской агрессии, три ведущих государства Восточной Азии в итоге были разбиты и добиты поодиночке, в союзе с монголами нередко выступали и другие их противники, а Корея признала свою зависимость от монголов без войны.

Если мы обратимся на запад, то и здесь обнаружим вражду и соперничество и ситуацию, выгодную для монголов. Уйгуры и тюрки-карлуки добровольно подчиняются Чингис-хану и становятся активными пособниками его в войнах с государствами Хорезмшаха и Кучлуком. Хорезмшах воюет с владетелями соседних стран и многие области он силой оружия включил в состав своего государства лишь за 5—25 лет до нашествия Чингис-хана (Хороса — в 80-е гг. XII в., Западный Иран — в 1194 г., Мавераннахр — в 1210, Афганистан — в 1215 г.) Это не способствовало укреплению его государства. На севере постоянно шли столкновения с коче-

выми племенами тюрков-кыпчаков. Соперничавшее с государством хорезмшаха государство кара-китаев доживало последиие годы, оно испытывало большие внутреиние трудиости, потерпело ряд поражений от того же хорезмшаха и, наконец, трон был узурпирован беглыми иайманами во главе с Кучлуком. Жестокое преследование Кучлуком мусульман вызвало мощиую волну иедовольства и способствовало победе монголов и гибели Кучлука и государства, которым ои управлял. Государство найманов иа Алтае было разгромлено Чингис-ханом ранее.

Киргизы, которые еще в VIII в. создали в Центральной Азии свой каганат и господствовали в Монголии, к началу XIII в. имели несколько раздробленных владений в верховьях Енисея и не представляли собой силы, способной оказать серьезное сопротивление Чингис-хаиу.

Все сказанное, включая длительное отсутствие (в XI—XII вв.) мощной централизованной власти в самой Монголии, создали ту благоприятную политическую обстановку, которая позволила возвыситься Чингис-хану, объединить Монголию и, собрав в единый кулак значительные силы, выйти за ее пределы.

Сила монгольской армии, с которой столкнулся восточно-азиатский и центральноазиатский мир, была в ней самой и вне ее. В ней самой она заключалась в создании системы военной организации, традиционной для Центральной Азии, ио, возможно, дополнительно усовершенствованной Чингис-ханом. Сила ее была в закалке и выносливости монгольского воина, прирожденного кавалериста, и его тренированного коня, в умелом использовании мобильности и ударной силы конницы монгольскими полководцами, в их тактическом мастерстве, в хорошем оснащении монгольской армии до выхода ее за пределы Монголии и в восприимчивости монгольских военачальников к использованию военной техники соседей, прежде всего камнеметной артиллерии.

Чжао Хун писал: «Татары рождаются и вырастают в седле. Сами собой они выучиваются сражаться. С весны до зимы они каждый день гонятся и охотятся и это есть их средство к существованию. Поэтому у них нет пеших солдат, а все конные». Значение охоты в приобретении воиских навыков у монголов подчеркивал и Чингис: «Когда иет войны с врагами, пусть предаются делу лова — учат сыновей, как гнать диких животных, чтобы они навыками к бою и обретали силу и выносливость,

и затем бросались на врага, как на диких животных, не щадя себя» (Джувейни). По сведениям Абуль-Фараджа, в монгольскую армию брали мужчин с 20 лет. Монгольские воины в десятках, сотнях, тысячах в мирное время работали в хозяйстве, «как крестьяне». На службу по мобилизации воины являлись с конем (конями), оружием и доспехами, набором инструментов, нужных на войне. Регулярно в десятках и сотнях устраивались смотры, на которых проверялось наличие и состояние оружия и доспехов: «В день смотра предъявляют они снаряжение, и, если хоть немного и не хватит, то такому человеку сильно достается и его крепко наказывают» (Джувейни). Система монголов копирует систему тангутского права XII в.

Сабли монголов были легки, тонки и изогнуты. Древки стрел изготовлялись из ивы, луки и седла из дерева. Монголы не знали кольчуг, тело они защищали традиционным для Центральной Азии, ламеллярным панцирем, изготовленным из узких кожаных или металлических пластинок, связаиных между собой ремешками. Панцири из твердых материалов, из деталей, связаиных между собой, именовались «хуяг». Другой тип панциря именовался «хатангу дегель», это были «кафтаны» из мягких материалов — войлока, ткани, кожи, простеганные и проложеиные металлом. Хуяг навешивался на тело иа лямках и оставлял открытыми плечи, хатангу дегель защищал плечи и имел оплечья в виде фигурно вырезанных лоптовидных лопастей. Шею защищали «боевые воротники» из мягкой кожи, на которую нашивали металлические пластины. Щит воина, «халха», был сплетен из ивовых прутьев, имел круглую форму и диаметр около 50 см. Шлемы у монгольских воинов были сфероконическими, склепанными из отдельных элементов, по швам перекрытые металлическими пластинами, с коническим, полушаровидным или плоским навершием. Лоб защищала прямоугольная или фигурная пластина, затылок прикрывали пластинчатые бармицы. Имелся и конский доспех. Монголы имели в достатке металла и были хорошими кузнецами. Их оружие и доспехи оказались надежными и эффективными в бою.

Боевые кони проходили специальную выучку. «Лошадей,— сообщил Чжао Хун,— ...на первом или втором году жизни усиленно объезжают в степи и обучают. Затем растят в течение трех лет и после снова объезжают их». Во время марша командир был обязан ори-

ентироваться на слабейшего и их темп движения был обязательным для остальных. Чингис считал, что «подобает начальствовать войском тому, кто сам чувствует жажду и голод и соразмеряет с этим положение других, идет в дороге с расчетом и не допускает войско терпеть голод и жажду, а четвероногих — отощать» (Джувейни). По вычете доли, причитающейся хану, каждый воин имел свою долю в добыче. Это было весьма важным стимулом и побуждало этой добычей завладеть, а сделать это можно было только победив врага. В найденном не столь давно в Корее памятнике монгольского законодательства XIII в. прямо декларируется: все то, что захватил солдат, все его. «Все трофеи, найденные солдатом в походе, как то: пленные, скот, вещи принадлежат только этому солдату и запрещается его начальнику конфисковать их путем наказания и угрозы солдату».

Семья, член которой пал на поле брани, на год освобождалась от мобилизации в армию других военнообязанных мужчин. Если член семьи, воин, умирал на службе в армии от болезни, отсрочка на призыв в армию другого члена семьи давалась на полгода. Дезертир подлежал смертной казни, которая обычно совершалась перед строем.

Первый отряд камнеметчиков в монгольской армии был организован, возможно, монголом Аньмухаем. В «Юань ши» рассказывается, что Чингис спросил Аньмухая о тактике взятия городов. Аньмухай сказал: «Чтобы атаковать город, надо прежде всего использовать камнеметные орудия. Когда силы от этого увеличатся, можно двигаться вперед». Император обрадовался и тотчас приказал назначить его камнеметчиком. Он отобрал 500 чел. и обучил их».

Мы уже писали о том, что монгольская доктрина отношений с соседями требовала от них безоговорочного подчинения. Чжао Хун отмечает, что «как только враг, отклонив приказ, выпускал хотя бы одну стрелу или метательный камень, в соответствии с государственной системой все убивались без пощады во всех случаях». Монголы предпочитали начинать войну осенью, когда кони нагуляют тело, но планы и цели будущей войны обычно обсуждались и определялись весной и в начале лета. Современники полагали силу монгольского войска в их откормленных и обученных лошадях: «Северные войска потому постоянно одерживают победу над

Цзинь,— говорил чжурчжэньский император Ай-цзун,— что опираются на силу северных коней».

Приказы о мобилизации войска и выступлении в поход передавались быстро и четко, нередко через гонцов, устно, без всяких письменных приказов. Немаловажно то, как оценивали приемы и тактику ведения боя монголами их современники, в том числе и европейские. Венгерский монах, брат Юлиан, сведения которого относятся к 1235—1237 гг., доносил: «Сообщу вам о войне его по правде следующее. Говорят, что стреляют они дальше, чем умеют другие народы. При первом столкновении на войне стрелы у них, как говорят, не летят, а как бы ливнем льются. Мечами и копьями они, по слухам, бьются менее искусно. Строй свой они строят таким образом, что во главе десяти человек стоит один татарин, а над сотней человек один сотник. Это сделано с таким хитрым расчетом, чтобы приходящие разведчики не могли укрыться среди них... и люди, собранные из разных языков и народов, не могли совершить никакой измены. Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселяне они, вооружив, посылают против воли в бой впереди себя. Других же поселяне, менее способных к бою, оставляют для обработки земли, а жен, дочерей и родственниц тех людей, кто пошли в бой и кого убили, делят между оставленными для обработки земли... и обязывают тех людей впредь именоваться татарами. Воинам же, которых гонят в бой, если даже они хорошо сражаются и побеждают, благодарность невелика; если погибнут в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умерщвляются татарами. Поэтому, сражаясь, они предпочитают умереть в бою, чем под мечами татар, и сражаются храбрее, чтобы дольше не жить, а умереть скорее». «На укрепленные замки они не нападают, а сначала опустошают страну и грабят народ и, собрав народ той страны, гонят на битву осаждать его же замок», «из всех завоеванных стран они гонят в бой перед собой воинов, годных к битве».

Сведения брата Юлиана о ведении боя, тактике взятия укреплений и городов, о том, что армия монголов потому и была велика, что состояла «из разных языков и народов», часть из которых шла в бой по прину-

ждению. Почти слово в слово повторяют свидетельства Чжао Хуна. Джувейни пишет: «... от границы Туркестана до крайней Сирии, ... повсюду, где был царь либо владетель страны, либо управитель города, что встретили его супротивно, он всех их уничтожил с семьями, преемниками, сродниками и чужаками. Так что, где было народу сто тысяч, без преувеличения сотни не осталось». В 1233 г. при взятии Кайфаня Субетай объявил: «Этот город долго сопротивлялся, убито и ранено много воинов, поэтому хочу вырезать его весь». Это стало правилом.

Если Чингис-хан считал, что он избран Вечным Небом на роль завоевателя мира и выполняет высшее предназначение, то те, на кого он обрушил мощь своих армий, сочли его карой, посланной свыше, бичом божьим, существом, посланным им в наказание, как это ни удивительно, теми же высшими силами. Вера в повеление высших сил, в то, что мы назвали бы «божественным промыслом», давало одним уверенность в победе, других лишало воли к сопротивлению. Массовый террор деморализовал противника, приносил свои черные плоды. О страхе, парализовавшем людей, ярко рассказывал Ибн-аль-Асир. «Так, например, рассказывалось, что один человек из них (татар) заехал в деревню или улицу, где находилось много людей, и, не переставая, перебил их одного за другим, и никто не решился поднять руку на этого всадника. Передавали мне, что один из них схватил человека, и так как при татарине не было чем убить его, то он сказал ему: «Положи голову свою на землю и не уходи». Тот и положил голову на землю, а татарин ушел, принес меч и им убил его. Рассказывал мне человек также следующее: был я с 17 другими людьми в пути; подъехал к нам всадник из татар и сказал, чтобы один из них связал другого. Мои товарищи начали делать, что он им приказал. Тогда я сказал им; он один, отчего бы нам не убить его и не убежать. Они ответили: мы боимся, а я сказал: он ведь хочет убить вас сейчас, так мы лучше убьем его, может быть, Аллах спасет нас. Клянусь Аллахом, ни один из них не решился сделать это. Тогда я взял нож и убил его, а мы убежали и спаслись. Таких примеров много».

Жестокость стала политикой, об этом мы уже говорили. «Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-нибудь в качестве рабов» (Плано Карпини). «Кровопролития,

грабежи и разрушения были таковы, что селения были покинуты, а земледельцы уходили голые. Было извлечено открытое и закрытое, выжато явное и спрятанное, и стало так, что не было слышно ни блеяния, ни рева, лишь кричали совы и отдавалось эхо, «убийства становились забавой», «небесная сеть разорвалась, ось земли сломалась, человеческая справедливость исчезла» (Надпись на могиле Елюй Чуцая). «Они предают мечу людей независимо от их возраста, положения и пола». «Только археологические раскопки могут во всей неприглядной правдивости дать представление о масштабах общерусского погрома: вымершие столицы княжеств, тысячи сожженных домов, скелеты разрубленных саблями женщин и детей» (Б. А. Рыбаков). Смбат Сарапет ехал в 1247 г. в Каракорум. В районе Самарканда, записал он в отчете о поездке, «я видел там несколько городов, разрушенных татарами... Я видел некоторые из них за три дня пути и несколько удивительных гор, состоящих из груды костей тех, кого умертвили». Другой армянский автор писал: «Они были настолько жестоки, что если бы я обладал самым хорошим красноречием, то не смог бы рассказать те страдания и горести, которые они дали испить полной чашей в Араратской долине, особенно в городе Ани». И вполне ожидаемый результат: воля к сопротивлению была подавлена, повсеместно царили ужас и рабская покорность. Ведь везде было одно и то же: в Китае, Средней Азии, Иране и Кавказе, на Руси и в Восточной Европе.

Нет больше ни родника, ни реки,
Не наполненных нашими слезами.
Нет больше ни гор, ни полей,
Не потоптанных татарами.
Лишь дышим мы едва-едва,
А ум и чувства в нас мертвы
(Фрик, 1210—1290)

Вот это и нужно было завоевателям: чтобы ум и чувства покоренных народов были мертвы. Они добивались этого и это способствовало их победам. Это создало легенду о том, что «от Адама до наших дней не было армии, которая могла бы сравниться с армией татар» (Джувейни).

Помимо кровавого террора, помимо других причин, в силу которых незначительным по численности монголам удалось подчинить себе обширные территории, стало массовое предательство многих племен и народов,

перешедших на сторону сильного. Это предательство, эта преданная служба недавнему врагу — есть нравственно-психологнческнй фон эпохн, высвечнвающий ответ на вопрос о том, каким образом монголам удалось вести за собой илн подчиннть себе и заставить действовать в своих интересах целые армии, состоящие из покоренных и сдавшихся народов, те «разные языки и народы», которые с неменьшнм усерднем, чем верные нукеры Чингис-хана ковали для него победу. Мы видим тангута Силн Кяньбу, защнщающего стены родного города, осажденного монголами, а не пройдет десяти лет, и этот же человек с усердием штурмует Рязань н Козельск. Этот красноречивый факт свидетельствует о многом. Тангут в татарской армии ковал ей победу, он спас лично себя, но презрел муки и судьбы своего народа, который, о чем он мог н не знать тогда, уже был обречен на полную гибель, на нсчезновение в качестве самостоятельного этноса.

В биографин Субетая в «Юань ши» подчеркивается, что объединив Монголию, монголы создавалн тысячи из меркнтов, найманов, кереитов, из соседних тюрков, канглы и кипчаков. Керент Цисили нзменил Ван-хану н стал служить Чингнсу. Покорился н перешел на монгольскую службу найман Мача, позже командовавший монгольской н китайской армиями. Служил Чнигнсу и Чаосы, найман, найман не простой, а правнук Таянхана и внук Кучлука. Канглы Хашнбол (Хасбулат) сдался монголам н позже ведал скотом при дворе одной нз императриц. Мусульманнн Джафар-ходжа прнсоединился к Чнигис-хану в 1203 г., вместе с другнм мусульманнном на службе у Чингнс-хана купцом Хасаном пил воду нз озера Бальджуна. Был одним из первых монгольских даругачи. Даругачи стал уйгур Цюели, который ранее также добровольно сдался монголам. Служнлн Чнигнсу грамотные уйгуры Мэнсусы и Булухай.

В биографин Мухали сообщается, что когда во время войны с Цзинь сдавались полководцы — кндани, китайцы, чжурчжэнн, то им давали армию, территорню в управление и отправляли на войну против их бывшего государя. С 1216 г. монголы стали брать в гвардию сыновей сдавшихся полководцев и вельмож Цзннь. Короче, привлечение завоеванных к продолжению завоеваний было правилом. Уже после смертн Чингис-хана в 1235 г. обсуждался проект использовання мусульман

для завоевания юга Кнтая, а кнтайцев для походов в Восточную Европу. Елюй Чуцай, имевший большой авторитет прн монгольском дворе, отговорил хана от этой затеи, сославшнсь иа различие климатов, ио предложил, что «лучше, если и те и другне будут участвовать в карательных походах в своих странах».

Основное населеине империи Цзинь составляли китайцы, чжурчжзни, кидани, бохайцы. Кндаии мечтали о восстановлеини своей погибшей дииастии. Китайцы в массе своей были, естествеиио иа стороне Южной Сун, также думалн об изгнаини завоевателей чжурчжэней. И бохайцы, возможно, не забыли о том, что двести лет иазад нмели свою государствеиность, уничтоженную киданями. Поэтому обстановка для монгольского вторжения была достаточно благоприятной. Многие, слишком миогие в империи Цзииь были равнодушны к судьбе династии. У Чингис-хаиа не было недостатка в информаторах. Еще до объединения нм Монголии к нему на службу перешел Елюй Ахай и Елюй Тухуа, братья отпрыски правившей в киданьском государстве династии. Они были посланы императором Цзинь Ванхаиу кереитскому, но перешли на службу к Чингис-хану и пнли с ним вместе воду нз озера Бальчжуиа. Они хорошо зиалн положение Цзинь н особенио ситуацию в пограничном районе. В 1208 г. четыре высоких цзииьских чиновника-китайца с семьями перебежалн к Чингис-хану и стали его советиикамн. Это были Ли Цао, человек ученый, который усиленно подбивал Чиигиса иа войну с Цзинь, а также Бай Лунь, У Фзиьчэнь и Тяиь Гуанмин. Ли Цао и Бай Луиь в 1221 г. занимали высокие посты в моигольской администрации. Причины перехода этих людей не очень ясиы (кроме естественного желания натравить моиголов на Цзинь). Игорь де Рахевильц полагает, что трое из них готовили поход иа монголов, ио император Чжан-цзун решил, что они хотят переметнуться к монголам. Чтобы избежать следствия и наказания, они действительно оказались у монголов. Елюй Ахай участвовал в западном походе, был монгольским наместником в Самарканде и умер на этом посту. Еще до начала войны с Цзинь иа сторону монголов перешел кидань Елюй Ниэр. Ему принадлежит авторство плана нападения на Цзииь, состоявшего из 10 пунктов. Елюй Низр заиимал должиость секретаря-бичечи. Пост бичечн считался очень важным. Бичечи считался гвардейцем, это был ие просто писец, а секретарь, советник,

эксперт, положение бичечи, по предположению Игоря де Рахевильца, равнялось положению министра.

Война принесла с собой новую волну перебежчиков. В период 1211 г. именно перебежчики внесли большой вклад в то, что монголы научились пользоваться осадными машинами и брать города. По подсчетам Игоря де Рахевильца, специально исследовавшего вопрос, сохранились сведения о 35 видных деятелях Цзинь, перешедших на службу к монголам. Среди них было 22 китайца, 9 киданей и 4 чжурчжэня. Уже в 1213 г. была сформирована первая армия из местного населения Цзинь, воевавшая на стороне монголов. Она называлась «Черная армия», ее первым командующим был китаец Ши Хуайдэ, после его смерти Ши Тяньсян. Семья Ши преданно служила Чингис-хану. Ее глава Ши Бинчжи перешел на сторону монголов в 1213 г. Его сын Ши Тяньин стал темником, в 1214 г. получил золотую пайцзу от Чингис-хана, в 1215 г. золотую тигровую пайцзу и пост главнокомандующего не монгольскими войсками на западе Хэбэй. Ши Тяньсян дослужился до «маршальского» звания «юаньшуай», с 1220 г. левый помощник главнокомандующего Мухали. Из числа китайцев в монгольской армии, воевавшей в Цзинь, было три темника — Джалар, Лю Хэйма и Ши Тяньцзэ. Сохранилась биография китайца на военной службе монголов Ван Цзи, советником Мухали был китаец Хэ Ши.

Игорь де Рахевильц выделяет четыре причины перехода подданных Цзинь на сторону монголов: предчувствие гибели Цзинь и подъема новой династии, использование вторжения для борьбы с давним врагом, стремление сохранить свою жизнь и жизнь своих людей, наконец, стремление присоединиться к родственникам, попавшим в руки монголов. Иногда помощь и предательство приносили большой эффект. Кидань Шимо Есянь не раз спрашивал отца о причинах гибели государства «Ляо». «Ты можешь возродить его!» — сказал ему отец. Шимо Есянь подчинился монголам и дал им совет атаковать исконные земли Цзинь в Маньчжурии, Восточную столицу. Мухали взял Восточную столицу Цзинь при совете и помощи киданей, в результате, как сообщается в «Юань ши», монголы получили территорию в несколько тысяч ли, 108 тыс. дворов, стотысячную армию. А взятые фураж, военное снаряжение и военная техника «громоздились горой». В итоге «люди Цзинь оплакивали свои исконные земли».

В 1216 г. к монголам попал знаменитый будущий их советник Елюй Чуцай, человек большой учености, считавший, что даже служа, можно продолжать учиться, ибо день принадлежит службе, а ночь — тебе. Чингис принял Елюй Чуцая и имел с ним беседу:

— Ляо и Цзинь — извечные враги. Я отомстил чжурчжэням за тебя! Однако Елюй Чуцай не согласился с ним и сказал:

— Мой дед и мой отец служили дому Цзинь как подданные. Неужели я решусь быть двоедушным и осмелюсь стать Врагом государя и отца!

Исход у этой, как мы видели не раз, стандартной беседы тоже стандартен. Чингис-хан оставил Елюй Чуцая при себе советником. Если Елюй Чуцай предпочел службу монголам личной смерти, то и в духе морали той эпохи он служил Чингис-хану преданно, как новому «государю и отцу», и, как сам он позже говаривал, за 30 лет службы «никогда не поворачивался спиной к государству». И Чингис ценил своего советника, он сказал как-то Огодою: «Небо пожаловало этого человека нашему дому». Именно Елюй Чуцай (как утверждают источники), предотвратил поголовное истребление Северного Китая. Многие монголы считали китайцев бесполезными, «нет от них никакой пользы, лучше уничтожить их всех». Елюй Чуцай убедил императора, что население Северного Китая следует сохранить, страну не превращать в пастбища, это будет выгоднее, ибо, облагая его налогом, можно будет получить много серебра, шелковых тканей и зерна. Он же внушил монголам, что Поднебесную можно получить, сидя на коне, но управлять ею, сидя на коне, невозможно. Перебежчики и люди, очутившиеся на монгольской службе из Цзинь и Си Ся, принесли с собой богатый опыт многовековой китайской государственности.

Из тангутского государства на монгольской службе известны еще Вачжацзэ, профессиональный историк, человек, работавший в управлении историографии государства Си Ся. Он сдался при осаде г. Силяна (соврем. г. Увэй, пр. Ганьсу) вместе со старейшими и почетными жителями города. После гибели государства Си Ся стал управителем бывшей ее столицы Чжунсин, занимался снабжением монгольской армии продовольствием и фуражом. Тысячником монгольской армии был тангут Ёбу Ганьбу, бичечи Чингиса был тангут Сэн Цзито. Сяо Ню, выдающийся тангутский мастер

по изготовлению луков, стал сотником мастеров лучников в Каракоруме.

В ходе войны в Северном Китае появилась армия тамачи, сформированная из отрядов киданей, китайцев, чжурчжэней, а затем китайская армия. Начиная с 1219 г. с похода Чингис-хана на запад, завоевание Северного Китая все больше и больше велось чужими руками, в основном китайскими. Можно согласиться с Игорем де Рахевильцем, что в одиночку монголы вряд ли смогли бы завоевать и удержать северные провинции Цзинь. Число китайцев-перебежчиков неуклонно росло, из числа 23 видных перебежчиков после 1216 г. уже только один кидань и 22 китайца. Из числа глав местных, так называемых «подвижных» провинциальных управлений, созданных с 1214 по 1228 г. монгол был один, уйгур один, чжурчжэнь один, выходец из Средней Азии один, киданей четыре и китайцев девять. В целом в органах управления завоеванными территориями Цзинь 80% чиновников были китайцы. Власть ряда из них стала наследственной, права их приравнивались к правам монгольской знати, а подчиненное им население считалось «народом» (улусом или иргеном), а не рассматривалось как рабы. Монголы сохраняли китайским и киданьским перебежчикам их цзиньские титулы, они были безразличны монголам, но имели значение в глазах местного населения. Все видные перебежчики по социальному статусу приравнивались к нукерам.

Перебежчики были и при завоевании Средней Азии и Ирана. После падения Бухары на сторону Чингис-хана перешли владетель Кундуза Али-ад-дин и владетель Балха Мах Руи. В числе наиболее видных перебежчиков был Бадр-ад-дин. Он заявил Чингис-хану: «Пусть хан знает, что султан в моих глазах — самое ненавистное из творений Аллаха, потому что он погубил многих из моих родичей». Именно Бадр-ад-дин предложил Чингис-хану посеять розни между тюрками и не тюрками в государстве хорезмшаха. Он научил написать подложные письма от имени родственников Туркан-хатун, матери хорезмшаха Чингис-хану, в которых говорилось: «Мы с нашими племенами и теми, кто ищет у нас убежища, пришли из страны тюрок к хорезмшаху, желая служить его матери. И мы помогали ему против всех правителей земли, пока он не завладел ею, пока ему не покорились властелины и не подчинились

подданные. И вот теперь изменилось его намерение в отношении прав его матери: он ведет себя заносчиво и непочтительно. Поэтому она приказывает оставить его без помощи. А мы находимся в ожидании твоего прихода, чтобы следовать твоей воле и твоему желанию». Такие письма вызывали недоверие у хорезмшаха к тюркам из окружения матери, вынуждали его принимать меры предосторожности, распылять силы, что было на руку завоевателям.

В. В. Трепавлов подчеркивает особое отношение Чингис-хана к тюркам. Он полагает наличие программ «объединения» и «пропаганды тюрко-монгольского единства». Программа «объединение» — это присоединение к империи киргизов, алтайцев, кимаков, уйгуров и карлуков, Восточного Туркестана после разгрома Кучлука. Программа «пропаганды тюрко-монгольского единства» — привлечение в 1218—1223 гг. отколотых от хорезмшаха и побитых монголами канглы, туркмен, кипчаков в монгольские войска. Может быть и не было специальных программ, это, в какой-то мере, реконструкция событий В. В. Трепавловым, но он прав в главном — монголы действительно выделяли тюрков и стремились сделать из них своих союзников. Позже, при правлении в Китае монгольской династии Юань, тюркам (как показали работы алма-атинского исследователя А. Ш. Кадырбаева) принадлежала важная роль управления страной.

В Хорасане, по сведениям ал-Насави, монголам активно помогал некий Хабаш из Касиджа. «Люди претерпели от него страшные бедствия», он заставлял местных жителей и владетелей осаждать и брать города, тех же, кто не повиновался, «он предавал мечу и отправлял по пути смерти».

Таким образом, хотя бы часть успехов монгольского оружия — заслуга тех, кто перешел на его сторону и преданно служил ему. Таких людей было много, за ними была немалая сила и они активно содействовали победам Чингис-хана и поражениям тех, на кого он нападал. Личность и эпоха, роль личности в истории отнюдь не простая проблема, когда мы переходим от общих рассуждений к конкретным фактам. В чем проявляет себя закономерность, а в чем — случайность, как произошло то сцепление событий, которое вытолкнуло на поверхность событий такую личность, как Чингиз-хан и вкупе с его личными качествами пронзвело

то, что произошло? На протяженнн полутора тысяч лет возникалн и гиблн кочевые государства Центральной Азии — гунны, сяньби, жуань-жуань, тюрки, уйгуры, кнргизы, киданн. И монголы не замыкают эту цепочку, монголы Чингис-хана, потому что было возобновление монгольского государства после падення диастин Юань, были ойраты (джунгары, калмыкн). Здесь на отрезке исторни в две тысячи лет сначала появилось монгольское государство, произошло объедниение Монголии, затем — развал н упадок, ибо все это бывало и не раз уже до этого. Для данной цепи событий, проявления развития кочевого прозводства в этом регионе, для которого чередования объединення н распада (н наоборот), вндимо, почему-то были необходимы, разумеется, с учетом рождення, мужання и упадка живущих в данном регноне этносов. Объединение Монголии в начале XIII в. вполне закоиомерно, и в принципе, с позицнй этой закономерности безразлично, кто это сделал бы, Чнигис-хан или Чжамуха, или Ван-хан.

Этносы, народы мужают и ослабевают, то обстоятельство, что именно монголы объединнлн Монголню, шире Центральную Азию, в какой-то мере объяснимо тем, что монгольский этнос, выйдя на просторы Халхи н вытесняя оттуда тюрков, заимствуя от тюрков, мы бы сказали, все пригодное, был на подъеме и неслучайно, что именно монголы, потерпев в первый раз неудачу — развал Хамаг монгол улуса — объединилн страну, которую мы и именуем теперь Монголней.

Но почему нменно Чингис-хан, вернее, Темучжнн? Темучжин, происходя из ханской семьи, имел потенцнальное право на власть, но эта потенция могла и не быть реализована, как у многих других представителей его рода. Он жнл в подростковом возрасте в гонениях н материальном неблагополучии, хотя это для его семьи не было закономерным, это была случайность, неблагоприятное стеченне обстоятельств в связи с безвременной гибелью Есугай-баатура. Чнигис мог погнбнуть, мог быть покалечен, кончить свои дни в плену илн даже рабстве, на его месте мог быть кто-то другой, в результате не было бы уже его лнчности, ее влияния на события, на эпоху. Гнбель Темучжина или то, что он сумел возмужать — случайность, но вот то, что время требовало там, где он жил н рос, такую или схожую с ннм личность — это необходимость.

Нам не кажутся все-таки глубоко аргументнрован-

нымн противопоставления Чжамухи и Темучжиина (якобы одии — иоситель старого, родо-племенного быта, другой — нового обществеиного феодального строя). В источниках скорее противопоставлены качества лнчностей, чем нх «программ». Устремлеиия их были одннаковыми — уиичтожнть соперннков и объеднннть монголов и окружающне улусы под своей властью. Да н вообще полагать, что моиголы в XII в. это родо-племенное общество, общество первобытно-общинное, пусть даже иа той стадии, которую выделяли раиее и называлн воеииой демократней, иам кажется ошнбочным. Темучжин превзошел своих соперииков, реальных правителей Монголии тех лет, Чжамуху и Ваи-хана, Таяи-хана и Торгутай-Кнрнлтуха нмеиио свонмн лнчными качествами, импоинровавшнмн тем, кто являл собой реальную снлу, и потому подчинившимся, перешедшими на службу к нему и начавшими выполиять его волю. В данном случае решающую роль сыграла личиость Темучжиина. Главиым, вероятио, явилось то, что Темучжнн не только искреиие н со всей ответствеииостью повернл в свое прнзваине избраннника Неба, но н сумел внушить эту веру, а значнт н уверенность в иеобходимостн (если не правоте) его действий другнм. Видимо, в данном случае пронзошло то едииеиие историн и личности одиого из ее творцов, которое составляет суть каждого крупного исторнческого события; и нашел то, что смогло увлечь его армию за пределы страиы. Поиимая идеалом жнзнн мужа, нукера, воиа-кочевника ннспроверженне и ограбление врага, захват и дележ добычи, ои указал иа соседние страны, где такая добыча была и ее возможно было получить, не рискуя погнбнуть.

Объективиым и закоиомериым было и то, что соседиий Китай (понимая под этим словом Китай в его современнх границах и границах коикретно- исторических для каждой данной эпохи, что ие одио и то же), столь же регулярио, как н соседний кочевой мнр, переживал периоды объедииения и раздробленностн, усилеиия и ослаблеиия. С одной стороны, на соседиих с Кнтаем землях непрерывно шел процесс мужаиия этиосов и появленнн нх самобытной государственностн, будь то Тнбет, тюркские каганаты, Наиьчжао, государства киданей, таигутов, чжурчжэней, а затем и моиголов Чингис-хана. С другой — Китай тоже пережнвал регулярные периоды единения н распада: эпоха Воюющих царств — IV—III в. до и. э. и объедниение прн династиях Цинь и Хань

до III в. н. э., распад с III в. н. э. до конца VI в., объединение с VII до начала X в. и распад до завоевания монголами всего Китая во второй половине XIII в. Объединение кочевого мира отнюдь не всегда совпадало с разъединением Китая, но возникновение сильных кочевых держав не раз приводило к включению в их состав северных районов страны. Современная китайская наука сочла удобным для себя полагать издревле Китай в современных границах как некое извечное культурно-географическое единство, объявляет разные государства, так или иначе включавшие в свой состав территорию современного Китая, политическими властями, на которые временами распадался Китай.

Проф. Хань Жулинь в предисловии к «Истории династии Юань» писал: «Во время подъема монголов в Китае утвердились семь-восемь политических властей: Южная Сун, Цзинь, Си Ся, Си Ляо (государство каракитаев — Е. К.), Далн (государство на юго-западе современного Китая — Е. К.), Тибет». Чингис-хан объединил Монголию и вошел в силу как раз в тот момент, когда Китай был расчленен на южную и северную половину, северная входила в состав государства Цзинь, часть китайцев жила в созданном тангутами государстве Си Ся. Ситуация для завоевания части страны (или всей страны) была благоприятной. Китай не объединила даже реальная угроза гибели, упадок страны — вот, по мнению китайских авторов, та политическая ситуация, которая привела Чингис-хана к победам. Упадок сомнителен. Не было в состоянии упадка тангутское государство, государство хорезмшаха при всех его слабостях набирало силу. Не было упадка в сущности и в Цзинь. Трудности, возникшие в этих государствах, не выходили за границы обычных, даже повседневных, они стали роковыми тогда, когда подверглись атакам монголов. Многонациональные государства, государства, населенные различными этносами, в особенности, если один из них покорен другим, всегда более уязвимы. Межэтнические трения резко обострились в Цзинь во время монгольского вторжения и дали свои печальные для Цзинь плоды. Не исключено (мы просто не имеем свидетельств источников), что межэтническая рознь обострилась и в Си Ся, в этом государстве при господстве тангутской народности жили еще, по меньшей мере, три народности — китайцы, уйгуры и тибетцы. Уйгуры, часть китайцев и тибетцев были включены в состав тангутского

государства силой оружия. Государство Си Ляо или кара-китаев также было миогоиациональиым при господстве киданей-завоевателей. В этой страие виутренняя рознь усиливалась благодаря вражде на религиозной почве (большиистве подданных мусульмане, а господствующий народ и династия — буддисты). В государстве хорезмшаха были треиия, в том числе и в пределах правящего дома, между ираиоязычными и тюркоязычиыми этиосами. Политическая ситуация в окружающем мире была исключительно благоприятной для личности с такими притязаниями, каковые были у Чиигис-хана, личности, за которой стояла такая мощиая и хорошо обученная и эпикироваиная армия.

Следует учитывать и психологию людей той эпохи. Многие из иих служили верио и предаино своему государю, своей династии. Но имеино государю и дииастии, а ие своему иароду, своей родиие. Патриотизм в современном пониманнн ие был господствующим и единственио иравственным. Елюй Чуцай, оказавшись на службе у Чингис-хана, считал столь же нравственно отдавать все силы служеиию Чингис-хаиу, как ранее — императору Цзинь, хотя Чингис-хан и воевал с его прежиим государем и ие думал восстаиавливать кидаиьское государство.

Нелепо было бы отрицать силу этнических связей, ио отношеиия поддаиные — государь, иезависимо от этиической прииадлежиости государя и поддаиных, иередко были сильиее связей и отиошеиий этнических. Современиому китайцу, рассматривающему Китай как иекое культурно-географическое, полиэтиическое единство при культурием (для прошлого даже иеобязательио всегда политическом) превосходстве китайцев, при домииироваиии их государствеииости, ие составляет особого труда представить завоеваиие его страиы моиголами как... объедииеиие страиы.

«Почему только моиголы смогли объедиииить Китай, покоичить с пятисотлетиим расколом?»— задается Хаиь Жулииь вопросом, который в иаши головы и не придет. Ои сам иа иего отвечает: «сила коией», «китайское мастерство» (техиическое), личиый талаит Чиигис-хаиа, неравиомерное развитие нациоиальиостей (имеется в виду Китая), моиголы были иа подъеме, а Суи и Цзииь в периоде упадка. «Моиголы объедииили Китай, и это в объективиой ситуации того времеии было совершенио естествеиио». Не завоевание (кровавое) Цзииь, Си Ся,

Южной Сун, Си Ляо, Дали, подчинение Тибета, а объединение Китая».

Думали ли так современники? На западе — ясно нет. Там считали Чингис-хана «бичом божьим», наказанием за грехи, но отнюдь не объединителем. В Восточной Азии с ее представлениями о своей ойкумене как Поднебесной и с давними идеями объединения Поднебесной под властью одного императора — может быть. Но вряд ли эта идея была господствующей и имела ту законченную форму, которую за последние двадцать лет в целях определенной политической конъюнктуры ей придали современные китайские историки, но она тлела тысячелетия и помогала объединять страну.

«Император юаньской династии,— писал Хань Жулинь,— был монголом. О времени, когда на драгоценном императорском троне Центральной равнины сидел император из национальных меньшинств, некоторые люди, не утруждавшие себя тщательными исследованиями, говорили, что это было темное время. Это не научный подход. Объединение под властью Юань завершило пятисотлетний период национальной вражды и кровавых войн, позволило каждой из национальностей страны в сравнительно спокойных условиях трудиться, развивать материальную и духовную культуру и это, безусловно, был исторический прогресс». С юаньской эпохи Тибет «стал неотъемлемой частью родины». А «монголов было мало» и поэтому «не научно считать династию Юань черным пятном».

Очевидно, существует не только объективное, но и субъективное национальное мышление. То, что для одних было «объединением», для других — татаро-монгольским игом. Нам гораздо ближе восприятие сущности многих китайских оценок Чингисхановой деятельности Лу Синем: «В двадцать лет я услышал, что когда «наш» Чингис-хан покорил Европу, то был «наш» золотой век. Лишь когда мне исполнилось двадцать пять лет, я узнал, что на самом деле в так называемый «наш» золотой век монголы покорили Китай и мы стали рабами».

Думается, социально-экономические корни феномена Чингис-хана, его появление связано с развитием монгольского общества, с его переходом к феодализму, с его феодализацией. Первым о монгольском кочевом феодализме наиболее четко написал акад. Б. Я. Владимирцов. В «Истории Монгольской Народной республики»

мы чнтаем: «Созданне монгольского государства знаменовало собой замену родового строя новым общественным строем — феодальным». Монгольскне феодалы, имея ограниченную собственную базу эксплуатации — кочевое скотоводство с одной стороны и «все возраставшне потребностн» с другой, повелн аратов на захватнческне войны. Чннгис-хан отражал «интересы феодализирующейся кочевой знати». Чулууны Далай пишет о Чингнс-хане как «выразителе прежде всего интересов монгольскнх феодалов». Современный французский монголовед Жак Легран избегает слова «феодализм», заменяя его словом «аристократия». Аристократия желала прочного установления своей власти и срочного расширения социально-экономической базы своего господства «ввиду низкого, недоразвитого уровня пронзводнтельных сил самого собственного монгольского общества и хозяйства». «Именно на этой двойной почве — т. е. специфнка, в том чнсле, политическая специфика образования классового общества у монголов и необходнмость для только что возникшей аристократии приступить к экспансионистской политике — лежит сущность чингисхановой личности, нового исторнческого типа индивидуальности». О феодализации монгольского общества конца XII— начала XIII в. писали и некоторые западно-европейские ученые, например, в 1936 г. Ральф Фокс. Он полагал, что объединенне Монголии явилось «неизбежной стадней в процессе развития феодализма у этого пастушеского и воинственного народа». Стремление вывести явленне из развития производства и социально-экономическнх отношенн данного общества безусловно правильно. Монгольское общество XII в. было классовым, Чингнс-хан создал социальную (военно-административную) иерархию и прикрепнл производителей к месту пронзводства. Возможно, в этом не было ннчего принцнпнально нового для тысячелетней историн Центральной Азии, но, видимо, это было внове для монгольского общества и государства. Называть лн монгольских нойонов, нукеров и полководцев Чннгис-хана, монгольскую родовитую знать феодалами илн степной аристократией? Стремление дать этому классу общества европейскую характеристику объективно непросто, как непросто объяснить, почему в большинстве случаев феодализация разъединяет общество, порождает «феодальную раздробленность», а Монголию она объединила? Все это действительно чрезвычайно труд-

ио поддается точной и убедительной научной характеристике. С полным основанием следует утверждать, что Чингис-хан был продуктом своего общества, не абсолютизируя и не упрощая его связи с ним.

Хорошо известно, что в мировой науке нет единых оценок Чингис-хана и его роли в истории. Интерес к его личности, оценки ее зачастую прямо связаны с политической ситуацией тех дней и лет, когда авторы вновь берутся за перо и в который раз воскрешают из небытия грозную фигуру завоевателя. В Европе долгое время Чингис-хан воспринимался как правитель, одержимый злой волей, направляющей на соседние народы своих варваров-грабителей. Еще Рубрук писал: «И конечно, если бы мне позволили, я стал бы, насколько у меня хватило бы сил, во всем мире проповедовать войну против них». Ж. де Гинь, известный французский историк XVIII в., писал, что монголы не являлись цивилизованным народом и не стремились распространить мудрость своих законов. Это были варвары, которые отправились в соседние страны, чтобы захватить их богатства, а завоеванные народы обратить в рабов, вернуть покоренных в состояние варварства, а одним именем своим внушать страх всем и вся. Известный историк монголов д' Оссон объяснял все честолюбием монгольских вождей и злой волей Чингис-хана, неуемной жаждой «жестоких и неистовых орд» к грабежу и захвату. Можно заметить, что в этот период акцент делался еще не столько на личность самого Чингис-хана, сколько на монгольские завоевания, их грабительский характер.

Со второй половины XIX в. авторы начинают больше уделять внимания непосредственно Чингис-хану. «Когда в возрасте 13 лет Чингис наследовал трон своего отца, он унаследовал только небольшой негостеприимный кусок территории на реке Онон. Для человека неуемной амбиции и воинственной натуры было невозможно удовлетвориться столь узкой империей, и с неисчерпаемой энергией он разворачивал свои завоевания направо и налево до тех пор, пока не наступил высший момент и он увидел свою армию победоносной от Китайского моря до берегов Днепра» (Р. К. Дуглас, 1877).

«Он поставил цель перед людьми, которые были послушны ему... Его жизнь вся целиком была отдана этой цели... Дух великого Чингиса сделал способными его многочисленный род и его последователей... господствовать не только над их степной империей, но и над дру-

гими завоеваинымн культурными странами Восточной и Западной Азии» (Е. А. Краузе, 1922).

«Семьсот лет назад человек почти завоевал землю. Ои стал владыкой половины нзвестного мнра н возбудил в людях чувство страха, которое сохранялось поколениями». «Чиигис-хан — завоеватель более гигантского масштаба, чем хорошо извеетиые европейские деятели». «Мы не должны верить в «сатаииискую мощь» Чиигис-хана, не смотреть иа него как «на чудо», на «воплощение варварской мощи», а видеть в ием «обычного человека». Тайна Чингис-хана — «в примитнвной простоте монгольского характера». «Он взял от мнра то, что ои хотел для своих сыновей и своего народа. Он сделал это путем войн, потому что ои не знал иных средств. То, что он разрушнл, ои не хотел разрушать, потому что он не зиал еще, что с этим делать». Но, может быть, впервые звучит такая мысль: «Чингис-хан разрушитель сломал барьеры веков тьмы. Он открыл дороги. «Европа вступила в контакт с Китаем» (Х. Ламб, 1928).

Гитлеровская Гермаиия вносит свою струю в оценки Чингис-хана. «Монголы нграют для великой монгольской расы точно такую же роль, какую блондины для европеоидной». Чиигнс-хан «имел в себе факторы блондииизма», хотя и «иельзя сказать, что эти факторы сталн факторами его личного могущества» (Жорж Монтадон). Ои перевел на французский язык книгу Иоахнма Баркхаузена «Юная империя Чингис-хана». Сам Баркхаузеи трактует Чиигнс-хана как «суперперсоиальное воплощение расы н кочевинчества», «в ием соединились — определенио последиий раз в истории вся эиергия чистого центральноазиатского номализма, которая достигла чрезмериого величия и изменила лицо мира»

Очень детально остаиавливается на анализе лнчностн Чннгис-хана и последствнй его завоеваний Р. Фокс. «История не представляет параллелей этим двадцати годам завоевания мира иеграмотным кочевником», «не добилась успеха в том, чтобы найтн для него окончательное место». Объедииение нм Монголии — «неизбежиая стадня в процессе развнтня феодалнзма». Контакты с великими азиатскимн цивилизацнямн — «потребность экономнческой жизин». Но «будь Китай сильной и объедииеиной страиой со стабильиой экономикой, нн-какой Чнигнс-хаи иикогда не завоевал бы его, даже благодаря своему «богоподобному» воиискому мастерству».

То же самое — Цеитральиая Азия и Ираи. Под Центральной Азией Р. Фокс имеет в виду Среднюю Азию. «Будь эти два великих общества, китайское, с одной, и тюрко-ираиское с другой, не в полиом упадке, Темучжин остался бы Темучжиином, не имевшим никакого понятия о мире за пределами его родных степей». Р. Фокс против того, чтобы оценивать Чингис-хана только как кровавого завоевателя. Если думать так, то «реальность Темучжина-Чингис-хана станет привидением Чингис-хана и подлинным памятником монгольскому народу была бы лишь зиаменитая пирамида из черепов с картины Верещагина. Пирамиду из черепов игиорировать нельзя... Да, пирамида — закоиомерное осиоваиие, но это не полная правда». Результат не был «чисто негативным». Доводы в пользу этого: Чингис-хан задержал (?) упадок азиатских обществ, после завоеваний — расцвет культуры в юаньском Китае и Персии, завоевания — поворотный пункт в истории человечества, моиголы доказали на практике, что они были такими же блестящими организаторами, как и воинами (почта, дисциплина в армии, поощрение торговли, спокойствие границ), наконец, завоевания Чингис-хана внесли «великие изменения в отношения между Азией и Европой», «восток и запад вступили в прямой контакт», «были созданы реальные условия для мирового рыика и мировой торговли», «Темучжин открыл богатства Азии западному миру» и «тем самым сделал возможным рождение современного человека». Наконец, ои «восстаиовил единство Китая». Вот откуда идеи Хаиь Жулиия и других китайских историков, разделявших и разделяющих его взгляды. Имя Чиигис-хаиа,— завершает свои выводы Р. Фокс,— «одно из самых известиых простым людям Азии, которые доказывают, что они имеют лучшие суждения, чем многие историки».

Реие Груссе, возможно, собравший в своем труде иаиболее полио доступиый ему материал, тем ие меиее избегал оцеиок. Для иего Чиигис-хаи «наиболее великий и иаиболее зиамеиитый завоеватель Востока», человек, который в рамках своего образа жизни... проявил врожденный вкус к порядку и хорошему управлению». «Убийства забываются... а поддержка дисциплиины чиигисханидами и уйгурская канцелярия остались. Эта работа после первоначальных разрушеиий оказалась в коиечиом итоге полезиой для цивилизации... Объединив все тюрко-монгольские иароды в едииую империю, уста-

новив железную дисциплину от Пекина до Каспийского моря, Чингис-хан подавил вечную войну одних племен с другими и дал невиданную ранее безопасность караванам» (Груссе, 1941). П. Рачневскнй полагает споры о том, «были ли деяния Чингис-хана прогрессивными или негативными» бессмысленымн, ибо не он первый «выпустил на волю экспансионистскнй натиск кочевников», «не он выдумал идею универсальной монархии». Он оказался только «удачливой экспонентой» этих сил, «завоевания Чингис-хана не были ни первыми, ни последними попытками кочевников Центральной Азии установления господства над культурными народами» (П. Рачневский, 1973).

Мы привели лишь немногие из оценок, которыми пестрит значительная по объему литература о Чингис-хане. Стоит остановить внимание читателя на двух моментах. На якобы «врожденной» экспансии кочевников. Это серьезный довод, подтвержденне которому видят в самом способе кочевого пронзводства, в экономической необходимости (отсутствие нормальной торговли толкает кочевников на обмен силой, на ограбление оседлых соседей), в более повышенной «воинственности» кочевников, вызванной их образом жизни. Нельзя утверждать, что в этом вопросе в науке царит полная ясность, однако нельзя утверждать, что кочевники были более жестокими и неумолимыми завоевателями, чем оседлые народы. Если мы, к примеру, возьмем взаимоотношения оседлых цивилизаций современного Китая с кочевниками Центральной Азии, то обнаружим, что китайцы постепенно поджимали кочевников, оттесняли их в глубины Азии, медленно, но неуклонно продвигая свои границы и сферу распространения своего этноса к северу. Совсем неслучайно современные монгольскне историки видят положительным в действиях Чингис-хана то, что он нанес удар «по захватнической политике китайских императоров и чиновников, постоянно стремившихся к угнетению кочевых народов, в том числе монголов» (Чулуу-ны Далай).

Говоря о том, что Чингис-хан и его преемники создали условия для более широких контактов между Азией и Европой, нельзя забывать о «пирамидах из черепов». Неправ Р. Груссе в том, что убийства забываются. Человечество запомнило Чингис-хана не как правителя, обеспечившего достаточно надежную торговлю между Востоком и Западом, а прежде всего как кро-

вавого завоевателя. Какой бы ни была геростратова слава, к сожалению, герострагы не остаются в проигрыше, их помнят. Человечеству небезразлично какой ценой оно оплатило пути из Азии в Европу и обратно, проложенные монголами.

У историка всегда есть право на то, чтобы сказать: «а что, если бы...». Если бы Монголию объединили не Темучжин, а Чжамуха, Ван-хан, Таян-хан, другой из «природных монгольских ханов». Завершилось ли бы дело такой же внешней экспансией или нет? Была ли одержимость Чингис-хана, его неиасытиость как завоевателя велением эпохи нли его личным качеством? Думается, что если даже некоторые свойства его характера отражали особенности того общества, в котором он жил, мера его собственной жестокости была исключительно его личным свойством. И будь на его месте другой, меньше было бы пролито кровн, меньше бы человечество заплатнло за те блага, о которых мы много писали выше и которые связываются с именем завоевателя. Нет, не может человечество не задумываться о цене, поэтому оно так или иначе представляло всегда и представляет счет всем чингис-ханам, какими бы благородными целямн те не прикрывались. А лично Чингисхан и не искал себе оправданий. А. Борщаговский, написавший послесловне к одному из изданий книги И. Калашникова «Жестокий век», вслед за покойным монгольским академиком Ринченом, с которым он имел беседу о Чиигис-хаие, полагает, что Чингис-хаиу «открылась страшиая тщета собствеиной жизнн, его бессилие победить смерть, перед которой ои еще более жалок, чем покорный судьбе иищий пастух». Он предполагает, что разрушенными оказались не только владения сопредельных народов, ио и прежде всего личиость самого Чингис-хана. «Нравственная казиь», которую А. Борщаговский приписывает Чингис-хану и которую, кстати, трудно обнаружить и в романе И. Калашиикова,— сентенции Риичена, за которымн следует А. Борщаговский. Это — антиисторическая выдумка, которая не находит ни малейшего подтверждения во всем том, что мы знаем о Чингис-хане. У Чиигис-хана не было и тени раскаяния в содеянном, ои был тверд в том, к чему, как он верил, его призвало Небо, и был последователен в своих действиях до последнего своего часа. Однако иельзя, как это сделал В. Чивилихии, полагать Темучжина-Чингис-хаиа «человеком без морали». Он руко-

водствовался принципами морали своего общества, морали «природных ханов», к числу которых принадлежал. И среди этих принципов имелись и такие (например, верность долгу), которые не вызовут осуждения и сейчас.

Вероятно, оценки с позиции «прогресса-регресса» жестки и чересчур прямолинейны. Многие авторы, мнения которых были процитированы, стремились избежать такой жесткой оценки. Несогласие между китайскими и советскими историками в оценке Чингис-хана и его деяний лежит именно в этой плоскости. В свое время в широко пропагандировавшейся статье Хань Жулинь писал: «И вот появился возвысившийся над миром» Чингис-хан, его боевые кони прорвали железные стены сорока больших и малых государств, в которых были заперты народы, и в результате их народы увидели более широкий мир, в котором они могли действовать, познакомились с более высокой культурой, у которой могли учиться (имеется в виду китайская культура — Е. К.) Таким образом, с точки зрения общей тенденции исторического развития разве стоит отрицать роль Чингис-хана? Уничтожение сорока государств, конечно, не могло произойти без крови и разрушений, но неужели мы будем защищать замкнутость и изолированность крупных и мелких рабовладельцев и феодалов всех этих государств или мы согласимся с тем, что Чингис-хан разбил эту замкнутость и создал народам разных наций в экономике и культуре условия, при которых они могли взаимно общаться и учиться друг у друга?».

Критикуя эти взгляды, советские историки Р. В. Вяткин и С. Л. Тихвинский задают Хань Жулиню вопрос: «Можно спросить автора: какую «высокую культуру» принесли монголы цветущему и развитому Самаркаиду? Как можно спокойно говорить о гибели сорока государств и заниматься при этом софистикой, восхваляя ликвидацию замкнутости и подсчитывая «достижения» в переносении некоторых китайских изобретений? Какой широкий мир смогли увидеть порабощенные народы?» «Нет,— заключают они,— подобную оценку принять нельзя! Грабительские войны Чингис-хана и его преемников, их кровавое господство не имеют оправдания с точки зрения исторического прогресса».

Современная монгольская и советская историческая наука исходит из того, «что историческую роль Чингис-хана нельзя оценивать однозначно. Она была прогрессивной в том смысле, что соответствовала объективно

историческому процессу консолидации монгольской народности и формированию единого монгольского феодального государства». Когда же Чингис-хан «встал на путь захватнических войн, его деятельность приобрела реакционный характер». Войны эти оказались губительными и для самой Монголии, они «способствовали разобщению монгольской народности, истощали людские ресурсы Монголии, обусловили длительный политический, экономический и культурный ее упадок в последующие века» («История Монгольской Народной Республики»).

«Труды Чингис-хана пропали,— пишет П. Рачневский. — Со времен Чингис-хана Монголия стала монгольской. Но монголы никогда не стали монголами времен Чингис-хана».

Да, Чингис-хан объединил разобщенные, враждовавшие между собой татаро-монгольские племена в единое монгольское государство. Но и в данном случае не следует забывать, какой ценой было достигнуто это единство — судьба татар хороший тому пример. Выросшее в войнах и нацеленное на захватнические войны государство Чингис-хана, разросшееся впоследствии до гигантских размеров, мало что принесло самой Монголии. В монгольском произведении, которое некоторые исследователи относят к XIII веку, «Сказании об Аргасун-Хуурчи» гонец, прибывший из Монголии к воевавшему в далеких восточных землях Чингису, на его вопрос «Здоровы ли супруга моя, сыновья и народ мой?» отвечает:

Супруга твоя и сыновья твои здоровы!
Но не знаешь ты, как живет весь народ твой!
Жена твоя и сыновья твои здоровы,
Но не знаешь ты поведенья великого
народа твоего!
Поедает он кожу и кору, что найдет, разорванным
ртом своим,
Всего народа твоего поведенья
не знаешь ты!
Пьет он воду и снег, как случится, жаждущим
ртом своим,
Твоих монголов обычая и поведенья
не знаешь ты!

Войны принесли не только добычу, но и немалые бедствия простым монголам. Источники сообщают о разорении монгольских семей, о безлошадных кочевниках,

о продаже монголов в рабство. Обиищание аратов подтверждает «ту истиу, что завоевателями и угиетателями чужих иародов были не вообще монголы, а только монгольские нойоиы» (Н. Ц. Мункуев). Тяжек был налог кровью. Лучшие людские силы были посланы за пределы страны на войну и остались за ее пределами, сложив головы на полях сражеиий или осев на завоеваиих землях. Воины Чингиса наводнили Монголию награбленными предметами роскоши и пленными ремесленниками, производящими по-преимуществу оружие и все те же предметы роскоши, но ие внесли (да и не могли внести!) сколько-нибудь существенных изменений в основу хозяйства моиголов — кочевое скотоводство. Последующее перенесеиие центра государства за пределы Монголии превратило ее в почитаемую, горячо любимую, бедную провинциальную окраину. Не удивительно, что когда приблизительно через сто лет после окончания войн завоеванные народы свергли татаро-монгольское иго, монгольский арат оказался живущим почти в тех же условиях, что и в конце XII — начале XIII вв. В наследство от Чингис-хана ему осталась только память о его походах и его кровавая слава. И тем не менее, почему монголам не считать Чингис-хана выдающимся государственным деятелем? А жителям Средней Азии, Ираиа и Кавказа, России не полагать его кровавым завоевателем? И даже китайцам, тысячелетия зараженным вирусом великодержавия, не писать о нем как об «объединителе Китая и выдающемся государственном деятеле и их, китайской истории? Как показывает жизнь, писать портрет деятелей такого масштаба, как Чингис-хан, только черной или белой краской невозможно. И в злодействах своих они были масштабны и гениальиы. Таков был Александр Македонский: гениальный полководец, стратег и тактик, выдающийся организатор побед — и душитель греческой свободы и демократии. Мужественный, иепобедимый воин, рыцарь без страха и упрека — и человек, подозреваемый в отцеубийстве, кровавый палач, не останавливающийся перед пытками, казнями и жестокими расправами над целыми иародами, страиами и городами» (И. Ш. Шифман).

Таков и Чингис-хан. Еще немало книг будет иаписано о нем, отснято кино и видеофильмов и всякий раз ученые, писатели и сценаристы будут стоять перед проблемой, как оцеиить Темучжина-Чиигис-хана, и бу-

дут решать ее в зависимости от своей национальной принадлежности, своей эпохи, своего характера и даже своих личных симпатий и антипатий. И может быть, прав Л. Н. Толстой в том, что нет величия там, где нет добра и правды, но как еще люди далеки от того, чтобы не только правду, но и добро понимать однозначно. И нередко, касаясь одних и тех же событий, одни возвеличивают героя, а другие оплакивают его жертвы — и трагедия состоит в том, что иногда и те и другие бывают правы.

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алтан Тобчи — Лубсаи Даизан. Алтаи Тобчи («Золотое сказаиие»). Перевод Н. П. Шастиной. — М.: Наука. 1973.

Аннинский С. А. — Известия веигерскнх миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе. — Исторический архив. Ш. — М. — Л., 1940.

Армянские источники — Армянские источники о монголах. — М.: ИВЛ, 1962.

Балданжапов П. М. — Моигольская летопись XVIII в. — Улаи-Удэ, 1970.

Банзаров — Баизаров Д. Собраиие Сочииеиий. Подготовка к печати и примечаиия Г. И. Румяицева. — М.: Наука. 1959.

Баркхаузен — Barckhausen I. L' Empire jaune de Genghiskhan, Paris, 1935

Бартольд, Владимирцов — Бартольд В. В., Владимирцов Б. Я. Чиигис-хаи. — Академик В. В. Бартольд. Сочинеиия. Т. У. — М.: Наука. 1968.

Бартольд. Образование империи — Бартольд В. В. Образоваиие империи Чиигис-хаиа. — Академик В. В. Бартольд. Сочииеиия. Т. У. — М.: Наука. 1968.

Бартольд, Туркестан — Бартольд В. В. Туркестан в эпоху моигольского нашествия. — Академик В. В. Бартольд. Сочииеиия. Т. I. — М.: ИВЛ, 1963.

Буниятов — Буниятов З. М. Государство Хорезмшахов Алуштегелиедов (1097—1231). — М.: Наука. 1986.

Васильев — Васильев В. П. История древности Восточной части Средией Азии от X до XIII века. С приложением перевода китайских известий о Киданях, Чжурчжэнях и Моиголо-Татарах. — СПБ, 1857.

Викторова, Монголы — Внкторова Л. Л. Моиголы. Происхождение иарода и истоки культуры. — М.: Наука. 1980.

Владимирцов, Общественный строй — Владимирцов Б. Я. Общеетвеиный строй моиголов. Моигольский кочевой феодализм. — Л., 1934.

Владимирцов, Чингис-хан — Владимирцов Б. Я. Чингис-хан. Петербург — Москва — Берлин, 1922.

Воробьев, Чжурчжэни — Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — М.: Наука. 1975.

Вяткин, Тихвинский — Вяткин Р. В., Тихвнпский С. Л. О иекоторых вопросах исторической иауки в КНР //Вопросы истории. 1963. № 10.

Гамбис — Hambis L. Gengis-Khan, Paris, 1973.

Гамбис, История — Hambis L. L' Histoire des Mongols avant Gengis-Khan d' apres les sources chinoises et mongoles et la documentation conserve par Rashidu-d-din //Central Asiatic Journal, 1970, vol. XIX, N 1—3.
Гао Вэньдэ — Гао Вэиьдэ. Мэигу иули чжи чутань (О рабстве у монголов), отд. отт.
Горелик — Горелик М. В. Монголо-татарское обороиительиое вооруженне второй половины XIV — иачала XV в. — Кулнковская бнтва в истории и культуре иашей Родины. — МГУ, 1983.
Груссе — Grousset Rene. L' Empire du Monde. Paris, 1941.
Гумилев, Поиски — Гумилев Л. Н. Поискн вымышлениого царства. — М.: Наука, 1970.
Джувейни — Ata-Malik-Juvaini. The History of the World Conqueror, trans. A. Boyle. London, 1958.
Докладная записка — Кычанов Е. И. Докладиая запнска помощинка командующего Хара-Хото (март 1225). — Письмеиные памятнякн Востока //Исторнко-филологические исследования. Ежегодиик. 1972. — М.: Наука, 1977.
Дорона-Тиб — Даожуиь Тибу (Дороиа Тиб). Снньи цзянь чжу «Мэнгу бн ши» (Новый перевод с кратким коммеитарием «Тайиой нсторнн монголов»). — Хух-Хот, 1979.
Дуглас — Douglas R. K. The Life of Jenghiz-Khan. London, 1877.
Е Лун-ли — Е Луи-лн. История государства киданей (Цндаиь гочжи). Перевод с китайского, введение, коммеитарий и примечания В. С. Таскина. — Памятники письменности Востока. XXV. — М.: Наука. 1979.
Жак, Легран, Определение — Легран Жак. Определеиие политического содержання Монголыи иууд товчоо и устаиовлеиие даты его сочинення. — Олои улсыи моиголч-эрдэмтиий IV их хурал. I боть. — Улаи-баатор, 1984.
Звучат — Кычанов Е. И. Звучат лишь письмеиа. — М.: Наука, 1965.
Ибн-аль-Асир — Тизеигаузеи В. Собраиие материалов, отиосящихся к историн Золотой Орды. Т. I. — СПб, 1884.
Известия венгерских миссионеров — Аниинский С. А. Известия венгерских мнсснонеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточиой Европе. — Исторнческий архив, Ш. — М. — Л., 1940.
Илиньчжэнь — Илиньчжэнь. Чжуиго бэй миньцзу юй мэигу цзу юань (Северные иародности Китая и происхождеине моиголов), отд. отт.
История Монгольской Народной Республики — История Мопгольской Народиой Республики. Издание третье. — М.: Наука, 1983.
История первых четырех ханов — Иакииф (Бичурии Н. Я.). История первых четырех ханов из дома Чиигисова. — СПб, 1829.
Калашников — Калашников И. Жестокий век. — Улаи-Удэ, 1985.
Капица — Капица М. С. Еще раз о роли Чиигис-хаиа в истории //Вопросы историн. 1988. № 7.
Китайский источник — Муикуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. — М.: Наука, 1965.
Кливз — Cleaves F. W. The Historisity of the Baljuna Convenant //Harvard Journal of Asiatis Studies, 1955, vol. 18.
Комаи Есиаки, — Комаи Ёсиаки, Моко си дзёсэцу (Введеиие в историю моиголов). — Киото, 1961.
Краузе — Krause E. A. Cingls Han. Die Geschlchte seines Leben nach Chinesischen Reichs Annalen. — Heidelberg, 1922.

Куликовская битва — Рыбаков Б. А. Кулнковская битва в истории и культуре нашей Родины. — МГУ. 1983.
Кычанов, Очерк — Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. — М.: Наука, 1968.
Ламб — Lamb H. Genghis Khan, Emperor of all Men. — London, 1928.
Марко Поло — Поло М. Книга Марко Поло. — М., 1956.
Михайлов, Литературное — Михайлов Г. И. Литературное наследие моиголов. — М.: Наука, 1969.
Монгольская летопись XVIII в. — Баодаижапов П. Б. Монгольская летопись XVIII в., Altan Tobci. — Улаи-Удэ, 1970.
Мункуев — Муикуев Н. Ц. Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII—XIV вв. — Татаро-монголы в Азии и Европе. — М.: Наука, 1970.
Намуюнь — Намуюнь, Гуаньюй 11—13 шицзи мэнгу цзу шэхуй сиичжи (О характере общества моиголов в XI—XIII вв.), отд. отт.
Насави — Шихаб ад-Дии Мухаммед ал-Насави. Жизиеописаиие султана Джелал ад-диина Маикбурины. Перевод с арабского, предисловне, комментарии, примечания, указатели З. М. Буииятова. — Баку, 1973.
О составе Великой Ясы — Вериадский Г. В. О составе Великой Ясы Чиигис-хаиа. — Studies in Russian and Oriental History. — Bruxells, 1939.
Пельо-Гамбис — Pelliot P., Hambis L. Histoire des Campagnes de Gengiz Khan. Cheng-Wou Ts' in-tscheng lou. — Leiden, 1951.
Пельо, Заметки — Pelliot P. Notes on Marco Pol. 1. Ouvrage posthume. — Paris, 1959.
Пельо, Монголы — Pelliot P. Mongols et la Papaute. — Paris, 1923.
Петрушевский — Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Средиюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия. — Татаро-моиголы в Азии и Европе. — М.: Наука, 1970.
Полное описание — Мэн-да бэй-лу («Полное описание моиголо-татар»), пер. Н. Ц. Мункуева. — Письмеииые памятники Востока, XXVI. — М.: Наука, 1975.
Путевые заметки — Путевые заметки китайца Чжаи Дэ-хоя во время путешествия его в Моиголию в первой половине XIII столетия, пер. П. Кафарова. — Записки Снбирского отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. IX и X. — Иркутск, 1867.
Путешествия — Путешествия в восточные страны Плаид Карпиии и Рубрука. — М., 1957.
Пэн Да-я, Сюй Тин — Пэи Да-я, Сюй Тин. Краткие сведения о черных татарах, публикация Лиинь Кюн и Н. Ц. Мункуева //Проблемы востоковедения. 1960. № 5.
Раверти — Raverty. Tabakat-l-nasir. A General History of Muhammadan Dynasty. — London, 1881, vol. I—II.
Рахевильц, Личное и личности — Rachewiltz de I. Personel and Personalities in North China in the Early Mongol Period //Journal of the Economic and Social History of the Orlent, 1966, vol. IX.
Рахевильц, Некоторые замечания — Rachewiltz de Ig. Some Remarks on the Ideological Foundation of Chingis Khans Empire // Papers on Far Eastern Histor, 1973, vol. 7.
Рачневский — Ratschnevsky P. Cinggis-Khan. Sein Leben und Wirken // Münchener Ostasiatische Studien. — Wiesbaden, 1983, Bd. 32.

Рашид-ад-дин — Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I, кн. I. Пер. Л. А. Хетагурова. М. — Л., 1952. Т. 1, кн. 2. Пер. О. И. Смирновой. М. — Л., 1952. Т. II. Пер. Ю. П. Верховского. М. — Л., 1966. Т. III. Пер. А. К. Ареидса. М. — Л., 1946.

Сандаг — Саидаг Ш. Образоваиие моигольского государства и Чиигисхаи. — Татаро-моиголы в Азии и Европе. — М.: Наука, 1970.

Си юй цзи — Си юй цзи или описаиие путешествия иа Запад. Пер. П. Кафарова. — Труды члеиов Российской духовиой миссии в Пекине, т. IV, СПб, 1866.

Синь Тан шу — Сииь Таи шу (Новая история династии Тан). — Сы бу бэй яо. — Шаихай, 1935.

Скрыиникова, Моигольские термииы — Скрыиникова Т. Д. Моигольские термииы сакральиости правителя. V Международиый коигресс моиголоведов (Улаи-Батор, сеитябрь 1987), Доклады советской делегации, I, История. Экоиомика. — М.: Наука, 1987.

Сокровеииое сказаиие — Козии С. А. Сокровеииое сказаиие. Моигольская хроиика 1240 г. Т. 1. М. — Л., 1941.

Старинное монгольское сказание — Стариниое Моигольское сказаиие о Чиигисхаие. Перевел с китайского с примечаниями Архимаидрит Палладий. — Труды члеиов Российской духовиой миссии в Пекине. Т. IV. — СПб, 1866.

Суй шу — Суй шу (История дииастии Суй). — Сы бу бэй яо. — Шаихай, 1935.

Сумъяабаатор — Сумъяабаатор Б. Новонайденный моигольский законодательиый памятник XIII в. — Олои улсые моиголч эрдэмтиий IV их хурал, 1 боть. — Улааи баатор, 1984.

Сяо Цицин — Ch'i-ch'ing Hsiao. The Military Establishment of the Yuan Dynasty. — Cambridge — Massachusettes — London, 1978.

Тайная история — См. Сокровеииое сказаиие.

Тайная история монголов — The Secret History of the Mongol, transl. By Igor de Rachewiltz // Papers on Far Eastern History, 1971, № 4; 1972, № 5; 1974, № 10; 1976, № 13; 1977, № 16; 1978, № 18; 1980, № 21; 1981, № 23; 1982, № 26, 1984, № 30; 1985, № 31.

Тамура Дзицудзо, Легенда о происхождении — Tamura Jitsuzo. The Legend of the Origin of the Mongol and Problem concerning Their Migration // Acta Asiatica, 1973, vol. 24.

Трепавлов — Трепавлов В. В. Социально-политическая преемствеииость в государствеином строе моигольской империи XIII в. // Автореферат диссертации на соискаиие учеиой степеии каидидата исторических иаук. — М., 1987.

Федоров-Давыдов — Федоров-Давыдов Г. А. Обществеииый строй Золотой Орды. — М., МГУ, 1973.

Фокс — Fox Ralph. Genghis Khan. — London, 1936.

Франке, От племени — Franke H. From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God. The Legitimation of the Yuan Dynasty // Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch — Historische Klasse. Sitzungsberichte. Jg. 1978, H. 2.

Франке, Чужеземное — Franke H. Fremdeherrschaften in China und ihr Einfluss auf die staatlichen Institutionen (10—14 Jahrhundert) // Österreichische Akademie der Wissenschaften, 122. Philosophisch — Historische Klasse, 1985, № 3.

Хань Жулинь — Хаиь Жулииь, Чэицзисы хаиь (Чиигиз-хаи). Цзяису жэиьминь чубаиьшэ, 1982.

Цзю Тан шу — Цзю Тан шу (Старая история династии Тан). — Сы бу бэй яо. — Шанхай, 1935.
Чивилихин — Чивилихин В. Память. Роман-эссе. Кн. 2. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 4. — М., 1985.
Чулууны Далай — Чулууны Далай. Монголия в XIII—XIV веках. — М., 1983.
Шара Туджи. — Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века. Пер. Н. П. Шастиной. — М. — Л., 1957.
Шастина. Образ Чингис-хана — Шастина Н. П. Образ Чингис-хана в средневековой литературе монголов. — Татаро-монголы в Азии и Европе. — М.: Наука, 1970.
Шифман — Шифман И. Ш. Александр Македонский Л., 1988.
Шмидт — Schmidt I. J., Edeni-yin Tobci. Geschichte der Ost-Mongolen und Ihres Fürstenhaus. — St. Petersburg, 1829.
Юань чао ши — Юань чао шн, Хань Жулинь чжубянь (История династии Юань. Главный редактор Хань Жулинь). Ч. I. — Пекин, 1986.
Юань ши — Юань шн (История династии Юань). — Сы бу бэй яо. — Шанхай, 1935.
Ян — Ян В. Г. Чингис-хан. — Нукус, 1972.

КРАТКИЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

алтан хаган — «золотой хаган», император. Древнемонгольское наименование императоров киданьской династии Ляо.

альчик — бабка, простонародное русское «шишка». Кость нижнего сустава копытных животных (овец, коров), используемая для игры в бабки.

аньда — побратим.

анда — см. аньда.

бильге — мудрый. Древний тюркский титул, использовавшийся и монголами.

бука — силач, сильный. Древнемонгольский титул.

гереге — деревянная дощечка, пластинка. Символ власти. В старом Китае выдавалась чиновникам для записи распоряжений императора или вышестоящего начальника.

гур-хан — титул, равнозначный титулу шахиншаха или императора. В эпоху Чингис-хана один из высших титулов правителей Центральной Азии.

гуян — от китайского «го ван», княжеский титул.

джад — чужой, чужак, в противопоставление сородичам своего урука или обока.

джат — см. джад.

дархат — человек, получивший дархатство, право не нести повинности в пользу хана.

дархатство — освобождение от повинностей в пользу хана.

джаргучи — букв. «судья», наименование одних из первых монгольских правителей над покоренными народами.

дуаньшигуань — судья, см. джаргучи.

идикут — титул правителей древних уйгуров.

инал — титул правителей енисейских киргизов.

каган — (или каан) см. хаган.

кулюк — богатырь, силач. Дэрбэн кулюк — четыре кулюка — Борохул, Боорчу, Мухали и Чилаун — четыре самых близких нукера Чингис-хаана.

мангус — дьявол, существо из мира тьмы и нечистых сил.

мерген — меткий стрелок, древний монгольский титул.

мохэдо — см. мохэфу.

мохэфу — титул правителей народа шивэй, в состав которого входили и древние монголы.

лингум — от китайского лингуи, наименование должности. В Китае — глава Государственного секретариата, Чжуншу.

нунтук — кочевье, территория улуса, территория, на которой кочевала та или иная социальная группа.

нукер — друг, дружинник хаана.

отэгу-богол — древнемонгольские племена и роды, попавшие в рабскую зависимость.

обок — род, клан. В эпоху Чингис-хаана иерархические образования, состоявшие из нескольких социальных групп.

сенгюн — от китайского цзяньзюнь, генерал.

сечен — мудрый, древний монгольский титул.

сянвэнь — от китайского сяигун, чин, равнозначный чину министра.

тайши — от китайского тайцзы, наследник престола. У монголов титул принадлежности к родовой знати.

тарбаган — сурок, суслик.

таян — от китайского тайван, великий князь.

тархауты — гвардейская стража монгольского хаана.

улус — народ; народ, объединенный в государство; государство.

уруг — потомки, мужское потомство какого-либо лица вместе с родней.

урук — см. уруг.

утэгу-богол — см. отэгу-богол.

хаган — титул центральноазиатских правителей с III в. н. э., царь.

харвар — мера объема.

хармуста — небесное божество иранского происхождения, от Ормузд.

хуби — доля в добыче, доля, удел, жалуемый хааном.

худа — свойственники, родственницы женщин,

взятых в жены мужчинами, членами данного урука, сват, сватья.

цзю — войска из иноплеменников, несущие пограничную службу. Использовались при киданьской династии Ляо и чжурчжэньской династии Цзинь.

цзюйэрхань — см. гур-хан.

чаутхури — предположительно чин сотника, чин, полученный Темучжином от властей Цзинь.

черби — служилые люди при дворе монгольского хана, вообще лица, исполнявшие какую-либо должность.

ПЛЕМЕНА И НАРОДЫ

авары — см. жуаньжуань.

айриуд-байруд — татарское племя.

алухай-татар — одно из объединений древних татар.

алчи-татар — одно из объединений древних татар.

аньчи-татар — одно из объединений древних татар.

арулат — одно из древнемонгольских племен, вышедшее из Эргунэ-куна.

баарин — монгольское племя из ирунов.

барулас — монгольское племя из ирунов.

баяут — монгольское племя из дарлекинов.

бесуд — древнемонгольское племя.

борджигин — сиреглазые, потомки отца Чингис-хана Есугай-багатура.

бурджигин — см. борджигин.

горлос — см. хорулас.

дарлекины — монголы вообще и группа монгольских племен, не являвшихся ирунами.

джадаран — см. джаджират, чжачжират.

джаджират — см. чжачжират.

джалаир — монгольское племя.

джаурэит — см. джуръят, джаджират, чжучжират.

джуръят — см. джаджират, чжучжират.

долобань — см. дорбэн.

долубань — см. дорбэн.

долоубань — см. дорбэн.

дорбэн — наименование монгольского племени из ирунов.

дурбан — см. дурбэн.

дурбэн — см. дорбэн, а также наименования группы татар, дурбэн-татары.

дурбэн-татары — наименование группы татар.

дутай-татар — подразделение татарских племен.

жуаньжуань — древний народ, господствовавший в Центральной Азии в V—VI вв.

икирас — см. икирэс.

икирэс — монгольское племя, выходцы с Эргунэ-кун.

ицилесы — см. икирэс.

кара-китаи — группа кидаией, ушедшая в конце 20-х гг. после гибели государства киданей Ляо на запад и осиовавшая в Семиречье государство кара-китаев Западиое Ляо.

катакин — см. хатагни.

келар — см. кэрэл.

кереиты — одни из могущественных иародов Древней Моиголии в XII в.

кидань — древняя монгольская народиость с наличием туигусо-маньчжурских элементов в языке, кидани в X в. основали свое государство Ляо.

китад — см. киданъ.

кият — древиие моиголы, потомки Тумбинай-сечена и Хабул-хаиа.

кунгират — см. унгират, хунгират.

кэрэл — одно из древиих, вероятно, тюркскнх племеи.

мангут — см. маихут.

манхут — моигольское племя из иирунов.

меркит — одно из древних моигольскнх племеи.

мэркит — одна из иародиостей, господствовавших в Цеитральиой Азии в XII в. Возможио, тюрки. Их точная этническая принадлежиость (тюркн?, моиголы?), как и керентов, до снх пор ие установлена.

нирун — моигольские племена, потомки первых двух сыиовей прародительницы моиголов Ала-Гоа от ее мужа Добуи-Мергеиа,— Бельгунотая и Бугунотая.

няньбагэ — см. наймаи.

няньбасы — см. иайман.

обры — см. жуаньжуань.

ойрат — древнемоигольскне племена, относившиеся к числу лесных.

олкунут — см. олхунут.

олхунут — моигольскне племена, выходцы с Эргуиэ-кун.

онгут — «белые татары», вероятно, тюркская народность, проживали на северо-западных граиицах Цзинь.

самодийцы — иародности юга Сибири, относившнеся в языковом отношении к фиино-угорско-самодийским народам.

салджиут — моигольское племя из иирунов.

саньчжиу — см. салджиут.

сартаулы — мусульманское иаселение государства хорезмшаха.

си — древняя моиголо-тунгусская народность.

сулдус — древиее моигольское племя из дарлекиов.

сяньби — древний народ, господствовавшнй в Цеитральной Азии в III — до первой трети VI в.

тайджиут — см. тайчиут.
тайджу-эгэчи — монгольское племя.
тайчиут — монгольское племя из нирунов.
тангуты — тибето-бирманская по языку народность, основавшая к югу от пустыни Гоби и к северу от Тибета государство Западное Ся (Си Ся).
унгират — древнее монгольское племя из дарлекинов.
урянкат — см. урянхат.
урянхат — древнее монгольское племя из дарлекинов.
уряут — древнее монгольское племя из дарлекинов.
хатагин — древнее монгольское племя из нирунов.
хатацзинь — см. хатагин.
хадацзинь — см. хатагин.
холуласы — см. хорулас.
хорулас — древнее монгольское племя, вышедшее из Эргунэ-кун.
хунгират — см. унгират.
хунцзила — см. хунгират.
цзубу — одно из общих наименований татарских племен в X—XI вв.
цзубу чжалабу — см. джаланр.
чаган татар — одна из групп татар.
чеутай — одно из монгольских племен.
чжала — см. джаланр.
чжачжират — см. джаджират.
чжунин — одно из племен татар.
чжурки — из киятов, потомки старших внуков Хабул-хагана.
чжурчжэнь — тунгусо-маньчжурская народность, основавшая в начале XII в. государство Цзинь.
чинос — древнее монгольское племя из нирунов.
чонос — см. чинос.
юецюелюй — см. хунгират.
юркин — см. чжурки (джурки).

ИМЕНА

Ачжулу — см. Ачжулуг.
Ачжулуг — сподвижник Чингис-хана.
Амбагай-хаган — предок Чингис-хана.
Алахуш-дигит-хури — правитель онгутов.
Алдиер — киргизский нойон.
Алтан — сын Хутула-хагана
Алтан Джнут — см. Алтан.
Аньдань — см. Алтан.

Ань-цюань — тангутский император.
Аньчэнь-нойон — монгольский военачальник.
Аоло боцзиле — хаган первого государства монголов Хамаг монгол улус.
Арнг-Бука — сын Тулуя, младший брат Кубилая.
Арслан-хан — хан уйгуров.
Архай-Хасар — тысячник Чингис-хана.
Байшинхор-Дохшин — старший сын Хайду, предок Чингис-хана.
Балагачи — нукер Амбагай-хагана.
Бартан-бахадур — см. Бартан-баатур.
Бартан-баатур — сын Хабул-хана, отец Есугай-баатура, дед Чингис-хана.
Барчук — нджкут уйгуров.
Бата-Чиган — потомок Борте-Чино и Гоа-Марал, мифических предков Чингис-хана.
Бектер — сводный брат Чингис-хана, старший сын второй жены Есугай-баатура.
Бельгутай — сводный брат Чингис-хана, второй сын второй жены Есугай-баатура.
Богорчи — см. Борчу.
Бодончар — младший сын прародительницы монголов Алан-Гоа, предок Чингис-хана.
Боорчу — первый нукер Чингис-хана.
Борохул — нукер Чингис-хана.
Борчжу — см. Боорчу.
Борте-Чино — легендарный предок монголов.
Боту — глава монгольского племени нкирес.
Бугу — брат Мухали, нукера и полководца Чингис-хана.
Бунрук — см. Буюрук.
Бурхан — буддийский святой, изображение буддийского святого. В тексте — наименование последнего императора тангутского государства, как главы государства буддийского.
Бучаран-черби — один из 6 чербн, управляющих в улусе Чингис-хана.
Буюрук-хан — хан найманов, брат Таян-хана.
Бэлхутай — см. Бельгутай.
Вадзар — хан тюрок-карлуков, правивший в городе Алмалык.
Ван-хан — см. Тоорил-хан.
Вангни чинсян — Ваньянь чинсян, полководец государства Цзинь.
Ваньянь Аньго — генерал государства Цзинь.
Ваньянь Сян — генерал государства Цзинь.
Вотэла — генерал государства Ляо.
Вэй Шао-ван — император государства Цзинь.
Гоа-Марал — легендарная прародительница монголов.
Гун-ва — Отец Мухали, нукера и полководца Чингис-хана.
Гурбесу — мачеха и жена найманского Таян-хана.
Гурбэсу — см. Гурбесу.
Гур-хан — дядя Тоорил-хана.

Далитай — см. Даритай.
Даишшмеид-хаджиб — мусульманский купец на службе у Чингис-хаиа.
Джабар-ходжа — мусульманин иа службе у Чингис-хаиа.
Джавад-ходжа — мусульманский купец иа службе у Чингис-хаиа.
Джака-Гамбу — брат кереитского Тоорил-хаиа.
Джамукэ — см. Чжамуха.
Джамуха — см. Чжамуха.
Джелмэ — см. Чжелме.
Джочи — см. Чжочи.
Джочи-Касар — см. Хасар.
Джэбэ — см. Чжебэ.
Додай-черби — одии из 6 черби, управителей в улусе Чингис-хаиа.
Доритай-Отчигин — младший брат отца Чингис-хаиа.
Дохолу-черби — одии из 6 черби, управляющих в улусе Чингис-хаиа.
Еди — киргизский иойои.
Еке-Цереи — правитель татар.
Елюй Даши — члеи императорской дииастии Ляо, предводитель киданей, ушедших после гибели Ляо иа запад и осиовавших государство Западиое Ляо.
Есугай-баатур — отец Чингис-хаиа.
Есугай-багатур — см. Есугай-баатур.
Есуган-хатуи — татарская княжиа.
Есушэй-бахадур — см. Есугай-баатур.
Есуй — татарская княжна, жеиа Чингис-хаиа.
Есыбу — кидань иа службе Елюй Люге, кидаиииа, полководца Цзиинь, перешедшего иа службу к моиголам.
Иди-уруи — правитель киргизов.
Илэгэсяпькуиь — см. Шилгоксаи-хоиа.
Инаич-хан — иаймаиский хаи.
Кадаи-тайши — сын Амбагай-хагапа.
Кияи — одии из предков моиголов.
Кокчу — шаман Чингис-хаиа.
Кокэчу — см. Кокчу.
Кокочу — см. Кокчу.
Котоп-Барах — предводитель татар.
Кубилай — см. Хубилай.
Кучар — сыи Нэкуи-тайши.
Кучар-беки — сыи Нэкуи-тайши.
Кули-нойои — татарии иа службе Чингис-хаиа.
Куту-Тэмур — правитель татар.
Кучлук — сын иаймаиского Таяи-хаиа.
Менге-Уху — татарин иа службе Чингис-хаиа.
Менгучжии-Сеульту — правитель татар.
Миигэиь — посол государства Цзиинь к Чингис-хану.
Могусы — правитель керентов.
Мухали — нукер и полководец Чингис-хаиа.
Наху — отец Боорчи, нукера Чингис-хаиа.
Некун-тайчжи — дядя Чингис-хаиа по отцу, старший брат отца Чингис-хана Есугай-баатура.

Нилха-Саигуи — см. Саигум.
Ноктэ-буула — представитель монгольской знати.
Нукуз — один из предков монголов.
Нэкуи-тайши — см. Некуи-тайчжн.
Огодай — сын Чингис-хаиа, его преемнпк на монгольском престоле.
Огодой — см. Огодай.
Оголай-черби — младший брат нукера Чингнс-хаиа Боорчу, одии нз первых командующнх гвардией Чингис-хана.
Оголе-черби — одии из 6 черби, управляющнх в улусе Чнигнс-хана.
Окин-Бархах — сын Хабул-хаиа, предок чжурки.
Олебек-дигии — киргизскнй нойон.
Олуиь-бэйле — см. Аоло боцзиле.
Ои-хан — см. Ван-хаи, см. Тоорил-хан.
Орос ниал — предводитель кнргизов.
Орбай — жена Амбагай-хагана.
Оэлун — мать Чингис-хана.
Оэлуи-фучжии — см. Оэлун.
Саигум — сын кереитского Тоорил-хаиа.
Сача-беки — одии из предводителей чжурки, участвовал в возведенин Чнигнс-хаиа на ханский трон.
Сайн-Тегии — глава племени хуигнратов.
Сапа — слуга Чингис-хана.
Соркии-Ширэ — см. Сорхан-Шира.
Сорхату-Чжурки — сыи Окии-Бархаха, предок чжурки.
Сохотай — жена Амбагаї-хагана.
Субетай-баатур — нукер и полководец Чингис-хана.
Суэгай — представитель монгольской знати.
Сюйкету-черби — одии из 6 черби, управляющих в улусе.
Сечэ-беки — см. Сача-беки.
Тагай-Кулакай — представнтель монгольской знати из племеин мангут.
Тайчар — брат Чжамухн.
Тайчу — правнтель чжурки.
Таргудай-Кирилту — см. Таргутай-Кнрнлтух.
Таргутай-Кирнлтух — правнтель тайчнутов.
Тататуига — найманский писец, обучивший моиголов уйгурскому письму.
Таян-хан — хан наймаиов.
Темуджнн — см. Темучжнн.
Темучнн — см. Темучжин.
Темучжии — личное имя Чингис-хана.
Темучжин-Уге — знатиый татарни, именем которого был назваи Темучжни.
Тодоеи-Гиртай — правитель тайчнутов.
Тогорил-хаи — см. Тоорил-хан.
Тоорил-хан — хан керентов.
Толуи-черби — один из 6 черби, управляющих в улусе Чнигис-хана.
Томучнн — см. Темучжии.
Тохтоа-беки — правнтель меркитов.
Тудай — внук Амбагай-хагана.

Тукучар-баатур — монгольский полководец.
Тусаху — внук керентского Тоорил-хаиа, сыи Саигума.
Угэдэй — см. Огодай.
Хабань — отец Субетай-баатура, нукера и полководца Чингис-хана.
Хабул-хан — предок Чингис-хана.
Хадаан — дочь Соргаи-Шира, спасителя Чингис-хана в тайчиутском плеиу.
Хадаан-тайчжи — сыи Тумбеиай-сечеиа, предка Чингис-хана.
Хайду — сыи Хабул-хаиа, предок Чингис-хана.
Хамбагай-каан — см. Амбагай-хаган.
Хасаи — мусульмаискнй купец, состоявшнй иа службе у Чиигис-хана.
Хасар — младшнй брат Чиигис-хаиа.
Хори-Буха — знатиый татарии.
Хорилартай-Мерген — один из нукеров Чиигис-хаиа.
Хочи — представнтель правящей моигольской знати из клаиа баарии.
Хочжин-беки — дочь Чингис-хана.
Хочар — см. Хучар.
Хубилай — полководец Чиигис-хаиа.
Худу — сыи хана меркитов Тохтоа-беки.
Худус — см. Худус-Халчаи.
Худус-Халчаи — одни из первых комаидующих гвардией Чингис-хаиа.
Хунлдар-сечеи — нукер Чингис-хаиа.
Хулуба — правитель меркитов.
Хулухаиь — старший брат Субетай-баатура, нукера и полководца Чиигис-хаиа.
Хушаху — он же Сюань-цзун, нмператор государства Цзииь.
Цзун Би — комаидующий пограиичными войсками государства Цзинь в XII в.
Цингоу — кидань на службе у Елюй Люге и Есыбу.
Циiу — киданъ на службе у Елюй Люге.
Цотаи — мать Борте, жеиы Чиигис-хаиа.
Чаадай — см. Чагатай.
Чагаи — нойон, тысячиик Чингис-хана, происходил из Сн Ся.
Чагатай — третий сын Чингис-хаиа.
Чарахай-линку — сын Хайду, предка Чиигис-хана.
Чарха-Ебуген — нукер Есугай-баатура, отца Чиигис-хаиа.
Чахаиь — см. Чаган.
Чжамуха — знатиый моигол, побратим и соперник Чингис-хана в борьбе за власть над моиголами и Монголией.
Чжелме — нукер и полководец Чингис-хана.
Чжили-Буха — предводитель татар.
Чжочи — старший сын Чиигис-хана.
Чнлауи — сын Сорган-Шира, спасителя Чнигис-хана во время тайчиутского плеиа.
Чиледу — см. Эке-Чиледу.

Чильчир — младший брат Чнледу.

Чнмбай — сыи Соргаи-Шира, спаснтеля Чиигнс-хана во время тайчнутского плена.

Чингиз-хаи — см. Чингнс-хан.

Чингис-хаи — хаиский титул основателя империи монголов н китайской династии Юань Темучжина.

Шиги-Хутукту — татарин, главный судья в государстве Чингис-хаиа.

Шилгоксан-хона — сын найманского хаиа, бежавший от преследований Чнигис-хана в государство Си Ся.

Шимо Мингань — см. Мингань.

Эда — моигольский посол в государстве Си Ся.

Эке-Чиледу — представитель меркитской знати, у иего отобрал Оэлун, мать Чнигис-хана, отец Чнигис-хана Есугай-баатур.

Эрке-Хара — брат Тоорнл-хана кереитского.

Элджидай-нойон — двоюродный брат Чингнс-хана.

Эдзэн — букв. «владыка», употреблялось как одно из нмен Чиигнс-хана.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 3
«Народ безвестный и чужой» 8
Расселение древних монголов, быт, обычаи, нравы . . 14
Предки Темучжина 38
Рожденне Темучжина 48
Гибель Есугая 52
«Ключевые воды пропали, бел-камень треснул» . . . 54
«Я нашел, что искал» 78
Свой улус 83
Побратимы-враги 95
Набег на татар 114
Месть за отца 114
Кто же станет владыкой степей? 121
Великий курилтай 140
Богатства страны тангутов 156
Шаман Кокочу 167
Исполнение завета Амбагай-хагана 173
Отрарская катастрофа 186
Смерть Чингис-хана 215
Личность 230
Эпоха 245

Научно-популярное издание

Кычанов Евгений Иванович

ЖИЗНЬ ТЕМУЧЖИНА, ДУМАВШЕГО ПОКОРИТЬ МИР

(Чингис-хан. Личность и эпоха)

Издание второе, исправленное и дополненное

Зав. редакцией *Т. Иязалиев*

Редактор *Г. С. Ибраимова*
Худ. редактор *А. И. Ерошенко*
Техн. редактор *Ж. Искакова*
Корректор *Г. Самаева*

ИБ № 4935

Сдано в набор 05. 03. 91. Подписано к печати 14. 08. 91. Формат бумаги 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага газетная. Литературная гарнитура. Печать высокая. 9,0 физ. печ. л. 15,12 условн. печ. л. 16,582 учет.-изд. л. Тираж 20000. Заказ № 43. Цена 5 руб.

Ордена Дружбы народов издательство «Кыргызстан»
720737, ГСП, г. Бишкек, ул. Советская, 170.

Кыргызполиграфкомбинат им. 50-летия Кыргызской ССР Министерства печати и информации Республики Кыргызстан.
720461, ГСП. Бишкек, 5, ул. Жигулевская, 102.

5 p.